Давид
Ливингстон

ДНЕВНИКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ АФРИКИ

ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Произнося сказочное слово Африка, мы вспоминаем славное имя *Давида Ливингстона* (1813–1873) – шотландского медика, христианского миссионера и неутомимого путешественника. В своем знаменитом манифесте 1853 года он определил свое жизненное кредо так: «Я открою Африку или погибну». Сбылось и то, и – увы! – другое.

В общей сложности Ливингстон затратил на осуществление своей мечты 32 года, то есть почти три четверти взрослой жизни. Преодолел, большей частью пешком, 50 000 (!) километров через джунгли и горы Центральной и Южной Африки, в том числе совершил беспримерный трансафриканский переход от Атлантического до Индийского океана, открыл крупнейший в мире водопад Виктория, исследовал бассейн Замбези, искал истоки Нила… Когда он пропал в дебрях Черного континента, на его поиски были снаряжены сразу несколько экспедиций. И когда удачливый американский газетчик Стенли отыскал больного Ливингстона, весь мир вздохнул с облегчением. А сам Генри Мортон Стенли не только прославился этой «находкой», но и стал выдающимся исследователем Африки.

«Гораздо легче совершать путешествие, чем описывать его». Ливингстон знал, что говорит: в 1857 году он издал книгу – «Путешествия и исследование миссионера в Южной Африке». Она тут же разошлась тиражом в 70 000 экземпляров, заняв в истории издательского дела такое же выдающееся место, как и в истории географических открытий.

Великий первопроходец, пересекший Черный континент с запада на восток, Ливингстон был прежде всего выдающейся личностью. Он превосходил своих современников и коллег так, как открытый им водопад Виктория превосходит другие водопады. Почти треть века рискуя жизнью в неизведанных африканских дебрях, он сказал об этом просто: «Лучшая гарантия безопасности – достойное поведение».

Африканцы любили «Великого Льва» – так они называли Ливингстона – за то, что он их понимал, уважал, защищал от работорговцев и никогда не обманывал. Прославленный исследователь Африки и неутомимый миссионер, он нес свет и дух христианства туда, куда христиане-работорговцы уже принесли мрак и отчаяние.

С ним дружили и ему доверяли вожди местных племен. Он отдал Африке свое сердце – и потому оно по праву было похоронено в Читамбо – там, где он умер. А забальзамированное

тело было доставлено в Великобританию и погребено в Вестминстерском аббатстве спустя почти год после смерти. На его надгробии высечены слова: «Перенесенный верными руками через сушу и море, покоится здесь Давид Ливингстон, миссионер, путешественник и друг человечества». Тогда же были опубликованы «Последние дневники Давида Ливингстона». Они еще лучше, чем прижизненные книги, передают дух эпохи и личность автора, еще полнее описывают время и место – Африку 1860-х годов – во всем ее трагическом и противоречивом великолепии. Дневник последнего путешествия Ливингстона – это и отчет о текущих событиях, и подробная автобиография, и послесловие к великой судьбе.

Электронная публикация последних дневников Давида Ливингстона включает все тексты бумажной книги и базовый иллюстративный материал. Но для истинных ценителей эксклюзивных изданий мы предлагаем подарочную классическую книгу. Бумажное издание богато оформлено: в нем более 250 иллюстраций, в том числе редчайших. Издание напечатано на прекрасной офсетной бумаге. По богатству и разнообразию иллюстративного материала книги подарочной серии «Великие путешествия» не уступают художественным альбомам. Издания серии станут украшением любой, даже самой изысканной библиотеки, будут прекрасным подарком как юным читателям, так и взыскательным библиофилам.

-
- Давид Ливингстон. ДНЕВНИКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ АФРИКИ с 1865 года по день смерти
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
- notes
  - 1
  - 2

- ○ 3
- ○ 4
- ○ 5
- ○ 6
- ○ 7
- ○ 8
- ○ 9
- ○ 10
- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32

Давид Ливингстон
(1813—1873)

Давид Ливингстон

Дневники исследователя Африки

Давид Ливингстон. ДНЕВНИКИ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ АФРИКИ с 1865 года по день смерти

Глава 1

З*анзибар, 28 января 1866 г.* После двадцатитрехдневного перехода мы прибыли из Бомбея к острову Занзибар на корабле «Туле», подаренном правительством Бомбея занзибарскому султану. Мне дали почетное поручение вручить подарок. Губернатор Бомбея хотел показать этим, что я пользуюсь большим уважением, и таким образом побудить султана оказать поддержку моему предприятию. Письмо губернатора его высочеству султану было составлено в похвальных для меня выражениях, и я глубоко благодарен за эту любезность сэру Бартлю Фреру. Вот это письмо:

«Его Высочеству Седжуэлю Маджиду, султану Занзибара.

Ваше Высочество! Надеюсь, что письмо это застанет Вас в добром здоровье и полном благополучии. Я прошу моего друга доктора Давида Ливингстона, которого Вы, Ваше Высочество, хорошо знаете лично с самой лучшей стороны, передать Вам уверения в постоянной дружбе и расположении к Вам правительства Ее Величества в Индии.

Ваше Высочество уже знакомо с добрыми целями жизни и трудов доктора Ливингстона, и я уверен, что Ваше Высочество будет и дальше оказывать ему внимание и покровительство, которые Вы проявили уже в прошлом, и что Ваше Высочество даст указания о предоставлении доктору Ливингстону в Ваших владениях всяческой помощи, которая может содействовать выполнению тех филантропических целей, которым он посвятил себя и вызывающим, как известно Вашему Высочеству, живейшее сочувствие и интерес у правительства Ее Величества в Индии и в Англии.

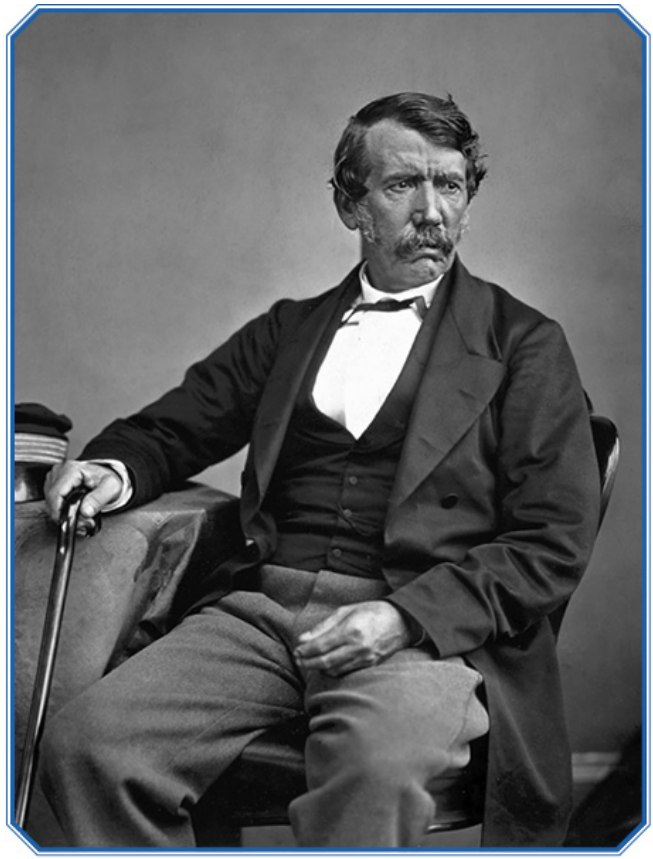
Надеюсь, что Ваше Высочество будет всегда любезно сообщать мне о своем добром здоровье и благополучии.

Искренний друг Вашего Высочества,

(подпись) Г. Б. Э. Фрер Бомбейский замок, 2 января 1866 г.»

Когда мы прибыли, консула д-ра Сьюарда не было на Занзибаре: в связи с сердечным заболеванием он находился на Сейшельских островах. Его заменял м-р Шульц, но и м-р Шульц был в отъезде. Д-ра Сьюарда ждали со дня на день, и он действительно приехал 31-го. Я попросил личного свидания с султаном и на следующий день после приезда (29-го) посетил его и сообщил ему о своем поручении. Султан был очень любезен и,

видимо, доволен подарком, что было вполне естественно, поскольку корабль «Туле» оборудован самым роскошным образом. Мы попросили отсрочки церемонии передачи на несколько дней, чтобы привести судно в полный порядок; так как это происходило во время рамадана (месячного поста), султан весьма охотно отложил свое посещение корабля.



Давид Ливингстон.
Фотография Томаса Аннана. 1857 г.

К тому времени, как была сделана эта фотография, Давид Ливингстон уже совершил несколько путешествий по Африке: исследовал пустыню Калахари, открыл озеро Нгами, исследовал водопад Виктория и реку Замбези. Теперь его задачей стал поиск истоков Нила.

Д-р Сьюард подготовил аудиенцию у султана, чтобы выполнить порученное в консульстве указание представить меня официально; нас должны были сопровождать в парадной форме капитан судна «Уосп» Брешо, капитан судна «Виджилент» Литэм и епископ Тозер, но у султана разболелись зубы, образовался

нарыв на десне, и прием был отменен. Однако султан предоставил в мое распоряжение один из своих домов и назначил говорящего по-английски человека, который должен был организовать стол для меня и моих людей, а также для капитана «Туле» Бребнера и его команды.

6 февраля 1866 г. Так как султан все еще не мог приехать на корабль (отчасти из-за зубной боли, отчасти из-за рамадана), он послал принять «Туле» своего капитана 1-го ранга Абдуллу. Когда на «Туле» спустили британский флаг, то его подняли на главной мачте фрегата «Искандер-шах» и салютовали двадцать одним выстрелом из пушки; затем «Уосп» салютовал арабскому флагу тем же числом выстрелов; в ответ на это почетное приветствие последовал вторичный королевский салют «Искандер-шаха», и на этом церемония закончилась.

На следующий день, 7-го, султан принял нас, и я сообщил ему через переводчика, что друг султана губернатор Бомбея недавно посетил принцев из Южной Махараштры и убеждал их в необходимости распространения просвещения; мир движется вперед, и тот, кто пренебрегает приобретением знаний, скоро увидит, что власть ускользает из его рук. Я сказал, что бомбейское правительство, преподнося его высочеству в подарок паросиловую установку, показывает этим свое желание поделиться с ним одним из величайших усовершенствований нашего времени, показывает свое стремление не монополизировать силу, но, как оно надеется, поднять других на свой уровень; *я* пожелал султану дожить до ста лет и счастья.

Султан захотел, чтобы капитан Бребнер и его команда возвратились в Индию на «Надир-шахе», военном корабле султанского флота. Хотя Бребнер уже перевез свои вещи на борт «Виджилента», чтобы направиться на Сейшельские острова, а оттуда в Бомбей, мы все же уговорили его принять гостеприимное предложение султана. Очевидно, султан твердо вознамерился отослать команду «Туле» с подобающими почестями, и через час, после того как было получено согласие Бребнера отправиться на «Надир-шахе», султан подписал приказ о выдаче денег на снаряжение корабля.

11 февраля. Здесь, в Занзибаре, мысли мои, естественно, особенно занимает грустная утрата барона фон дер Деккена, погибшего на реке Джуба. Первые сведения о вероятном несчастном конце его исследований принес появившийся здесь лейтенант фон Ших, который, не зная, жив или мертв руководитель экспедиции, покинул подвергшийся нападению лагерь, созданный после того, как пароход сел на камни и наполнился водой; при этом нападении два европейца были

убиты. Нападавшая группа появилась с той стороны, куда ушли барон и д-р Линк; трое из руководителей группы погибли. Фон Ших отправился из Занзибара обратно в Браву, чтобы выяснить судьбу барона; тем временем нескольким матросам-африканцам из Занзибара удалось сбежать с места происшествия в Браву.

18 февраля. После окончания рамадана все европейцы отправились с поздравительным визитом к его высочеству султану. Нам подали сласти. Султан высказал пожелание, чтобы я поблагодарил губернатора Бомбея за его великолепный подарок и передал ему, что хотя султану и хотелось бы видеть меня всегда при себе, но он окажет мне в Африке ту же поддержку, какую оказывал прежде; он добавил, что «Туле» в моем распоряжении и доставит меня на Рувуму, как только я захочу уехать. Я ответил, что с его стороны сделано все, что только может быть нужно; он сделал больше, чем я ожидал. Султан ответил, что намерен выйти на «Туле» в море в среду (20-го). При беседе присутствовали епископ Тозер, кацитан Фрезер, д-р Стир и все англичане. В зал вошли сипаи и поклонились султану. Я указал ему на юношей из Насика[1], сказав, что они были освобождены из рабства, обучены и отосланы обратно на родину губернатором. Султан должен убедиться, что есть на свете люди, действующие не из эгоистических побуждений.

Днем пришел секретарь султана шейх Сулейман с письмом к губернатору; Бребнер, который едет на «Надир-шахе», отплывающем завтра, должен был доставить это письмо по назначению. Шейх Сулейман предложил капитану деньги, но тот не захотел и слышать об этом. Вот перевод письма, представляющего собой ответ на приведенное мной выше:

«Его Превосходительству губернатору Бомбея

(вначале идут вежливые приветствия)

…Ваше письмо, доставленное д-ром Ливингстоном, я получил и вполне понимаю все, что Вы о нем говорите. Я отношусь к нему с уважением, окажу ему почет и помогу во всех его делах. Я уверен, что он скажет Вам, что я это уже сделал.

Надеюсь, Вы будете сердечно вспоминать обо мне и напишете мне еще много писем.

Если Вам что-нибудь понадобится, я с радостью сделаю это.

Ваш искренний друг,

Маджид бен Сеид. 2 шауля 1282 г. (18 февраля 1866 г.)»

2 марта 1866 г. С севера пришла арабская шхуна с рабами. Когда султану сообщили об этом, он приказал сжечь ее. Из окна консульства мы видели, как она горела. Но власть султана над

северными арабами очень слаба.

Вонь, поднимающаяся от полутора или двух квадратных миль открытой береговой полосы, служащей местом свалки городских нечистот, просто ужасна. По ночам она так густа, что кажется, можно отрезать кусок и удобрять им землю в саду; место это можно скорее назвать Вонибаром, чем Занзибаром. Никто не может долго оставаться здоровым в таком месте.

Посетив невольничий рынок, я увидел около трехсот рабов, выставленных на продажу. Большая часть из них привезена с озера Ньяса и реки Шире. Мне так знакомы эти своеобразные лица и татуировки; я ждал, что кто-нибудь из рабов узнает меня. Одна женщина сказала, что слышала о том, как мы поднимались по озеру Ньяса на лодке, но она меня не видала; другие рабы были из Чипета, в юго-западной части озера. Все взрослые, казалось, стыдились того, что их распродают. Покупатели осматривают их зубы, поднимают платье, чтобы поглядеть на нижнюю часть тела, бросают палку, чтобы раб принес ее и таким образом показал свою расторопность. Некоторых продавцы таскают за руку в толпе, все время выкрикивают цену. Большинство покупателей – арабы с севера и персы. Сейчас период, в течение которого подданные султана не имеют права перевозить рабов вдоль берега, но это попросту и невозможно, так как дует противный ветер. Многие арабские шхуны уходят на Мадагаскар, а оттуда возвращаются сюда, чтобы укомплектовать свой груз.

Схема путешествий Д. Ливингстона по Южной Африке

6 марта. Солнце уже прямо над головой, и начались дожди. Мы ждем со дня на день прихода из Джоханны[2] «Пингвина», чтобы отправиться на нем к Рувуме. Место тут нездоровое, шестеро из моих людей больны лихорадкой. Не многие остаются на острове здоровыми долгое время. Власть султана слаба, он только наследник начальника арабов, пришедших с севера и захвативших остров и морское побережье вблизи него на континенте. Правителя называют саидом, никогда не употребляют слова «султан».

При раскопках здесь было найдено несколько монет с куфическими надписями; монетам этим около девятисот лет. Остров низменный; самые высокие точки, видимо, не превышают ста пятидесяти футов над уровнем моря. Он кораллового происхождения, встречаются песчаниковые конгломераты. Большая часть растений Занзибара африканского происхождения,

но произрастающие здесь также гвоздичное дерево, манго и рощи кокосовых пальм придают пейзажу роскошный вид, как у островов южной части Тихого океана.

Сегодня мы посетили одного старика, самого богатого человека на Занзибаре. Он должен дать мне письма к своим друзьям в Танганьике; я пытаюсь добиться устройства там склада продовольствия, чтобы не оставаться без всяких запасов, когда достигну тех мест.

18 марта. Я договорился с Курджи, откупщиком таможенных сборов, что он пошлет в Уджиджи на озеро Танганьика запас бус, тканей, муки, чая, кофе и сахара с человеком, который останется заведовать складом вместе с таможенным арабом Тани бен Суэлимом.

Вчера мы ходили к султану прощаться и благодарить за его действительно доброе отношение ко мне и к моим людям. Он предложил мне людей в сопровождение и еще одно письмо, если я захочу. У него очень больной вид.

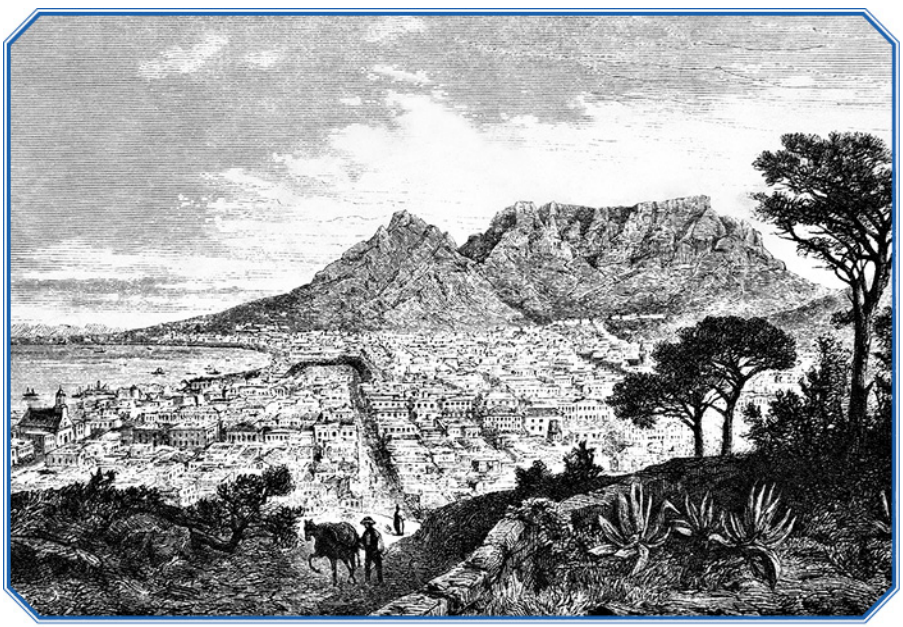
Очень заботились обо мне во время моего пребывания на острове д-р и миссис Сьюард. Они сделали для меня все, что было в их силах.

Несколько дней назад прибыл «Пингвин». Командир, лейтенант Гарфорс, согласился доставить меня на реку Рувуму и высадить там. У меня есть шхуна для перевозки животных: шести верблюдов, трех буйволов с теленком, двух мулов и четырех ослов. Состав моих людей: тринадцать сипаев, десять человек из Джоханны, девять юношей из Насика, два из Шупанги и два вайяу – Викатани и Чу́ма.

19 марта. Отплываем в 10 часов утра. Верю, что Всевышний даст мне преуспеть в моей работе, дарует мне вес в глазах язычников и поможет сделать мое общение с ними полезным для них.

22 марта. Сегодня прибыли в залив Рувумы и бросили якорь примерно в двух милях от устья реки на глубине в тридцать футов. Я прошел по левому берегу вверх по течению, чтобы посмотреть, не изменились ли протоки, впадавшие раньше в залив, и смогут ли верблюды перейти через них: кажется, протоки стали мельче. Достаточного ветра для шхуны не было; о том, чтобы наш военный корабль взял ее на буксир, не могло быть и речи. Все же 23-го куттер попробовал буксировать шхуну, но безуспешно, так как в это время года течение реки очень сильно. С юго-востока подул сильный ветер, с которым шхуна могла бы войти в устье, но хозяин шхуны был в это время на «Пингвине» и сказал, что у него нет большого паруса. Я заставил его уйти с корабля, но раньше чем мы добрались до устья реки, ветер стих.

24 марта. Я отправился на шхуну; ветра не было, но я дал распоряжение капитану подняться по реке, держась правого берега, если подует бриз. Мичман Фэйн отправился со мной вверх по реке вдоль левого берега, чтобы посмотреть, сможем ли мы провести верблюдов по воде. Около того места, где река делает свой первый небольшой поворот к северу, мы высадились и увидели три огромные протоки; джунгли из кустарника, финиковых пальм, переплетающихся стволов бамбука, растений с изогнутыми колючками были столь густы, что сквозь них едва можно было пробраться. Дальше от берега шла липкая грязь, густо пронизанная мангровыми корнями и изрезанная протоками; на их топких берегах нога погружалась по щиколотку.



Кейптаун времен Ливингстона.
Гравюра XIX в.

Ни один верблюд не мог бы здесь пройти, да и люди могли бы пробиться только с большим трудом, проложить же дорогу нам никогда не удалось бы. Мы набрели на бегемота-самку, лежавшую в яме, которая не скрывала ее от наших глаз. Фэйн выстрелил ей в голову; она так перепугалась, что чуть не опрокинулась на спину, бросившись бежать по противоположному склону ямы. Фэйн убил ее маленького; он походил на поросенка, хотя был величиной со взрослую свинью.

Мы увидели, что шхуна идет под хорошим ветром; она поднялась вдоль правого берега и пристала не меньше чем в

одной миле от мангровых зарослей. В двух-трех милях вверх по течению начинались холмы высотой футов в двести. Зелень этих холмов привлекала, казалась прохладной. Мой спутник и я пошли от шхуны вглубь посмотреть, не сменяются ли здесь мангровые заросли более пригодной для ходьбы местностью, но чем больше мы удалялись от реки, тем менее проходимым становилось болото, густо покрытое мангровыми корнями. Во время прилива вся эта местность заливается водой: если бы мы высадили здесь наших людей, то все свалились бы в лихорадке, не успев достигнуть более возвышенной местности, видневшейся на горизонте на правом берегу; начальный участок находится очень близко. Я подумал, что лучше будет высадиться на песчаной полосе с левой стороны залива Рувумы, там исследовать местность и собрать сведения у негров, ни один из которых пока не появлялся близко. Я приказал поэтому шхуне спуститься завтра к этому месту, а сам отправился на «Пингвин». Лейтенант Гарфорс был очень любезен и, хотя было самое лучшее время для крейсирования вдоль побережья к северу от нас, согласился терпеливо ждать и помочь нам высадиться.

24 марта. Ночью мне пришло в голову, что мы попадем в очень трудное положение, если после исследования местности и сбора сведений от негров нам не удастся все же найти дорогу. Когда я сказал об этом лейтенанту Гарфорсу, он предложил плыть дальше в Килву. В 5 часов утра я отправился с Фэйном на шхуну и заявил капитану, что мы плывем в Килву. Он стал усиленно возражать и рекомендовал идти в порт Микиндани, расположенный очень близко к Рувуме, озеру Ньяса и стране, в которую я собирался направиться; кроме того, говорил он, это хорошее место для высадки и лучший порт на побережье. Мы отплыли на север и в тот же вечер выгрузили всех наших животных на берег в заливе Микиндани, расположенном всего в двадцати пяти милях к северу от устья Рувумы. После высадки «Пингвин» ушел.

Рувума сильно изменилась с того времени, как мы впервые посетили ее. Не исключено, что в половодье в устье реки образуются мели, которые затем вымываются и выносятся в глубокую часть залива. Эти периодически появляющиеся новые наносы, по всей видимости, и мешают арабам использовать Рувуму как порт погрузки. Невероятно, чтобы Мэй (командовавший в 1861 г. «Пионером») ошибся, если только средняя часть русла в то время была такой же мелкой, как сейчас; по его промерам глубина составляла восемнадцать футов и даже более.

25 марта. Я снял дом за четыре доллара в месяц и выгрузил

все запасы со шхуны. От наружного залива вглубь отходит узкий канал шириной около пятисот ярдов и длиной ярдов в двести. Стержневая его часть (проход) глубока, но в стороны от нее мелко и тянутся коралловые рифы. Ширина глубокой части, по-видимому, около ста ярдов. Во внешней части залива нет якорных стоянок, за исключением края рифа, где, по промерам «Пингвина», глубина сорок два фута, но дальше она составляла уже только двенадцать футов. Внутренняя бухта называется Пемба, а не Пимли, как ошибочно напечатано на карте Оуэна. Бухта эта глубока и хорошо защищена. Другая бухта, подобной же круглой формы, лежит немного к югу отсюда. Длина и ширина бухты примерно две мили.

Скот очень измучился от качки на шхуне. Мы начали готовить седла из очень крепкого дерева, называемого нтибве; его используют также для изготовления крючкообразного копья, которым убивают бегемотов. Крючок из этого дерева очень прочен и гнется не ломаясь. Я попросил найти мне двадцать носильщиков, и один баньян[3] взялся быстро набрать их. Местные жители не держат скота. Это большей частью арабы-полукровки. Они очень вежливы с нами.

26 марта. Среди юношей из Насика самые смышленые и трудолюбивые – два галла. Но некоторые лишь равнодушно смотрят на то, как другие работают.

Сейчас, накануне выступления в новое путешествие по Африке, я чувствую радостное возбуждение: когда путешествуешь со специальной целью улучшить положение негров, каждое твое действие облагораживается. Когда мы обмениваемся с неграми обычными вежливыми словами, прибывая в деревню, принимая приглашение на ночевку, покупая еду для экспедиции, обращаясь с просьбой дать какие-либо сведения или отвечая на вежливые расспросы африканцев о целях нашего путешествия, мы кладем начало распространению среди них знаний о том народе, через посредство которого их страна станет со временем просвещенной и освободится от работорговли.

Как сильно даже чисто физическое удовольствие, доставляемое путешествием по дикой неисследованной стране! Когда бодро шагаешь по местности, тысячи на две футов возвышающейся над уровнем моря, мускулатуре придается упругость, свежая, здоровая кровь омывает мозг, мысль работает ясно, глаза становятся зоркими, шаг твердым и дневные физические усилия делают вечерний отдых по-настоящему приятным.

Обычно нашу энергию возбуждает возможная, хотя и отдаленная, опасность встречи со зверями или людьми. Мои

скромные стойкие спутники вызывают симпатии благодаря общности наших интересов, быть может, опасностей, делающих всех нас друзьями. Только жалкое детское недомыслие может заставить настоящего человека увидеть в отсталости этих людей повод для превознесения своей личности; и все же это часто делается с тайной мыслью, что мы можем, преувеличивая их недостатки, доказать наше безупречное совершенство.

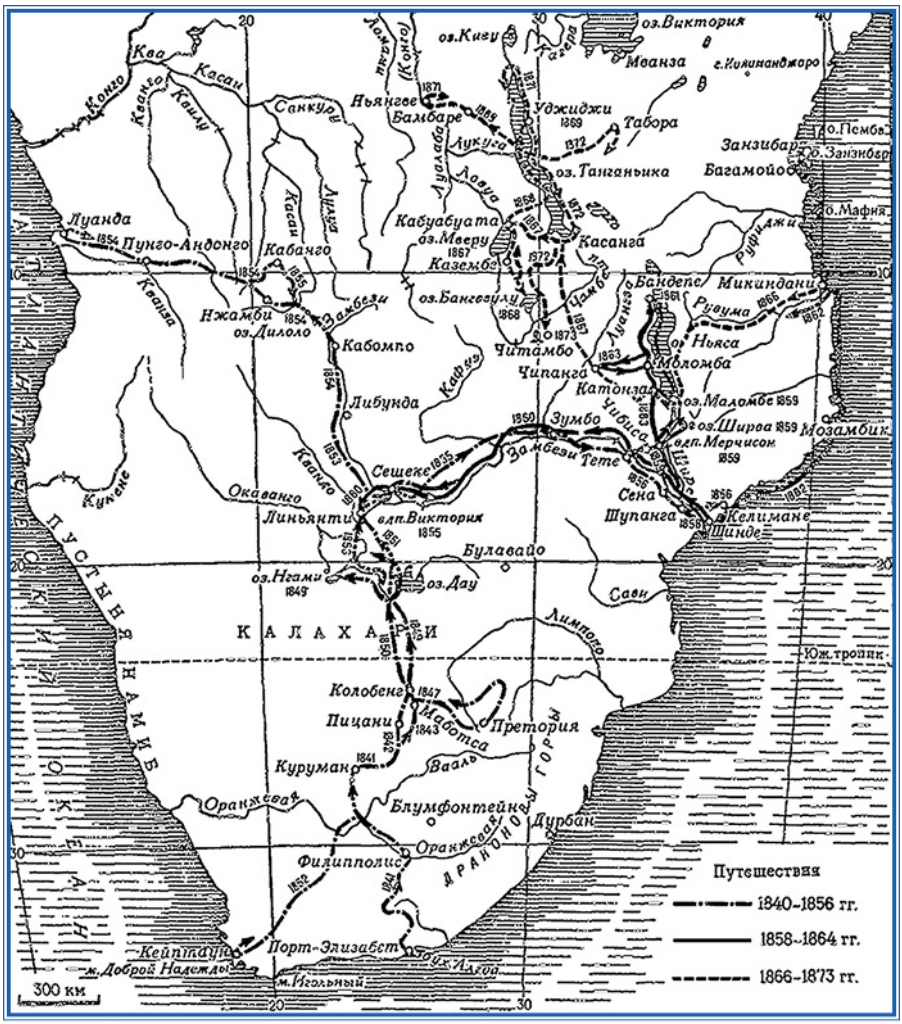


Схема путешествий Д. Ливингстона по Африке

Влияние путешествия на разумно настроенного человека сказывается в том, что он становится более самостоятельным: ум его приобретает большую уверенность в своих возможностях, находчивость его повышается. Тело скоро закаляется: мускулы

рук и ног становятся твердыми, как дерево, и как будто лишаются жира; лицо покрывается бронзовым загаром, пищеварение отличное. Аппетит в Африке поразительный, а несварение может появиться, только если чрезмерно наслаждаться мозговыми косточками или блюдом из слоновой ноги. Конечно, путешествие требует большой затраты труда; усталость при этом такая, какую путешествующие в умеренном климате едва могут себе представить; но труд в поте лица своего, когда служишь Богу, перестает быть проклятием. Он становится средством, вливающим бодрость в тело, превращается в благословение. Никто не может по-настоящему оценить прелесть отдыха, если не нес тяжелого груза.

27 марта. Только мыс с северной стороны входа в бухту, сужающий его приблизительно до трехсот ярдов, называется Пемба. Другие части берега называются иначе. К северу от мыса на протяжении нескольких сот ярдов стоит девяносто квадратных домиков, сплетенных из прутьев и обмазанных землей; рядом развалины мечети, построенной из коралла на известковом растворе. Весь мыс коралловый; красная почва покрыта густой тропической растительностью, среди которой особенно заметны баобабы. Арабские шхуны сейчас легко входят в бухту с восточным ветром, дующим вечером, а уходят наутро с береговым ветром.

Пока верблюды и другие животные отдыхают и оправляются от тяжелых ушибов, мы изготовляем новые седла для верблюдов и исправляем имеющиеся для мулов и буйволов. На всех скалах и на деревьях, заливаемых приливом, в изобилии водятся устрицы; они мелкие, но жители едят их весьма охотно.

Физически местные арабы невзрачный народ: худые, слабосильные, у многих мутные глаза.

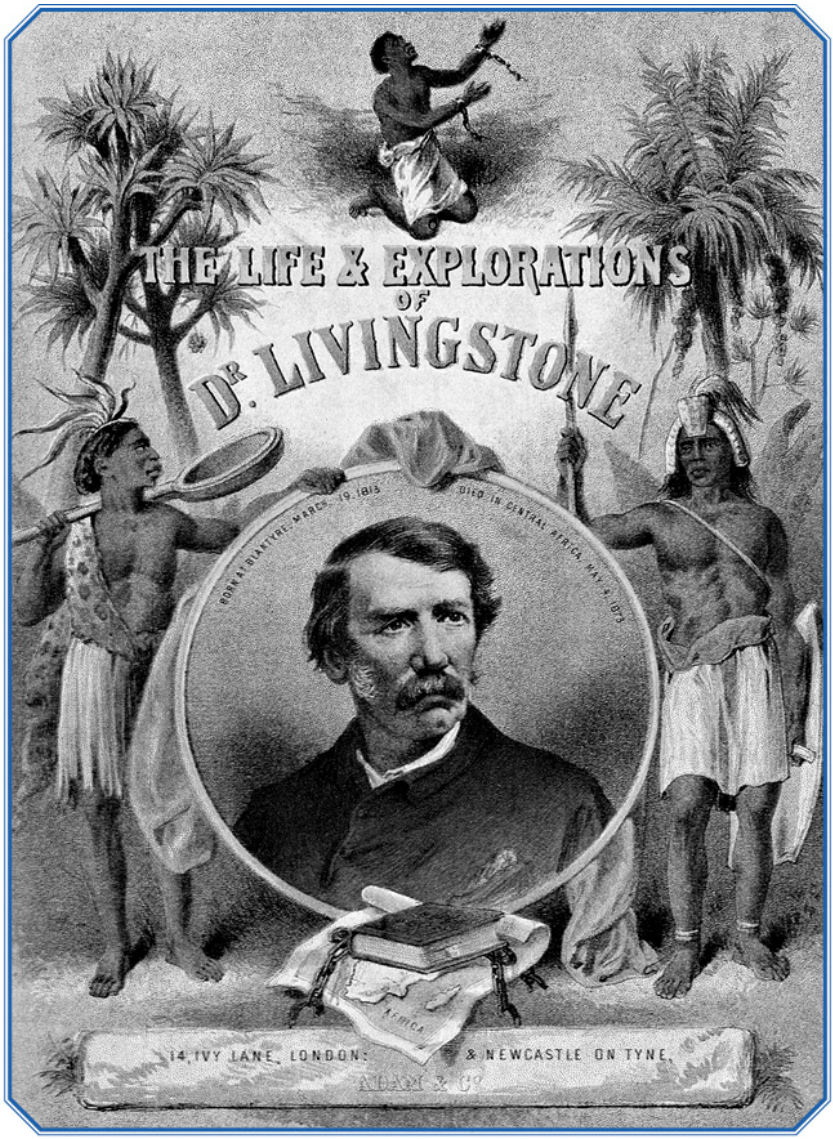
29–30 марта. По форме бухта напоминает согнутый лук или рисунок на игральной карте пиковой масти. Вход в бухту очень глубок, но ширина его не более ста ярдов, направлен он почти прямо на юго-запад. Бухта глубока и вполне надежна, ибо защищена от всех ветров. К западу от бухты местность сразу поднимается на высоту около двухсот футов; холм, называемый Джоном, служит, по словам арабов, береговой приметой, по которой плывущие вдоль берега чаще всего узнают бухту. Жители не держат скота, но говорят, что мухи цеце здесь нет. Народ этот поселился здесь недавно, при нынешнем правлении, но развалины зданий на северном полуострове (с одной стороны от входа в бухту), построенных из камня и извести на арабский лад, и другие здания на северо-западе показывают, что место это было известно и заселялось в далекие времена.

В прилегающей к бухте территории на различных озерах водится крупная дичь, а так как вся эта местность несколько приподнята над уровнем моря, то она, вероятно, здоровая. Мангровых деревьев очень мало, но к югу отсюда на другом закрытом водном пространстве их, вероятно, больше. Язык местных жителей – суахили; они немного торгуют камедью и красильным лишайником (леканора – Herba urceolaris). Таможенными сборами ведает агент занзибарской таможни; сборы очень малы. Главная власть принадлежит джеминдару (унтер-офицеру), подчиняющемуся султану. Жители мало чем отличаются по уровню культуры от негров, которых они вытеснили. Джеминдар со мной очень вежлив, он дает мне двух проводников до Адонде, но нанять носильщиков не удается. Воду берут из колодцев в коралловой толще, образующей подпочву всей этой местности.

4 апреля 1866 г. Перед отправлением из Пембы один из наших буйволов так сильно ранил осла, что его пришлось пристрелить. Обидчику отпилили концы рогов (в нарушение правила, что «после драки кулаками не машут»), и мы выступили. Экспедиция дошла до равнины, лишенной растительности и с твердой поверхностью, но внизу находился слой воды, и верблюды стали проваливаться сквозь земляную кору по брюхо. Вытащив их, мы пошли к дому джеминдара, построенному из коралла и извести. Хамеш рассыпался в уверениях, что готов услужить, но отвел нам худую хижину, не защищавшую от дождя и ветра. Я проспал там одну ночь, однако жить в ней было невыносимо, и я попросил джеминдара разрешить мне спать в его зале, где помещались многие из сипаев. Он согласился, но, когда я пришел, отказал мне.

Затем этот легковозбудимый, нервный араб испугался, собрал всех своих людей (числом около пятнадцати) с фитильными ружьями и убежал, заявив, что идет убивать льва. Потом возвратился, нервно пожимал мне руку и клялся, что виноват один человек, который не желает ему повиноваться, что «дело не в вас». Все наши запасы лежали на улице, привязанные к вьючным седлам; на ночь мы приняли обычную предосторожность и поставили охрану. Это привело в возбуждение нашего носителя власти, и, когда стемнело, он снова собрал всех своих людей с зажженными фитилями. Я не обращал на него внимания. Он долго произносил речь, которую мы могли слышать, затем позвал Мусу и спросил его, что я намерен делать. Объяснения Мусы подействовали, и джеминдар отправился спать. Утром, узнав, как сильно я его встревожил, я попросил извинения; тут же мне пришло в голову сказать ему, что подобная мера

предосторожности против воров совершенно обычна. Он полагал, что дал мне уничтожающий ответ, воскликнув: «Но здесь нет воров!»



Титульный лист книги «Жизнь и исследования доктора Ливингстона»

Исследования доктора Ливингстона принесли ему мировую славу и сделали национальным героем Британии. Популярность Ливингстона и интерес к исследованиям Африки были столь велики, что первая его книга, изданная в 1857 г., «Путешествия и исследования миссионера в Южной Африке» (Missionary Travels and Researches in South Africa), быстро стала бестселлером — разошлась семидесятитысячным тиражом, невероятным для того времени.

6 апреля. После короткого перехода вокруг залива к его юго-западному берегу мы заночевали в деревне. Вокруг внутренней части бухты разбросано шесть деревень; население их составляет двести пятьдесят – триста душ (прибрежные арабы и их рабы). Южная часть гавани глубока (от шестидесяти до восьмидесяти четырех футов), но северо-западная мелка и скалиста. Торговля очень незначительна: через порт проходят в небольшом количестве сорго, кунжут, камедь и леканора. Я видел двух постоянно живущих здесь купцов-баньянов.

7 апреля. Отряд двинулся приблизительно на юг от Микиндани с проводником из Сомали, по имени бен Али, красивым любезным человеком; он взялся за двадцать долларов довести нас до Негомано. Наш путь шел по долине с лесистыми холмами по бокам, но кругом стояла трава выше человека; она вызывала ощущение, будто мы задыхаемся; а сверху солнце палило голову, и воздух был совершенно неподвижен. Не зная ничего о верблюдах, я должен был довериться сипаям, а они перегрузили животных, и мы не закончили еще нашего семимильного перехода, как верблюды уже выбились из сил.

8 апреля. Воскресенье провели в деревне Ньяньгеди. Здесь вечером 7 апреля наших буйволов и верблюдов впервые покусали мухи цеце[4]. Мы прошли несколько полос густых джунглей, не мешавших движению пешеходов и даже дававших приятную тень, однако их пришлось расчищать для прохода вьючных верблюдов. К счастью, оказалось, что маконде из этой деревни охотно нанимаются поденно на расчистку леса и носильщиками. Мы оставили много багажа у джеминдара, думая, что носильщиков здесь нельзя достать. Я разгрузил частично верблюдов и поставил группу дровосеков увеличивать высоту и ширину прохода в густых джунглях, в которые мы теперь вошли. Время от времени мы выходили на открытые места, расчищенные маконде под

посадку сорго, кукурузы и маниока. Африканцев гораздо больше занимали верблюды и буйволы, чем я. Все эти племена независимы, и у них нет верховного вождя. Лбы у маконде гладкие, узкие и довольно низкие. Ноздри расширены в стороны; губы полные, но не слишком; руки, ноги и торс хорошей формы; ступни и кисти рук маленькие. Цвет кожи темный или светло-коричневый. Они среднего роста, с независимой осанкой.

10 апреля. Пришли в деревню Нарри (10°2314́ южной широты). У многих из моих людей были приступы лихорадки. Я дал одиннадцати из них лекарство, и на следующее утро все чувствовали себя лучше. Еды здесь вдоволь, и она дешева. Мы держим курс почти прямо на юг, двигаясь по сухим руслам – вади. Часто, следуя по торговой дороге, мы выходим на холмы, а затем из расположенных высоко деревень спускаемся в другие деревни по тем же вади. Нигде не видно текучей воды. Жители снабжаются водой из колодцев.

11 апреля. В Тандахаре мы все еще продолжали подниматься, продвигаясь на юг. Почва очень плодородна, в ней большая примесь песка, но скалистого грунта не видно. Здесь очень хорошие посевы кукурузы и сорго, а кусты маниока достигают высоты семи футов. Участки под культуры расчищают от бамбука, рассыпают по ним срезанный бамбук и сжигают его, чтобы зола удобрила почву. Железа здесь очень мало; мы видели много людей с деревянными копьями. В этих местах не находят руды, но кое-где в сочившейся из почвы воде видна была ржавчина. В каждой деревне, где нам приходилось останавливаться на ночь, мы дарили шесть футов коленкора, и вождь всегда давал нам курицу или две и корзину риса или кукурузы. Язык племени маконде совершенно не похож на суахили, но многие из них, общаясь с арабами прибрежной полосы, приобрели знание языка суахили.

Давид Ливингстон в когтях льва

Во время первого пребывания в Африке, в 1844 г., Ливингстон едва не был растерзан разъяренным львом. В результате правая рука Ливингстона была искалечена, что доставляло путешественнику множество неудобств. В частности, Ливингстону пришлось научиться стрелять с левого плеча, целясь левым глазом.

12 апреля. Когда мы вышли в поход, джунгли показались нам такими густыми, что люди подумали: не прорубиться. Такой лес тянулся больше чем на три мили. Деревья невелики, но растут так близко одно к другому, что для расширения прохода и увеличения его высоты требовалось много труда. Там, где много бамбука, он задушил голодом древесные породы. Отсутствие больших деревьев объясняется тем, что все места, через которые мы проходили, были раньше участками посевов; потом племя маконде поредело из-за работорговли. Как только возделанные участки остаются без ухода, на них вырастает густая поросль деревьев тех же пород, что и сведенные ранее; здесь не успел еще развиться процесс вытеснения других растений и захвата

древесными породами всей земли, освобожденной от густого кустарника под ними. Многие деревья имеют вид просто голых столбов и так переплетены лианами, что кажется, будто между стволами натянули корабельные веревки и канаты; у многих лиан толщина деревянистых стволов доходит до одиннадцати дюймов – размер большого корабельного каната.

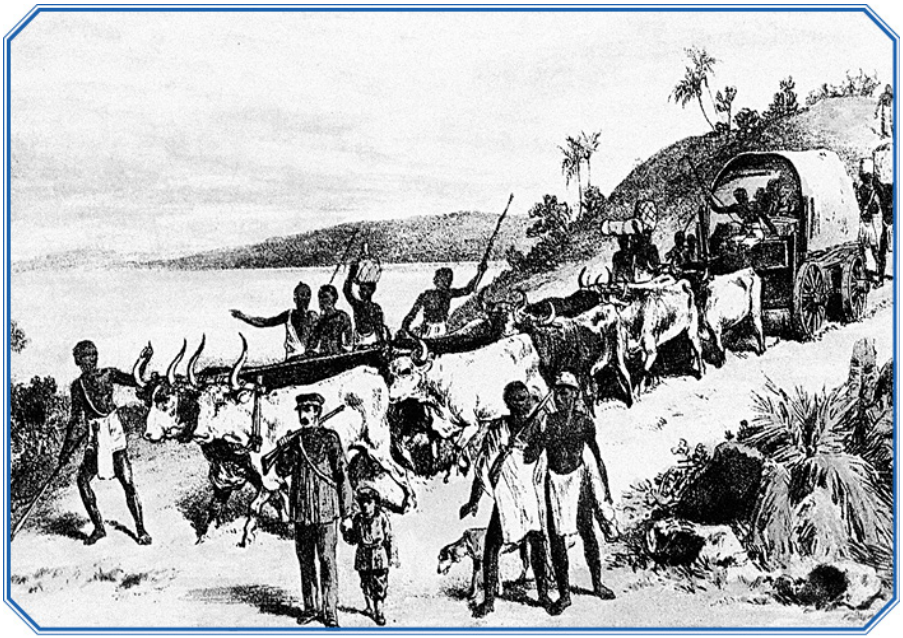
Одну из пород лиан можно сравнить с ножнами драгунской сабли: посередине плоской стороны лианы проходит выступающее ребро, через промежутки в несколько дюймов из него растут пучки прямых острых колючек в дюйм длиной. Такая лиана свисает сначала прямо вниз на один-два ярда, а потом вдруг круто изгибается, как будто иначе у ее колючек было бы недостаточно возможностей причинить вред, и тогда ее острия торчат под прямым углом к прежнему направлению. По наблюдениям Дарвина, у этих лиан сильно проявляется что-то похожее на инстинкт. Так и кажется, будто этот вид жаждет делать зло: его спутанные свисающие ветви всегда наготове, чтобы нанести рану каждому проходящему мимо. Другой вид лиан настолько гибок и прочен, что невозможно переломить их пальцами; есть лиана, вблизи корней схожая с молодым деревом, но она обладает ползучестью, свойственной всему этому роду, в чем можно убедиться, глядя на ствол, протянувшийся на пятьдесят-шестьдесят футов от начала; диаметр лианы часто достигает двух дюймов.

У одного ползучего растения листья похожи на листья алоэ, но странно скручены, как стружки из-под плотницкого рубанка. Цвет растения темно-зеленый, и если снять кору, то под ней видны красивые зеленые полосы, светлые и темные, напоминающие годичные кольца дерева; встречается лиана, тянущаяся в виде тонкой веревочки с рядом круглых узлов на ней, а у другой через определенные промежутки на коре круговые перехваты, образующие множество острых режущих ребер. Есть тут и порода, о которой почти не стоит упоминать, – настолько она обычна: по всей длине этой лианы растут крепкие изогнутые крючья, расположенные так, что могут удержать человека, если только лиане удастся схватиться с ним.

Мы наняли десяток молодых маконде расправляться с этой доисторической растительностью на свой лад – так, как они привыкли расчищать участки джунглей под огороды; маконде бодро взялись за работу, пользуясь хорошо приспособленными для нее томагавками. Они резали ими растения очень энергично; когда приходилось срубить дерево, маконде брались за топор. Мы договорились, что платой им будет один ярд коленкора в день – это не много, если принять во внимание, что мы еще очень близко

от морского берега. Лианы и молодые деревья таяли перед рубщиками, как облачко в солнечных лучах. Кроме нанятых охотно работали бы еще многие, но мы приняли против этого заранее меры, записав имена нанявшихся. Высокие рубщики уставали раньше всех других; малорослые еще продолжали бодро работать, но два-три дня тяжелого труда, видимо, сказывались даже на самых крепких.

Сомнительно, могут ли выдерживать, не истощаясь, длительную непрерывную работу люди, не едящие мяса (может быть, китайцы служат исключением). Когда впервые у нас поставили на работу французских землекопов, они не могли выполнить и десятой части работы англичан; но когда французов начали кормить той же едой, что и англичан, они стали давать такую же производительность. Здесь, в Африке, на долю маконде редко выпадает возможность поесть досыта мяса: такая роскошь доступна им, только когда кому-нибудь посчастливится заколоть дикую свинью или антилопу. Если маконде и едят курицу, то только в виде скудной приправы к каше.



Ливингстон возле озера Нгами

В 1849 г. Ливингстон в сопровождении проводников-африканцев пересек пустыню Калахари и исследовал озеро Нгами. За это открытие британское Королевское географическое общество наградило его золотой медалью и денежной премией, а имя путешественника прогремело по всей Европе.

13 апреля. Начали спускаться с северного склона к Рувуме. Лишь изредка удается увидеть местность за джунглями: кажется, она покрыта массивами темно-зеленых лесов; волнистая поверхность иногда создает впечатление, что перед вами холмистые гряды. Стеркулия повсюду оделась желтой листвой, готовясь к надвигающейся зиме. Но чаще всего наше поле зрения ограничивалось несколькими ярдами, пока наши веселые дровосеки не создавали для нас приятного зрелища – прохода, пригодного для верблюдов.

Знакомство с джунглями заставило бы авторов ловко составленных указаний для путешественников улыбнуться, перечитывая собственные творения: ведь годны они, может быть, только для тех случаев, когда перед вами открытая местность с

деревьями и холмами, по которым можно ориентироваться, определить расстояния, убедиться, что такая-то точка на одной широте, а такая-то на одной долготе с другой точкой, и все это можно нанести правильно и просто, пользуясь транспортиром и компасом. Но пока мы оставались в чаще, питаемой влагой с Индийского океана, насыщенный парами удушливый воздух и сырая, буйно разросшаяся роскошная растительность вызывали у меня такое чувство, будто я борюсь за собственное существование и так же способен ориентироваться, как если бы я сидел в бочке и производил наблюдения через отверстие для затычки!

Старый вождь из племени моньинько прислал нам в подарок козу и спросил, желают ли сипаи сами зарезать ее. Джоханна, принадлежащие к особой магометанской секте, хотели резать козу каким-то способом, отличным от применяемого их индийскими братьями по вере. Разгорелся жестокий спор о том, кто из них настоящие мусульмане. Интересно было видеть, что не только христиане, но и другие народы крайне ревниво относятся к религиозным вопросам.

Видел скалы серого песчаника (похожего на породу, покрывающую угольные пласты) и в отдалении Рувуму. В деревне Диди вождь Чомбоква будто бы знахарь; все вожди выдают себя за знахарей или действительно знахари. Впрочем, один из них, Фундиндомба, пришел ко мне просить лекарства для себя.

14 апреля. Сегодня нам удалось достигнуть Рувумы на том участке, где на высотах противоположного берега видны красные скалы; отсюда очень близко к месту, от которого, как отмечено на карте, в 1861 г. повернул обратно «Пионер». Здесь мы отдыхали в воскресенье 15-го.

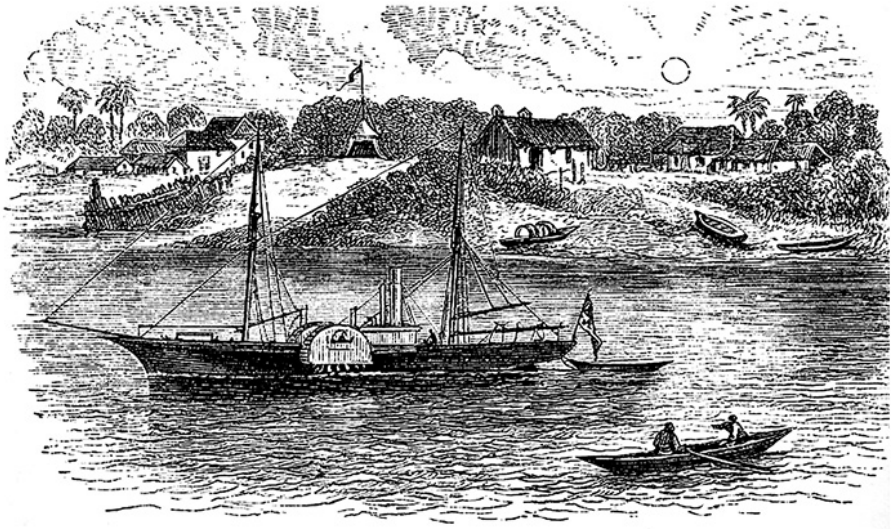
16 апреля. Наш путь теперь пойдет на запад вдоль зубчатого контура плоскогорья, которое мы раньше видели с реки. Оттуда оно казалось нам грядой холмов, окружающих Рувуму; теперь мы видели узкие выступы плоскогорья, тянущиеся к реке, и долины, уходящие от нее вглубь на расстояние от одной до трех миль. Иногда наш путь огибает эти выступы, иногда мы поднимаемся на них и затем спускаемся по западной стороне, и тогда приходится много рубить. Тропа идет не прямо, а от одной деревни к другой. Нам все время встречаются засеянные участки. Можно отметить, что среди других злаков сеют и рис. Для того чтобы его посев был успешным, здесь должно быть много влаги, но сейчас посевы страдают от отсутствия дождя. Нам удалось купить много риса для сипаев: это очень хорошо, так как запас, которого нам должно было хватить до прихода в Негомано, кончился 13-го. Старый знахарь, когда у нас еще имелся запас еды, преподнес мне два больших мешка риса, а его жена очистила для нас рис от шелухи.

17 апреля. Мне пришлось поручить заботы о верблюдах сипаям. Я распорядился, чтобы они взяли с собой как можно меньше своего багажа, и сержант заверил меня, что для перевозки всего, что возьмут сипаи, вполне достаточно двух буйволов. Я вижу теперь, что их поклажа слишком тяжела для двух буйволов, двух мулов и двух ослов. Хотя они падают под тяжестью груза, сипаи уверяют меня, что животные не перегружены, и говорят об этом так уверенно, что я вынужден молчать или только предупреждать, как я уже несколько раз делал, что они могут замучить животных до смерти. Мои замечания привели к тому, что сипаи теперь прячут часть своих вещей в тюках верблюдов, чрезмерно нагружая их. Боюсь, что мой эксперимент[5] с цеце будет испорчен, хотя пока ни у одного из верблюдов не заметно симптомов болезни, наблюдается только усталость. Солнце палит сильно, обжигает. Почти у всех сипаев лихорадка, но она легко излечивается. Они ни разу не требовали остановки в походе, но мы не можем продвигаться более чем четыре-пять миль в день; наше движение помогает в лечении лихорадки. Всегда при заболевании лихорадкой нужно удалить заболевшего из того места, где начался приступ. После сипаев пришла очередь юношей из Насика и джоханна.

18 апреля. Бен Али сбил нас с пути, и мы отклонились к северу, несмотря на мои возражения; он утверждал, что это правильный путь. Пришлось долго рубить лес. Обнаружилось, что в этот и следующий день мы шли по этому направлению, для того чтобы он получил возможность посетить одну из своих жен – красивую женщину из племени маконде.

Он уговорил ее прийти ко мне с визитом, и я должен был вежливо принимать даму, хотя мы из-за этого зигзага потеряли день. Подобные браки – это один из способов, которыми арабы расширяют свое влияние; среди маконде попадается много очень светлых людей, но только у одного из них были такие волосы, как у арабов. Я спросил Али, пытались ли арабы обращать в свою веру тех, с кем они вступают в такие близкие отношения. Он ответил, что маконде лишены представления о Боге, хотя рабов маконде, доставляемых на побережье и в другие места, обращают в магометанство. Со времени возникновения здесь работорговли численность племени маконде сильно уменьшилась; деревни воюют одна против другой и похищают людей, но проповедовать религию арабы не пробовали. Арабы приспосабливаются к африканским обычаям и не прилагают усилий к тому, чтобы поднять негров до своего уровня. Это хорошо, так как обычаи и нравственность арабов побережья не лучше языческих африканских.

19 апреля. Мы опять поднялись на гору и дальше вышли на плоскогорье, где влага испаряется сильнее, чем в долине; здесь мы в первый раз с начала путешествия попробовали приятно холодной воды. Народ тут очень груб, особенно женщины. Мужчины стараются наняться на расчистку леса. Работают они очень весело; время от времени кто-нибудь запевает бодрую песню, к которой присоединяются все остальные. Я думаю, что их побуждает идти на работу желание порадовать своих жен одеждой. Чем дальше мы поднимаемся вверх по Рувуме, тем больше у жителей татуированы лица и все части тела. Зубы запилены в острие, женщины носят огромные губные кольца. Некоторые из мужчин племени с южного берега реки тоже носят кольца в губе.



Пароход «Пионер» возле деревни Килимане.
Иллюстрация из английского издания «Путешествий и исследований в Южной Африке с 1840 по 1855 гг.»

«Килимане (на восточном побережье Африки), должно быть, была построена только ради работорговли, поскольку никто в здравом уме никогда бы не вздумал основать деревню в таком низинном, болотистом месте, полном москитов и повсюду подстерегающей лихорадки. Единственной причиной могло стать удобство, которое предоставляет эта местность для добычи рабов»,— писал Д. Ливингстон.

20 апреля. Один из джоханна дал верблюдам пройти по засеянному табаком участку, который они и вытоптали. Хозяин после этого не хотел пропустить нас через свое рисовое поле, по которому пролегал наш путь. Я осмотрел поврежденный участок и заставил джоханна уплатить хозяину один ярд коленкора, это все уладило.

Цеце опять искусали буйволов. Местные дикие животные – слоны, бегемоты и свиньи, но мы их не видим. Цеце питаются их кровью. По обоим берегам на низменных луговых полосах, ширина которых колеблется от одной до трех миль, солоноватые озера; в одном из них, довольно большом (оно называется Вронгве), водится много рыбы. Из этого озера добывается соль.

21 апреля. После большой рубки мы достигли долины Михамбве, где провели воскресенье. Все были рады, что оно опять наступило. В наш лагерь пришло несколько человек из Ндонде; они сообщили, что три месяца тому назад было нашествие мазиту, уничтоживших все пищевые запасы в стране; теперь приходится рассылать по всем направлениям людей за продовольствием. Приветствуя друг друга, они хватаются за руки и говорят «ай-ай», но общераспространенный способ приветствия (введенный, вероятно, арабами) – подать правую руку и сказать «мархаба» («добро пожаловать»). Неприятного вида человек, подбивавший других напасть на нас во время нашего первого путешествия в 1861 г., тот самый, которому я дал кусок ткани, чтобы избежать столкновения, появился у нас в лагере, одетый, чтобы не быть опознанным, в тужурку. Я сразу узнал его, но ничего ему не сказал[6].

23 апреля. Сегодня утром в походе мы прошли мимо места, где было сожжено на костре какое-то животное. Из расспросов я узнал, что у маконде существует обычай: сняв с убитого леопарда шкуру, сжигать его, так как мясо этого зверя они не едят. Маконде оправдывали свое отвращение к этому мясу, широко употребляемому в пищу другими племенами, тем, что леопард пожирает людей. Из этого довода видно, что наклонности их прямо противоположны каннибализму.

Все выходы породы, какие мы видели, свидетельствуют, что плоскогорье сложено серым песчаником, покрытым железистым песчаником – конгломератом. Нам стали попадаться лежащие на поверхности большие куски окаменевшего дерева (пропитанного окисью кремния). Они настолько похожи на куски недавно срубленных деревьев, что никто бы не принял их за камень, если бы не взял кусок в руки. Наружная поверхность сохраняет строение деревянного волокна, под ней сплошная окись кремния.

Покусанные цеце буйволы по-прежнему, видимо, не испытывают никаких дурных последствий, однако один из мулов стал вялым и, видимо, нездоров. Я считал это результатом укусов цеце, пока не обнаружил, что у него натружена спина: он не мог нагнуться, чтобы напиться воды, и был в состоянии есть только верхушки травы. От укуса же бык заболел бы на седьмой день.

Один из носильщиков украл рубашку и ушел незамеченным. Когда обнаружилась пропажа, товарищи носильщика и бен Али ночью пошли по следам вора и захватили его в хижине. Они собрали затем старейшин деревни, которые оштрафовали вора в размере четырехкратной стоимости похищенного. Утром носильщики вернулись назад, не считая, видимо, что сделали что-то похвальное. Этот случай кражи был единственным,

замеченным нами, и то, как люди к нему отнеслись, показывает, что у них есть естественное чувство справедливости.

24 апреля. Время от времени идут ливни, ночью люди спят под укрытиями. Лихорадка быстро излечивается, и мы не потеряли из-за болезней ни одного дня. Все же нам не удается пройти за день больше нескольких миль: нас сильно задерживают сипаи, а толку от них никакого, за исключением несения сторожевой службы по ночам.

На пути между Киндани и Рувумой я увидел растение, называемое мандаре; корень его вкусом и видом похож на картофель. Это растение я уже встретил один раз раньше, у водопада ниже долины Бароце, в самой середине континента. Туда мандаре завез эмигрант, отводивший воду для орошения, и растение это удержалось на местной почве. Не может ли оно оказаться пригодным на индийской земле? Я вижу, что дальше, в глубинных районах страны, маконде его не разводят, но я скажу Али, чтобы он достал мне несколько мандаре для Бомбея.

25 апреля. Нашу собаку Джека укусила повыше глаза змея. Верхнее веко очень сильно опухло, но других признаков отравления не было, а на следующий день опухоль спала. Либо змея была неядовита, либо количество проникшего с укусом яда было очень мало. Верблюды шагают невыносимо медленно, а сипаи еще замедляют движение, усаживаясь покурить и поесть: их это устраивает. Трава высокая, земля под ней сырая, от нее идет пар.

26 апреля. 25-го мы пришли в Нарри и решили переждать здесь день, чтобы купить провизию, поскольку дальше ее не будет в таком изобилии. Жители охотно торгуют мукой, курами, яйцами и медом; женщины очень грубы. Вчера я увидел, как сипай Пандо избивал верблюда дубиной толщиной в руку: тропинка была узкая, и верблюд не мог дать ему дорогу. Я крикнул ему, чтобы он прекратил избиение (он не знал, что я нахожусь поблизости). Сегодня последствия дурного обращения с животным сказались в том, что оно не в состоянии двигать ногой: воспалился тазобедренный сустав. Боюсь, что некоторые нагноившиеся ушибы нанесены верблюдам умышленно. Этот Пандо и еще один сипай вышли из Занзибара пьяными; затем он украл у меня пару носков, а вообще оказался совершенно бесполезным: даже прыщик на ноге служил ему предлогом, чтобы ничего не делать в течение многих дней. Избитого верблюда пришлось оставить в Нарри под присмотром вождя.

28 апреля. Горы на север уходят теперь из нашего поля зрения. По ущелью на южном плоскогорье протекает речка, берущая начало из довольно большого озера, находящегося на

расстоянии восьми-девяти миль вглубь от берега. И речка, и озеро называются Нангаде. Озеро настолько широкое, что даже острое зрение негров не различает человека на противоположном берегу, оно очень глубокое и изобилует крупной рыбой. В этой стране живет народ мабиха. В нескольких милях вверх по течению Рувумы за этим ущельем южное плоскогорье снижается, местность становится болотистой, на ней разбросаны маленькие озера, в которых тоже много рыбы. Далее идет ненаселенное пространство, а за ним – страна матамбве, простирающаяся до Негомано.

Матамбве, видимо, ветвь маконде, и очень большая. Страна их тянется далеко на юг, в ней находится много слонов и растут камедные деревья.

Матамбве говорят на языке, несколько отличном от языка маконде, но понимают их. Женщины матамбве, по словам Али, очень темнокожи, но весьма приятной внешности, хотя и носят кольца в губе. Слоновую кость, камедь и рабов матамбве вывозят в Ибо (или Уибо).

29 апреля. Воскресенье, 29 апреля, мы проводим на берегу реки Рувумы в деревне Начучу, почти напротив Конаюмбы, первой из деревень матамбве, вождя которой зовут Кимбембе. Али рисует маконде очень мрачными красками. Он говорит, что они не имеют понятия о Боге: в нужде или умирая они молятся своей матери; у них нет представления о будущей жизни и вообще нет никакой религии, кроме веры в знахарство, и каждый вождь – знахарь. Ни один араб не пытался обратить их в свою веру, но случалось, что раб, доставленный на побережье, подвергался обрезанию, чтобы быть чистым. Некоторые из маконде молятся; они говорят, что у них нет обычая испытывать виновных муави[7]. Юноши из Насика оказались не в состоянии помочь мне, когда я попытался через них передать кое-какие сведения маконде. Учившиеся в Насике говорят, что не понимают языка маконде, хотя, по словам некоторых из них, они родом из Ндонде, а это главный центр маконде. Али говорит, что маконде считают ведьм виновницами болезней и смерти; если кто-нибудь в деревне умирает, то все население уходит, говоря: «Это плохое место». Маконде известны взиманием штрафов с лиц, причинивших им ущерб; но нам они не предъявляли претензий, хотя наши вьючные животные вытоптали довольно много злаков, проходя по засеянным участкам. Али говорит, что маконде боятся англичан.

Я пошел с несколькими маконде посмотреть на камедное дерево вблизи деревни. Блестящие зеленые листья его растут парами, жилки на них немного выступают и на верхней, и на

нижней стороне; маленькие ветки расходятся из общей точки. Плод, скорлупу которого мы видели, видимо, орех. Какое-то животное, поедая их, раскусывало скорлупу. Кора дерева светло-серая, смола сочилась из коры в поврежденных местах и капала на землю с ветвей. Вероятно, именно при этом насекомые попадают в смолу. Негры копают землю около растущих сейчас деревьев, полагая, что древние деревья, ронявшие свою смолу, которая теперь стала предметом торговли, должны были расти на этих же местах. «Когда копаешь, то можешь в этот день не найти ничего, но Бог (мунгу) может дать нам смолу на следующий». Все присутствующие маконде выразили одобрение этим словам, и это, как я думаю, доказывает, что они сознают существование Бога. Маконде добывают камедь в больших количествах. Поэтому сюда наезжают с побережья арабы; они подолгу остаются здесь, скупая камедь.

30 апреля. У верблюдов высыпало множество нарывов. Некоторые из них, по-видимому, на местах старых ушибов, полученных на шхуне. Верблюды возвращаются с пастьбы с такими кровотечениями, какие никак нельзя объяснить расчесыванием нарывов о деревья. Как ни грустно, но я подозреваю, что дело здесь нечисто. Люди мои плохо обращаются и с буйволами, и с мулами, но я не могу все время быть рядом, чтобы помешать этому.

Бханг (вид конопли) здесь не употребляют, но табак курят. Жители не держат овец и коз, видишь только кур, голубей и мускусных уток. Мед очень дешев: хороший большой горшок меда, около галлона, и четыре курицы отдали за два ярда коленкора.

Буйволов опять искусали цеце и еще другие мухи, похожие на комнатных, но с прямым твердым, а не мягким хоботком. Есть еще и крупные мухи, кусающие до крови. На укусы цеце буйволы внимания не обращают, но крупные мухи и мухи с твердым хоботком беспокоят их. По-видимому, мух цеце больше всего привлекают верблюды; они насасываются верблюжьей крови досыта. Мулы и ослы, наверное, им не нравятся.

Давид Ливингстон с женой с сыном
на берегу озера Нгами 1 августа 1849 г. *Иллюстрация
из английского издания «Путешествий и исследований
в Южной Африке с 1840 по 1855 гг.»*

Глава 2

1 *мая 1866 г.* Мы идем теперь по сравнительно безлесной местности и можем продвигаться без непрестанной рубки и расчистки. Прекрасно, когда можно обозревать окружающую природу, хотя почти все вокруг кажется покрытым массами тенистой листвы, большей частью темно-зеленой, ибо листья большинства деревьев блестящие и темные, как у лавра. Мы прошли мимо гигантского камедного дерева, кумбе. «Кумбе» – значит копать. Камедь называется чангкумбе, то есть «то, что выкапывают». Арабы называют ее сандарусе. Плоды дерева малоле, из плотной древесины которого изготовляются все луки, осыпались на землю; вид у плодов заманчивый (продолговатые, похожие на персики, внутри несколько семян), но едят их только гусеницы.

Подойдя к деревне Нтенде, мы увидели, что она окружена крепким частоколом, поставленным из страха перед нападением мабиха. Люди из племени мабиха переправляются через реку и похищают женщин, когда те ходят по воду; их отправляют на рынок в Ибо. Жители деревни хотели сделать пролом в частоколе и впустить нас, если мы останемся на ночевку, но мы отклонили это предложение.

Не доходя Нтенде, мы миновали развалины двух деревень. Жители их напали на нас, когда мы поднимались по Рувуме в 1862 г. У меня сохраняется старый парус с четырьмя дырками от выстрелов, которыми нападавшие проводили нас, после того как получили ткань и заверили в своей дружбе. Зверское нападение было поистине неоправданным и ничем не вызванным. Нападавшая группа устроила засаду на возвышенном участке в стороне от реки в то время, как их женщины вышли поглядеть на нас.

2 мая. Снова приближаются горы. Мы проходим одной из них, запомнившейся со времени первого подъема по реке. Она похожа на столовую гору. Высота ее 600–800 футов, называется Липару. Плато становится гористым; от западного края его подошвы берет начало непересыхающий ручей, образующий озеро на луговой полосе вдоль Рувумы. Деревья, любящие такие непересыхающие ручьи, распространили свои корни по всему топкому берегу и образовали, таким образом, твердую поверхность, но в отдельных местах можно провалиться на целый ярд. Пришлось заполнять такие глубокие ямы ветвями и листьями и развьючивать животных, чтобы перевести их через ручей. Ночь провели на прибрежной полосе около Липару[8] и двинулись дальше.

3 мая. Отдыхали в деревне племени макоа; во главе деревни стоит старая женщина. Макоа, или макоане, можно узнать по полумесяцу, вытатуированному на лбу или на другом месте. Наш пудель Читане гонял с беспощадной яростью деревенских собак; его грозный вид внушал ужас несчастным дворнягам с желтой и белой шерстью. Грозным пудель казался потому, что трудно было разобрать, с какого конца у него голова, а с какого – хвост. Пудель наслаждался погоней за визжавшими псами, но если бы хоть один из них повернул ему навстречу, он удрал бы назад.

Ко мне подошла добродушная женщина и предложила поесть, но мы уже собрались уходить. И другие женщины кормили наших людей, не получая ничего взамен. Я сказал ей, чтобы она послала с мужем провизию нам вслед, а я заплачу за нее; впрочем, лучше было бы принять предложенное: некоторые угощают просто по доброте душевной и не ожидают ничего взамен.

Лица многих мужчин макоа густо покрыты татуировкой в виде двойных выпуклых линий длиной около полутора дюймов. Сделав разрез, втирают в него древесный уголь и выдавливают тело в этом месте так, что все рубцы оказываются выступающими над поверхностью кожи. Татуировка эта делает их довольно безобразными и придает свирепое выражение, какое принимали в старину наши короли и вожди, когда с них писали портреты.

4 мая. Нам сказали, что ручей, вечно скрытый под тенистой листвой и затянутый корнями водолюбивых широколиственных деревьев, называется Нконья.

Мы разбили лагерь на островке, образованном ответвляющимся от Нконьи рукавом, который дальше вновь сливается с ручьем; владелец участка использовал его под рис.

2 мая цеце снова покусали буйволов, а сегодня у них от укусов других мух (гораздо более страшных на вид, чем цеце) течет кровь артериального цвета. Я раньше ни разу не наблюдал этого симптома, но когда зарезали буйвола, покусанного цеце, мы увидели, что его кровь имеет цвет артериальной.

У нашей коровы воспалился глаз, на крестцовой части таза появилась опухоль, серый буйвол болен, но я приписываю его состояние немилосердной перегрузке вьюками, спина у него изранена; верблюдов, видимо, мухи не беспокоят, однако они слабеют от ужасных гноящихся ушибов и тяжелой работы, у мулов и ослов не видно признаков болезни от цеце, но один из мулов растянул связки плеча и не может нагибаться, чтобы пить и есть.

Ландшафт полупустынных плато и межгорных впадин в Южной Африке. *Гравюра XIX в.*

Кончилась гряда, идущая вдоль северного берега реки. Впереди ровная местность с отдельными выступающими гранитными пиками. У конца гряды в районе, называющемся Ньючи, живет много макоа. В деревне Ньямба, где мы провели ночь на 5-е, живет знахарка, умеющая вызывать дождь. Она поднесла нам большую корзину сироко, или, как его называют в Индии, мунджа, и курицу. Знахарка высокого роста, хорошо сложена, с красивыми руками и ногами и вся покрыта обильной татуировкой. Даже на бедрах и ягодицах сделаны сложные рисунки; она не стыдилась того, что эти места обнажены.

Здесь производят много соли, извлекая ее из почвы выщелачиванием, а затем выпаривая на огне. У женщины-вождя есть ручная ханга-толе, то есть хохлатая цесарка, но с голубыми, а не белыми пятнышками.

Продвигаясь далее на запад от конца гряды, мы встретили сначала песчаник, затем массы гранита. Гранит приподнял слои песчаника, наклонив их в восточном направлении. Сиенит, или гранит, имел такой вид, как будто подвергся плавлению: масса вся была покрыта бороздками, шедшими, как и в других местах, на восток и на запад. С изменением геологической структуры изменилась и растительность. Различные виды деревьев с лавровидной листвой теперь заменили акация, африканское черное дерево и мимоза. Трава стала короче и реже, и можно продвигаться без рубки деревьев. Мы находимся сейчас против

горы на южном берегу, называемой Симба («лев») за ее предполагаемое сходство с этим зверем. Там живет много негров-мабиха, иногда совершающих набеги на эту сторону реки за рабами.

6 мая. Опять мухи цеце. У животных сонный вид. Глаз у коровы помутнел. При проколе из шкуры бежит алая кровь. Местные жители кажутся смышлеными и почтительными. Во время богослужения какой-то мужчина начал разговаривать, но когда я сказал: «Ку сома млунгу» («Мы хотим молиться Богу»), он замолчал. Интересно было бы знать, каковы представления этих людей, выяснить, что они приобрели от общения с природой в течение прошедших веков. За ними не замечается проявления буйной распущенности и презрения к жизни, свойственных, как мы считали, нашим мрачным временам Средневековья; к сожалению, у меня нет переводчика; впрочем, я понимаю многое из того, что говорят макоа, когда разговор идет об обыденных вещах, главным образом потому, что знаю другие наречия.

7 мая. Ночью пал верблюд, а утром начались конвульсии у серого буйвола. Жестокость сипаев портит мой эксперимент; я думаю, что погибнут еще многие верблюды, один буйвол и один мул; сипаи усаживаются курить и есть, оставляя навьюченных животных стоять на солнце. Когда меня нет рядом, сипаи болтаются без дела: они явно не желают утруждать себя, не в состоянии нести свои подсумки и мешки, а их способность есть просто поразительна. В деревнях маконде удивительно чисто, но стоит нам провести ночь в деревне, как сипаи разводят в ней грязь. Мы не проходим в среднем даже четырех миль в день, если считать по прямой, а между тем вьючные животные часто проводят на солнце по восемь часов подряд. Вставая в 4 часа утра, мы не можем двинуться в путь раньше 8. Решение взять сипаев было ошибкой.

7 мая. Находимся сейчас против горы Набунгала, похожей с северо-востока на лежащего слона. Еще один очень хороший верблюд издох в пути. Его дрожь и конвульсии совершенно не похожи на те явления, которые наблюдались у лошадей и быков, убитых мухой цеце; все же возможно, что она – причина их смерти. Единственный симптом, указывающий на то, что причина в цеце, – артериальный цвет крови.

8 мая. Прибыли в деревню Джионде, или Липонде, расположенную напротив невысокой гранитной горы, возвышающейся на другом берегу реки (мы провели там ночь во время путешествия на лодках). Гора называется Накапури, и это странно, так как слово это не маконде, а сичуана и означает

«козий рог»; название Накапури происходит от выступов, торчащих из основного массива горы. Я оставил там сержанта, его сипаев и юношей из Насика, чтобы идти вперед форсированным маршем через местность, где нельзя достать еду, послав в то же время часть людей на юг или на запад за продовольствием; через пять дней, когда отдохнут наши вьючные животные и сами люди, они смогут нас догнать. Один мул очень болен, один из буйволов сонный и истощенный, из верблюдов один от гноящихся ушибов превратился в скелет, а у другого громадная дыра в шкуре на выступе таза и кость торчит наружу. Я подозреваю, что эта рана нанесена со злым умыслом, потому что он пришел с поля с сильным кровотечением (никакое дерево не могло бы пробить такое круглое отверстие). Беру с собой весь груз, оставляю только вещи сипаев; для всех наших животных сейчас это полная нагрузка.

9 мая. Отправился дальше с джоханна и двадцатью четырьмя носильщиками; с удовольствием расстался с сипаями и людьми из Насика, они вместе перегружали вьючных животных. Много раз я говорил им, что они изведут животных, но только я успевал, отрегулировав размеры нагрузок, повернуться к ним спиной, как сипаи и юноши из Насика наваливали на животных все свои вещи. Однако постоянная борьба этим скрытым непослушанием так раздражала меня, что я перестал обращать внимание на то, что делается, чтобы не огорчаться, хотя был уверен, что животные все погибнут. Мы совершили приятный переход не меньше чем в восемь миль и заночевали в деревне Мёдаа. Порода в выходах по-прежнему сиенит. Мы прошли по долине, где росли большие колючие акации, часто используемые для изготовления каноэ, и деревья из Euphorbianceae с семенными плодами величиной с мандарин с тремя семенами в каждом.

Теперь находимся в стране, пострадавшей, кроме нашествия мазиту, еще и от одной из тех необъяснимых засух, которым подвержены ограниченные, а иногда и большие части страны. Засуха была далеко не так сильна на противоположной, южной стороне, куда, кроме того, не проникли мазиту. Камышей, так мешавших нам вблизи от берега, здесь не видно, вся трава ломкая, желтая. Многие растения засохли, с деревьев опали листья, как будто уже началась зима. Местность покрыта светлым лесом, а местами на берегах рек встречаются густые джунгли. Все речки, мимо которых мы проходим, просто горные потоки, сейчас заполненные песком, в котором жители копают ямы в поисках воды.

11 мая. Стало трудно с переноской грузов, так как носильщики истощены из-за нехватки пищи. Проходя по

засыпанному песком руслу, называющемуся Ньеде, мы видели, что все увлажненные участки засажены кукурузой и бобами: значит, потери, причиненные нашествием мазиту, оголивших страну, как рой саранчи, не вызовут сильного голода.

Встретили женщину, Али ее задержал, думая, что она беглая рабыня, и было ясно, что он ожидает за это награды; впрочем, в четверти мили от этого места находилась деревня, из которой она ушла, и поскольку сомнительно, беглянка ли она, то, видимо, все старания Али были напрасны.

12 мая. Находимся в 4 на северо-северо-восток от Матаватава, или Ньяматололе, места, где мы в прошлую экспедицию повернули назад.

13 мая. Остановка в деревне вблизи Матаватава. Дама приятной внешности с обильной татуировкой на лице встретила меня с пучком сладкой травы Sorghum saccharatum в руках и положила его к моим ногам, сказав: «Я встречала вас здесь раньше». При этом она указала на то место на реке, где мы повернули назад. Я вспомнил, что она приходила, и я тогда сказал, чтобы лодка подождала, пока она сходит за корзиной еды для нас; корзину, кажется, передали Чико и ничем не отплатили за нее. Иногда негров побуждает подносить подарки просто их доброжелательность, хотя бывает, что подарки делаются в расчете на получение в ответ более крупных: приятно убедиться, что не всегда верно последнее.

У дамы была спокойная, исполненная достоинства манера говорить и такая же походка; я дал ей маленькое зеркало, она ушла и вернулась со своей единственной курицей и корзинкой огуречных семян, из которых делают масло. Благодаря маслянистым веществам, содержащимся в них, семена эти питательны, их жарят и едят как орехи. Она извинилась, сказав, что сейчас голодные времена. Я дал ей еще и отрез ткани. Голодные носильщики теперь бесполезны, а купить для них мы не можем ничего: местность кругом иссохшая, скупо поросшая мимозой и акацией с шипами.

Воины вагого в боевом порядке.
Гравюра XIX в.

Вагого (гого) — бантусское племя, сильно перемешанное с массаями, населяло государство Угого в Восточной Африке, занимаясь в основном скотоводством и земледелием. Дополнительные доходы давала гонго — пошлина, силой взимавшаяся до 1895 г. со всех караванов, имевших несчастье проходить по землям вагого.

14 мая. Мне удалось сделать долгий переход с носильщиками, мы шли только один и три четверти часа: на пустой желудок люди очень быстро устают. Достигли деревни вождя Хассане напротив конической горы Чизульве на южном берегу реки; Чизульве, очевидно, вулканического происхождения; она покрыта деревьями, тогда как на гранитных горах всегда видны скалы обнаженной породы. Кругом разбросаны большие пятна превосходного доломита. Может быть, он образовался от спекания туфа, который в этой стране, по-видимому, всегда изливается вместе с водой при извержении вулкана. Когда мы вошли в деревню, дочь Хассане как раз снимала с огня горшок

вареной фасоли в стручках, и вождь поднес его мне. Я пригласил его разделить со мной еду, но вождь ответил, что он у себя дома, а я чужестранец и путник. Он, как и все другие вожди, знахарь, а его жена, полная старая дама, знахарка. У него никогда не было другой жены, кроме этой; четверо их детей живут с родителями. Одного из сыновей мы послали к югу купить провизии, отправили также закупать еду и нескольких носильщиков. Сироко и рис, принесенный сыном Хассане, мы оставили на хранение в их доме для идущей вслед за нами партии до ее прибытия.

Невозможно представить себе, какой ужас вселяют в местных жителей мазиту. Мазиту потрясают своими щитами, и население бежит, как испуганные олени. Я видел, как ребенок соглашался отойти на несколько ярдов за известной нуждой, только если бабушка будет стоять у него на виду. Вождь Негомано, которого арабы называют Матумора, оказал мазиту теплый прием, а потом нескольких из них убили; вероятно, это и заставило их отступить.

15 и 16 мая. Жалкие переходы, короткие из-за голода; я жалею бедняг. Носильщиков, посланных закупить провизию на южном берегу, сбил с толку болтливый малый по имени Чикунгу, и они отправились к северу, где, как нам было известно, ничего нельзя было достать. Цель Чикунгу заключалась в том, чтобы получить плату за три дня, пока они будут там бесцельно бродить. Должно быть, голод сломил их дух; я сказал им, что день, в который не сделано никакой работы, в счет не идет, и они согласились с этим. Мы платим носильщикам два фута коленкора в день или два ярда за три дня работы.

17 мая. С пустыми желудками носильщики прошли еще несколько миль и предложили перейти всем на южный берег. Поскольку это было связано также с переправой через Лоэнди, я сначала возражал, а затем – в надежде, что там удастся достать еду, – дал свое согласие, и нас перевезли на двух очень маленьких каноэ. Тем временем я послал Али и Мусу на юг, чтобы попытаться достать провизии. Они принесли для носильщиков немного зеленого сорго, и я расплатился с ними. Таковы небольшие трудности путешествия, которые почти не заслуживают упоминания. В 15 к западу-юго-западу виден гранитный пик, название его – Чихока.

18 мая. В месте переправы видны были стоящие ребром пласты метаморфизованной породы шоколадного цвета, встречались также пятна доломита, иногда белые, как мрамор. Засуха наложила отпечаток на облик местности: все высохло, трава и листья пожелтели и стали ломкими. Вместе с тем обилие сухих стеблей влаголюбивого растения (рода травянистой акации с зелеными цветками, имеющими форму цветов гороха)

доказывает, что в другое время здесь достаточно влажно. Следы людей, с трудом шагавших по грязи, сейчас засохшей и твердой, говорят, что почва здесь может даже раскисать.

Вождь деревни, где мы провели ночь с 17-го на 18-е, страдает ревматизмом. Он попросил лекарства. Я дал ему, но он потребовал, чтобы я поднес ему нужную дозу собственноручно. В качестве гонорара он дал мне корзину сироко и зеленого сорго, чему я был очень рад, так как мои люди страдали от недостатка еды, и мне пришлось разделить между ними небольшую порцию муки, которую я резервировал для себя.

19 мая. Продолжая двигаться с теми носильщиками, каких смогли достать у переправы, мы достигли слияния рек, но не видели его. Деревня вождя Матуморы находится отсюда в двух милях вверх по течению Лоэнди. Мы послали к нему за помощью. Сегодня рано утром он пришел, высокий, хорошо сложенный мужчина, морщины па лбу придавали ему несколько суровое выражение лица. Он переправил нас через Лоэнди. Рувума определенно представляет собой приток Лоэнди; поскольку Рувума течет с запада, то верхнее течение реки здесь, на юго-западе, называется не Рувума, а Лоэнди. Ширина Лоэнди в этом месте от ста пятидесяти до двухсот ярдов, а у Рувумы выше Матаватавы – от двухсот до двухсот пятидесяти; река полна островов, скал и песчаных мелей. Таков же характер течения Лоэнди. С того места, где мы переправляемся, примерно в 2 к северу, видно слияние этих рек. Обе реки быстрые, мелкие и с песчаным дном. Плавают по ним на маленьких каноэ, и жители гордятся своим искусством править. Женщины, по-видимому, в этом ничуть не уступают мужчинам.

Если смотреть против течения Лоэнди, то милях в двадцати от слияния рек виден большой гранитный пик Нкандже, а дальше выступают смутные очертания далеких гор, где известны выходы на поверхность угольных пластов. Куски каменного угля попадаются в песках Лоэнди.

У Матуморы в этой стране хорошая репутация: многие бегут к нему от своих угнетателей. Он был очень вежлив, сидел на правом берегу, пока не перевезли весь груз, затем переправился через реку в одном каноэ со мной. Матумора открыл корзину с рыбой, спрятанную в запруде, и отдал мне ее содержимое, а позже поднес немного зеленого сорго.

Матумора говорит, что и Лоэнди и Рувума вытекают из озера Ньяса. Однако подняться до озера на лодке невозможно, так как течение этих рек прерывается множеством водопадов. Было бы странно, если бы все это оказалось мифом. Матумора спросил меня, сохранят ли, как я хотел бы того, между собой мир жители

тех мест, через которые мы прошли. По его словам, на него со всех сторон нападают охотники за рабами, только он сам никогда не пытался захватывать людей. Если дальше на моем пути на меня нападут, то он придет и будет сражаться с ними. Наконец, он сказал, что никогда раньше не видел европейца (д-р Рошер[9] путешествовал под видом араба). Я не смог узнать, где в Негомано живет Ликумбу, у которого, говорят, д-р Рошер оставил свое имущество.

20 мая. Я расплатился с Али, и он остался вполне доволен. Я вручил ему донесение «№ 2, географическое», затем отрядил четырех человек на юг закупать провизию. Мы находимся в стране племени матамбве. Два человека из деревни Матуморы служат нам проводниками. Находимся приблизительно в 2 к юго-западу от впадения Негомано. 11°26′23″ южной широты, 37°49′52″ восточной долготы.

Один юноша из Насика, Абрахам, пришел сказать, что он послан сипаями, заявившими, что они дальше не пойдут. Они дошли до этих мест с чрезвычайным трудом, сержант принуждал их идти; сипаи не хотят больше подчиняться ему, не желают вставать утром, чтобы двигаться дальше; они валялись на тропе, а свои мушкеты и патронташи давали нести африканцам, сипаи стали совершенно бесполезными. Черный буйвол издох, один из верблюдов тоже. Оставили позади больного мула. Если бы я не знал о существовании цеце, то считал бы, что животные погибли только от дурного обращения и тяжелой работы.

Послал записку, чтобы ее прочли сипаям. В ней сказано, что я убедился в их непослушании, неохотном несении своих обязанностей и уклонении от них; как только от сержанта будет получено официальное сообщение, я отошлю их всех обратно. Сожалею только, что придется расстаться с сержантом.

Вскоре после того как стемнело и взошла луна, появился леопард и утащил у нас маленькую собаку. Говорят, несколько дней назад он унес человека.

22 мая. Посланные вернулись с малым количеством провизии в обмен на большое количество ткани. Матумора держится очень дружественно, но ему нечего нам дать, кроме зеленого сорго; его он приносит ежедневно и понемногу.

Каждый день после полудня дует сильный южный ветер. Дожди прекратились в середине мая, температура понизилась. Период дождей закончился несколькими ночными ливнями.

23–24 мая. Производил наблюдения луны.

25 мая. Матумора и Ндонде – не одно лицо. На юго-запад от этой деревни живет вождь, носящий это имя, он принадлежит к племени матамбве.

26 мая. Послал Мусу на запад купить еды. Он вернулся вечером 27-го, но ходил безуспешно: на тропе он видел стоянку араба-работорговца, скупившего всю провизию. Около 11 часов вечера мимо наших дверей прошло два человека с двумя женщинами, связанными цепью. Один из мужчин нес впереди огонь, задний шел с мушкетом. Матумора признает, что его люди продают друг друга.

27 мая. Пришли сержант и Абрахам. Сержант говорит, что все сказанное в моей записке – правда; когда ее прочли сипаям, они каялись. Он добавил, что если их всех отошлют назад с позором, то им не на кого будет пенять, кроме себя. Он привел людей в деревню Хассане, но пользы от них никакой, хотя они просят, чтобы я оставил их у себя. Может быть, я попробую еще раз иметь с ними дело, но сейчас они – тяжелая обуза. К юго-западу отсюда начинается страна манганджа. Но если пройти мимо нее, то дальше на юго-запад простирается ненаселенная область.

Страна прямо на запад отсюда, по описанию всех, так гориста и так полна мазиту, что нет никакой возможности пройти этим путем. Я должен поэтому добраться до середины озера (Ньяса), переправиться на другой берег, а затем идти по старому маршруту 1863 г.

2 июня 1866 г. Посланные в страну матамбве, на юго-восток отсюда, вернулись с хорошим запасом зерна. Сипаи не хотят дальше идти: говорят, что не могут, но это просто отговорка; сипаи пытались уговорить людей из Насика продвигаться так же медленно, как они сами, и испытывать этим мое терпение. Они убили верблюда, избив его до смерти прикладами мушкетов. Я думал отправиться назад, разоружить их всех и взять с собой пятерых или шестерых, кто выразит желание идти дальше, но это тяжелое дело, а толку будет мало. Решил выступить на запад в понедельник 4-го или во вторник 5-го. Сипаи предлагали Али восемь рупий, чтобы он провел их на побережье; итак, это похоже на настоящий заговор.

У буйволицы плачевный вид, боюсь, что ее главный враг – цеце, но одно место у нее на плече похоже на штыковую рану, а многие раны и ушибы верблюдов так расковырены, что я подозреваю и в этом сипаев.

Путешествие по реке в Экваториальной Африке.
Гравюра XIX в.

В африканской природе многое обладает такой же жизнеспособностью, как и сами африканцы. С гвинейского берега на остров Святой Елены случайно завезли термитов; они произвели такое опустошение в Джемстауне, что много народу разорилось, и губернатор просил помощи. В других, так называемых новых, землях за потоком английских иммигрантов следует волна английских сорняков; то же происходит и с насекомыми. Европейская комнатная муха вытесняет на Новой Зеландии синюю мясную муху. Переселенцы поэтому завозили на новые места в бутылках и коробках комнатную муху. Но какое европейское насекомое последует за нами и уничтожит цеце? Арабы наградили маконде клопами; мы же повсюду, куда приходим, встречаем комнатную муху, синюю мясную и еще муху, похожую на комнатную и с острым хоботком, и несколько огромных мух-кровососов (оводов). Здесь много места для всех.

На Новой Зеландии норвежскую крысу вытесняет даже европейская мышь, не говоря уже о ганноверской крысе Уотертона, которая господствует во всей стране. Маори говорят: «Подобно тому как крыса белых вытеснила нашу местную, так европейская муха вытесняет нашу муху; как от клевера погибает наш папоротник, так и маори исчезает перед белым человеком». Свинья, высаженная на берег капитаном Куком, теперь заполонила половину острова и приносит такой вред, что один крупный фермер, владеющий 100 000 акров земли, платил по

шесть пенсов за каждую уничтоженную свинью. Для него убили 20 000 голов, но заметного уменьшения числа свиней не произошло. Здесь, в Африке, домашняя свинья не нужна, так как в изобилии водятся дикие, приносящие большой вред. Кроме того, они питают своей кровью цеце; дикие свиньи ходят следом за суягными овцами и пожирают бедных ягнят, как только они появятся.

3 июня. Буйволица упала с пеной у рта и издохла. Мясо ее на вид жирное, хорошее, и люди едят его с удовольствием. Несмотря на несходство симптомов болезни, наблюдавшихся у верблюдов и буйволов в этот раз, с симптомами, которые проявлялись ранее у быков и лошадей, мне иногда кажется, что все-таки виновница зла – цеце, хотя, несомненно, с животными обращались дурно. У буйволенка рана в полдюйма глубиной, у верблюдов были большие нарывы и под конец особый запах, предвещающий смерть. Я в недоумении, ибо не уверен в истинных причинах смерти животных.

Спросил Матумору, верят ли матамбве в Бога. Он ответил, что они Бога не знают, и советовал не расспрашивать африканцев, среди которых я бываю, молятся ли они ему, так как они подумают, что я хочу, чтобы их убили. Я сказал Матуморе, что мы любим говорить о Боге и т. п. Он сообщил мне, что когда матамбве молятся, то приносят в жертву еду, а затем произносят молитвы, но о Боге знают очень мало.

К Богу они относятся с глубоким почтением; они заявляют: «Мы его не знаем», чтобы не выказать в разговоре непочтения, так как это может принести вред. Имя Бога – Мулунгу. Макочера сказал мне позже: «Он не добр, так как убивает много людей».

4 июня. Выступили из Негомано. Вынужден был заявить юношам из Насика, что они должны или работать, или вернуться назад: нелепо, чтобы они съедали нашу провизию и даже не несли на себе собственных вещей; я больше не намерен это терпеть. Теперь пятеро из них несут тюки, а двое – вещи всех остальных. Абрахам и Ричард идут сзади. Я дал им нести тюки и обещал по десять рупий в месяц, считая с сегодняшнего дня. Абрахам работал усердно всю дорогу, и ему плату можно считать с 7 апреля, то есть со дня выхода из Киндани.

5 июня. Ночевали в деревне Ламба на берегу Рувумы около ревущего потока в сто пятьдесят или двести ярдов шириной. На нем много островков и скал. Страна, по которой мы проходим, поросла светлым лесом. Повсюду обработанные участки, но сейчас все они засохли, растения увяли отчасти из-за засухи, отчасти от зимнего холода. Прошли через деревню со скошенным спелым хорошим сорго; головки, то есть колосья, выложены

аккуратно в один ряд, чтобы их можно было высушить на солнце и не допустить осыпания зерна при раскачивании растений под ветром. Кроме того, при такой укладке легче следить за тем, чтобы птицы не расхищали зерно. Встречается сорго, не дающее семян. Этот вид сорго называется Sorghum saccharatum, так как стебель содержит много сахара; негры очень любят его. Сейчас, когда так много сорго не дало еще зерна (оно как раз цветет), его стебли жуют подобно стеблям сахарного тростника, и жители этим сыты. Но голодное время еще впереди, когда стебли сорго кончатся. Население принимает самые лучшие меры, какие только может, против голода, сажая бобы и кукурузу на влажных местах. На этих же землях растет разновидность обыкновенной африканской тыквы, но эта разновидность считается очень плохой.

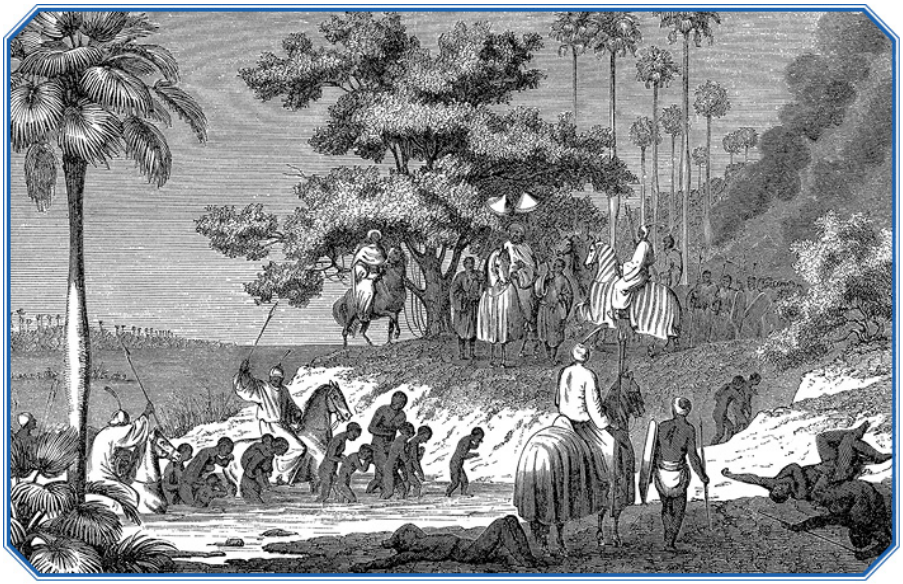
6 июня. На севере иногда виднеются высокие гранитные горы, но их заслоняют деревья, хотя листва тощая. Выйдя из деревни Мекоси, вскоре встретили около песчаного сухого русла партию охотников за рабами. Они сказали, что купили двух рабов, но те убежали. Предложили нам присоединиться к их отряду. Предложение любезное, но малопривлекательное. Отправились далее к Макочере – главному вождю в этих местах. Вождь оказался веселым смешливым человеком, не очень приятной наружности, несмотря на приветливую улыбку: у него низкий лоб, покрытый глубокими морщинами, приплюснутый нос, по форме напоминающий ассирийский, большой рот и тощая фигура. Макочера жаловался на мачинга (одно из племен вайяу, живущее к северу отсюда и за Рувумой): они-де крадут его людей. Деревня находится на 11°22́49́ южной широты. После Негомано река продолжает течь в северном направлении. Макочера был охотником на слонов. Я ждал несколько дней отставших юношей из Насика, хотя нам удавалось доставать еду только в далеких отсюда местах и по высоким ценам.

7 июня. Сержант и два сипая присоединились к нам вместе с Абрахамом, но Ричард, слуга из Насика, остался позади, так как очень ослаб. Я послал ему на помощь трех человек с подкрепляющими средствами, какие мы смогли набрать. Сипаи иногда уверяют, что не в состоянии идти вперед, но это просто нежелание преодолевать трудности. Я должен идти вперед независимо от того, пойдут ли они, так как здесь невозможно достать еду. Послал сипаям ткани и 8-го собирался выступить, однако накануне вечером съели дочиста все припасы и пришлось отправить две партии людей обследовать все кругом. Я приказал платить любую цену, лишь бы не остаться без еды.

Безуспешно пытался уговорить Макочеру привести мне

образчик их поэзии. Он боялся: ни он, ни его предки ни разу не видели англичанина. Макочера считает Бога недобрым, так как он убивает очень много людей. Д-р Рошер если и побывал в этих местах, то, должно быть, путешествовал под видом араба, так как о нем здесь не знают.

9 июня. Мы выступили и пошли через такой же лес, как и раньше, постепенно, по мере продвижения на запад, поднимаясь на большую высоту. Нам встретились огромные массы гранита или сиенита, от поверхности которых отслаивались куски. Гранит порос растением с травянистыми листьями и грубым стеблем; от него отщепляются полоски, похожие на те, которые навивают на свечи для украшения. Растительность эта придает горам светло-серую окраску, в наиболее крутых местах видны пятна черной породы; на расстоянии около десяти миль эти же горы кажутся синими. Земля, как правило, твердая, каменистая, но вся покрыта травой и растениями; когда смотришь сверху, видно, что растет трава как бы отдельными кустиками и похожа на траву пустыни Калахари. На более высоких участках древесная растительность. Здесь в изобилии растет сандаловое дерево, из коры которого изготовляется ткань. Повсеместно встречается строевой лес, но рост его в большинстве случаев задерживается; лишь немногие имеют высоту более тридцати футов. Ночь провели около округлой горы Нджженго. Рувума протекает близко от горы, но затем отходит от нее и вьется среди других огромных гранитных массивов. 11°20́05́ южной широты.



Арабы, конвоирующие невольников.
Гравюра XIX в.

10 июня. Очень тяжелый переход по такой же местности, не видно никакого человеческого жилья. Прошли мимо мертвого тела. Говорят, этот человек недавно умер от голода. На большом пространстве между деревней Макочеры и следующим нашим привалом у горы Нгозо нет ни одной постоянно текущей реки. Воду обычно достают, копая засыпанные песком русла; мы несколько раз пересекли подобные сухие русла. Иногда в них медленно тек ручеек, но я подозреваю, что в другое время года здесь все пересыхает и население может снабжаться водой только из Рувумы. Первым признаком нашего приближения к приятным местам, обитаемым человеком, было появление маленькой женщины, доставшей воду из колодца. Я шел в стороне от остальных. Подавая мне воду, женщина стала на колени, как требуют обычаи страны, и поднесла кувшин обеими руками.

Меня сбил с пути один из носильщиков, который запутался сам, хотя круглая масса Нгозо была хорошо видна с высот к востоку от нее, по которым мы шли.

Партия арабов, услышав о нашем приближении, убежала. Они не доверяют англичанам, и такое их поведение поднимает наш вес в глазах негров. 11°18′ южной широты.

11 июня. Носильщики отказываются идти дальше, так как, по их словам, боятся, что на обратном пути их здесь захватят охотники за рабами.

12 июня. Расплатился с носильщиками и жду партии отсюда.

Меня посетил почтенный человек по имени Макалойя, или Импанде; он хотел задать мне несколько вопросов: куда я направляюсь, сколько времени я пробуду в путешествии. От человека из Ибо (или Уибо) он слыхал о Библии, большой книге, к которой часто обращаются.

13 июня. Пришел Макалойя с женой и принес немного зерна. Сказал, что отец говорил ему о Боге только то, что он существует, но ничего больше. Знаки на лбу и на теле у местных жителей служат для придания красоты танцующим; видимо, это нечто вроде орнаментального герба, по татуировке они могут сразу определить, к какому племени или части племени принадлежит человек. Татуировка, или тембо, матамбве и маконде с верховьев реки очень похожа на рисунки древних египтян; волнистые линии вроде тех, которые у древних обозначали воду, а также значки наподобие квадратов, оконтуривавших символ деревьев и садов, по-видимому, когда-то указывали на жителей берегов Рувумы, занимавшихся земледелием. Сын заимствует татуировку от отца, и таким образом она сохраняется издревле, хотя смысл ее сейчас, видимо, утерян. У макоа рисунок изображает месяц или почти полную луну; сами они говорят, что это чисто орнаментальная фигура. В надрез втирают какое-то синее вещество (мне сказали, древесный уголь), и рисунок выступает очень резко у людей со светлой кожей, которые, между прочим, встречаются часто. Макомбе и матамбве запиливают передние зубы в виде острия, мачинга и вайяу оставляют по выступу на каждом краю зуба и выбивают по одному из средних резцов вверху и внизу.

14 июня. Я сейчас нахожусь в такой зависимости от носильщиков, как если бы не покупал ни одного вьючного животного; впрочем, это малоинтересно и не заслуживает упоминания в дневнике. Выступили к Метабе, чтобы выяснить там, не даст ли нам вождь людей. Вождь Китванга сопровождал нас на большом участке пути, затем повернул назад, сказав, что он намерен завтра достать носильщиков для Мусы. Прошли у основания круглых массивов Нгозо и Меканга; думаю, что горы эти возвышаются над равниной на 2000, а может быть, и на 3000 футов. Горы почти голые, только в отдельных, не слишком крутых местах они поросли своеобразным травянистым растением. Говорят, что жители хранят в горах запасы зерна, а, по словам вождя, на одном из массивов имеются источники воды. Вождь не знает, есть ли в стране старинные каменные постройки. Прошли мимо выходов железистого конгломерата; я заметил, что гнейсы большей частью имеют падение к западу, временами наблюдается простирание на север и на юг, иногда на восток и на запад.

Спали на берегу Рувумы выше водопада, там находится

сравнительно спокойный участок течения шириной в сто пятьдесят – двести ярдов, на котором поселилось стадо бегемотов. Когда река во многих местах становится переходимой вброд, что, как говорят, бывает в августе и сентябре, бегемотам, наверное, приходится трудно.

15 июня. После трехчасового перехода от места ночевки на Рувуме пришли в Метабу. Вождь Метабы Киназомбе, пожилой человек с хитрым и суровым выражением лица и с носом ассирийского типа, выстроил большой дом для приезжих, в нем живет несколько арабов-полукровок. У очень многих здесь есть ружья. Поразительно огромное количество ярм для привязывания рабов за шею валяется на дороге, брошенные там, где несчастные сдались и заявили, что потеряли всякую надежду убежать.

Много хижин, построенных арабами для защиты от дождя. В деревне Киназомбе поспел второй урожай кукурузы; значит, голод будет чувствоваться не слишком сильно.

16 июня. Получены весьма мрачные сведения о стране, которую нам предстоит пройти. Отсюда четыре или пять дней пути до Мтарики, затем десять дней через джунгли до города вождя Матаки. В Мтарике мало продовольствия, но у Матаки, живущего близ озера Ньяса, изобилие. За Нгозо Рувума уклоняется к югу, и, объясняя, где находится Масуса, расположенная на реке, жители в Метабе показывают на юго-запад. Таким образом, можно сказать, что Нгозо – это крайняя точка, до которой река течет к северу. От Метабы до Масусы, как сообщают жители, пять дней пути, то есть не менее пятидесяти миль. Наш путь лежит теперь на юго-запад.

Скот в Африке похож на индийских буйволов, но приручен лишь отчасти: буйволицы не дают молока, если рядом нет теленка или его чучела (фульчана). В натуре женщин в районе Мозамбика есть что-то от диких животных: жены, забеременев, отказываются от сношений с мужьями приблизительно на три года, то есть до того времени, когда будет отнят от груди ребенок. Мне говорили люди, вполне заслуживающие доверия, что многие молодые негры берут себе одну жену и живут с ней счастливо, но ничто не может заставить женщину продолжать сожительство с мужчиной, когда наступит этот период; а так как такое положение должно сохраняться три года, муж почти что вынужден вступить в связь с другой женщиной. Мне говорили об этом как о большом общественном зле. Такой же нелепый обычай широко распространен на Западном побережье, но там, говорят, мужья соглашаются терпеть ради сохранения душевной чистоты.

Любопытно, что ром, служащий важным предметом ввоза на Западном берегу, на Восточном почти не известен, хотя торговать

в обоих случаях начал здесь один и тот же народ. Если посмотреть на карту к северу от мыса Делгаду, то можно подумать, что в этом вопросе какую-то роль сыграли религиозные убеждения арабов, но торгующие южнее мыса Делгаду португальские купцы никаких сомнений не испытывают и продавали бы собственных отцов наряду с ромом, если бы такие операции приносили им денежную прибыль. Португальцы даже построили винокуренные заводы, чтобы получать скверный спирт из плодов анакардии (кэшу) и других фруктов и зерна, но торговля спиртом не идет. Они дают также спирт своим рабам в качестве награды, его называют мата бичо («убей беса»). Здесь можно встретить иногда человека, который много раз имел дело с португальцами и будет просить спиртного, но торговля им не окупается. Негры пьют спиртное, если получают его бесплатно. Неизбежный «глоток» рома при любой политической сделке на Западном берегу с независимым вождем здесь, на востоке, совершенно неизвестен. Мусульмане, конечно, не воздерживались бы от торговли спиртным, если бы она была выгодна. Они часто просили у меня бренди под хитрым предлогом в качестве лекарства. Когда напоминаешь им, что их вера запрещает пить спиртное, они говорят: «Ну, мы можем пить его тайно».

По всей стране маконде в ужасающих размерах распространена паховая грыжа. Негры полагают, что это результат употребления пива; следовательно, их нельзя считать трезвенниками.

18 июня. Видя, что Муса с грузами, оставленными на его попечение, не идет, и опасаясь, что у него что-либо не в порядке, мы вчера утром после воскресной службы выступили со всеми способными нести груз и после тяжелого шестичасового перехода пришли сюда как раз вовремя, так как люди из племени ванинди (или манинди), принадлежащего к вайяу (называемого в районе озера Ньяса также аджавами), пытались переправиться через Рувуму с северного берега на южный. Они пришли, чтобы грабить, и Муса, не получая помощи, приготовился защищать наше имущество. Несколько выстрелов, сделанных китванга, заставили ванинди, вошедших в воду, разбежаться.

Пришли шесть сипаев и Симон. Рюбен и Мабруки сообщили, что Ричард умер. Бедняга оставался с другими юношами из Насика в Липонде. Я замечал, что он слишком много общается с сипаями, и несколько раз собирался сделать ему замечание, так как разговоры сипаев обычно очень дурного характера, но у меня не было точных данных утверждать это. Ричард вместе с другими дошел до Хассане (или Пачассане); он был уже так слаб, что не мог идти дальше. Так как я отлично знал манеру сипаев

уклоняться от работы, то боялся, что они собьют на это и бедного Ричарда: мне были известны их многочисленные попытки уговорить других юношей из Насика не работать. Когда Абрахам догнал нас и сообщил, что сипаи ушли, оставив Ричарда, я обеспокоился и послал к нему на помощь трех слуг с укрепляющими средствами, но он умер, видимо, через два дня после ухода Абрахама. Очень грустно, что меня не было на месте: я бы постарался сделать для него все что мог. Теперь говорят, что Ричард ни разу не поддался уговорам сипаев. Он сказал Абрахаму, что хотел бы умереть: до того он всем этим тяготится. Жители деревни, где он умер, были малолюбезны с Симоном.

Сипаи стали такой тяжелой обузой, что я почувствовал необходимость поставить их на место. Сегодня утром вызвал их и спросил, знают ли они, какого наказания они заслуживают своим неподчинением приказам и попытками подговорить людей из Насика повернуть назад. Я сказал им, что они не только засиживались на дороге, когда им приказано было двигаться вперед, но предложили Али восемь рупий, чтобы он провел их на побережье; их оправдание болезнью – пустой предлог, так как они с аппетитом ели по три раза в день. Они ничего не могли возразить. Я разжаловал капрала и приговорил остальных работать носильщиками. Если они будут вести себя хорошо, то будут получать за работу дополнительную, положенную солдатам, оплату, если плохо – только жалованье. От безделья у них сохнут мускулы. Все остальные здоровы и крепнут с каждым днем, одни только сипаи позорно расхлябанны и ни к чему не годны. Они должны исправиться, отказаться от своих скверных привычек. Если они будут продолжать свои обычные занятия, сидеть без дела на дороге или спать там часами во время похода, то их подвергнут порке. *Я* послал двух из них назад, чтобы они привели тех двух людей, которые вчера отстали. Все, кто работает, сравнительно бодры.

19 шюня. Дал сипаям нести легкие грузы, чтобы приучить их к физическому труду и закалить. Пока еще сохранялся страх перед наказанием, они усердно тащили ношу, но когда их опасения ослабели, они снова принялись уклоняться от работы. Один из сипаев, Перим, облегчил свой груз (чай), весивший около 20 фунтов, тем, что выбросил свинец, в который чай был завернут, а затем еще около 15 фунтов чая, уменьшив таким образом наш запас до 5 фунтов.

Сегодня мне попалась на глаза телеграмма[10]: «Ваша мать скончалась 18 июня в полдень». Это было в 1865 г. Стало очень грустно.

Ночлег Ливингстона в кисейной палатке, защищающей от комаров. *Гравюра XIX в.*

Глава 3

19 *июня 1866 г.* Прошли мимо мертвой женщины, привязанной за шею к дереву. Местные жители объяснили мне, что она была не в состоянии поспевать за другими рабами партии и хозяин решил так с ней поступить, чтобы она не стала собственностью какого-нибудь другого владельца, если ей удастся поправиться после некоторого отдыха. Отмечу здесь, что мы видели и других рабынь, привязанных таким же манером, а одна лежала на тропе в луже крови, не то застреленная, не то заколотая. Нам каждый раз объясняли, что когда измученные рабы не в состоянии идти дальше, рабовладельцы в бешенстве оттого, что лишаются прибыли, изливают свою злость на рабов, убивая их[11].

20 июня. Вернувшись в Метабу, мы узнали от вождя Киназомбе, что здесь ни у кого, кроме как у него самого, нет на продажу зерна. А вождю арабы дали много пороха и простых тканей, так что у нас был единственный шанс на обмен с ним – расстаться с нашими лучшими тканями и другими вещами, какие ему понравятся. Он преувеличивал скудость страны, куда мы шли, чтобы побудить нас купить все, что можно, у него; перед нашим выходом он угостил меня обильным завтраком из каши и цесарки.

21 июня. У нас поначалу были затруднения с наймом носильщиков, но, дойдя до острова Чимики на Рувуме, мы увидели, что местное население, принадлежащее к племени макоа, более любезно и охотнее берется за работу, чем вайяу. Послал людей назад привести сюда сержанта сипаев к очень доброжелательно настроенному вождю по имени Чирикалома.

22 июня. Вчера с нами шла мать, несшая на протяжении многих миль бедного малыша, больного prolapsus ani (выпадение прямой кишки). Мальчик лежал у нее на правом плече – единственное положение, в котором ему было легче; ребенок у груди занимал ее левую руку, а на голове она несла две корзины.

23 июня. Страна покрыта лесами, гораздо более светлыми, чем на востоке. Мы сейчас находимся приблизительно на высоте 800 футов над уровнем моря. Вблизи Рувумы все население сеет кукурузу. На островах, где влажность содействует хорошим урожаям, почти все жители имеют ружья, вдоволь пороха и прекрасные бусы: красные, нанизанные на волосы, и синие, обвитые вокруг шеи плотными кольцами, как солдатские воротники. Кольцо в губе носят все; зубы запиливаются в виде острия.

24 июня. Для удобрения земли в этих местах применяют золу, поэтому здесь рубят огромное количество деревьев, складывают их в кучи и сжигают, но это не мешает стране оставаться лесистой. В 8.30 воскресная служба, много зрителей. У них имеется ясное представление о верховном существе, но они ему не молятся. Ветер большей частью южный, холодный, температура 55 ˚F (18 ˚C). Один из мулов тяжело болен: его оставили с сержантом, когда мы вернулись в Нгозо, и, вероятно, животное пробыло ночь под открытым небом. Как только мы увидели его, нам стало ясно, что мул нездоров. Каждый раз, как какое-нибудь животное попадало в руки сипаев, они с ним дурно обращались.

Трудно быть снисходительным к людям, замысел которых, видимо, состоял в том, чтобы, сперва оторвав от меня слуг из Насика, затем, когда будут убиты все вьючные животные, сделать то же с джоханна, после чего можно будет делать со мной все что вздумается или вернуться обратно и оставить меня погибать. Все же, несмотря на все это, я попытаюсь быть снисходительным, насколько это возможно. Когда мы встретились с сержантом в Метабе, я рассказал ему о своих распоряжениях и о глубоком недовольстве сипаями, замышлявшими сорвать мою экспедицию или даже погубить меня. Ни разу я не сказал им неласкового слова; это он сам может засвидетельствовать. Сержант считает, что сипаи могут быть для меня только мучительным бременем, но он сам готов «идти вперед и умереть со мной вместе».

Варка пищи на раскаленных камнях в этой стране неизвестна. Чтобы испечь голову крупной дичи, например зебры, ноги слона, горб носорога, негры выкапывают яму в земле. Огонь повсеместно добывают вращением между ладонями палочки, упертой в другую. Постоянно видишь эти палочки привязанными к одежде или к узлу с пожитками путешествующих. Перед тем как вставить вертикальную папочку в горизонтальный брусок, тупой ее конец смачивают языком и окунают в песок, чтобы к ней прилипло несколько песчинок. Для изготовления палочек пользуются преимущественно определенной породой дикой смоковницы, так как она легко загорается.

Караван рабов. *(Чтобы они не разбежались ночью, работорговцы держат их в рогатках)*

В сырую погоду негры предпочитают носить с собой огонь в высушенных комках подобранного слоновьего помета; куски помета самца имеют около восьми дюймов (203 мм) в диаметре и приблизительно фут (305 мм) в длину. Применяют также для той же цели стебель одного растения, растущего на каменистых местах.

Мы купили рыбу сензе, то есть *Aulacaudatus Swindernianus,* высушенную на медленном огне. Обычай сушить рыбу, мясо или фрукты на специальных платформах над медленным огнем здесь широко распространен. Пользование солью для консервирования пищи здесь неизвестно. Маконде сооружают также высокие платформы – высотой около шести футов, – чтобы спать на них, а не на сырой земле; разведенный внизу костер отгоняет москитов. Днем платформы служат удобным местом для отдыха или для наблюдения.

Гончарное дело, по-видимому, известно африканцам с незапамятных времен, так как черепки сосудов встречаются повсюду, даже среди древнейших ископаемых костей. Горшки для варки пищи, сосуды для воды и пива изготовляют женщины. Форма придается на глазок, никаких механических устройств никогда не применяют. Сначала формуют основание или дно; куском кости или бамбука соскребают глину или выглаживают

куски, добавляемые для того, чтобы сделать дно более круглым. Затем сосуд оставляют на ночь. На следующее утро добавляют ободок, а если воздух сух, то и несколько таких ободков. После этого сосуд тщательно заглаживается и затем основательно высушивается на солнце. Для окончательного обжига в земляной яме разводят небольшой костер из сухого коровьего навоза, кукурузных стеблей, соломы или травы с ветками. Горшки украшают орнаментом из графита или перед высушиванием на солнце рисунком высотой в два-три дюйма около верхнего края; на рисунке всегда изображены сплетенные полоски наподобие боков корзины.

Чирикалома говорит, что та группа макоа, к которой он принадлежит, называется мирази; есть еще мелала, или малола, и чимпосола. Все эти племена, когда жили на юго-востоке, применяли в татуировке знак полумесяца, но теперь они часто отказываются от него и заменяют знаками вайяу, так как живут в стране этого народа. Здесь нет признаков наименования племен по зверям или птицам. Мирази – имя предка. Мирази едят всякое чистое животное, но отказываются от мяса гиены, леопарда или иных зверей, пожирающих трупы людей.[12]

25 июня. Уйдя от Чирикаломы, мы попали в деревню вождя Намало, оставленную жителями утром этого дня. Все они перешли в страну матамбве, где больше пищи. В одной из хижин осталась бедная девочка, слишком слабая, чтобы идти, вероятно, сирота. Арабы-работорговцы, услышав о нашем приближении, убегают в сторону от тропы. Ширина Рувумы в этих местах от 56 до 80 ярдов. Пищи нельзя достать ни за какие деньги.

Около многих деревень можно видеть согнутый прут, оба конца которого воткнуты в землю. Под этим прутом зарыты лекарства, обычно кора деревьев. Если в деревне начинаются болезни, то жители отправляются на это место, совершают омовение водой с лекарством, проползают под прутом, а затем зарывают в землю лекарство и с ним вместе злое начало. Тем же способом пользуются, чтобы отогнать злых духов, диких зверей и врагов.

Чирикалома рассказал нам о мальчике из его племени, родившемся уродом. У него был недоразвитый палец ноги в том месте, где должно быть колено. Жители деревни говорили матери: «Убей его», но она отвечала: «Как я могу убить своего сына?» Мальчик вырос, у него родилось много здоровых сыновей и дочерей, и никто из них не имел каких-либо уродств. Историю эту Чирикалома рассказал, отвечая на мой вопрос об отношении к альбиносам. Он сказал, что они не убивают альбиносов, но те никогда не достигают зрелого возраста. На вопрос, слыхал ли он

о каннибалах или хвостатых людях, он ответил: «Да, но мы всегда считали, что эти и другие чудовища встречаются только у вас, мореходных народов». Другие чудовища, которых он имел в виду, – люди с глазами не только спереди, но и сзади. Рассказы о них я слыхал раньше, но это было на западе, вблизи Анголы.

Начала дождей ожидают здесь, когда вскоре после захода солнца на востоке появляются Плеяды. Называют их здесь, так же как дальше к югу, лемила, что значит «комья» (поднятые мотыгой).

Двигаясь вдоль Рувумы, мы проходим по местам, где население хорошо снабжается белым коленкором через работорговцев Килвы, так что рынок насыщен этим товаром. Получить за него продовольствие невозможно. Если продолжать двигаться на запад, то придется пересечь несколько рек, впадающих Рувуму: с юга – Зандуло, Санджензе, Лачиринго, затем, огибая северный конец озера Ньяса, пройти по стране нинди, поселившихся сейчас в местах, покинутых мазиту; нинди в подражание мазиту пользуются щитами и занимаются грабежом. Партия арабов проникла в страну нинди и выбралась оттуда, только откупившись за выход коленкором. Было бы неразумно с моей стороны отважиться сейчас пуститься в эти места, но если мы будем возвращаться этим путем, то, может быть, и пройдем в страну нинди. Пока что будем двигаться к Матаке, деревни которого всего в нескольких днях пути от середины озера Ньяса и изобилуют продовольствием.

26 июня. Издох последний мул. Утром, когда мы шли по тропе, нас громко окликнула хорошо одетая женщина, которой только что надели на шею тяжелое ярмо раба. Она таким повелительным тоном потребовала, чтобы мы были свидетелями вопиющего беззакония, жертвой которого она стала, что все мои люди остановились и подошли, чтобы выслушать, в чем дело. Женщина рассказала, что она близкая родственница Чирикаломы и направлялась вверх по реке к своему мужу, когда ее захватил старик (в доме которого она сейчас живет пленницей), удалил от нее служанку и держит ее, как мы сами видим, в позорном состоянии. Лозы, которыми она была связана, еще зелены и сочны. Старик в свое оправдание заявил, что эта женщина убежала от Чирикаломы и что вождь обидится на него, если он ее не задержит.

Я дружески спросил усердного старого джентльмена, что он рассчитывает получить от Чирикаломы, и получил ответ: «Ничего». Подошло несколько человек, похожих на охотников за рабами, и стало ясно, что женщину схватили, чтобы продать ее им. Поэтому я дал старику отрез ткани для уплаты Чирикаломе, в

случае если тот обидится, и велел передать вождю, что мне было стыдно видеть его родственницу в рабском ярме; поэтому я освободил ее и провожу к мужу.

Очевидно, она знатная дама: на ней много красивых бус, есть нанизанные на слоновий волос, она смелая женщина; когда мы ее освободили, она отправилась в дом старика и забрала свою корзинку и тыкву с водой. Крикливая жена старика заперла за ней дверь и пыталась срезать ее бусы, но та дала ей основательный отпор, а мои люди силой распахнули дверь и выпустили женщину, но без ее рабыни. Вторая жена усердного старика – их у него было две – присоединилась к первой и разразилась бешеной руганью, а старшая стояла, уперев руки в бока, точь-в-точь как базарная торговка. Я расхохотался, и младшая жена присоединилась к моему смеху. Я объяснил нескольким старейшинам на краю деревни, что я сделал, и послал сообщение Чирикаломе, изложив обстоятельства моего дружественного поступка по отношению к его родственнице, чтобы мои действия не были превратно истолкованы.

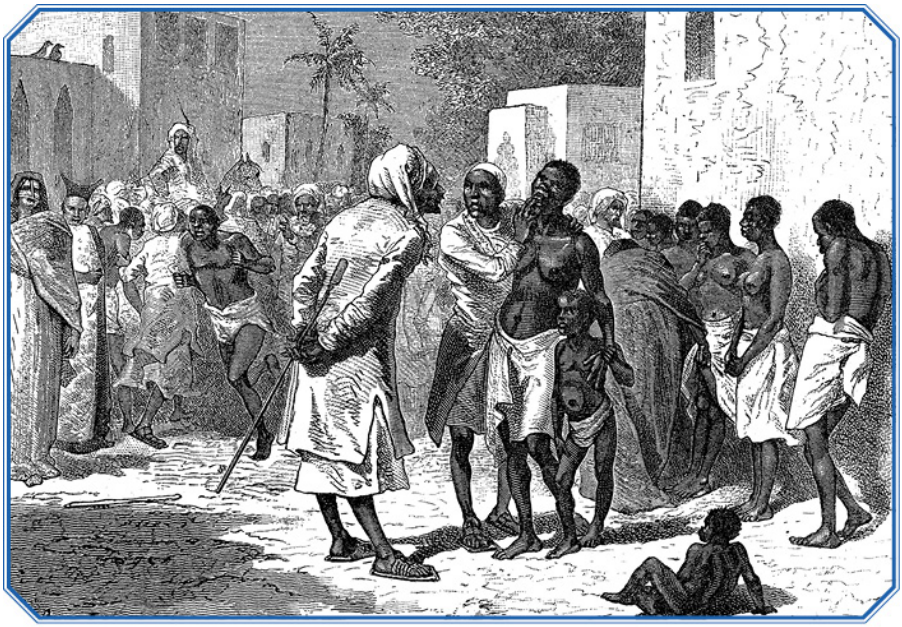
27 июня. Наткнулись на дороге на труп мужчины; он умер, очевидно, от голода, так как был крайне истощен. Один из наших побродил вокруг и обнаружил много рабов с ярмом на шее, брошенных хозяевами из-за отсутствия пищи. Рабы были слишком слабы, чтобы говорить или чтобы хоть сказать, откуда они; среди них были совсем молодые. Пересекли реку Тулоси, текущую с юга, ширина ее около двадцати ярдов.

В деревне вождя Ченджевалы народ обычно удивлялся, когда я заявлял, что в смерти множества рабов, попадавшихся нам на дороге, виноваты отчасти те, кто продал их.

Ченджевала обвинял Мачембу, вождя деревни, расположенной выше по течению на Рувуме, в том, что он поощряет работорговлю. Я сказал Ченджевале, что много путешествовал в этих местах и знаю все их отговорки: каждый вождь винит кого-нибудь другого.

«Лучше было бы, – сказал я, – оставлять своих людей дома и расширять посевы». «О, Мачемба посылает своих людей и грабит наши возделанные участки, когда мы их засеваем», – ответил вождь.

Кто-то сказал, что виновники продажи людей в рабство – арабы, соблазняющие жителей красивыми тканями. На эту детскую отговорку я заметил, что скоро у них не будет людей на продажу: страна превратится в джунгли, и все жители, если не умрут в дороге, будут возделывать участки для арабов в Килве или другом месте.



Рынок рабов. *Гравюра XIX в.*

28 июня. В часе пути от деревни Ченджевалы натолкнулись на группу, занимавшуюся грабежом. Владельцы участков убежали на другой берег реки и махали нам руками, чтобы мы выступили против людей Мачембы, но мы остановились на холме, сложили весь свой груз на землю и стали ждать, что будет дальше. Двое из грабителей подошли и сказали, что захватили пять человек. Думаю, что они приняли нас за арабов, так как заговорили с Мусой. Затем они набрали себе зеленой кукурузы, то же сделали и некоторые из моих людей, считая, что раз уж посев все равно пропадает, то они, действительно голодающие, могут взять себе часть.

Я прошел немного вперед вместе с этими двумя грабителями и по следам решил, что в партии четверо или пятеро вооруженных ружьями. Участки и хижины были покинуты людьми. Какая-то несчастная женщина сидела и варила зеленую кукурузу. Один из грабителей велел ей следовать за ним. Я сказал: «Оставь ее, она умирает». «Да, – ответил он, – с голоду», и пошел дальше без нее.

Проходим деревню за деревней и возделанные участки – все брошено! Сейчас мы находимся между двумя борющимися группами. Ночевали на пустом участке. Люди Ченджевалы советовали нам брать что захотим, и так как у моих людей не было еды, то мы собрали остатки бобов конго, листья бобовых и стебли сорго – очень скромная еда, но больше есть было нечего.

29 июня. Дошли до деревни Чимсейи, брата Мачембы. Чимсейя тут же дал нам еду. Слой почвы в этой местности мощнее, в жирной глине растет много больших акаций, встречаются большие каменные дубы, а на многих островах есть участки, удобные для возделывания кукурузы. Ко мне подошел один юноша из Насика и доложил, что у него украли его тюк с 240 ярдами коленкора; он будто бы отошел в сторону, оставив тюк на тропе (вероятно, заснул), а когда вернулся, тюка не было. Никак не могу внушить ни им, ни сипаям, что спать в походе не полагается.

Освобожденная нами Акасаконе достигла, наконец, резиденции мужа, тоже брата Мачембы. Всю дорогу она вела себя как знатная дама, спала у своего костра, отдельно от мужчин. Дамы из различных деревень, через которые мы проходили, выражали ей свое сочувствие. Она рассказывала им об унижении, которому ее подвергли. Акасаконе оказала нам множество услуг. Она покупала для нас пищу, так как обладала умением, как мы убедились, получить за кусок ткани вдвое против того, что удавалось купить за ту же ткань любому из наших. Она вступалась за нас, когда нас пытались обидеть, а когда нам не хватало носильщиков, вызывалась сама нести на голове мешок бус. Когда мы пришли в деревню Чимсейи, брата Мачембы, она представила меня Чимсейе и, ссылаясь на услугу, оказанную ей, уговорила его быть щедрым в предоставлении нам пищи. Акасаконе распрощалась с нами, всячески выражая нам благодарность, а мы были рады, что не ошиблись, выручив ее.

Одного из джоханна поймали за кражей кукурузы, потом, когда я уплатил за него, поймали второго. Я послал человека к вождю просить его не обижаться на это, так как мне самому очень стыдно, что мои люди воруют. Он ответил, что с самого начала я ему понравился и не должен бояться его недовольства, так как он с большой охотой сделает все что может, чтобы избавить меня от огорчений и неприятностей. Ко мне явился сипай, давший нести свой мушкет негру, теперь тот с него требовал уплаты за работу. Сипаи завели нетерпимый обычай нанимать людей, чтобы те несли за них их тяжести, говоря, что я заплачу. Я спросил, почему он дал обещание от моего имени. «Ах, – ответил он, – да ведь он нес мушкет совсем немного».

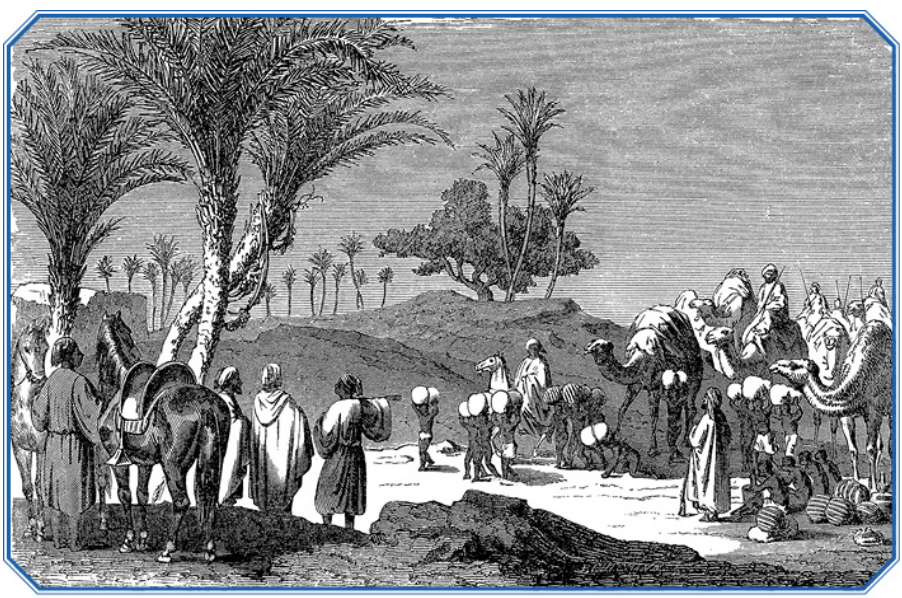
30 июня. Утром Чимсейя предупредил нас, чтобы никто из людей не отставал и не пробирался далеко вперед, так как здесь широко распространены нападения с ножом и ограбления.

Видел еще мертвеца, привязанного к дереву, – ужасное зрелище. На тропе валяются ярма рабов в таком количестве, что я подозреваю здешних жителей в обычае освобождать рабов,

брошенных в пути, а затем снова продавать их в рабство.

В деревне вождя Чимсаки, куда мы сегодня пришли, сеют кукурузу в большом количестве. Мы сделали запас, но, так как кругом воры, решили, что следует двинуться в следующую деревню (вождя Мтарики). Перед выходом обнаружилось, что пропали вилка, чайник, горшок и патронташ. Я заметил, что воры все время шутили с Чу́мой и Викатани; когда последний, наслаждаясь шуткой, хохотал, глядя в небо, они засовывали себе под одежду вещи, которые ему было поручено охранять. Переговорил с вождем, и он заставил отдать ему первые три вещи и вернул их мне.

В значительной степени, если не целиком, беззакония в этом районе – результат работорговли, так как арабы покупают любого, приведенного к ним, а в такой лесистой местности, как эта, можно заниматься похищением людей с чрезвычайной легкостью; в других местах народ честен, уважает закон и справедливость.



Прибытие каравана с невольниками.
Гравюра XIX в.

1 июля 1866 г. По мере приближения к владениям Мтарики страна становится более гористой; земли на склоне, обращенном к южному берегу реки, тянущиеся приблизительно на милю, кормят большое население. Одни люди расчищали участки, вырубая деревья и складывая сучья в кучи, чтобы сжечь их; другие, собравшие большие запасы зерна, перетаскивали его на

новое место. Все население так хорошо снабжено коленкором (мерикано), что на наш и смотреть не хочет: рынок забит тканью, поступающей от работорговцев из Килвы. На вопрос, почему людей привязывают к деревьям и оставляют так умирать, здесь дают обычный ответ: привязывают и оставляют их погибать арабы, так как они злятся, что теряют деньги на рабах, которые не могут продолжать идти. Тропа буквально усыпана ярмами; и я подозреваю, что местные жители, хотя они отрицают это, регулярно следуют за караванами рабов, срезают ярма с отстающих в походе и таким образом воруют рабов. Продавая этих людей снова в рабство, они добывают большое количество тканей, которые мы здесь видим. Некоторые требовали ярких ситцев, каких мы не взяли собой, так как знали, что обычно жители Центральной Африки предпочитают покупать прочные, а не яркие материи.

Рувума в этих местах имеет ширину около ста ярдов и сохраняет характер быстрой речки, с песчаными берегами и островами; острова обычно населены, их удобно защищать в половодье.

2 июля. Расположились на отдых в старой деревне Мтарики. Хотя нам пришлось дорого платить за пищу, отдавая за нее наши самые лучшие цветные ткани, но мы получали столько, что могли поесть один раз в день. За столь же дорогую цену мы иногда получали всего лишь по два початка кукурузы на человека.

Жители, принадлежащие к племени вайяу, очень любопытны, а иногда довольно грубы. Все они слыхали о нашем желании положить конец работорговле и бывают озадачены, когда им говорят, что, продавая людей, они виновны в намеренном убийстве рабов. Некоторые были поражены, когда им доказывали, что в глазах Творца они соучастники уничтожения людей, которое сопровождает эту торговлю на суше и на море. Если бы они не продавали рабов, то арабы не приходили бы их покупать. Чу́ма и Викатани красноречиво переводят мои слова на чияу, так как большинство здешнего населения принадлежит к их племени. Чимсейя, Чимсака, Мтарика, Мтенде, Маканджена, Матака и все вожди и население на нашем пути к озеру Ньяса принадлежат к вайяу (или вайоу). На склоне, образующем южный берег реки, много мест, где сочатся родники и много сырых участков, на которых сеют и убирают рис. Соседние земли дают большие урожаи сорго, бобов конго и тыквы. Толпы людей одна за другой приходят смотреть на нас. Мой вид и мои действия часто вызывают взрывы смеха. Если внезапно встать, то женщины и дети разбегаются. Чтобы люди не заглядывали в занимаемую мной хижину, я пишу сидя на веранде. Народ встречает нашего

пуделя Читане, теленка-буйвола и единственного оставшегося осла с таким же любопытством и вызывающими смех замечаниями, с какими встречает меня.

Каждый вечер из различных деревень по реке слышатся громкие мушкетные выстрелы. Все подражают арабам в одежде и жуют табак с известью нора, изготовленной из обожженных речных раковин, взамен бетеля с известью. Женщины полные, хорошо сложенные, с толстыми руками и ногами, головы большей частью круглые, губное кольцо маленькое, татуировка представляет собой смесь татуировок макоа и вайяу. В моде изящные синие и черные бусы и браслеты в несколько витков из толстой медной проволоки. В волосах носят красиво инкрустированные гребни. Для инкрустаций используется смола, добываемая из корня орхидеи нангазу.

3 июля. После короткого перехода достигли новой деревни Мтарики. Вождь появился только после того, как разузнал о нас все что мог. Население здесь обильное. Они готовят сейчас новые участки, и земля размечена прямыми линиями примерно в фут шириной, прорезанными мотыгой. Можно пройти несколько миль, не выходя за пределы этих размеченных, размежеванных земель.

Наконец Мтарика явился. Крупный некрасивый мужчина с большим ртом и покатым лбом. Он потребовал, чтобы ему показали все наши интересные вещи вроде часов, револьвера, ружья, заряжаемого с казенной части, секстанта. Я прочел ему лекцию о недопустимости торговли своими людьми, и он выразил желание, чтобы я рассказал то же всем другим вождям.

Им не нравится, когда ставят в вину продажу множества людей, которые потом лишались жизни на пути к берегу моря. На следующий день Мтарика пробыл у нас долго, он дал нам муки и мяса дикой свиньи с салатом из бобовых листьев. Оборванный араб-суахили, больной ревматизмом, пришел просить помощи и получил кусок ткани. Все арабы уверяют меня, что покупают только слоновую кость.

5 июля. Продолжили поход. Направились в деревню вождя Мтенде, последнюю перед большим восьмидневным переходом к владениям вождя Матаки. Мы могли бы идти несколько севернее, в деревню вождя Кандуло, близ Рувумы, но там народ так хорошо снабжается всем через работорговцев, что нам трудно будет доставать хоть какое-нибудь продовольствие. У Матаки много всякой пищи. Прошли по дороге мимо костей сожженного человека; его обвинили в том, что он ел человеческое мясо. Его отравили, или, как говорят негры, его убил яд, а затем сожгли. Одежду его развесили на дереве при дороге как предостережение

для других. Местность покрыта тощим лесом и так холмиста, что часто с гребней видно далеко кругом. На юге и юго-западе видны большие горы. Холодно, небо часто затянуто облаками.

6 июля. Вчера сделал лунные наблюдения. Позже Мтенде пригласил нас ужинать к себе в дом, где была приготовлена рисовая каша с приправой из бобовых листьев. Он говорит, что через его деревню проходит много арабов и многие из них умирают во время своих путешествий; глухих или немых в этой местности, по его словам, нет. Животным, предназначенным в пищу, он перерезает горло, к мясу льва или гиены не прикасается.

7 июля. Получили от Мтенде проводников и людей для переноски грузов. Он потребовал ткани, гарантируя за это, что его люди пройдут с нами до конца перехода и будут себя вести должным образом. Это первый случай за путешествие, когда у меня потребовали нечто вроде дани. Я дал ему ткань стоимостью в 5 шиллингов 6 пенсов.

Здесь преобладает растительность, свойственная высоким местам: среди кустов высотой в пять футов там и тут разбросаны деревья, радуют глаз красивые синие и желтые цветы. Идем по чередующимся гребням холмов и долинам. В каждой долине бежит речка или сочится ручеек. Цветут пурпуровые ивы и один вид шалфея с пестрыми листьями ниже цветка.

Когда сипай Перим выбросил чай и свинцовую обертку, я только сделал ему выговор и пригрозил наказать, если он совершит какой-нибудь умышленный проступок. Сейчас он и еще другой сипай нарочно отстали и дали нести свою поклажу постороннему человеку, обещав, что я ему заплачу. Мы поджидали их два часа, и так как сержант сказал, что сипаи его не послушают, я крепко ударил Перима и второго сипая несколько раз палкой, но почувствовал при этом, что унижаю себя, и решил больше лично не наказывать сипаев.

8 июля. Тяжелое путешествие по обезлюдевшей стране. Деревья толщиной с шест для подвязывания хмеля растут среди густой высокой травы. Почва иногда с примесью песка, иногда красноватая, глинистая, что так хорошо родит африканское зерно. Верхний слой породы в обнажениях – железистый конгломерат, подстилаемый гранитом. Камедное дерево здесь просто куст, раскопок для добычи камеди тут не ведут. Камедное дерево называют здесь маченга, из надрезов вытекает смола, используются также кора и волокна для изготовления ткани и веревок. Нас окружают горные массивы. Ночевали на горе Лината.

9 июля. Много фруктовых деревьев масуко. Так же называются эти деревья в стране батока. Встречаются

рододендроны двух видов, но с белыми цветами. Ночевали в диком месте около горы Лезиро, кругом ревели львы. Один хриплый субъект пел нам серенаду очень долго, но ничего против нас не предпринял. Говорят, что местность эта изобилует дичью, однако мы ничего не видели, за исключением случайных антилоп, убегавших с тропы. Некоторые реки текут на северо-запад, к Лисмиандо, к северу от Рувумы. Другие текут на юго-восток, к реке Лоэнди.

10 и 11 июля. Ничего интересного, все та же утомительная дорога; еды так мало, что мы можем выдавать только горсть зерна, около полуфунта на человека в день. Плоды масуко поспевают только к началу дождей. Почти не видно и не слышно птиц, хотя есть для них и пища в виде семян многих трав, и вода в речках.

12 июля. Ночью начал моросить мелкий дождь, продолжавшийся и сегодня утром. Все же вышли затемно, оставив последнюю порцию пищи для сержанта и сипаев, которые нас еще не догнали. Реки теперь стали широкими. Мы спешили, как только могли, дойти до реки Луатизе, последней нашей остановки перед деревней Матаки. Луатизе – быстрая река шириной около сорока ярдов, глубиной по пояс, на дне ее много речных водорослей. Местность становится все более холмистой, она покрыта зеленью, главным образом деревьями масуко, у которых листья крупные и твердые. Дальше вниз по течению в сторону Лоэнди на реке Луатизе водятся бегемоты. Я разделил между людьми небольшое количество риса, который берегли для меня.

13 июля. Много отставших, но мы продолжаем идти вперед в надежде достать пищу. Почва – сплошь красноватая глина; дороги, высушенные солнцем, стали твердыми, у многих из нас ноги стерты и болят. Утомительный долгий переход, тропа все время идет то вверх, то вниз. За один день я насчитал пятнадцать речек; они текут по дну долин, разделяющих возвышенности. Мы дошли до вершин, лежащих приблизительно в часе ходьбы от первых возделанных участков Матаки, и так все устали, что остановились ночевать, но сначала вызвали добровольцев пойти дальше, чтобы купить пищу и принести ее сюда рано утром.

14 июля. К 8 часам утра наши добровольцы не вернулись, и я отправился выяснять причину этого. После часа ходьбы я, спускаясь с крутого склона, вздымающегося над первыми возделанными полями, увидел наших приятелей, вскочивших на ноги при моем появлении. Они, расположившись с полным удобством, варили себе кашу на завтрак. Я послал людей Матаки с пищей к отставшим, а сам пошел дальше в город.

Араб, по имени Сеф Рупиа (или Рубиа), начальник большой партии рабов, направлявшейся к берегу моря, весьма любезно вышел нам навстречу и подарил мне быка, мешок муки и вареного мяса; все это было чрезвычайно кстати для изголодавшихся людей, да и в любых условиях было бы кстати. Он слыхал о том, что у нас не хватает продовольствия и что с нами отряд сипаев. О чем же могут думать англичане, как не о том, чтобы положить конец работорговле? Если бы он увидел наш несчастный отряд сопровождения, весь его страх перед ним тут же исчез бы. Под его начальством большой караван. Такая партия обычно делится на десять или двенадцать частей, и все они обязаны в известной степени повиноваться начальнику: в данном случае партий было одиннадцать, а торговцев было приблизительно шестьдесят – семьдесят, все темнокожие арабы с побережья. У каждого из подчиненных были свои люди; когда я увидел их, они были заняты устройством из веток загородок, в которых они спят со своими рабами. Сеф отправился со мной к Матаке и представил меня должным образом, сопровождая представление пальбой холостыми патронами. Я пригласил его наутро прийти снова и преподнес ему три куска ткани с просьбой, если он встретит сержанта и сипаев, помочь им пищей. Он оказал им щедрую помощь.

Город Матаки расположен в высокой долине, окруженной горами; домов здесь насчитывается не меньше тысячи, а вокруг раскинуто много деревень. Горы покрыты приятной зеленой растительностью, много деревьев, и жители непрерывно заняты их рубкой. Народ переселился сюда недавно. На старом месте, к западу отсюда, они подверглись нападению и осаде мазиту; после четырехдневных боев они отразили врага и ушли непобежденными.

Лев и львица. Гравюра XIX в.

Ливингстон отмечает, что у разных племен представления о «чистом» и «нечистом» мясе разнятся. Некоторые, например, употребляют мясо слона в пищу, а другие — нет, то же касается и некоторых других животных. А вот мясо львов, гиен и леопардов считают непригодным для еды — «нечистым» — большинство африканцев, потому что эти животные пожирают трупы людей.

Матака заставил нас подождать некоторое время на веранде своего большого квадратного дома, а затем появился с добродушной улыбкой на лице. Ему лет шестьдесят, одевается, как араб, и, если судить по смеху, каким всякий раз принимались его замечания, склонен к шутливости. Он до сих пор не видал никаких иностранцев, кроме арабов. Матака отвел мне для жилья квадратный дом. Большинство домов здесь квадратные, в подражание арабским. Арабы научили местных жителей сеять английский горох, и мы с удовольствием увидели большие участки уже спелого гороха на влажных низинах, избранных для его посева. Все многочисленные родники используются. Слишком влажные участки дренируются. Позже мы имели случай восхищаться чрезвычайно обширными дренажными системами, устроенными в гористой местности. Вдоль всех улиц города выращивают касаву (маниок). Это придает улицам аккуратный, приятный вид. На орошенных землях основная продукция земледелия – горох и табак, но часто сажают также батат и кукурузу. Если сюда завезти пшеницу, то она примется. Город расположен на высоте около 2700 футов над уровнем моря. В это время года воздух прохладен и многие жители кашляют.

Матака вскоре прислал нам много каши и жареного мяса (говядины). У него обилие крупного рогатого скота и овец: на следующий день он прислал молоко. Бесстрастно выдерживаем постоянное глазение, хотя оно часто сопровождается отнюдь не лестными замечаниями. Они думают, что мы их не понимаем; вероятно, иногда я и правда понимаю их неправильно.

Моэмбе, город Матаки. 15 июля. Караван под начальством Сефа сегодня утром выступил в Килву. Сеф говорит, что в этом году умерло около ста человек из Килвы; значит, торговля рабами, так же как и филантропическая деятельность, связана с потерей жизни. Мы видели семь могил работорговцев.

Из Моэмбе к озеру Ньяса ведут две дороги: одна – к Лозеве,

которая лежит на запад отсюда, напротив Кота-Коты, другая – в Манату, расположенный южнее. До первой из этих деревень пять дней пути, главным образом по стране, оставленной населением, до другой – семь, по сплошь населенной местности, изобилующей продовольствием.

Вскоре после нашего прибытия мы услышали, что группа вайяу, подчиняющихся Матаке, отправилась без его ведома в набег на Ньясу и угнала оттуда скот и людей. Когда она вернулась с добычей домой, Матака приказал отправить все обратно. Вскоре после этого вождь пришел ко мне с визитом, и я сказал ему, что его решение – самое радостное известие, какое мне пришлось услышать в этой стране. Он, очевидно, был доволен моим одобрением и, повернувшись к народу, спросил, слышали ли они, что я сказал. Затем повторил мое замечание и добавил: «Вы, глупцы, думаете, что я неправильно сделал, возвратив пленных, а все мудрые люди одобряют этот поступок», и потом основательно отругал их.

Случайно я оказался свидетелем того, как эта партия пленных возвращалась обратно. Выйдя за город, я увидел открытый мясной рынок и людей, покупавших кукурузу и муку. На мои расспросы мне ответили, что эти люди и скот с берега Ньясы, пленники зарезали быка, чтобы выменять на мясо зерно для питания в пути.

Переход от грубой и скудной пищи к здешней обильной вызвал среди наших заболевания. Я не ел мясной пищи со времени выхода из Матаватавы, за исключением нескольких голубей и цесарок, которых удалось подстрелить; правда, еще цесарку дал Мтенде. При последнем переходе мы почти не встречали птиц и эти восемь дней прожили на каше или рисе без приправ.

Подарил Матаке безделушку на память о том, как он отправил обратно людей с берега Ньясы; он ответил, что всегда будет поступать так же. Поступок Матаки тем более ценен, что он действовал по собственному побуждению.

Сипаи стали совершенно невыносимыми. Если я от них не избавлюсь, то мы все умрем с голоду, раньше чем сумеем выполнить задуманное. Они болтаются позади, собирая дикие фрукты, и последний наш переход (законченный нами утром восьмого дня) занял у них от четырнадцати до двадцати двух дней. Они убили последнего осла, которого я дал на время сержанту, чтобы нести его вещи; сипаи били осла по голове, когда шли по болотистым местам, в которые бессмысленно загнали нагруженное животное. Сержант нагнал их, они притворились, что от слабости не могут идти дальше; убили молодого буйвола и

съели его, когда им показалось, что они могут выдумать подходящую историю в свое оправдание. Сипаи сказали, что буйвол издох и его сожрали тигры, они сами видели их. «Вы видели полосы тигра?» – спросил я. Все заявили, что отчетливо видели полосы.

Это достаточно говорит об их «правдивости»: в Африке нигде нет полосатых тигров. Все, кто хотел уклониться от работы или вообще вести себя плохо, неизменно водили компанию с сипаями. Их разговоры, видимо, устраивали злодеев, и все они составляли такую неприглядную шайку, что мне было стыдно за них. Сержант не имел у них никакого авторитета, и у всех сипаев был мрачный, упрямый взгляд людей, идущих туда, куда их заставляют идти, хотя они этого совершенно не желают. Это их упрямо-виноватое выражение лица так бросалось в глаза, что мне много раз приходилось слышать, как местные жители говорили: «А это рабы партии». Когда сравниваешь их с африканцами, то видишь, насколько эти сипаи лишены бодрости и смелости. Завидев деревню, сипай сворачивал с дороги и самым униженным образом просил подаяния или же ложился и спал; единственным оправданием, которое он потом приводил, было то, что у него стерты ноги.

Когда я позволил нескольким из них спать у огня в моем доме, они начали расхищать все, что могли продать, – патроны, ткани, мясо, и мне пришлось их выгнать. Тогда один из них пригрозил, что застрелит моего переводчика Симона. Сипай повторил эту угрозу трижды. Подозреваю, что подобные угрозы помешали сержанту проявить свою власть. Я окончательно решил избавиться от сипаев и отправить их обратно на морской берег с первым встречным торговым караваном. Возможно, что найдутся сочувствующие им, которые станут на их сторону, но я уже испробовал все, чтобы сделать их полезными членами экспедиции.

Я дал восемнадцать ярдов коленкора сипаям и сорок восемь ярдов Матаке и договорился с ним, что он будет выдавать им пищу до прибытия почтенного торговца Сулеймана. Его ждали со дня на день, и мы встретили его караван недалеко от города. Если сипаи решат идти и забрать свой багаж, то, конечно, они будут в полной безопасности. Сержант попросил разрешения идти и дальше со мной. Я согласился, хотя он лишний груз для отряда; впрочем, в затруднительном положении он тоже мог пригодиться.

Среди толпы, приходившей посмотреть на нас, Абрахам узнал своего дядю. Абрахам назвал себя и выяснил, что после того как его обратили в рабство, его мать и двух сестер тоже продали арабам. Дядя уговаривал его остаться, Матака также настаивал на

этом, как и другой дядя Абрахама, но тщетно. Я присоединил к ним свой голос, и готов был помочь ему, но он неизменно отвечал: «Как я могу остаться здесь, где у меня нет ни матери, ни сестер?» Главная привязанность у местных жителей, по-видимому, проявляется к матери. Я высказал предположение, что он вернется сюда, когда женится, но боюсь, что никто из моих юношей – воспитанников Насика – не вернется в свою страну, если только здесь не поселятся европейцы. Несомненно, было бы лучше обучить их простейшим приемам земледелия, как индийцев. Матака хотел бы использовать в работе своих быков, но Абрахам не сможет ему в этом помочь. Хотя он и кузнец, но по сути дела без ремесла, так как у него здесь не будет никакого материала для работы, если только сам не сумеет выплавить железо.

14–28 июля. Однажды, придя к Матаке, я, как обычно, застал у него множество праздного народа, всегда готового ответить смехом на любую попытку вождя сострить. Матака спросил, что ему следует взять с собой, чтобы получить золото, если он отправится в Бомбей. Я ответил: «Слоновую кость». «А рабы, – сказал он, – невыгодный товар?» Я ответил, что его посадят в тюрьму, если он возьмет туда рабов на продажу. Далее он сказал, что все торговцы с побережья толпами приходят к нему и должны бы поднести ему приличный подарок за то, что он удовлетворяет здесь их требования. Я ответил, что лучше бы он создал условия для увеличения населения в этой прекрасной стране, не знающей недостатка в воде, вместо того чтобы отправлять людей в Килву; этим он окажет благодеяние путешественникам, а сейчас по пути нам приходилось голодать. Затем я рассказал ему, что сделали бы англичане в области дорожного строительства в такой замечательной стране. После этого разговор перешел на железные дороги, суда, пахоту на быках; последнее больше всего заинтересовало его. Я сказал ему, что мог бы оставить здесь несколько юношей Насика, которые бы научили местных жителей и такой пахоте, и другим вещам, но молодые люди, вероятно, не захотят рисковать остаться из боязни, что будут проданы в рабство. Мои собеседники никогда еще не слыхали таких решительных протестов против продажи людей в рабство.

Сознание вины за продажу людей в их умах, вероятно, возникало лишь в неясной форме, но смерть рабов, которой мы были свидетелями (вина за нее, как я им сказал, ложится на продавцов так же, как и на покупателей), доходит до людей Матаки с большой силой.

Матака сам активно участвовал в войнах с целью добычи рабов, но сейчас он хочет жить спокойно. Вообще вайяу и до сих

пор самые активные агенты работорговцев. Начальники караванов из Килвы обычно прибывают в деревню вайяу и показывают привезенные товары. Старшины щедро угощают их, просят подождать и пожить в свое удовольствие; рабы для продажи будут доставлены в достаточном числе. Затем вайяу совершают набег на племена манганджа, у которых почти совсем нет ружей, тогда как нападающие вайяу обильно снабжены оружием своими гостями с морского берега. Часть арабов из прибрежной полосы, ни в чем не отличающихся от вайяу, как правило, сопровождают их в этих набегах и ведут свое дело самостоятельно. Таков обычный способ добычи рабов для каравана.

Один из вождей вайяу, Макенджела, деревня которого лежит примерно на одной трети пути из владений Мтенде к городу Матаки, утратил дружбу всех соседей, так как похищал и продавал их людей. Если в районе между Моэмбе и деревней Макенджелы его люди захватывают кого-нибудь из людей Матаки, то их считают законной добычей и продают. Люди Макенджелы не могут попасть к манганджа, не пройдя через владения Матаки, и они похищают и грабят всех, кто попадает им в руки.

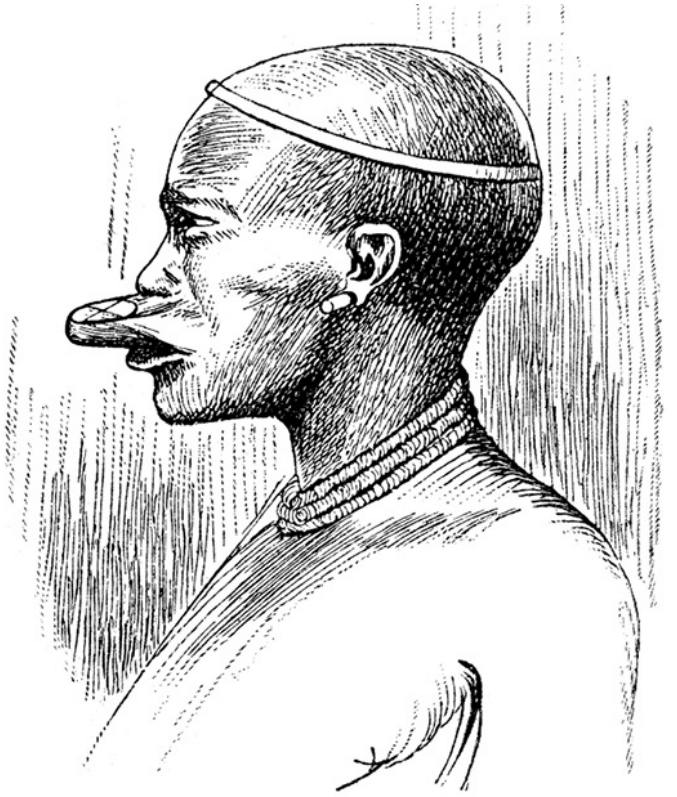
Когда я нанял двоих людей из племени Матаки, чтобы они 14-го вернулись назад по нашему пути с пищей для сержанта и сипаев, то они отошли лишь на небольшое расстояние и снабдили пищей только часть сипаев, но не решились дойти до Луатизе, так как боялись потерять свободу, попав в плен к людям Макенджелы. Я не мог найти местных жителей, согласных идти по нашей тропе назад. Не мог я и требовать этого от своих юношей из Насика, которым сипаи пригрозили, что убьют их; то же было и с джоханна. Хотя они и магометане, но сипаи называли их неверными, и все джоханна заявили: «Мы готовы сделать для вас все что угодно, но для этих индийцев ничего делать не будем». Я отправил назад сипая, дав ему продукты; он остановился в первой же деревне, съел всю пищу и вернулся.

Громадная область страны безлюдна. На северо-восток от Моэмбе не меньше чем на пятьдесят миль простираются плодороднейшие земли; на них еще остались следы того времени, когда страна кормила огромное население, выплавлявшее железо и сеявшее зерновые. Всюду попадаются глиняные трубки, надеваемые на сопла мехов и вставляемые в печь; часто трубки эти оплавлены. Валы земли, на которых сажали бобы, кукурузу, касаву и сорго и где население считало необходимым прокладывать борозды-отводы для излишка влаги во время дождей, все еще выступают над полями, свидетельствуя о трудолюбии прежних жителей. Так как почва здесь глинистая, то

она долго выдерживает воздействие погоды. Валы эти расположены очень правильно; когда идешь поперек старого поля, что часто приходится делать, идя по тропе, то на большом протяжении постоянно одной ногой наступаешь на вал, а другой попадаешь в борозду. Черепки разбитых горшков, края которых украшены рисунками, хорошо подражающими виду плетеной корзины, показывают, что в старину женщины-гончары следовали образцам, оставленным еще более древними женскими предками.

Население покинуло эти места не вследствие недостатка воды, как произошло дальше к югу. Здесь все время чередуются гребни холмов и долины, по которым бегут речки, или заболоченные участки с сочащимися ручейками, там где гребни сходятся. Гребни холмов становятся все круче и уже по мере приближения к поселениям Матаки.

За один дневной переход продолжительностью около шести часов я насчитал пятнадцать речек шириной от одного до десяти ярдов. Они текут по холмистой, или, точнее будет сказать, гористой, местности, и потому течение их быстрое, а вода настолько холодна (61 ˚F = 16 ˚C), что в ней нельзя было купаться. В июле почти все потоки пересыхают.



Женщина из племени вавира с губным кольцом (Восточная Африка). *Изображение из этнографического издания XIX в.*

Губные кольца были распространены у многих племен Восточной Африки. У племени вавира они достаточно большой величины; у женщин племени вайяу, о которых пишет Ливингстон, они были значительно меньше.

Эта область, подымающаяся к западу от земель Матаки до высоты в 3400 футов над уровнем моря, задерживает большое количество влаги, приносимой восточными ветрами. Многие деревья покрыты лишайником. Во время нашего пребывания дули холодные южные ветры. После 10 часов утра небо бывало так закрыто облаками, что нельзя было произвести астрономические наблюдения. Даже наблюдение широты было так затруднено, что нельзя считать его надежным. Определенная нами южная широта

12°53′, возможно, получена с ошибкой в несколько миль.

Крупный рогатый скот мясной породы, пятнистый – белый с черным – или рыжий с горбом, дает молоко, которое у вайяу заслуженно ценится. Овцы крупнохвостой породы, обычно черные. Из других домашних животных мы видели только кур и голубей, если не считать жалких деревенских собак, которых наш пудель гонял с огромным наслаждением.

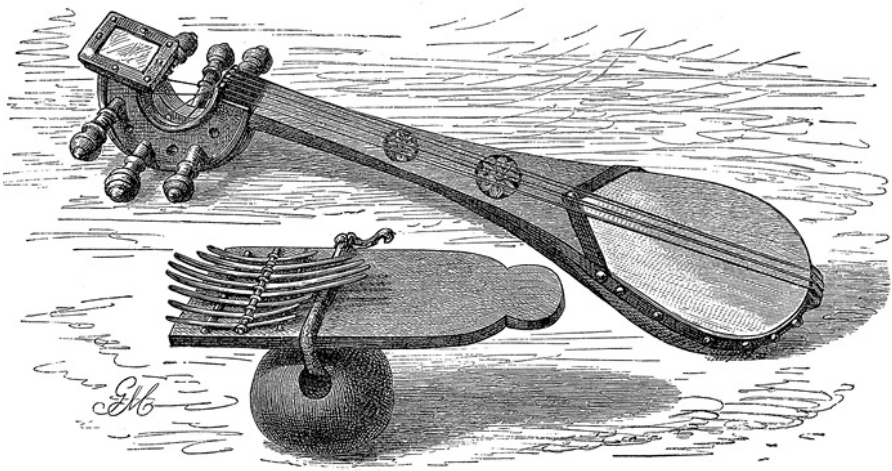
Вайяу не очень-то красивая раса, но у них не выдаются челюсти, как у негров Западного берега. Головы у вайяу круглой формы, лбы узкие, но не очень покатые, ноздри широкие, губы полные, а у женщин благодаря губному кольцу верхняя приподнята, что придает им еще большую толщину. Стиль женской красоты в точности такой, какой был в моде, когда создавались каменные богини пещер Элефанта и Кенора близ Бомбея. Излюбленная модная прическа в виде маленьких отдельных узлов у некоторых других племен вайяу встречается чаще, чем здесь. Рот женщин из-за малого размера губного кольца не казался бы таким страшным, если бы они не запиливали свои зубы на острие. Однако зубы эти кажутся крепкими и пригодными к выполнению работы, выпадающей на их долю. Мужчины крупные, ширококостные, способные выносить тяжелую утомительную работу; при достижении зрелости они подвергаются обряду, некогда отличавшему евреев от окружающих народов, и по этому случаю получают новое имя; обряд этот введен не арабами, которые появились здесь сравнительно недавно.

Молодой Матака (сын) принес мне блюдо гороха. Он обычно при каждом моем приходе что-нибудь приносит. Видимо, он славный мальчик. Отец его, говоря об обучении чтению, сказал, что молодой Матака и его товарищи могут учиться, но сам он слишком стар. Почва здесь, по-видимому, очень плодородна, так как сладкий картофель достигает большой величины. Мы купили две меры сладкого картофеля за три кьюбита (5 футов) ткани и две иголки. В двух мерах больше центнера (45 кг)[13]. Кукуруза тоже дает здесь большие початки, на одном оказалось 1600 зерен. Обилие воды, богатая почва, достаточная рабочая сила для постройки квадратных домов, прохладный климат – все это делает страну привлекательной для поселения.

Некоторые больные, видимо, больше всего любят проводить время в стонах. Так как в моем доме тепло, то я позволил одному юноше из Насика спать в комнатах. Он и я больны одним и тем же – дизентерией. Мое состояние было несомненно хуже, но я не в пример ему не стонал. Я сказал молодому человеку, что стонут только люди, слишком тяжело больные, чтобы понимать, что они

делают. Стоны прекратились, хотя ему стало хуже.

Изобилие зерна и другой пищи сопровождается появлением большого числа крыс или крупных мышей. Нужно также все время помнить о защите от термитов. Человек, который найдет средство, изгоняющее их, совершит тем самым большое благодеяние. Естественное ограничение распространению белых муравьев создается приходом муравьев-эцитонов; когда последние появляются в доме, то в течение некоторого времени они страшный бич, но зато изгоняют термитов.



Гитара и деревянная гармоника племени вайяу.
Изображение из этнографического издания XIX в.

Глава 4

28 *июля 1866 г.* Собирались выступить сегодня, но Матака сказал, что не готов: нужно было смолоть муку, и нам еще не выдали мяса. Матака каждый день присылал нам много приготовленной еды. Он спросил, зарежем ли мы быка, которого он нам даст, или возьмем с собой. Мы предпочли зарезать быка сразу. 28-го Матака пришел с большой порцией муки и привел людей, которые проводят нас до озера Ньяса; отсюда, от Моэмбе, до самого озера простираются его земли; в Лозеву он нас не отправит, так как недавно ее разграбили и сожгли.

Вожди, как правило, проявляют заботу о нашей безопасности. Страна сплошь покрыта горами. Сразу после Моэмбе начался подъем; к концу первого дня пути вблизи деревни вождя Маголы мы достигли наибольшей высоты, около 3400 футов над уровнем моря, по показаниям барометра. Отсюда хорошо видны деревни горных жителей, большей частью в сто домов или более. Жители используют источники *с* максимально возможным умением. Слишком влажные места дренируют; воду отводят по открытым канавам и используют для орошения. В большинство источников просачивается вода с окисью железа. Много участков гороха в цветении или уже плодоносящего. Деревья низкорослые, кроме растущих в долинах. Вблизи речек и на высоких местах много травы и цветов. Вершины гор возвышаются на 2000–3000 футов над подошвами, вдоль которых мы движемся. Наш путь лежит по извилистой дороге, мы все время то поднимаемся на крутые гребни, то спускаемся с них. Вся страна представляет собой цепь таких гребней.

В геологическом отношении плато по обе стороны Рувумы сложено из масс серого песчаника, подстилающего железистые конгломераты. Если подняться по Рувуме приблизительно на шестьдесят миль, то на поверхности почвы в нижней части склона, ведущего на плато, встречается множество больших и малых обломков окаменевшего дерева (пропитанного кремнеземом). В Африке эти окаменелости служат верным признаком присутствия на глубине угля, но выходов его на поверхность мы не наблюдали. Плато в разных направлениях прорезают вади, в которых на толстом слое песчанистой почвы хорошо растут травы и деревья; вади также можно видеть в отдалении, находясь в месте, где Лоэнди впадает в Рувуму. В песках Лоэнди очень часто попадаются куски каменного угля.

До слияния Лоэнди и Рувумы, примерно в девяноста милях от моря, волнистое плато сменяется более ровной местностью, на

которой лишь отдельные гранитные массивы вздымаются на высоту в пятьсот – семьсот футов. У горы Чилоле встречаются изверженные породы, видимо трапп, подстилающий массы прекрасного белого доломита.

Продвигаясь на запад, продолжаем подниматься все выше и встречаем участки гнейса с роговой обманкой. Гнейс часто испещрен полосами, направленными иногда с севера на юг, иногда с запада на восток. По виду породы можно думать, что пласты ее были нагреты почти до плавления и слились друг с другом под действием жара. Из этих полосатых пород поднялись большие округлые массы гранита и сиенита, гладкие склоны и вершины которых почти лишены деревьев; горы эти поднимаются на высоту, вероятно, в 3000–4000 футов над уровнем моря. На высокогорных плато среди этих горных массивов попадаются большие пятна железистого конгломерата, в изломе он похож на желтый гематит. Он придает здешней почве красную окраску.

На водоразделе над равнинами (если их можно так назвать) выступают округлые гранитные горы, образующие сплошные подъемы и спуски и изборожденные бесчисленными ручьями, источниками Рувумы и Лоэнди. Самая высокая из встреченных гор поднимается на 3440 футов. Такая же неровная местность простирается за водоразделом к озеру Ньяса приблизительно на сорок миль. Вблизи озера и по его восточному берегу встречается гнейс с большой примесью роговой обманки. Самая замечательная особенность этих пород в том, что все пласты или стоят почти на ребре, или имеют небольшой уклон в сторону озера. Причину, вызвавшую такое залегание пород, установить трудно. Похоже на то, что имел место внезапный разлом, образовавший озеро и почти опрокинувший все эти пласты породы. Вдоль восточного берега южной части озера тянутся два горных хребта, явно гранитных; ближний покрыт маленькими деревьями и ниже следующего, зубчатого и голого. Но во всей этой стране не встречаются породы, содержащие полезные ископаемые. Породы здесь преимущественно древние кристаллические.

В долинах растет стройное высокое дерево, кажется, какой-то вид фигового; плоды на нем только начали наливаться, но росло оно слишком высоко, чтобы я мог установить, что это за вид. Население не ест эти плоды, но употребляет в пищу крупные личинки, которые выползают из них. Листья дерева достигают пятнадцати дюймов в длину и пяти в ширину, называют его здесь унгуэнго.

29 июля. В деревне вождя Маголы. С юга быстро идут тучи, несущие много влаги. Вверху дует такой сильный ветер, что на

побережье, наверное, буря. Температура по утрам 55 ˚F (13 ˚C).

30 июля. После короткого перехода пришли в деревню вождя Пезимбы, состоящую из двухсот домов и хижин. Она красиво расположена на холме между двумя речками, используемыми, как обычно, для орошения посевов гороха в зимнее время. Вождь сказал, что если мы сейчас двинемся дальше в путь, то нам придется до Мбанги ночевать два раза, так как впереди широкая полоса джунглей. Поэтому мы остались в деревне. Партия арабов, услышав о нашем приближении, пошла в обход деревни по горам, чтобы избежать встречи. Идя в деревню Пезимбы, мы начали спускаться на запад, к озеру Ньяса, и теперь находимся на 300 футов ниже деревни Маголы. В пути пересекли много мелких речушек и Лачеси, довольно большую речку. От водораздела одна часть речек стекает к Лоэнди, другая – к Рувуме. Деревьев стало заметно меньше. Многие из вершин гор покрыты травой или другими растениями. Приятно видеть горы оголенными. Встречаются папоротники, рододендроны и деревья, издали похожие на белую пихту.

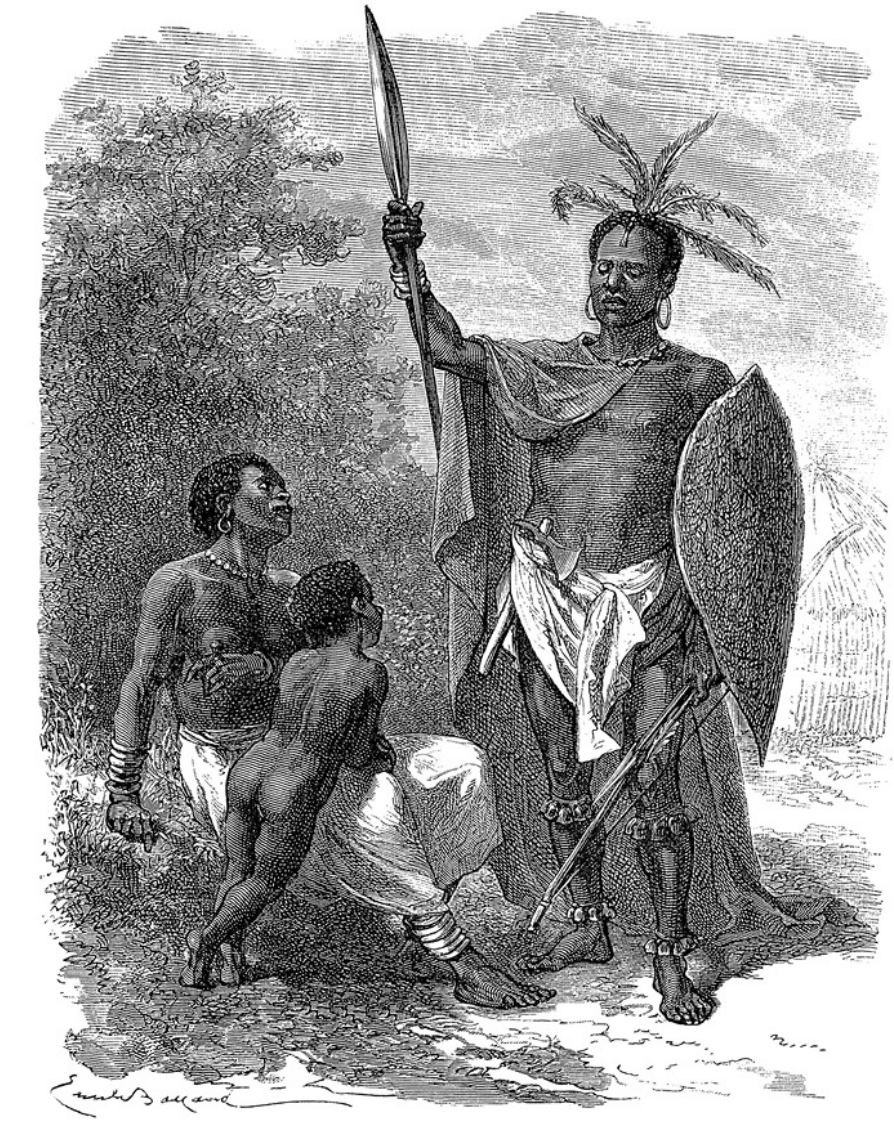
Корень мандаре здесь называют ньюмбо. В приготовленном виде он немного горчит, этот недостаток, возможно, удастся устранить культивированием. На водоразделе некоторые высокие участки сложены гнейсом, теперь, по мере спуска вниз, пошли вулканические породы, изверженные в более позднее время. Во многих местах встречается железистый конгломерат с дырками в нем. В изломе он похож на желтый гематит, стенки дырочек в нем черные. Вероятно, это та руда, которую в прежнее время употребляли кузнецы, следы существования которых попадаются здесь чаще, чем в более восточных районах.

31 июля. Я подарил Пезимбе отрез ткани, и он отлично накормил нас вчера вечером, а сегодня утром просил подождать, так как у него еще не было достаточного количества муки, чтобы преподнести нам. Мы подождали и получили щедрый подарок.

Здесь климат заметно мягче, чем во владениях Матаки; небо сейчас чистое. Утром прошли мимо последних населенных пунктов и продолжали путь по изобилующей водой плодородной местности до места ночевки около горы Мтавире, на берегу реки Мсапо. Недалеко от нашего лагеря находилась партия арабов-работорговцев. Я хотел поговорить с ними, но, как только арабы узнали, что мы близко, они снялись и отправились дальше.

2 августа. Вид желтой травы и разбросанных по ней деревьев около нашего лагеря, вызвавший в памяти Бечуаналенд, создал у меня радостное настроение. Весело пели птицы, приободренные холодом – было 47 ˚F (8 ˚C) – и близостью поселений. Здесь, как и по всей стране, растут камедные деревья и кусты, но раскопок в

поисках камеди население не ведет, вероятно, потому, что деревья никогда не были достаточно большими, чтобы стать источником ископаемой смолы. Следы существования кузнецов очень обильны, кое-где сохранились еще горны. Должно быть, в прежнее время здесь, где сейчас все покрыто джунглями, было много возделанных земель.



Мужчина и женщина из страны Угого.
Изображение из этнографического издания XIX в.

Пришли в деревню Мбанга, утопающую в деревьях; это

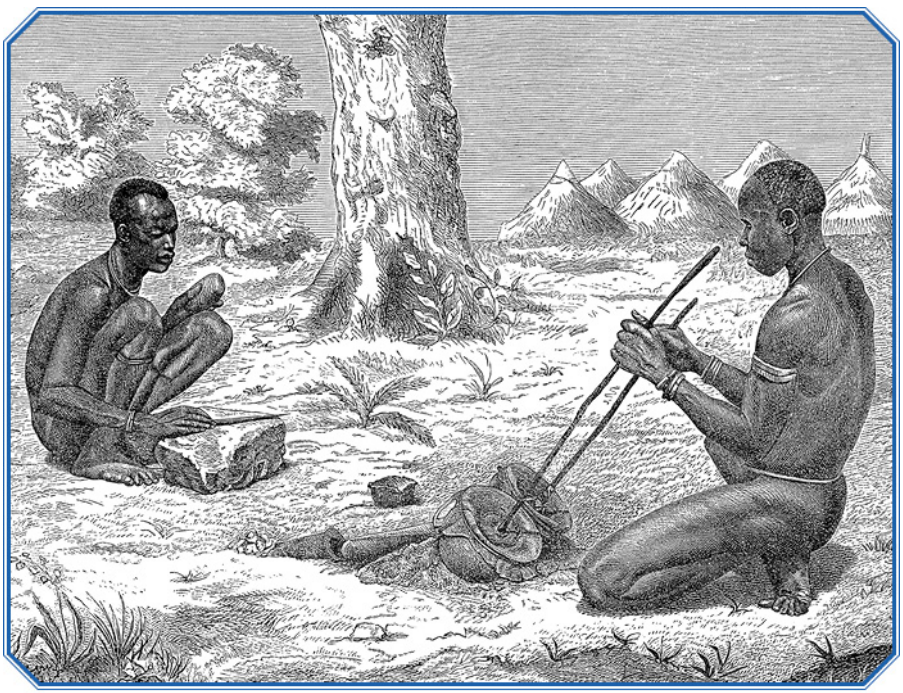
преимущественно молочаи, столь распространенные в стране манганджа, дальше к югу. Вождь Кандуло ушел в другую деревню пить пиво, но прислал распоряжение отвести нам хижину и приготовить еду. Остались здесь на день. Сделал лунные наблюдения.

Итак, мы пересекли обезлюдевшую страну в самой узкой ее части, пройдя сто миль, из которых около 70 – участок пути к северо-востоку от Моэмбе. Местные жители по-разному объясняют, почему исчезли отсюда люди. Одни говорят, что причина – войны с целью захвата рабов, и утверждают, что важную роль в этих походах играли племена макоа, живущие вблизи Мозамбика; другие говорят, что виноват голод; иные считают, что жители переселились к озеру Ньяса и в страну за ним. С уверенностью можно только сказать, судя по черепкам, рассыпанным по всей стране, и сохранившимся бороздам на полях, где сажали бобы, сорго, кукурузу и касаву, что исчезнувшее население было огромным. Живущие сейчас в стране вайяу пришли из-за Рувумы и, вероятно, сменили манганджа; процесс этот продолжается и сегодня.

4 августа. После полутора часов ходьбы пришли в деревню Миуле, лежащую на той же высоте, что и Мбанга. Вождь уговаривал нас остаться, ибо нам пришлось бы, по его словам, ночевать в джунглях дважды, а если мы выйдем завтра рано утром, то один раз. Мы остались. Я спросил вождя, что случилось с большим населением этой области, занимавшимся выплавкой железа. Он сказал, что многие умерли от голода, а некоторые бежали на запад, за озеро Ньяса. Голод – обычное следствие войны с целью захвата рабов, и от него погибает много народа, вероятно, много больше, чем при перегонке рабов к побережью. Вождь никогда не слышал преданий об употреблении каменных топоров или каменных наконечников для копий и стрел, не слыхал он и о находках таких предметов женщинами при вскапывании земли мотыгами. В стране маконде, где железа мало, пользуются деревянными копьями, как мы сами видели. Я видел также, как в стране бечуана и батаков для обработки земли применяют деревянные мотыги, но каменных не встречал ни разу. В 1841 г. в Капской колонии я увидел у бушменки круглый камень с дырой. В ответ на вопрос, для чего он, женщина показала мне, как пользуются этим камнем; она просунула верхнюю часть палки в дыру и выкопала корень. Камень придает палке большой вес.

Пользование каменными наковальнями и кузнечными молотками, распространенное среди африканских кузнецов, с их точки зрения, более разумно, чем применение нашего тяжелого

инструмента. Негры не знают процесса цементации, применение которого к отдельным частям наковальни делает ее пригодной для работы. А из их мягкого железа наковальня была бы не так хороша, как из твердого камня. Стоит только посмотреть, как молотки из их железа после недолгой работы разбиваются и закругляются по краям рабочей поверхности, чтобы понять, что только случайная прихоть может заставить разумного местного кузнеца взять массивный кузнечный молот и обременить себя этим грузом при работе, которую легче выполнить камнем. Люди, живущие оседло, например на побережье, охотно пользуются куском чугуна, какой удается достать, но во внутренних областях, где у местных жителей нет уверенности в том, что они пробудут долго на одном месте, так никогда не поступают.



Кузнецы племени бария. *Рисунок с натуры Р. Бухты из этнографического издания XIX в.*

5 августа. Вышли из Миуле в поход к озеру Ньяса. Ночевали у последней из речек, текущих к Лоэнди. Вблизи Моэмбе есть целая сеть речек, текущих к этой реке, одна из них образует на своем пути озеро; истоки Рувумы тоже находятся в этой области. Выйдя из Моэмбе, мы пересекли довольно большую речку, текущую в Лоэнди, а на другой день после выхода из деревни Пезимбы – еще речку, впадающую в Чирингу, или Лочирингу,

приток Рувумы.

6 августа. Сегодня утром миновали две пирамиды из камней в начале хорошо заметного спуска к озеру. Такие пирамиды часто встречаются по всей Южной Африке в горных проходах; их назначение – служить границей различных стран, возможно, отмечать места погребений. Впрочем, сопровождающие нас вайяу считают, что это просто кучи камней, снесенных в одно место кем-то расчищающим участок для посева. Пирамиды стояли как раз у самого места, откуда становятся хорошо видными синие воды озера Ньяса.

Дошли до речки Мисиндже, впадающей в озеро, и пересекли ее пять раз. Ширина Мисиндже около двадцати ярдов, вода в ней доходит до бедра. Со времени выхода на нижнее плато идем короткими переходами, так как у населения изобилие пищи, и если делаем остановку для отдыха, то нам подносят крупные подарки. Один из жителей дал нам четыре курицы, три большие корзины кукурузы, тыквы, сало антилопы – крупного самца, как видно было по его рогам, – и уговаривал нас остаться, чтобы он и другие могли посмотреть наши любопытные вещи. Он сказал, что на расстоянии дня пути к югу можно подстрелить всяких животных: буйволов, слонов, бегемотов, антилоп канн и разных других антилоп.

8 августа. Вышли к озеру в месте впадения Мисиндже. Мне казалось, будто я вернулся в свой старый дом, который уже не надеялся когда-либо увидеть; приятно было снова купаться в восхитительной воде озера, слышать шум волн и качаться в прибое. Температура воды в 8 часов утра 71 °F (27 °C), а воздуха – 65 °F (18 °C). Чувствую радостный подъем.

Здешний вождь Мокалаосе – настоящий манганджа. Цвет кожи у него и у всех его людей очень темный; это следствие того, что они живут во влажном жарком климате. Вождь держится очень дружественно, поднес нам проса, каши, касавы и вареного мяса бегемота и спросил, не хочу ли я молока, так как у него здесь есть скот от Матаки. Жители принесли на продажу санджику – самую лучшую озерную рыбу. Ее сушат на помостах над медленным огнем; рыба при этом теряет свой нежный вкус, но внутри материка эту сушеную рыбу очень ценят. Я купил пятьдесят штук за шесть футов коленкора. В свежем виде вкус санджики в точности такой, как самой лучшей сельди, то есть так нам кажется, но аппетит путешественников столь обострен, что они не способны вынести правильное суждение в вопросе о вкусе.

10 августа. Я послал вождю Джумбе письмо Сеида Маджида[14]. Посланный встретил на Лоангве арабов из прибрежной полосы. Отсюда по реке Лоангве миль семь; арабы

пришли вместе с посланным и долго торговались о плате за перевоз. Затем ушли, сказав, что приведут свою шхуну сюда, чтобы забрать нас. Видя, что они не едут, я послал Мусу. Он вернулся с известием, что арабы отвели шхуну к Джумбе в Кота-Коту, или, в их произношении, Нготаготу. Очень немногие из арабов с побережья умеют читать. Разговаривают они очень вежливо, но правдивость, видимо, у них не в почете. Отдыхаю сам и даю отдохнуть своим людям, обрабатываю записи в дневнике, лунные наблюдения, измерения высоты. Скоро двинусь в путь: либо далее на юг, либо к арабам на север.

Мокалаосе боится вайяу и будет поэтому рад приходу сюда Джумбе. Наступит день, когда арабы используют подходящий случай и рассеют людей Мокалаосе, как они рассеяли жителей Кота-Коты. Джумбе сделал свое пребывание в Лозеве невозможным. Когда люди Матаки взяли в плен людей Мокалаосе, Джумбе захватил их запасы зерна, и теперь у него нет здесь места, куда он мог бы явиться. Арабы Лоангвы рассказывают ужасные вещи об убийствах, совершаемых Джумбе, о продаже людей в рабство. Всему этому верить невозможно, но положение в его владениях в лучшем случае скверное. Вожди здесь не в состоянии создать государство, независимое королевство. Рабство и работорговля внутри континента представляют собой непреодолимое препятствие устойчивому положению во внутренних областях. Рабы легко разбегаются, и поэтому арабы правдой и неправдой лишь выколачивают как можно больше денег, а затем покидают страну.

Здесь, на Мисиндже, есть птица мамтамбве, которая поет очень хорошо и звонко, когда стемнеет.

11 августа. Из внутренней области пришли два вождя деревень, где мы ночевали. Они принесли нам пищу и спрашивали, как к нам относятся. Советуют идти на юг во владения вождя Мукате, в то место, где озеро сужается.

12 и 14 августа. Составляю карту. Из Моэмбе пришли несколько человек; рассказывают, что прибыл англичанин со скотом для меня – «у него два глаза спереди и два позади». На сегодня новостей предостаточно!

У Мокалаосе свои маленькие горести, и он поверяет их мне. У него сбежала жена. Я спросил, сколько их у него. Говорит, всех жен двадцать. Я заметил, что у него девятнадцать лишних. Он ответил обычным доводом: «А кто же будет готовить еду для гостей, если у меня будет только одна жена?»

Видел над озером тучи комаров кунгу, здесь их не едят. Какой-нибудь придирчивый путешественник, попав сюда с моими записками в руках и видя, что местные жители утверждают, будто

не знают, как ловить и приготовлять кунгу, может сказать, что я фантазировал, рассказывая, будто видел в северной части озера лепешки, приготовленные из этих комаров. Спросил о комарах кунгу, мне сказали: «На севере умеют их готовить, мы не умеем».

Мокалаосе думает, что арабы боятся, как бы я не отнял у них шхуны, чтобы отправиться на север. Он и старшины считают, что самое лучшее – это направиться на юг во владения Мукате. Все арабы убегают от меня, так как англичане в их представлении неотделимы от захвата работорговцев. Они не могут представить себе, чтобы у меня была какая-нибудь другая цель. Они не могут прочесть письмо Сеида Маджида.

21 августа. Выступил к Лоангве на восточной стороне озера. Дорога на всем протяжении (около семи миль) гориста. Ширина реки Лоангвы у места впадения в озеро около двадцати ярдов, Мисиндже в два раза шире. Обе реки образовали мысы из отложений и вливаются в озеро у их вершин. Негр вайяу отвел нам на берегу (приблизительно на сорок футов выше уровня озера) дом, но я не мог заснуть из-за беготни толпищ маленьких муравьев, наводнявших помещение. Их отчетливо различимое стрекотание не давало спать моим людям, хотя все мы основательно устали, поднимаясь вверх по трудной дороге.

22 августа. Перебрались на южный берег Лоангвы, где нет этих надоедливых насекомых.

23 августа. Предложил вождю из племени вайяу послать каноэ, чтобы пригласить Джумбе, так как не поверил уверениям здешнего араба-полукровки, что он уже послал свою лодку. Все вайяу помогали мне, почему бы этому не помочь мне? Он был доволен моей просьбой, но советовал подождать, пока не вернется человек, посланный в Лозеву.

Группа африканцев из племени ваньямвези.
Изображение из книги Г. М. Стенли «Как я отыскал Ливингстона»

24 августа. Из соседнего с нашим дома леопард утащил собаку. Перед этим он покусал человека, но не смертельно.

29 августа. Поступило известие, что две шхуны пришли в Лозеву (Лесефу). Мазиту будто бы прогнали Джумбе в горы (скажи они, что на остров, я мог бы им поверить).

30 августа. Страх, который англичане внушают арабам-работорговцам, причиняет мне неудобства. Все они бегут от меня, как от зачумленного, и я поэтому не могу ни переслать письма на побережье, ни переехать через озеро. Арабы, видимо, думают, что, попав на шхуну, я обязательно ее сожгу. Так как две шхуны на озере используются исключительно для работорговли, то у владельцев нет никакой надежды на то, что я дам им убежать. Поэтому, выслушав множество лживых отговорок, мы решили направиться на юг и переправиться в том месте, где из озера вытекает река Шире. Несколько раз произвел наблюдения по обоим краям луны; написал донесение лорду Кларендону и, кроме того, несколько частных писем.

3 сентября 1866 г. Спустился к месту впадения Мисинджe и видел множество съедобных насекомых кунгу. Их ловят быстрым движением корзины, которую держат в руке. Дальше к югу достал

лепешку из этих насекомых. Кунгу жужжат, как рой пчел; вероятно, это разновидность какого-то озерного насекомого.

На озере два береговых уступа: один расположен на высоте около пятнадцати футов над нынешним высоким уровнем воды, другой – приблизительно на сорок футов выше него. Между этими двумя уступами процесс выветривания от резких смен холода и жары зашел так далеко, что редко видишь округлый гладкий склон. Нижний береговой уступ отчетливо выражен.

Простирание больших масс слоистого гнейса параллельно большой оси озера, и все пласты стоят ребром. Некоторые пласты слегка наклонены в сторону озера, как будто имеют падение к западу, но другие столь же сильно наклонены в противоположную сторону или скручены.

Из сока ягоды, плода лианы, сделал очень хорошие синие чернила. Выжатый сок имеет цвет портвейна, требуется только добавить немного *ferri carb. ammon*.

Цвет шерсти пуделя Читане быстро меняется. Все места в области шеи и ребер быстро рыжеют. Большинство местных собак такого цвета.

Мангандже, или ваньяса, – аборигены страны. У них густые и длинные волосы, челюсть очень мало выдается вперед или совсем не выдается. Телосложение, форма рук и ног очень хорошие, лица мужчин часто очень приятны. Женщины неинтересные, неуклюжие, но чрезвычайно прилежны; они работают на своих участках с раннего утра часов до одиннадцати, а затем с трех часов дня до темноты или же толкут и мелют зерно. Мужчины днем делают шпагат или плетут сети, а вечером и ночью уходят на рыбную ловлю. Хижины строят мужчины, а обмазывают глиной женщины.

Черная рыба нсака делает в грунте ямы с приподнятыми краями. Высота от дна ямы до верха приподнятого края от пятнадцати до восемнадцати дюймов, ширина ямы два-три фута. Негры называют ее домом. Пара живет в таком доме некоторое время, пока самка не будет готова метать икру. После икрометания рыбы покидают дом.

Я дал Мокалаосе тыквенных семян и гороха. Он привел меня к себе в дом и угостил пивом. Я выпил немного, и он, видя, что я больше не пью, спросил меня, не хочу ли я, чтобы девушка-служанка сделала пата мимба. Не зная, что это значит, я предложил девушке тыквенный сосуд с пивом, чтобы она выпила, но не это имелось в виду. Мокалаосе спросил, не хочу ли я еще, а затем взял сосуд, и, в то время как он пил, девушка проделала названную операцию на нем: став перед ним, она положила обе руки на его талию под нижними ребрами и, нажимая на мускулы,

постепенно переместила руки вперед на живот. Он сделал несколько длинных глотков, и при каждом глотке она повторяла эту операцию, как будто заставляя пиво распространиться равномерно по всему желудку. Наши любители выпить, по-видимому, не открыли пока необходимости в этой операции.

5 сентября. Идем берегом к мысу Нгомба, который подходит так близко к находящейся напротив горе Сенге, или Ценге, что сужает озеро до шестнадцати – восемнадцати миль. Мыс низкий, песчаный, на северо-западе и частично на юге его окаймляет пояс папируса и тростника, средняя часть лесиста. Часть мыса с южной стороны покрыта высокими песчаными дюнами, нанесенными южным ветром, который здесь дует перпендикулярно берегу. Такой ветер дул, когда мы шли на восток вдоль южной стороны мыса, и очень нам надоел. Пришли в деревню вождя Нантунды около ручья Лилоле. Другой ручей, который мы пересекли перед этим, называется Либеса. Эти ручьи – любимое место нереста санджики и мпасы – лучших рыб озера. Санджика очень похожа на нашу сельдь по форме, вкусом и размером. Мпаса крупнее ее.

7 сентября. Деревня вождя Чирумбы находится на южной стороне длинной лагуны. Лагуна называется Пансангва.

8 сентября. Мы двигались вдоль южной стороны мыса Нгомба на восток; покинув мыс, повернули на юг, имея по левую руку двойную цепь высоких гор. Горы гранитные, более близкая к нам цепь, как правило, ниже дальней и покрыта тощими деревьями. Вторая цепь, дальше к востоку, поднимается приблизительно на 600 футов над уровнем моря. Эти горы голые, с резкими изломами, их зубчатые пики поднимаются высоко вверх. Вероятно, это более молодая цепь. Старики не видели землетрясений, но некоторые из них говорят, что слыхали о подобных вещах от своих предков.

Прошли через множество заброшенных деревень; их легко узнать по священному фиговому дереву и по посаженным вокруг него древовидным молочаям с зонтичными соцветиями. Здесь есть вид фигового дерева, который подобно некоторым мангровым дает мощные боковые ответвления в виде арки. Эти деревья, равно как и жернова, камни-подставки для горшков при варке пищи и высокие глиняные скамьи, превратившиеся в кирпич под действием огня, когда горели разрушенные хижины, показывают нам, где некогда было «приятное место труда и отдыха человека». Каменные орудия никогда не попадались. Если бы они были, то не могли бы остаться незамеченными, так как при ходьбе почти все время смотришь вниз, чтобы не споткнуться о камень или пенек.

Разрушение деревень произошло здесь совсем недавно и было

делом рук людей, столь гостеприимно принимавших нас на берегах Мисинджe, раньше чем мы дошли до ее впадения в озеро. В этом деле участвовала женщина-вождь Уленджелендже, или Нджелендже, снабжавшая рабами арабские караваны. Все это работа масининга, одного из племен вайяу, часть которого составляют люди Нджелендже. Масининга почти уничтожили население широкой плодородной полосы в три или четыре мили между горами и озером, по которой проходил наш путь. Тяжело было видеть черепа и кости рабов; охотно бы не замечали их, но они повсюду бросаются в глаза, когда бредешь по душной тропе.

9 сентября. Воскресенье провели в деревне вождя Канданго. Мои люди убили бегемота, спавшего на берегу; оказалось, это взрослая самка длиной в десять футов девять дюймов от кончика морды до корня хвоста и высотой в четыре фута четыре дюйма до холки. Дно озера в этих местах и всюду дальше к югу илистое. Ловим много *Siluris Glanis*. Они очень длинные; впрочем, значительная часть длины приходится на голову. Изжаренные на медленном огне (для этого их надевают на палку, воткнутую в землю перед костром), они казались мне гораздо вкуснее, чем когда-либо раньше. На берегу в илистых местах встречается много раковин. К северу от мыса Нгомбы редко когда увидишь раковину: там дно песчаное или каменистое.

10 сентября. Продвигаясь к югу, приблизились к горной цепи (озеро лежит сразу по ту сторону ее), но бухты, образуемые горами, видны не были. Пересекли два горных потока шириной от шестидесяти до восьмидесяти ярдов, но глубиной только по щиколотку. Во время половодья потоки эти несут громадные деревья, избитые и истерзанные о скалы в русле. Потоки разливаются и по равнине, в период дождей они сделали бы невозможным путешествие в этих местах. Провели ночь в доме очень любезного вождя, наутро переправились через Лотенде, еще один такой горный поток. По-видимому, каждый высокий массив цепи дает начало потоку. Очень бедный вождь Памавава поднес вместо пищи пакет соли; нам этот подарок был очень приятен, так как мы уже давно были лишены этой роскоши.

12 сентября. Пересекли речку Нгуену и продвинулись к другой речке с большой деревней на ней – Пантоза Пангоне.

У вождя уже четыре месяца болят глаза, он уговорил меня задержаться и дать ему лекарство.

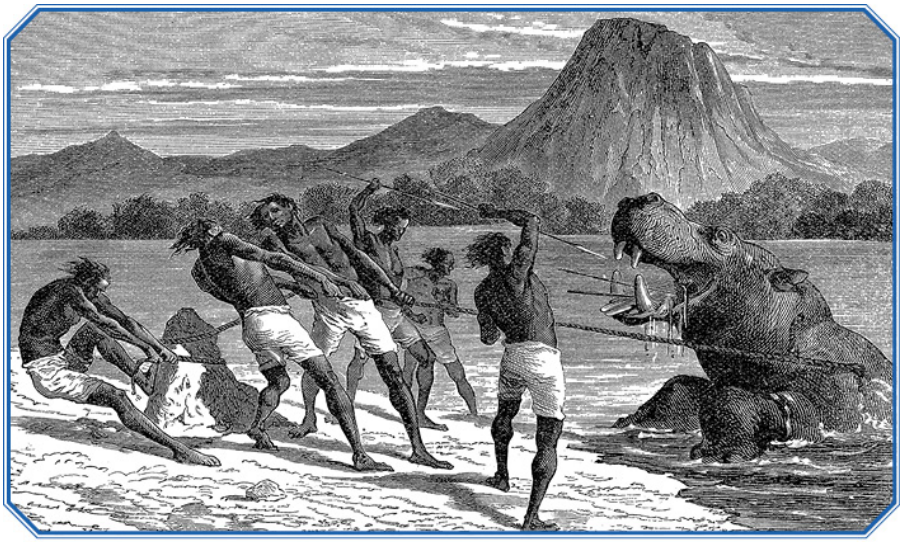
13 сентября. Пересекли большой ручей Нкоре. Я упоминаю о ручьях, текущих в это время года (в конце сухого периода), чтобы дать представление об источниках испарений. Местные жители называют следующие реки и речки к северу от Мисинджe: Лоангва, Лесефа, Лелула, Нчамандже, Мусумба, Фубве, Чиа,

Кисанга, Бвека, Чифумеро, Мкохо, Мангвело. Всего, включая перечисленные выше, здесь насчитывается двадцать – двадцать четыре непересыхающих речек и горных потоков, дающих в сухой период много воды. В период дождей прибавляется множество ручьев, которые текут и сейчас; но в это время устья их закрыты песчаными мелями и их вода в озеро не поступает, если не считать того, что просачивается сквозь песок. В период дождей уровень озера повышается не менее чем на четыре фута; в течение всего года озеро получает из непересыхающих источников достаточное количество воды, чтобы непрерывно питать вытекающую из него реку Шире.

Во время сегодняшнего перехода мы оказались прижатыми к озеру горой Гоме и, находясь в трех милях от оконечности озера, смогли как следует обозреть все кругом. Тут мы впервые увидели истоки Шире и широкие просторы Ньясы.

В этих местах я испытал много разочарований. Далеко отсюда вниз по течению Шире, на правом берегу Замбези, лежит прах той, смерть которой изменила все мое будущее[15]. А сейчас, вместо того чтобы видеть на озере законную торговлю товарами, я вижу процветающие шхуны арабов-работорговцев.

Вечером пришли в деревню вождя Черекалонгвы на речке Памчололо, вождь встретил нас очень весело, пивом. Он говорил, что сейчас только Мукате, Кабинга и Мпонда снабжают работорговцев, совершая набеги на манганджа; арабы посещают на юго-западе и племя марами, которые также продают друг друга в рабство.



Завершающий этап охоты на бегемота.
Изображение из этнографического издания XIX в.

14 сентября. У Черекалонгвы (больного кожной болезнью, возникшей, как он думает, оттого что ел пресноводных черепах) потребовали, чтобы мы задержались на день: вождь хотел посмотреть на нас. Он много слышал о нас. Вождь спускался по Шире, доходил до Мозамбика, но в его городе ни разу не было еще ни одного англичанина. Очень сильная жара, и мы рады отдыху и пиву, которым он нас щедро снабжает.

Видел шкуру фенембе – вида ящериц, пожирающих цыплят. Здесь ее называют салька. Шкуру содрали, сделав разрез вдоль спины; длина тела 12 дюймов, окружность брюха 10 дюймов.

Уже почти отказавшись от поисков места, в котором д-р Рошер достиг озера Ньяса (никто – ни арабы, ни негры – не имел ни малейшего представления о Нусива или Макава, как он называл это место), я обнаружил, что речь идет о речке Лесефа. Немецкого филолога, наверное, удивило бы, что из этого слова получилось название Нусива, но вайяу произносят его «Лозева», арабы – «Лусьева», а слуга Рошера переделал «Л» в «Н» и «е» в «и», откуда и получилось Нусива. Все же речь идет о речке Лесефа, впадающей в озеро напротив Кота-Кота, или, в арабском произношении, Нкота-Кота.

Я теперь уверен в том, что выяснилось место, где Кингоманго, по его утверждению, вышел к озеру Ньяса. Это случилось два месяца спустя после того, как мы его открыли. Большая заслуга Кингоманго (Рошера) в том, что он нашел путь к озеру, но он путешествовал под личиной араба, и никто не

подозревал в нем кого-то другого. О нашем приходе было широко известно, и он вызвал большой интерес у негров. Достижением д-ра Рошера можно считать только то, что он сохранил свое инкогнито на таком далеком расстоянии от Килвы; это, пожалуй, единственный (за исключением Буркхардта) известный случай, когда путешественник успешно выдал себя за араба.

Здесь растут красивые бобы тангаре, обладающие возбуждающими свойствами. Чтобы извлечь возбуждающие вещества, бобы тангаре кипятят, очищают от шелухи, затем добавляют воды и дают вскипеть два раза. После этого бобы толкут и полученную муку относят на реку, где несколько раз промывают, пропуская через муку воду. После двукратной варки бобы все еще сохраняют возбуждающие свойства, но теперь их употребление не грозит смертью.

Другой вид бобов с красивой белой отметиной растет здесь в изобилии, они легко разваривaются и вкусны; в этих местах их называют гвингвиза.

15 сентября. Находимся на небольшом расстоянии к югу от озера и могли бы направиться на запад в деревню вождя Мосауки (его называют также Пасаука) и там переправиться через Шире. Мне кажется, однако, что будет полезно посетить вождя из племени вайяу Мукате, владения которого лежат дальше к югу. Только он и еще два вождя – Мпонда и Кабинга – продолжают совершать набеги на манганджа, подстрекаемые к этому арабами с побережья; сейчас они периодически посылают разбойничьи отряды к марави (их здесь называют малома), чтобы снабдить рабами торговцев в Килве. Три часа шли на юг, затем поднялись на горы из цепи, охватывающей всю южную часть озера. Город Мосауки находится на высоте около 800 футов над уровнем моря. Население города велико, *а* все высоты, насколько хватает глаз, усеяны деревьями. Вторая горная цепь тянется в нескольких милях от первой и так же, как и первая, покрыта деревьями. Ближайшая высокая гора называется Маньгоче. Народ здесь живет богато. Для всех вождей, посещаемых арабами, построены квадратные дома. Мукате ни разу еще не видел европейца, и все, что у нас есть, вызывает огромный интерес у него и его народа.

Он приходил к нам и оставался у нас подолгу. Мукате старается каждым своим замечанием вызвать смех. Цвет кожи у него темнее, чем обычно бывает у вайяу, подбородок украшен бородой; в этих местах все носят бороду, на арабский манер. Дворы его женщин занимают большое пространство; наш дом находится сбоку от этого места. Я пытался выйти на ту сторону, где дворы, но заблудился, и леди послали слугу проводить меня туда, куда я хотел пройти. Мы вышли прямо к выходу, пройдя

через несколько хижин.

16 сентября. У Мукате. Долго обсуждал с вождем вопрос о работорговле. Арабы говорили вождю, что наша цель при встрече с работорговцами – обратить отобранных рабов в свою собственность и заставить их принять нашу веру. Ужасы, которые мы видели, – черепа, разрушенные деревни, множество погибших в пути к побережью, массовые убийства, совершаемые вайяу, – потрясли нас. От всего этого Мукате пытался отделаться смехом, но наши замечания многим запали в душу.

На другой день, когда мы были в походе, наш проводник, по собственному почину излагал суть моих бесед жителям деревень, через которые пролегал наш путь. Один вождь, сопровождавший меня на протяжении мили или двух по пути к Мукате, шепнул мне: «Поговори с Мукате, чтобы он прекратил свои набеги».

Конечно, не в наших силах что-то сделать, мы можем только заронить в сердца протест против этой отвратительной системы, а время заставит его созреть. Основной их аргумент: «Что бы мы делали без арабских тканей?» Мой ответ: «Делайте то, что делали до прихода сюда арабов». При теперешних темпах уничтожения населения вся страна скоро станет пустыней.

В прошлом году здесь произошло землетрясение, это было или в конце года, или в начале нынешнего (кратер островного вулкана на озере Гранд-Комор примерно в это время дымился в течение трех месяцев); все дома сотрясались, но никаких других явлений не наблюдалось. Горячих источников здесь не знают.

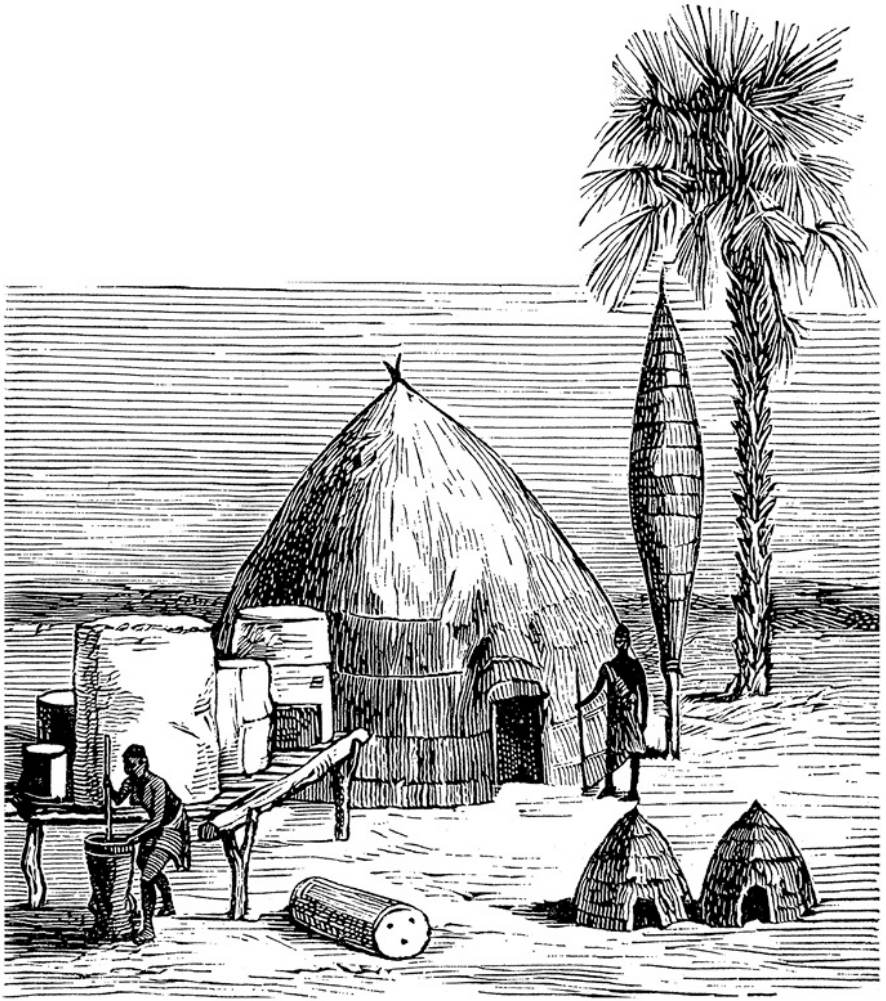
17 сентября. Пошли от Мукате на юг и достигли приблизительно середины небольшого озера Памаломбе. Вблизи обычной переправы у Мукате не было людей с лодками, и он послал гонца проследить, чтобы нам как следует помогли. Старейшины манганджа признались нам, что у них было землетрясение; все другие, у кого мы спрашивали об этом, отрицали этот факт, но почему – не могу себе представить. Старики рассказали, что было два толчка: первый перед заходом солнца, а второй ночью; все сотрясалось, толчки сопровождались шумом, куры кудахтали. На озере ничего не было заметно. По их словам, предание о том, что уровень воды в озере был когда-то выше, отсутствует. По преданию, их племя пришло сюда с запада или с запада-северо-запада, из земли марави. Предки научили их плести сети и убивать рыбу. Не осталось никаких следов обучения их другими, более развитыми племенами, нет ни скульптур, ни наскальных надписей; не слыхали они также до нашего прихода о книгах. Предки никогда не говорили им, что после смерти они отправятся к Богу, но слыхали, как об умершем говорили «Бог взял».

18 сентября. Погрузили всю партию на восемь каноэ и направились по озеру на север, к месту впадения в него протока, ведущего в озеро Ньяса. Это место называется Масангано («встречи»), и переход к нему занял два часа. Группа рыболовов, увидев нас, бежала, хотя мы и кричали, что наша партия – путешественники (олендо).

Люди Мукате покинули нас здесь, и я пошел в деревню убежавших рыболовов в сопровождении только одного человека. Мы возбудили у них такие сильные подозрения, что они ничего не хотели делать для нас. Вождь деревни (Пима), по их словам, отсутствовал. Они не могли отвести нам хижину и хотели, чтобы мы продолжали свой путь до деревни вождя Мпонды. Мы сами поставили шалаш. На другой день мы долго уговаривали жителей дать нам проводника, но никто не соглашался идти с нами.

Из деревни Пима открывается хороший вид на Памаломбе и горную цепь на западном его краю, на горы, охватывающие южную часть озера Ньяса (часть этих гор населена людьми Мукате), на низменную область к югу от этих гор, за которой находится озеро Ширва и горы Шикала и Зомба. Жители говорят, что бегемоты часто переходят из озера Ширва в озеро Ньяса. Озеро Памаломбе богато растительностью: гигантский тростник, ряска и обилие разных водорослей на дне. Одно прозрачное растение, покрытое слизью, прибивает в больших количествах к берегу. Рыба отлично жиреет на этой растительности. Ем много рыбы, называемой *кадиакола*; она очень мясиста.

Вероятно, все племена, обитающие по берегам озер Танганьика и Ньяса и рек Шире и Замбези, одного происхождения, так как языки их разнятся очень мало.



Хлебные ящики, жилые хижины и хижины духов племени вага (Восточная Африка). *Изображение из этнографического издания XIX в.*

19 сентября. Утром, пройдя одну милю, увидели группу в триста – четыреста человек, добывавших соль на пропитанной ею равнине. Они выщелачивают почву и кипятят полученный раствор, профильтрованный через пучок травы, затыкающий отверстие в дне горшка. Воду выпаривают всю, пока не останется твердая соль. По этой равнине мы шли, пока не достигли большой деревни вождя Мпонды. Рядом протекает речка. Равнина вблизи деревни очень плодородна, на ней растет много больших деревьев. Крупный рогатый скот у Мпонды похож на откормленный мадагаскарский. Горб у скота на вид должен

весить фунтов сто. Туловище такое огромное, что ноги, как отметили мои люди, кажутся совсем маленькими. Мпонда разговаривает очень громко и самодовольно, но чрезвычайно интересуется всем европейским. Говорит, что хотел бы отправиться со мной: «Мне все равно, хоть бы и десять лет не возвращаться». Говорю ему, что он может умереть в дороге. «Умереть можно и здесь, как и там, но зато увижу все удивительное, что есть в вашей стране». Мпонда знает меня, ибо, когда мы были тут в прошлый раз, он приходил инкогнито к нашей лодке поглядеть на нас.

Застали здесь партию арабов-работорговцев и пошли поглядеть на рабов. Увидев это, Мпонда обеспокоился, как бы мы не вздумали в его деревне применить силу для их освобождения, но я сказал ему, что мы идем только поглядеть. В загоне из стеблей дурры *(Hocus sorghum)* находилось восемьдесят пять рабов. Большинство из них – мальчики восьми – десяти лет, но были и взрослые мужчины и женщины. Почти у всех на шее ярмо. Несколько человек из молодых были привязаны ремнями за шею. На кострах в нескольких горшках варились дурра и бобы. За нами шла толпа, ожидавшая скандала, но я уселся и задал несколько вопросов относительно предстоящей дороги.

Партия работорговцев состояла из пяти или шести арабов-полукровок с побережья; по их словам, они из Занзибара. Толпа так шумела, что мы с трудом слышали друг друга. Я спросил, будут ли они возражать, если я подойду и посмотрю на рабов вблизи. Владельцы разрешили, а потом стали жаловаться, что с учетом людских потерь на пути к берегу моря и расходов на прокорм им останется от этого путешествия очень малая прибыль. Я подозреваю, что основной доход получают те, кто отправляет рабов морем в аравийские порты, так как в Занзибаре большинство молодых рабов, каких я видел здесь, идут приблизительно по семи долларов за голову. Я сказал работорговцам, что все это дурное дело. Вечером они преподнесли мне несколько куриц.

20 сентября. Вождь так усиленно уговаривал меня остаться еще на день и полечить его больного ребенка, что я согласился. Он обещал мне много пищи и в доказательство, что это обещание не пустые слова, прислал вечером огромный горшок пива. Ребенку стало легче от лекарства, которое я дал ему вчера. Мпонда предложил нам такое количество еды, что мы не могли все взять.

Земледельцы здесь, по-видимому, не на положении рабов; все обрабатывают землю, и к этой работе тут относятся с уважением. Когда мы прибыли, вождь был на своем участке, в поле: работа в

поле не считается позорной. Весьма вероятно, что большую часть полевой работы выполняют рабы, но заняты на ней все, и все гордятся своим умением. В этой области выращивают много зерна, хотя почти все население составляют вайяу или мачинга. Это вызывает удивление, поскольку до последнего времени они занимались разбоем, переходя с места на место. Манганджа разводили крупную породу горбатого скота, попавшего затем в руки вайяу. Манганджа умели доить своих коров, теперешние же владельцы никогда их не доят, и стадо растаяло; там, где в прежнее время паслись тысячи, осталось очень немного коров.

Вчера рано утром лев убил женщину и спокойно, без помехи, съел большую часть тела.

Становится очень жарко. После полудня ноги людей горят огнем от раскаленной земли, приходится идти короткими переходами и главным образом ранним утром.

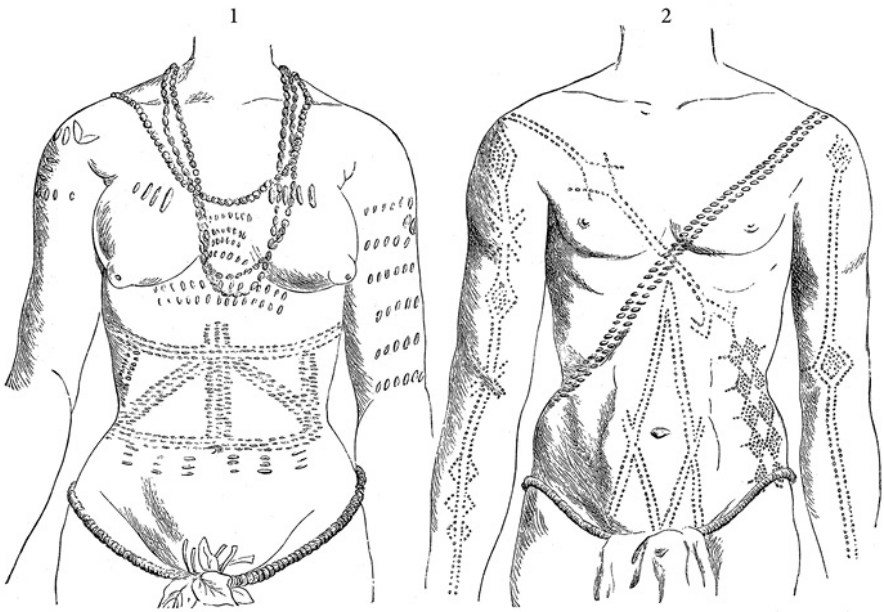
Викатани встретил здесь брата и узнал, что в деревне вождя Кабинги живут еще старший брат и сестра.

Отец, продавший Викатани в рабство, умер. Викатани хочет остаться здесь у родственников. Это было бы хорошо: то что он сможет высказать против работорговли, будет иметь немалое значение.

Послали за старшим братом, однако, когда пришло время выступить в деревню Мпонды на речке Нтемангокве, брата еще не было.

Я дал Викатани ткань, кремневое ружье вместо пистонного, которым он был вооружен, кремней, писчей бумаги и поручил его заботам Мпонды на время, пока не прибудут родственники.

Татуировки у различных племен служат украшением, и к ним прибегают в основном женщины. Это своего рода клановые гербы.



Татуировки: 1 — женщины монду; 2 — мужчины мангбатту. *По рисунку с натуры Р. Бухты из этнографического издания XIX в.*

Глава 5

21 *сентября 1866 г.* Идем на запад, пересекая у основания мыс Маклир. Два человека, нанятых в проводники и носильщики, всю дорогу ворчат, что их достоинство оскорблено выполняемой работой: «Подумать только! Вайяу несут груз, как рабы!» Пройдя с нами небольшой отрезок пути, они воспользовались тем, что я был впереди, и сложили грузы, один из которых состоял из постели сержанта и его кухонной посуды, затем развязали второй тюк и сами себе уплатили за работу. Храбрый сержант сидел рядом и смотрел. От сержанта никогда не было ни малейшего проку, а с недавнего времени он стал жаловаться на непонятные боли в ногах, этим жалобам не сопутствовало опухание или какие-либо другие симптомы.

Когда мы пришли в деревню Пима, сержант съел за ужином целую курицу и кусок рыбы и затем спал крепким сном до рассвета. Проснувшись, он начал отчаянно стонать: «Ох, как болят ноги!» Я сказал ему, что люди обычно стонут, когда отсутствует сознание. Он насупился и дулся весь день, хотя я отрядил человека нести его выкладку. Когда сержант догнал нас, то оказалось, что боли его переместились от ног в какое-то место на животе. Он отдал свой патронташ и сумку носильщику. Я осмотрел вещи и обнаружил, что он уже начал красть и распродавать свой боевой запас. Это была подготовка к возвращению на берег моря с каким-нибудь работорговцем. Сержант остался в деревне.

22 сентября. Горы, через которые мы перешли, возвышаются на 700 футов над уровнем озера Ньяса, они большей частью покрыты деревьями. Людей не видно. Ночевали у ручья Сикоче. Отвердевший песчаник подстилается слюдяным сланцем, на котором встречается налет квасцов. Над этим всем – доломит. Вершины гор часто покрыты доломитом и белым шпатом, что придает им вид снежных. С нами шла группа вайяу; шесть красиво наряженных женщин несли громадные горшки пива для своих мужей, которые очень щедро угощали нас. После трудного семичасового пути пришли в деревню. Там, вблизи водопада Усангази, около большой горы Намаси, провели воскресенье. Вождь, одноглазый, несколько робкий человек, пришел к нам инкогнито. Я спросил, не старая ли женщина их вождь, раз он боится взглянуть на гостя и приветствовать его. Все расхохотались и стали глядеть на вождя. Он почувствовал себя вынужденным присоединиться к общему смеху и спросил, какого рода еду мы предпочитаем. Чу́ма изложил наши желания

достаточно ясно, сказав, что он «ест все, что едят вайяу». Это племя, или, точнее, часть его – мачинга, вытесняет прежнее население – манганджа. Мы проходили мимо деревни манганджа, расположенной недалеко отсюда. Там мы видели лишь жалкие разваливающиеся жилища, тогда как деревни вайяу очень чистые, с красивыми соломенными или тростниковыми оградами вокруг хижин.

24 сентября. Прошли всего две с половиной мили и вошли во владение вождя Маренги – очень большую деревню, расположенную на восточном краю южной части похожего на каблук выступа озера. Вождь болен отвратительной болезнью, полученной от арабов. Лицо, шея и другие места обезображены круглыми выпуклыми пятнами струпьев. Брат вождя просил осмотреть и его и дать лекарства от той же болезни. Он живет в деревне неподалеку отсюда, но, когда за ним послали, оказалось, что он слишком болен, чтобы самому прийти.

Это племя происходит от бабиса. Многие из этого народа ходили на морской берег торговать и, вернувшись с ружьями и боеприпасами, присоединились к вайяу в их набегах на манганджа; впоследствии они образовали независимое племя. Женщины не носят губного кольца, хотя большинство их из племени вайяу. Они возделывают большие участки, и еды у них вдоволь. Держат скот, но коров не доят.

Болота, или земляные «губки», этой страны играют очень важную роль в ее ландшафте: вероятно, ими объясняются ежегодные наводнения на большинстве рек. Там, где существуют равнины с уклоном в сторону узкого прохода между горами, налицо условия, необходимые для возникновения африканской «губки». Растительность, не принадлежащая к типу вересковой, т. е. к торфообразующим породам, умирая, сгнивает и превращается в жирную черную землю. Во многих случаях масса этой земли толщиной в два-три фута покоится на пласте чистого речного песка. Сейчас, в сухой период, черная земля растрескалась по всем направлениям, трещины часто достигают трех дюймов в ширину и очень глубоки. Весь поверхностный слой осел и покоится на песке.

Когда наступает период дождей, первая порция влаги почти целиком поглощается песком. Черная земля образует мягкую грязь, плавающую на песке. Узкий проход в горах не позволяет ей сдвинуться в виде оползня, но на этом месте возникает поток из просачивающейся воды. Все маленькие озера в нижней части течения таких потоков заполняются во время первых дождей, выпадающих к югу от экватора, тогда, когда солнце проходит вертикально над головой. Вторая полоса дождей, более сильных,

наступает, когда солнце опять переходит к северу; тогда все болота и русла рек уже полны водой; поступающая вновь вода стекает и создает наводнения. Так именно, по нашим наблюдениям, обстоит дело на реках Шире и Замбези.

25 сентября. Селение вождя Маренги на западном берегу озера Ньяса очень велико, много народа собралось поглядеть на чужестранца. Сам Маренга вышел, одетый в шелковую шаль с красными фигурами на ней, сопровождаемый десятком придворных красавиц, которые разостлали для него циновку, а поверх циновки кусок ткани и уселись на нее как бы для того, чтобы поддерживать вождя. Он попросил меня осмотреть его внутри хижины. Маренга показал мне свою отвратительную кожную болезнь, он чернее своих жен, а покрывавшие его пятна делали его очень безобразным. Маренга полагает, что болезнь эта существовала в данной местности еще до прихода арабов. Другая, новая болезнь, занесенная ими, – оспа.

26 сентября. Вчера встретил араба; его рабы идут другой дорогой, пересекая основание мыса Маклира. Араб сказал Мусе, что вся страна впереди полна мазиту, которые в Касунгу убили сорок четыре араба с их спутниками, и только он один спасся. Муса и все джоханна заявили после этого, что они дальше не пойдут. Муса сказал: «Это нехорошая страна. Я хочу отправиться назад в Джоханну и увидеть отца, мать и сына». Я пошел с ним к Маренге и задал вождю вопрос относительно мазиту. Он объяснил, что волнения вызваны возмущением манганджа против Джумбе, который ежегодно приводит в страну арабов и закупает у них боеприпасы. Манганджа заявили, что больше этого не допустят, так как они страдающая сторона, а их народ подвергается уничтожению.

Я объяснил Мусе, что мы будем избегать встречи с мазиту. Маренга добавил: «Там, где вы будете идти, мазиту близко нет». Но глаза Мусы от страха выступили из орбит, он твердил: «Моя не верит этому человеку». Я спросил: «Почему же ты так легко поверил арабу?» Муса ответил: «Я просил его сказать мне правду, и он говорил все: правда, правда» и т. д.

Как только мы выступили, все джоханна оставили тюки на земле и ушли. Все они закоренелые воры, и я не жалею, что избавился от них.

Погрузив имущество на каноэ, мы поплыли вокруг южного берега «каблука» Ньясы, ночевали в камышах, а наутро (27-го) высадились в Мсангве, почти напротив деревни вождя Кимсусы, или, как его называют макололо, Катосы.

Вчера вечером крокодил утащил человека. Человек опьянел от пива и спустился к воде, чтобы освежиться. Здесь он прилег, и

животное схватило его. Вода была очень мутная, взбудораженная восточным ветром, который гнал волны, захлестывавшие каноэ и промочившие наши вещи. Очень тяжело слушать громкий плач женщин: он звучит так скорбно.

28 сентября. Пришли в город Кимсусы под горой Мулундини из хребта Кэрка. Вождя не было дома, но за ним немедленно послали. Город за то время, что я его не видел, сильно вырос.

29 сентября. Вчера вечером пришел еще один араб, рассказавший, что мазиту отняли у него всех рабов. Считается более приличным быть ограбленным мазиту, чем племенами манганджа, которых презирают и ни во что не ставят. Намереваюсь отсюда идти на запад по землям марави, пока не зайду далеко от неспокойных мест, где бродят мазиту или манганджа.

30 сентября. С удовольствием проводим здесь воскресенье. От жены Кимсусы получили вдоволь еды. Вождь приглашал меня одного принять участие в выпивке, а потом вместе вернуться обратно, но мне это было не по вкусу.

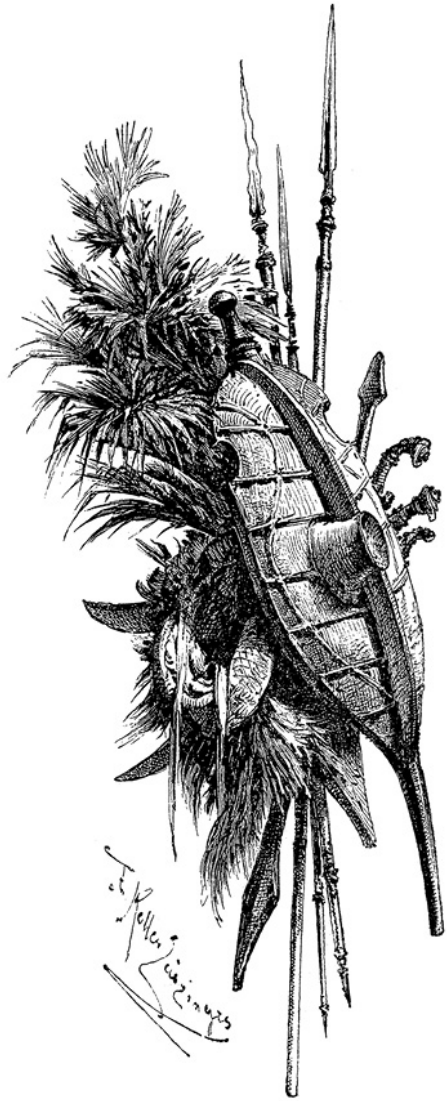
1 октября 1866 г. Сегодня утром пришел Кимсуса, или Мчуса, и, видимо, был очень рад увидеть меня, своего старого друга. Тотчас же он послал людей привести огромного барана, который не то убил, не то сильно поранил человека. Барана притащили привязанным к длинному шесту, он был чудовищно жирен. Таков уж истинно африканский способ выказать свою любовь: много жира и пива. Вождь велел нести за собой громадную корзину местного пива помбе и другую корзину с *нсима*, т. е. кашей, кроме того, горшок вареного мяса. Ко всему этому добавили большую корзину кукурузы. В общем нам принесли очень много еды, и пришлось даже заявить, что мы не сможем унести ее всю.

Кимсуса говорит, что землетрясения они наблюдали в том месте, которое сейчас занято Мпондой, но не в тех местах, где он сейчас. Он подтверждает предание о приходе манганджа с запада или с запада-северо-запада. Он добавил, что деревня его сейчас в три раза больше, чем раньше, благодаря тому, что он последовал совету, который я дал ему в прошлое наше свидание, не продавать своих людей. Кроме этой у него есть еще другая деревня, и он хотел бы, чтобы я посмотрел ее тоже: именно поэтому он и приглашал меня прийти туда, но теперь жители той деревни сами придут ко мне.

2 октября. Рано утром появился Кимсуса с огромной корзиной пива высотой в 18 дюймов и диаметром в 15 дюймов. Некоторое время он наливал нам пиво да и сам потягивал его как следует, вследствие чего стал чрезвычайно разговорчивым. Он повел нас в густую рощу за городом, где росло много высоких

деревьев; многие из этих пород я нигде в другом месте не видал. То дерево, под которым мы сидели, приносит съедобные плоды, растущие кистями. Эти фрукты называются мбедва. В роще была расчищенная лужайка, и на это тенистое место нас привели потому, что здесь решаются важные дела, требующие секретности.

Жены Кимсусы принесли сюда вторую огромную корзину пива, в котором, впрочем, не было большой нужды, так как Кимсуса уже говорил не переставая и никаких дел мы не обсуждали.



Оружие из окрестностей Ньясы. *Изображение из этнографического издания XIX в.*

3 октября. Вождь пришел рано, трезвый. Я стал подшучивать над его вчерашней говорливостью и сказал, что если нужно поговорить о деле, то для этого лучшее время – утро; он принял все это благодушно, и одна из жен присоединилась к моему подтруниванию. Это была главная жена, мать сыновей, к которым он благоволит, его будущих наследников. Я попросил, чтобы он послал со мной в страну бабиса своих людей. Там я расплатился бы с ними, а они могли бы на эти заработки купить для него слоновой кости и принести ее сюда. Он мог бы тогда покупать

одежду, не продавая своих людей. Вождь сказал, что его люди не принесут обратно ни заработанное, ни что-либо другое. Если ему нужна слоновая кость, то он поручает ее купить арабам или бабиса. Но его людям, манганджа, доверять нельзя. Такое недоверие поразительно.

Недавно партия людей араба Хамбуири ходила в страну марави к северу отсюда и сразу за хребтом Кэрка, на запад от него, чтобы купить рабов. Но марави напали на арабов, разбили отряд и многих убили. Поэтому люди Кимсусы опасаются ходить туда. Кроме того, они и сами поссорились из-за чего-то с марави и сейчас не поддерживают с ними сношений. Дальше к югу другим путем ходил Мпонда, причинивший много вреда населению, и, следовательно, идти по его следам было бы неразумно. Кимсуса сказал, что даст мне носильщиков для похода на север к марави, но хочет получить плату вперед. Я согласился, но, несмотря на это, он не смог никого уговорить пойти с нами. Тогда Кимсуса послал за стариком из племени мобиса, которому подчинена деревня; он признает власть Кимсусы. Вождь объяснил, что боится, как бы его манганджа, если он принудит их идти, не бросили нас по дороге и не убежали при первом появлении опасности. А этот человек мобиса будет идти по своей стране и нас не бросит. Пока что вождь заваливает нас всякой едой и заливает пивом.

4 октября. Старик мобиса, за которым послали, явился, но оказался настолько неосведомленным о нужной нам местности, что не знал названия главного города бабиса и названий рек. Я отказался от такого проводника. Он был бы нам только в тягость. А все то, что нужно знать о местах, по которым лежит наш путь, придется выяснить расспросами в деревнях, через которые будем проходить.

К нам пришла женщина, которая уверила Чу́му, что она его тетя. Он тут же хотел дать ей шесть футов коленкора и бусы и просил меня вычесть это из его жалованья. Я уговорил его удовольствоваться подарком в виде нескольких бус. Чу́ма дал ей свою ложку и другие ценные предметы, вполне убежденный, что она родственница, хотя она сперва спросила его, как зовут отца, какого он племени и т. д., а потом уж объявила себя теткой.

Эта история показывает полное отсутствие злопамятности у этих мальчиков, делающих подарки тем, кто продал их в рабство, если это действительно родственники. Те, кто попал в рабство в детстве, ничего не знают об этом зле и не верят в его дурные стороны. Чу́ма, например, думает сейчас, что его поймали и продали манганджа, а не свои – вайяу, хотя он стал рабом совсем иначе; он утверждает с полной уверенностью, что ни один вайяу

никогда не продавал своих детей. Когда я напомнил ему, что Викатани был продан собственным отцом, он стал отрицать это, а когда я сказал, что отец другого мальчика, Чимвалы, продал и его, и мать, и сестру, он ответил: «Они из племени мачинга». Это другое племя, принадлежащее к вайяу. Из этого видно, что Чу́ма хотел оправдать своих соплеменников.

5 октября. Вождь явился рано – как всегда, с громадной корзиной пива. Мы были готовы к выходу. Я сказал, хотя ему это и было неприятно, что, очевидно, люди его очень мало считаются с властью вождя. Он заявил, что заставит их идти или пойдет сам и возьмет носильщиками своих жен.

Вождь просил меня задержаться на сегодня, обещал, что завтра он с женами пойдет со мной, я-де ему друг, он не допустит, чтобы я терпел затруднения, и сделает все, что может. Кимсуса говорит, что нечего опасаться трудностей с наймом людей для переноски тяжестей. Вероятно, люди Хамбуири занимались грабежом, а потому и пострадали.

6 октября. Прошли около семи миль на север и прибыли в деревню, расположенную против перевала Тапири, на речке Годедза. Было очень жарко. Кимсуса ведет себя по-королевски: рослые жены вождя вышли нести грузы и заставили устыдиться его людей. Пришло также много юношей и взяли грузы, но ясно было, что они боятся пройти к перевалу. Одна жена несла пиво, другая – муку. Как только мы пришли на место, началось приготовление еды. Каша и жареная козлятина составили приличный обед. Освежающий напиток из муки, называемый току, содержит в себе все сахаристые вещества зерна. Вождь угостил меня току и, заметив, что напиток мне понравился, распорядился приготовить для меня вечером полный тыквенный сосуд. Кимсусе очень нравится показывать меня народу как своего друга. Будь я в состоянии пить его пиво помбе, я мог бы прибавить жирку и закрыть свои кости, но для этого нужно крепкое пищеварение. Многие вожди и их жены живут почти исключительно на этом пиве. Чтобы понизить кислотность, вызываемую его потреблением, необходимо есть немного мяса. Все они поэтому тщательно берегут мясо, хотя бы оно и сильно пахло: от полного разложения мясо предохраняют, высушивая его на платформе над костром.

7 октября. В деревне слышен кашель больных коклюшем. Приходили посетители, и столь неприятные, что я был рад, когда мы двинулись дальше. Все это были вайяу, очень нахальные, требовавшие волшебных средств, обеспечивающих меткость стрельбы их ружья по дичи. В хижину они входили без приглашения, и их нельзя было выставить. Вероятно, арабы

промышляют знахарскими средствами для повышения меткости: их вмазывают в надрезы повыше большого пальца или на предплечье. Манганджа полагаются на свои старые луки и стрелы, они гораздо вежливее аджава (другое имя вайяу).

Человек из племени манганджа, преподнесший нам раньше весь улов из своей сети, пришел и подарил мне четыре курицы; некоторым людям здесь просто доставляет радость проявлять доброе отношение к гостям. Когда мы подошли к началу подъема, ведущего к перевалу Тапири, стали громко раздаваться голоса людей Кимсусы против продолжения похода. Так как он успел уже достать нам людей, я счел за лучшее отпустить его.

За три с четвертью часа мы поднялись на высоту в 2200 футов над уровнем озера Ньяса. Первые встреченные нами люди были двое мужчин и мальчик, охотившиеся с собакой и корзиной-ловушкой. Ее ставят на тропке, по которой ходит какое-нибудь мелкое животное. Собака гонится за ним, и животное вбегает в корзину-ловушку, сделанную из расщепленного бамбука, острие которого направлено внутрь, препятствуя выходу животного; по этому же принципу изготовляются мышеловки. Мне показалось, что младший из этих людей имел в виду другую дичь и намеревался, если будет подходящий случай, всадить стрелу в вайяу, угнавшего его жену в рабство. Раньше чем мы достигли вершины подъема, молодой человек рассказал мне, что какой-то вайяу пришел в деревню по другую сторону долины от его деревни, затеял ссору с жителями, а потом забрал жену и ребенка одного бедняка в уплату за выдуманные обиды.

8 октября. В первой же горной деревне мы обнаружили, что жители, обитающие здесь, наверху, и живущие внизу, боятся друг друга. Кимсуса проводил нас до подошвы хребта; на прощание он предложил нам горшок пива и тыквенный сосуд току, которые мы приняли. Я уплатил его женам за то, что они несли наши вещи. Жены хорошо поработали, и, когда мы пришли в ту деревню, где ночевали, они пели и звонко хлопали в ладоши до часу ночи, пока я не посоветовал им идти спать. Люди, которых раздобыл для нас под конец Кимсуса, оказались очень усердными и нетребовательными. Вождь Мпалапалы Кава столь же гостеприимен, как и Кимсуса. Кроме того что нас накормили здесь ужином, нам перед выходом дали еще и завтрак; 8-го отдыхали вместо воскресенья, проведенного без отдыха. Вышли во вторник (9-го), но вскоре нас остановил Гомбва, деревня которого, Тамиала, расположена на другом хребте.

Гомбва, веселый, добродушный человек, сказал, что послал собрать всех своих людей, чтобы они посмотрели на меня; я должен теперь спать здесь, чтобы народ мог посмотреть на

человека, подобного которому никогда здесь не бывало. Я собирался продолжать путь и объяснил Гомбве вкратце, с какой целью мы пошли через его владения; мы хотим подать совет его людям воздержаться от продажи своих в рабство, так как это приводит в конце концов к войнам и уничтожению населения. Гомбва хитер и сказал в ответ: «Вот ты и должен переночевать здесь, а мои люди придут и выслушают твои мирные речи». Я объяснил, что нанял носильщиков, которые будут ждать уплаты, хотя мы прошли лишь небольшую часть дневного перехода, но он возразил: «Что ж, они сейчас отправятся домой и вернутся завтра, будет считаться, что они работали один день». Я был вынужден остаться.

9 октября. Барометр и понижение температуры точки кипения показывают, что мы на высоте более 4000 футов над уровнем моря. Октябрь здесь самый жаркий месяц, но воздух восхитительно чист и приятен. Местность очень хороша: вокруг длинные, пологие склоны, над ними со всех сторон возвышаются на 2000–3000 футов горы. Они поднимаются большей частью резкими зубцами (а не округлые, как горы в стране Матаки); склоны почти лишены деревьев, а возделанные участки велики и почти прямоугольной формы. Не нужно большого воображения, чтобы представить себе, что все это возделанные поля Англии. Нет только живых изгородей. Деревья растут группами на вершинах хребтов или около деревень и в местах погребений. Сейчас уже начали распускаться почки, но зеленых листьев еще нет. Иногда встречаются желто-зеленые молодые листья, попадаются коричневые, розовые и оранжевые. Почва богатая, но трава только местами очень густа и высока, обычно она низкая. Жители прибегают к своего рода обработке с переворачиванием пласта: они глубоко врезаются в почву мотыгами и отгребают ее на себя, таким образом для мотыги открывается второй слой почвы. Почву, кроме того, обжигают: складывают в плоские кучи траву и сорняки, поджигают и покрывают слоем почвы. Горение идет медленно, и большинство продуктов сгорания сохраняется в куче и служит удобрением. Это помогает жителям выращивать большие урожаи.

В полевой работе участвуют и мужчины, и женщины, и дети, но сейчас многие мужчины заняты изготовлением пряжи из хлопка и буазе (тонкое волокно, получаемое из молодых ветвей кустарника *Securidaca longipeduncalata*). Из буазе делают грубую, необычайно прочную материю, похожую на мешковину; носят ее, по-видимому, только женщины. Мужчины одеты в неудобные козьи шкуры. Видимо, в стране нет никаких диких животных; население настолько велико, что зверям трудно было бы здесь

сохраниться. На каждом повороте дороги встречаем людей или видим их деревни. Все вооружены луками и стрелами. Длина луков необычно велика.

Я измерил бамбуковый лук, длина которого, считая по тетиве, оказалась равной шести футам четырем дюймам. У многих большие ножи из хорошего железа, которое здесь встречается в изобилии. Молодые мужчины и женщины носят длинные волосы, спускающиеся на плечи массой мелких колец, это придает им вид древних египтян. Прическу часто делают на одну сторону, и вся масса волос свисает с небрежным изяществом с одного бока. Изредка прическа образует сплошную шапку. Лишь немногие женщины носят губное кольцо, большинство, таким образом, следует примеру вайяу; однако у некоторых молодых женщин на руках вытатуированы перекрещивающиеся выпуклые линии, которые, должно быть, получены ценой сильной боли. Наносят также короткие черточки, в отдельных случаях покрывающие все тело. Маравi, или манганджа, в этой области очень щедры при продаже пищи: мы даем вождю деревни, где ночуем, отрез ткани, а он дает нам козу или по меньшей мере жареных кур и кашу – вечером и на утро.

Гомбва пригласил нас во второй половине дня выступить перед его людьми с теми же речами, с которыми мы обратились к нему утром. В своих речах мы говорим о последствиях продажи людей, например о том, что это порождает войны, так как никто не любит продавать своих людей и ворует чужих из других деревень, а те отвечают им тем же. Арабы и вайяу, привлеченные в страну работорговлей, поддерживают раздоры, и вследствие этого возникают войны и уничтожение населения. Говорим также о Библии, советуем жить дружно, объединяться в единую семью, чтобы изгонять врагов, которые приходят в страну сперва как скупщики рабов, а потом, покидая ее, оставляют за собой пустыню. Мы отметили, что недостаток взаимной поддержки – проклятие манганджа. Если несчастье не затрагивает их лично, им нет дела до тех, кто пострадал. Гомбва подтвердил справедливость сказанного, отметив, что, в то время когда он разбил людей Хамбуири, жители деревень к западу от его владений разбежались, вместо того чтобы прийти к нему на помощь.

Нам сообщили, что многие манганджа, живущие в горах, бежали сюда с берегов озера Ньяса.

10 октября. Кава со своими людьми явился к нам рано утром, и мы вышли из Тамиалы вместе с ними. Погода отличная, а пейзаж, хотя сейчас в нем преобладает легкий желтый цвет из-за травы, можно сказать, великолепен. Яркое солнце и приятный

воздух вызывают бодрое чувство. Прошли мимо речки Левизе, текущей в озеро Ньяса, и мимо множества небольших ручьев с вкусной холодной водой. Когда отдыхали около темной рощи вблизи места погребений, обратили внимание на невиданное раньше дерево, оно называется *боконто* и, как говорят, приносит съедобные плоды. Сейчас начинают расцветать во множестве красивые цветы. После четырехчасового перехода остановились в деревне вождя Каньгамбы, Читимбе. Нас представил Кава, специально для этого прошедший с нами весь путь.

11 октября. Очень холодное утро. На востоке, откуда дует ветер, большие черные тучи. Температура 59 ˚F (15 ˚C), в хижине 69 ˚F (20 ˚C). Хижины построены хорошо. Крыша, низ которой обмазан глиной, сооружена так, что не пропускает ни одного луча света; единственное место, через которое свет может проникнуть, – дверь. Такой тип постройки показывает, что зимы здесь холодные. Нам предложили пробыть еще день в другой деревне, близко отсюда, принадлежащей Кулу, который подчиняется вождю Кауме (мы теперь направляемся к Кауме), и мы задерживаемся еще на день. В моей хижине стоит табурет, изготовленный интересным образом неграми мквиса, живущими к юго-западу отсюда; он вырезан из одного куска дерева и внутри выдолблен. Размеры его: длина два с половиной фута, высота полтора фута.

Горные степи Восточной Африки и населяющие их животные. *Изображение из этнографического издания XIX в.*

12 октября. Идем на запад, довольно сильно уклоняясь к югу. Кулу дал нам козу и приготовил щедрый ужин. Он вышел вместе с нами, как будто собираясь идти с экспедицией к Кауме, но, пройдя две-три мили, потихоньку отстал и сбежал. Есть люди низкие по природе, есть благородные. Низкие не могут не проявить своего характера так же, как и благородные: но люди с благородной душой, должно быть, сильнее радуются жизни. Кулу получил отрез ткани и дал за него во всяком случае не меньше, чем следовало. Но ему казалось, что он получил больше, чем дал сам, и, сбежав от нас, тем самым наживется за наш счет, не утруждая себя проводами и представлением нас Кауме. Обычно я прошу вождя деревни пойти с нами. Они дают о нас хороший отзыв, хотя бы по той причине, что это выставляет их самих в выгодном свете: никому ведь не хочется, чтобы о нем думали, что он оказывает хороший прием людям, не заслуживающим уважения, а хороший отзыв стоит недорого.

Подошли вплотную к подошве нескольких угловатых гор с отвесными склонами. Одну из них, Улазо-па-Малунго, жители деревень, лепящихся у ее основания, используют как зернохранилище. На вершине этой горы стоят большие амбары с запасами зерна на случай войны. Там наверху держат большую

корову, которая будто бы может предвидеть приближение войны и дать знать об этом хозяевам. (Несколько суеверий такого рода, видимо, указывают на остатки старых языческих обрядов, связанных с поклонением богам в горных рощах.) На вершину горы ведет тропинка, но мы ее не могли разглядеть. Жители все из племени кантунда («лазающие по горам»), а не марави. Кимсуса говорил мне, что он единственный вождь из племени марави, но я считал это проявлением пивного хвастовства, однако местные жители подтверждают его слова и уверяют меня, что они не марави. Марави, как известно, наносят татуировку на лицо сбоку.

Ночь провели в деревне кантунда на западном склоне горы Пунзе. Вокруг основания горы расположено много деревень; впереди, т. е. к западу от нее, лежит равнина, на которой тоже множество деревень. Как правило, они отстоят одна от другой меньше чем на полмили, лишь немногие удалены от других на милю. Вокруг каждой деревни группа деревьев, отчасти чтобы создать тень, отчасти для того, чтобы уединиться по соображениям пристойности. Жаркое солнце заставляет зловонные выделения быстро выдыхаться, и они поэтому редко ощущаются. Остальная местность, где она не возделана, покрыта травой, стебли которой поднимаются по колено. Вся местность слегка волниста, с низкими грядами, простирающимися на северо-восток и на юго-запад. Пространство меж грядами обычно занято заболоченным участком или пересыхающим руслом, иногда с маленькими озерками, между которыми текут небольшие ручейки.

Сейчас все жители занимаются сооружением куч длиной и шириной в шесть-восемь футов и высотой от двух до трех футов. В местах, не вскопанных ранее мотыгой, отделяют дернины от почвы и складывают их в плоские кучи травой книзу. Когда дерн подсохнет, его поджигают, и он медленно горит, причем продукты сгорания большей частью остаются в земле. Значительная часть почвы обращается в золу. Последняя операция заключается в том, что вокруг кучи вскапывают подпочву, причем каждый поднятый мотыгой ком перекладывают в левую руку, растирают в ней, а затем бросают на кучу. Таким образом, холмик состоит теперь из девственной почвы поверх золы и обожженной земли, ранее лежавшей в куче, и совсем не содержит сорняков. Сейчас на многих холмиках уже поднялись дюйма на четыре бобы и кукуруза. На поверхности холмика выкапывают в беспорядке ямки и в каждую кладут восемь-десять зерен. Их поливают вручную из тыквенных сосудов, и посаженное зерно растет до наступления дождей; таким образом собирается

очень ранний урожай.

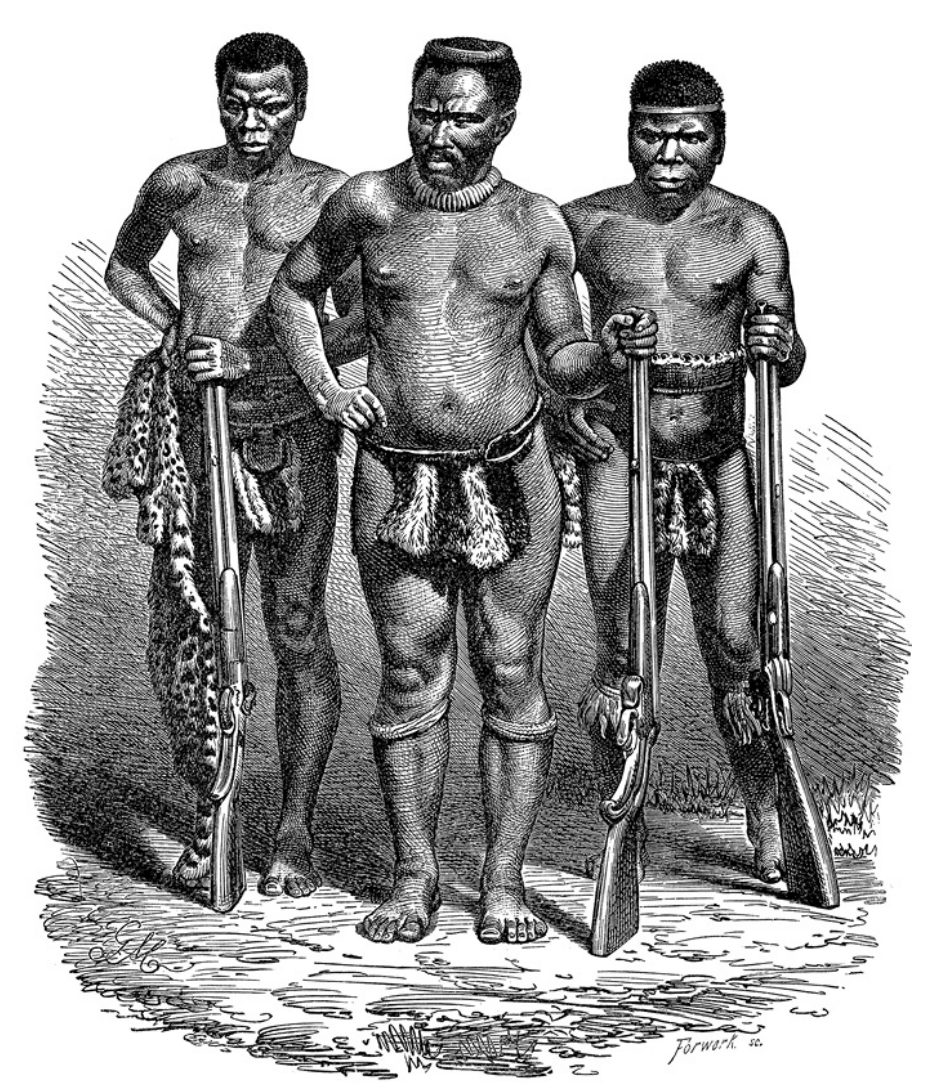
13 октября. Покинув Пунзе, мы пересекли речку Левиндже, текущую на север и впадающую в озеро Ньяса. Линии плавных складок поверхности имеют то же направление. На равнине стали появляться невысокие горы, но после оставшихся позади они кажутся просто холмами. Идем на высоте 3000 футов над уровнем моря, воздух великолепный. Все же часто проходим по участкам, покрытым растительностью, обычной для болотистых мест, и тяжелый запах этих растений всякий раз дает мне понять, что в другое время года здесь, вероятно, не так уж приятно жить. То, что здесь даже кукурузу сажают на холмиках, хотя земля сама по себе вполне сухая, говорит о значительной влажности климата.

Каума, высокий видный мужчина, с лысой головой и приятными манерами, сообщил нам, что несколько человек из его деревни недавно вернулись из страны чибиса, или бабиса, куда ходили покупать слоновую кость; они смогут дать мне сведения о дороге. Кауме понравилось одеяло одного из наших слуг. Вождь предложил в обмен отрез местной ткани, гораздо больших размеров, да еще в придачу овцу. Но владелец не хотел расстаться со своим одеялом, и Каума заявил мне, что не послал за своими людьми, ходившими к бабиса, из-за того, что мой слуга отказался от сделки с ним. Довольно детский поступок, но в остальном Каума был очень гостеприимен. Он дал мне хорошую козу, которую, к сожалению, мои люди уходя забыли.

Вождь сказал, что арабы сюда никогда не заходят, так же как и португальские торговцы. Когда я стал советовать Кауме даже не пытаться завести торговлю рабами, ибо она неизбежно приведет к войнам и уничтожению населения, он ответил, что вожди решили объединиться против Мпонды с его соплеменниками вайяу, если они опять совершат набег на горный район. Но, сказал он, вожди совершенно не надежны, между ними нет прочной связи: каждая деревня живет почти независимо от других, и вожди не доверяют друг другу.

14 октября. Воскресенье провели здесь, в деревне Каумы. Он говорит, что его народ состоит частично из кантунда, а частично из чипета. Первые – горцы, вторые – жители равнин. У чипета много различных отличительных знаков; все это подразделения большого племени манганджа, и диалекты их лишь слегка отличны от языка, на котором говорит народ на Шире. Население очень велико и очень церемонно. Когда мы кого-нибудь встречаем, тот сворачивает в сторону и садится. Мы хлопаем себя рукой по груди и говорим: «ре пета, ре пета», т. е. «мы проходим» или «позвольте пройти»; он немедленно отвечает на это хлопаньем в ладоши. Если кого-либо окликают издали, тот

отзывается громким двукратным хлопаньем в ладоши; вставая со своего места около старшего по положению, полагается тоже хлопать в ладоши, это значит, что уходящий прощается.



Зулусские воины.
Гравюра по фотографии XIX в.

Воины нгони (ангони, мазиту, мгвангара), родственного зулусам воинственного народа, помешали Ливингстону привести в исполнение первоначальный план экспедиции. После столкновения с ними путешественнику пришлось повернуть на юг и зайти на территории, контролируемые португальцами.

Чтобы уточнить маршрут, расспрашиваем о виднейших вождях, владения которых лежат в том направлении, куда собираемся идти. Нам сказали, что на горном хребте на запад отсюда правит Зомба, а дальше, за его владениями, Ундимсенга. Пришлось избрать этот путь, так как мои люди очень боятся опасностей северного пути, близкого к мазиту. Приходится уклониться к югу больше, чем хотелось бы. В одном дне пути за владениями Зомбы в направлении на запад-северо-запад находится область Чиндандо, куда некогда ходили за золотом португальцы. По-видимому, они не сочли посещение горной области стоящим предприятием, так как здесь нельзя было бы достать ни золото, ни слоновую кость. Страна слишком населена, чтобы дикие животные могли здесь водиться; даже на мелких животных ведется охота с сетями и собаками.

Отдыхали в Печоме. Вождь предложил нам козу и пива, но я отказался от подарка и продолжал путь в Моломбу. Здесь носильщики, посланные с нами Каумой, повернули назад, так как утром, когда мы выходили из деревни, там умерла женщина. Они заявили, что если бы она умерла до того, как мы выступили, то ни один человек не пошел бы с нами: таково здесь уважение к смерти, женщина эта не была в родстве ни с кем из них. Вождь Моломбы очень беден, но очень щедр. Он приготовил и поднес нам козу. Вождь другой, соседней, деревни, веселый, добродушный старик по имени Чикала, принес утром пива и курицу. Я попросил его пойти с нами в деревню Миронги, так как очень важно, как я уже отмечал, чтобы кто-нибудь из того же племени сопровождал нас; он согласился. Видели вдалеке гору Нгала, вздымающуюся вверх, как сахарная голова. В прошлый раз на пути в Касунгу мы прошли к северу от Нгалы.

16 октября. Пересекли речку Чикуйо, текущую на север, в озеро Ньяса. До Миронги было всего полтора часа ходьбы, и мы продолжали идти в Чипангу – таково правильное название места, которое на Замбези называют искаженным именем Шупанга. Вождь – курильщик конопли *банге* – бежал при нашем

приближении. Нам предложили жалкую хижину, мы отказались. Тем временем Чикала обошел всю деревню в поисках лучшего жилья и в конце концов нашел то, что искал. Здешнему вождю не свойственна щедрость.

Владения Зомбы находятся в горах на запад отсюда; название этого хребта – Заланьяма. Португальцы, направляясь в страну вождя Касембе, проходили еще дальше на запад.

Двигаясь дальше, дошли до кузницы, где видели плавильщика за работой: он спускал шлак с пода своей печи. Плавильщик пробивал застывший шлак ударами железного инструмента, насаженного на конец шеста; расплавленный металл вытекал из маленького отверстия, сделанного для этой цели в нижней части печи. Руда (вероятно, черная окись железа), похожая на песок, загружалась в печь сверху в смеси с древесным углем. Работал только один мех, изготовленный из козьей шкуры, и дутье было очень плохое. На холмах встречается много таких печей или их развалин. Над действующей печью строится особая высокая хижина.

На восточном краю долины, тянущейся с севера на юг, по которой течет река Диампве, расположены две деревни, обсаженные отличными деревьями *Ficus indica*. Западный край долины образуют горы Заланьяма. Одна из этих деревень принадлежит вождю Терезе. Здесь мы ночевали. Идем короткими переходами, так как солнце печет очень сильно; почва спеклась, стала твердой и растирает ноги. Впрочем, мы не чувствуем недостатка в воде, потому что источники расположены через одну-две мили один от другого.

Народ выглядит очень бедно, бус мало или совсем нет. Украшением служат линии и черточки татуировки на коже.

Население больше налегает на буазе, чем на хлопок. Я видел лишь два участка, засеянных хлопком. Женщины некрасивые, но одежда из буазе только у них. Тереза был чрезвычайно щедр. От него мы узнали, что Зомба живет довольно далеко вверху, в горах, и что не он главное лицо в этих местах. Поэтому, чтобы избежать подъема в горы, мы повернули на север и направились к верховному вождю Чисумпи, который, как оказалось, называется великим только по традиции.

20 октября. По пути к Чисумпи прошли через деревню, скрытую в роще больших деревьев. Вождь Кавета отличный представитель племени кантунда – рослый, хорошо сложенный мужчина с высоким лбом и ассирийским носом. Он предложил нам переночевать у него, но я, к сожалению, отказался.

Кавета проводил нас с милю, и мы расстались с этим джентльменом. Потом пришли в деревню кузнецов, где получили

такое же приглашение, и тоже отказались. После долгого перехода по жаре мы дошли до великого Чисумпи – черной копии сэра Колина Кэмпбелла: нос, рот и многочисленные морщины на лице Чисумпи были точь-в-точь такие, как у великого генерала, но на этом всякое сходство кончалось. Два человека ушли от нас вперед, чтобы сообщить, что мы идем; когда мы подошли, я увидел, что деревня нищая и грязная. Единственно, что в ней было хорошо, – это высокие деревья, среди которых она стояла. Чисумпи попросил меня заночевать в деревне, находившейся в полумиле отсюда. Сын его грубо ссорился с ним из-за каких-то домашних дел, и старик умолял меня уйти. На следующее утро он явился рано в нашу деревню и организовал нашу отправку, ничего нам не предложив и, видимо, не желая нас видеть. Я подозреваю, что он хотя и верховный вождь, но слабоумный и потому потерял всякое влияние. Все же в глазах народа он еще великий вождь.

У некоторых из моих людей заметны признаки сильного утомления. Справлялся, нет ли деревни подальше от Чисумпи, где мы могли бы отдохнуть субботу и воскресенье. Один из старейшин вызвался проводить нас в деревню к западу отсюда. Проходя мимо погребальной рощи Чисумпи, наш проводник заметил: «Здесь спят предки Чисумпи». Впервые я услыхал в этих местах слово «спят» в приложении к смерти. Деревья в этих рощах и вокруг многих деревень очень высокие.

Перешли через Диампве, или Адиампве. Ширина ее от пяти до пятнадцати ярдов. Даже сейчас река полноводна. Она начинается около гор Ндомо, течет на север и впадает в Линтипе, которая в свою очередь впадает в озеро Ньяса. Пришли в Париталу, приятную деревню вождя Читиколы на восточной стороне долины Адиампве. В долине кормится много слонов и других животных; здесь мы увидели после многолетнего перерыва *хопо* племен бечуана. Это ограды в форме воронки, отгораживающие значительную площадь; негры устраивают охоту, загоняя в хопо всевозможных животных, пока они не окажутся зажатыми в узкой части ограды, где их закалывают копьями или убивают в специально устроенных там ямах-ловушках.

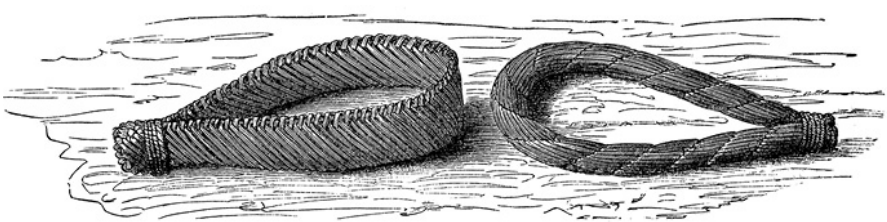
Растение *амбарре*, или *ньюмбо*, дает цветы с тонким ароматом, похожие по форме на гороховые или, скорее, на мотыльковые. Растение, видимо, дикое, цветы его желтые.

Маравi пользуются для смазывания стрел ядом *чаола*. Говорят, он вызывает омертвение тканей. Здесь, в горах, рассказывают, как о чуде, что мы спим, не разводя костров. Ночью, когда температура понижается до 64–60 °F (18–15 °C),

одеяла наших слуг греют недостаточно, но ни у кого из здешних нет достаточно теплых вещей, чтобы укрыться. Мы видели несколько строящихся хижин: перед тем как покрыть крышу травой, ее обмазывают снаружи толстым слоем глины, не оставляя ни единой щелки для прохода воздуха.

Когда мы пришли в Париталу, Читикола отсутствовал в связи с каким-то *миландо*. Эти миландо заполняют всю их жизнь. Миландо – нечто вроде мелкого судебного дела. Если кто-либо нарушает в чем-нибудь права соседа, возникает миландо, и вождей из всех деревень призывают для решения спора. Обильный источник миландо создают женщины. Кто-то похитил несколько початков кукурузы, и Читиколу вызвали в деревню, отстоящую на день пути, чтобы уладить это миландо. Он дал обвиняемому *муаве* (яд, применяемый при «Божьем суде»), и того вырвало – ясное доказательство невиновности! Вождь вернулся вечером 21-го со сбитыми ногами, усталый, но тотчас же угостил нас пивом. Мои постоянные упоминания о еде и питье естественны, так как эти трапезы образуют важнейшую часть наших отношений с африканцами. Пока вождя не было, нам не давали ничего: королева даже попросила у нас немного мяса для своего ребенка, поправлявшегося после оспы. Так как лавок здесь нет, нам пришлось сидеть без пищи.

Я сделал наблюдения для определения долготы и, чтобы убить время, занялся вычислениями лунных наблюдений. На следующий день вождь дал нам зажаренную целиком козу и вдоволь каши. Заметил, что у него тоже ассирийский тип лица.



Плетенные из травы повязки зулусов.
Изображение из этнографического издания XIX в.

Глава 6

Мы выступили 22 октября. Нашим проводником был Читикола, он повел нас на запад, через реку Лилонгве, затем повернул на север и держался этого направления, пока мы не дошли до деревни Машумба. Вождь ее был единственным, кто попросил дать ему что-нибудь кроме лекарств, и вследствие этого получил меньше, чем мы обычно давали: мы всегда даем отрез материи[16], и такой подарок считается щедрым, так как одежды здесь очень не хватает.

Слева тянулся хребет Заланьяма; мы в общем шли на север, но приходилось отклоняться в сторону тех деревень, население которых относилось дружественно к нашему проводнику. Иногда мы продвигались лишь чуть-чуть, так как наши проводники старались по возможности сократить рабочее время. Вождь последней деревни, Читоку, пошел с нами и привел нас в деревню кузнецов: здесь работали четыре печи и одна кузница. Переправились через Чиньямбо, быструю реку, текущую от Заланьямы и впадающую в Миронгве, которая в свою очередь впадает в Линтипе. Местность вблизи гор покрыта лесами, деревья главным образом камедные (масуко, маченга), *Brachistegia* и рододендроны. Часто встречается вереск, который в Капской колонии называют *риностербош*, иногда попадаются колючие акации. Трава невысокая, но ее очень много.

24 октября. Наш проводник Мпанда повел нас лесом, рассчитывая пройти в деревню Чимуны коротким путем. Мы натолкнулись на стадо слонов голов в пятнадцать, кругом было много поваленных ими деревьев. Слоны, видимо, с удовольствием поедают некоторые виды корней и проводят много времени за их выкапыванием. Они жуют корни деревьев и ветви толщиной в ручку лопаты. Невдалеке от нас паслось много буйволов. Мы видели также стадо антилоп канн, они держались лишь немного дальше чем на расстоянии выстрела из лука. В двухстах шагах от нас паслось стадо *баама,* или антилоп бубала. Одну антилопу мы подстрелили.

В тот момент, когда мы радовались добытому мясу, беглецы из покинутой всеми большой деревни сообщили нам, что мазиту вышли в разбойничий поход. Пока люди жарили и ели мясо, я отправился вперед с Мпандой, чтобы получить у Чимуны людей для переноски остального, но меня вскоре вернули назад с дороги. Мимо нас шла другая большая толпа отступающих. Люди бежали напрямик к горам Заланьяма и пробивались через лес, не жалея ног. Этим утром они успели убежать от мазиту. Люди

Мпанды хотели оставить нас и отправиться назад, чтобы позаботиться о своей деревне, но мы уговорили их довести нас до ближайшей деревни, находящейся у самого подножия Заланьямы. Мы двинулись по следам беглецов; жесткая трава со стеблями почти такой же толщины, как гусиное перо, должно быть, причиняла сильную боль их ногам, но что это значило по сравнению с жизнью! Мы намеревались занять позицию в горах и защищать свое имущество от мазиту в случае их приближения. Но наутро мы услыхали, что враг направился на юг.

25 октября. Двигаясь на север, подошли к городу вождя Чимуны, большому центру чипета, окруженному многочисленными деревнями. Путь наш лежал через лес, и, когда мы вышли на открытую горную долину, в которой расположены деревни, мы увидели на больших муравейниках высотой с одноэтажный коттедж людей на страже, ожидающих появления мазиту.

С юга тянулась цепочка подходивших деревенских жителей, на низких горах в этом направлении был виден поднимающийся к небу дым горящих селений. Кругом были только мужчины: женщины и вождь ушли на гору Памбе. Все мужчины были вооружены длинными луками; у одних луки были плоские, у других круглые; колчан обычно висел за спиной, а в волосы воинов были воткнуты пучки перьев, вроде тех султанов, какие носят на киверах наши уланы. Но оставались они не для того, чтобы сражаться с мазиту, а для охраны своих домов и запасов зерна от грабителей из собственного племени, на случай если мазиту не придут. Нам отвели хорошую хижину и немедленно послали человека на Памбе, чтобы дать знать вождю о нашем приходе. Чимуна появился вечером и просил меня остаться на один день в его деревне Памалоа, так как он – главный вождь среди вождей чипета. Я сказал ему, что такое же желание высказывают все вожди, и если бы я их слушал, то мы никак не продвигались бы вперед, а период дождей уже близко. Но у Чимуны пришлось остаться.

26 октября. Сегодня весь народ спустился с Памбе и толпился в деревне, чтобы посмотреть на чужестранцев. Люди здесь знают очень мало об окружающем мире, за исключением своих насущных дел, но дела эти требуют немалых навыков, и мы оказались бы в очень затруднительном положении, если бы, не обладая их умением, должны были поддерживать свое существование в местных условиях. Печи здесь напоминают по форме бутылку, высота их семь футов, ширина три фута. Один беззубый патриарх слыхал о книгах и зонтиках, но ни разу не видел ни тех, ни других. Самый старый из жителей никогда не

уходил далеко от места своего рождения, но хорошо знает особенности местных почв; его знаний достаточно для ведения земледелия, строительства хижин, плетения корзин, гончарного дела, изготовления ткани из волокон коры и выделки шкур для одежды; кроме того, он умеет делать сети, ловушки и веревки.

Деревянные сосуды кафров и зулусов.
Изображение из этнографического издания XIX в.

Внешность Чимуны весьма неприглядна, но вел он себя хорошо. Он был очень благодарен за пластырь на поясницу для облегчения ревматических болей и поднес нам перед выходом огромную корзину каши и курицу. Чимуна просил меня выстрелить из ружья, чтобы мазиту, услышав выстрел, поняли, что в деревне есть вооруженные люди. Все здесь говорят, что эти грабители бегут от огнестрельного оружия. Я думаю поэтому, что они не зулусы, хотя и следуют некоторым их обычаям.

По пути к владениям вождя Мапуйо прошли через несколько больших деревень. Каждая окружена обычной изгородью из молочая, везде растут большие деревья, посаженные ради тени. Идем по ровной или слегка волнистой местности, почти лишенной деревьев. Когда идешь по наклонному пути вдоль углублений между волнами этого земляного моря, часто попадаются сочащиеся водой болота. Нередко встречаются кусты

того рода, какой растет на месте срубленных деревьев. Горы тянутся на востоке и на западе от нас.

Прибыли в деревню Мапуйо. Как это часто бывает, вождя не было видно, но он прислал нам тыквенный сосуд только что приготовленного пива, которое очень освежает; он отвел нам хижину и обещал вечером приготовить еду. Приходится нанимать пять или шесть носильщиков, и от них зависит длина дневного перехода. Носильщики из деревни Чимуны начали ворчать, когда им дали в уплату за работу по шесть футов коленкора, но несколько ниток бус вполне их удовлетворили, и мы расстались друзьями. У каждого встречного мотыга или топор на плече, и работающие часто только присаживаются, когда мы проходим, чтобы проводить нас взглядом.

У многих мужчин большие прорези в мочках ушей, татуировка у каждого племени своя. Женщины больше, чем мужчины, позволяют себе эту болезненную роскошь, вероятно, потому, что у женщин здесь очень мало украшений. У многих лицевой угол совершенно греческий. Изящные черты лица встречаются очень часто, ноги и руки почти у всех маленькие. У Мапуйо тонкие ноги и вполне европейский тип лица.

Вежливое хлопанье в ладоши на разный манер заменяет фразы вроде «позвольте», «прошу прощения», «разрешите пройти», «благодарю вас». Им пользуются и при формальном представлении знакомящихся, и при прощании, оно же равносильно возгласу «слушайте, слушайте». Если зовут подчиненного, он отзывается двумя короткими хлопками, означающими «иду». Здешние жители церемонно вежливы друг с другом. Знак вождя деревни – большой браслет из слоновой кости. Ничего другого, выражающего различия в занимаемом положении, нет.

28 октября. Воскресенье проводим в деревне Мапуйо. Долго беседовал с вождем. Страна его в тяжелом состоянии из-за постоянных набегов мазиту, которые разбойничают без всякого противодействия.

29 октября. Двигаясь на запад, дошли до деревни вождя Макосы; дальше идти не могли, так как следующий переход длинный, и путь лежит через малонаселенную область. Утро было прелестное: вся округа купалась в ярком солнечном свете, ни одно дуновение ветра не колебало дым, медленно поднимающийся клубами от куч горящих сорняков, благоразумно уничтожаемых неграми-земледельцами. Пока еще не стало жарко, народ занимался преимущественно вскапыванием земли мотыгой. В деревне, где мы отдыхали, видели старика, у которого осталось мало волос; он заплел их сзади в косичку, основательно смазал ее

жиром и, загнув наверх, положил плашмя на макушку. Отдельные жители наслаждались прохладной тенью диких фиговых деревьев, которые всегда сажают в деревнях. Это дерево считается священным во всей Африке и в Индии; нежные побеги-корни, спускающиеся с ветвей на землю, используются как лечебное средство (здесь это универсальное лекарство). Фиговое дерево определенной породы часто видишь изрубленным со всех сторон для получения сока, его используют как клей для ловли птиц. Из коры таких фиговых деревьев делают также волокно для тканей.

Днем выпал первый дождь – грозовой ливень; температура воздуха в тени перед дождем 92 °F (33 °C). В полдень температура поверхности почвы на солнце была 140 °F (60 °C), а возможно, и больше, но я не стал точнее измерять, боясь, как бы не лопнул термометр, отградуированный на температуру всего на несколько градусов выше этой. Дождь пошел как раз в тот момент, когда солнце, переходя на юг, находилось прямо над головой; осадков выпало только четверть дюйма, но все до одного отправились на свои участки, чтобы заложить в почву драгоценные семена. Из-за этого же возникли трудности с носильщиками. Достали троих, больше никто не захотел идти. Приходится весь сегодняшний день оставаться здесь.

30 октября. Из Тете сюда приходят черные торговцы покупать рабов, и в жилищах здесь снова появились клопы, с которыми мы расстались, когда свернули с обычной дороги арабов-работорговцев.

31 октября. Идем на запад, немного уклоняясь к югу по густо поросшей деревьями местности. Деревья маленькие, преимущественно *Brachistegia*, камедные, рододендроны, иногда акации. В одном месте видели стадо из десяти диких свиней, но других животных не встречали, хотя кругом остались многочисленные следы пребывания здесь в период дождей слонов, буйволов и других животных. Первые мили шли по местности более скудной в отношении воды, чем обычно, но потом подошли к Льюи, красивой речке с песчаными наносами по берегам, ширина ее 20–30 ярдов. Жители говорят, что она течет на запад и впадает в Луангву.

1 ноября 1866 г. К вечеру достигли приятной речки Чигумокире, где переночевали. На следующее утро двинулись в деревню вождя Кангене, расположенную в горах; чтобы попасть в нее, понадобилось взять южнее, чем хотели. Наше появление вызвало тревогу, мой представитель отправился к вождю объяснять необычное явление – приход белого.

Пришлось нам ждать на солнцепеке среди нагретых скал, а вождь, рослый, некрасивый, похожий на трактирщика человек, в

извинение за свою нелюбезность сказал, что его брата убили мазиту и он, вождь, боялся, что мы того же племени. Когда мы спросили, носят ли мазиту такую одежду, как наша, он стал нам врать и, что необычно, начал просить у нас пороха и других вещей. Я сказал ему, как с нами обходятся другие вожди, и ему стало стыдно. По его словам, вся страна впереди, на северо-западе отсюда, совершенно непроходима из-за отсутствия продовольствия: мазиту начисто ограбили ее, забрав всю провизию, и народ там живет дикими плодами, какие удается собрать.

2 ноября. Кангене по природе своей весьма нелюбезен, а нам нужно иметь пять носильщиков, и мы поэтому в его власти. Кангене сказал мне, что хотел бы дать мне раба, чтобы тот ходил за моими козами (мне кажется, он охотнее дал бы мне раба, чем козу).

Нас задержала на четыре дня болезнь Симона. Когда он выздоровел, мы сказали вождю, что хотим выступить, взяв пять его людей, и он согласился дать нам пять носильщиков. Но когда людей созвали, они предъявили такие непомерные требования, и притом с уплатой вперед, что 7 ноября мы сами взяли семь тюков и перенесли их вперед по ровной необитаемой местности, большей частью поросшей низкими деревьями. Там мы переночевали, а утром 8-го, оставив двух людей у сложенных грузов, вернулись назад и забрали остальные пять тюков. Наш путь похож на курс судна, борющегося с противными ветрами. Происходит это главным образом оттого, что мы вынуждены избегать мест, где у населения отобрали всю провизию или где идет грабеж. Вдобавок местные жители не в состоянии дать сведения о других местах, удаленных от их деревни. Даже кузнецы – наиболее трудолюбивая группа рабочих – столь же невежественны, как остальные; они снабжают окружающие деревни мотыгами и ножами и проходят свой жизненный путь, соединяя земледелие с ремеслом. Смышленый человек, кузнец, служил нам проводником 7 ноября, когда мы ушли от горы Чимбимбе, но и он не знал, что собой представляет горный хребет милях в двадцати отсюда. «Это от нас слишком далеко, чтобы мы знали его название».

9 ноября. Находимся на водоразделе, видимо, между реками Луангвой и Зумбо на западе и озером Ньяса на востоке. Льюи, или Льюя, по словам местных жителей, впадает в Луангву. Чигумокире, текущая с севера впереди нас к востоку от Иронгве (горы, на которых Кангене прячется от мазиту), впадает в Льюи, а к северу от Льюи протекает речка Мандо, приток Буа. Речки на западе текут в глубоких ущельях, а высота плато, по которому мы

идем, позволяет с уверенностью утверждать, что из более низких областей на западе вода сюда попадать не может. По-видимому, португальцы, путешествуя в страну Касембе, не расспрашивали жителей о том, куда текут реки, через которые им приходилось переправляться, и поэтому часто направление рек на их карте нанесено неверно. Население обычно хорошо знает, куда впадают местные реки, хотя имеет очень мало сведений о том, как живет народ на берегах этих рек. Некоторые вопросы португальцы, должно быть, выясняли через рабов, которые не очень раздумывали, давая ответ. Слово «максинга», или «мачинга», значит просто «горы»; несколько раз на карту занесено название Сакса-де-максинга (или мачинга, или же мканга), что в переводе с местных языков значит «горные скалы» или «скалистые горы».

10 ноября. Население, живущее по берегам реки Мандо, принадлежит к чава, или аджава, но не относится к племени вайяу. Это деревня кузнецов. Мы без труда наняли пять человек, чтобы они пошли по нашему маршруту назад и поднесли сюда наши тюки. Непрерывно слышен стук молотков, показывающий, что народ очень прилежно работает. Наряду с ремеслом они занимаются земледелием и охотой с помощью сетей.

К деревне приблизилось стадо буйволов. Я отправился туда и застрелил одного, добыв таким образом много мяса для всей нашей партии и для жителей деревни. Молот, удары которого мы слышим от зари до захода солнца, изготовляется из большого камня, обвязанного крепкими внутренними полосами коры дерева; у обвязки сделаны петли, служащие рукоятками. Щипцы мастерятся из двух кусков коры, а наковальней служит большой камень, вкопанный в землю. Кузнец изготовляет несколько мотыг в день. Металл очень хорош, выплавляется из желтого гематита, которым вся эта часть страны изобилует. Меха состоят из двух козьих шкур, на открытом конце приделаны палки. Отверстия открываются и закрываются при каждой подаче дутья.

13 ноября. Ночью приходил лев; видя, что ему не добраться до нашего мяса, он несколько раз принимался рычать. Один из негров одолжил нам охотничью сеть, чтобы защитить мясо и нас самих от нежелательных посетителей подобного сорта. Люди еще много часов после этого визита продолжали кричать, чтобы отогнать льва звуками человеческого голоса.

Могли бы сегодня двинуться дальше, но я растер себе пятку новыми башмаками. Совсем спелые дикие фиги довольно вкусны.

14 ноября. Идем на север, обойдя конец горы Чисиа; на ночь остановились в деревне кузнеца или, точнее, плавильщика. Здесь оба занятия – выплавка железа и кузнечное дело – всегда объединены, и юноши, обученные в Европе или Индии

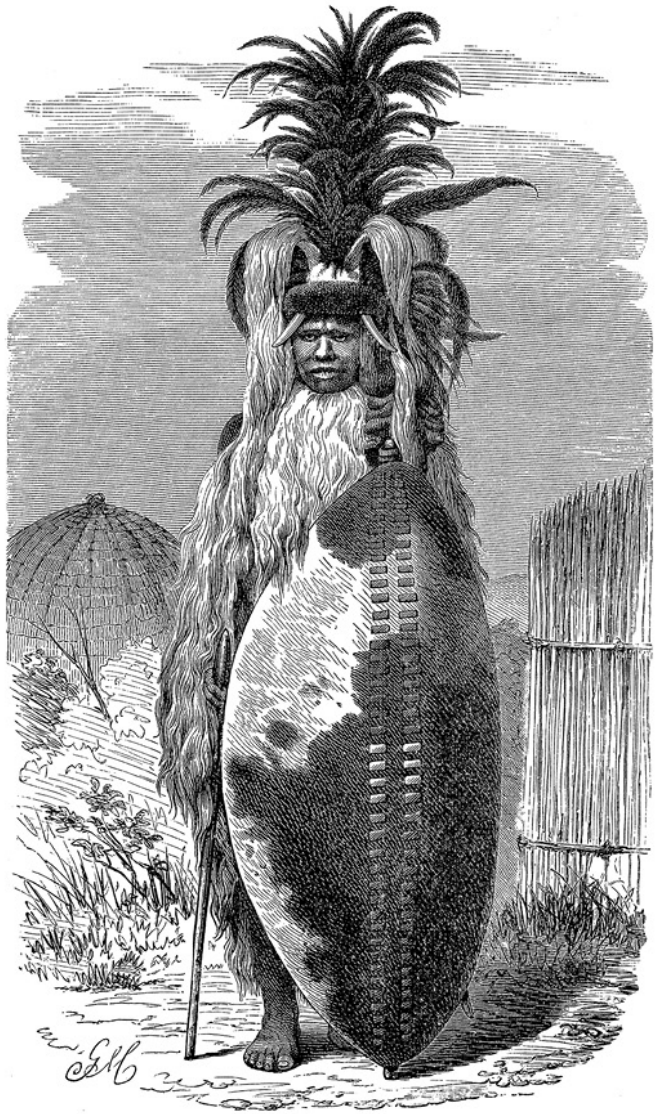
кузнечному ремеслу, оказались бы здесь без работы, если бы не умели выплавлять из руды железо. Значительная часть деревьев в этой местности вырублена и пошла на получение древесного угля, а растущие сейчас малы. Остались в целости некоторые виды фруктовых деревьев.

Склоны волнистой местности, одетые свежей листвой, очень красивы. Молодые деревья чередуются с участками желтой травы, еще не выгоревшей. Горы покрыты густой порослью маленьких зеленых деревьев, среди которых кое-где поднимаются большие. Деревня Калумба на реке Мандо (мы провели там четыре дня) когда-то была обнесена стеной из диких фикусов (*Ficus indica*) и молочая, по обе стороны деревни текли ручьи. Но эти деревья, давшие возможность выдержать осаду мазиту, пали перед натиском слонов и буйволов, остатки защитного пояса сохранились еще и сейчас. Львы иногда проникали в хижины, проломив крышу. Слоны делают то же: мы видели крышу, разрушенную слоном. Единственный шанс на спасение у обитателей хижин – проткнуть животному брюхо копьем, в то время как оно ломится в их дом.

Пришел человек с сообщением, что в деревне вождя Каньиндулы, куда мы направляемся, сейчас мазиту. Вождь посоветовал нам остаться здесь, в его деревне, пока мы не увидим, направляются ли мазиту сюда или пойдут по другой дороге. Женщин отослали, но мужчины продолжали заниматься своим делом. Двое продолжали строить печь на муравейнике (их почти всегда там возводят); работая, они одновременно внимательно наблюдают за окружающей местностью.

16 ноября. Вчера вечером к нам довольно близко подошел слон и затрубил, но вскоре ушел, может быть, услышав громкие крики людей, чтобы не связываться с человеком. Так как мазиту не появились, мы двинулись дальше и перешли через реку шириной в восемь ярдов и глубиной по колено. Истоки ее лежат в северных горах, недалеко за деревней Каньиндулы; речка вьется вокруг гор, а затем уходит на восток. Вид на горы прелестный: они затянуты плотным покровом зелени, там и тут на нем выделяются красные или светлые пятна – красные в тех местах, где недавно выжгли траву, обнажив красную глину, а светлые там, где видна трава или камни. Высоких деревьев здесь больше, и они придают приятные очертания долинам и гребням гор, многие ветви еще сохраняют красноватый оттенок молодой листвы. Пока шли в Каньендже – так называется деревня Каньиндулы, – мы еще раз подошли к реке Буа. Железное производство существует в этой стране, должно быть, с незапамятных времен, так как невозможно пройти четверть мили,

чтобы не попались по дороге куски шлака, обгорелые трубки и обломки печей, превращенные огнем в кирпич. Интересно, что большие кузнечные молоты, которыми пользуются и сейчас, не называются каменными молотами, а обозначаются особым словом – *кама*. Железный молот называется *ньюндо*.



Зулусский вождь в военных доспехах.
Изображение из этнографического издания XIX в.

Ливингстону пришлось встретиться однажды с отрядом мазиту, одного из воинственных племен, родственных зулусам. Но они не причинили никакого вреда ни исследователю, ни его спутникам, вероятно потому, что Ливингстон сумел сохранить присутствие духа и твердость в общении с ними.

Когда мы прибыли в Каньендже, Каньиндулы не было – ушел за древесным углем. Он прислал несколько человек узнать, останемся ли мы на завтра. Среди них был старик с маловыразительным лицом; на руке у старика было двадцать семь колец из кожи слонов, которых он убил сам копьем. С приходом мазиту он перестал охотиться на слонов. Нам сказали, что мазиту прошли к юго-востоку от этого места, забрав весь урожай прошлого года. Запас пищи есть только у вождя. Старик дал нам немного еды, вполне приемлемой; в двух деревнях к югу от этой мы еды не получили. Сам Каньиндула явился вечером; это энергичный, на вид суровый мужчина, но у нас с ним установились очень хорошие отношения.

Народ говорит, что выплавке железа их научил бог (мулунгу) по имени Чисумпи. Сюда они пришли с озера Ньяса. И, несмотря на это, в гончарном искусстве они сильно уступают манганджа, живущим у озера: черепки и целые современные сосуды очень грубы, орнамент или совсем отсутствует, или сводится просто к точкам. Здесь никогда не слышали о метеоритах, но град им знаком.

Дерево *мфу*, или *мэ*, листва которого имеет приятный запах, приносит съедобные плоды вроде сливы, растущие пучками. Другое дерево с лапчатыми листьями, дающее съедобные фрукты, называется *буа-бва*.

Ползучее древовидное растение *мбеу* дает приятные плоды с очень мелкими семенами, напоминающие вкусом крыжовник.

18 и 19 ноября. Вчера днем шел сильный дождь, сегодня собирается опять; мы остались здесь, чтобы сшить себе палатку из коленкора.

20 ноября. Сегодня утром явился Каньиндула с тремя носильщиками вместо пяти и поддержал их требование об уплате вперед. То, что он стал на их сторону, вполне естественно: они имеют больше власти, чем он; в этих местах все вожди заискивают перед народом, и он был больше заинтересован в них, чем во мне, совершенно чужом человеке, которого он, возможно,

никогда больше не увидит. Мы, однако, ушли без его людей, оставив двух наших охранять грузы.

Милях в четырех вверх по долине мы пришли в деревню Каньенджере Мпонда у истока реки Буа и отсюда отправили людей назад за грузами. Был сильный грозовой ливень, от которого нас укрыла хорошая хижина, и мы охотно остались в ней ночевать. Долина восхитительна. Горы по обе стороны мягко округлые и, как обычно, закрыты листвой деревьев, кроме тех мест, где красная почва обнажена, так как траву недавно выжгли. Местами выступают кварцевые скалы, много обломков кварца выносится по оврагам вниз. Так как овраги образуются здесь в плотной глине, то эрозионное действие воды слабо, и она создает глубокие, но узкие промоины. В овраге нашли обломки железной руды, содержащей титан; руда магнитная. Текущий в овраге поток прорыл себе ложе к северу от деревни. Буа, подобно большинству африканских рек, истоки которых я видел, берет свое начало в сочащемся водой болотистом месте. Близко отсюда начинается и другая речка – Тембве, которая течет на северо-запад к Луангве. Видел в ее русле пальмы *шуаре*.

21 ноября. Вышли от истока Буа (13°40̀ южной широты) и сделали короткий переход до окруженной частоколом деревни Мокатобы. Жители ее отказались впустить нас, пока не придет вождь. Здесь есть немного продовольствия, и нам продали продукты. В течение некоторого времени перед этим мы жили на довольно ограниченных рационах, и разрядка была приятной. Сегодня утром после выхода немного поднимались вверх, хотя шли по той же долине, затем слегка спустились к северо-северо-востоку. Из-за восточной горной гряды Мчиндже дули ветры, нагонявшие массу туч с дождями. Тучи, видимо, идут с юго-востока. Вид долины очень красив. Свежевымытая листва сияет чистотой, из земли пробивается молодая трава, воздух прохладен и приятен, весело поют птицы. Птичка *мзие* поет звонким мелодичным голосом. Здесь много крупной дичи, но нам она не попадается.

Медленно продвигаемся на север. Там, говорят, изобилие продовольствия. Я раздал около пятидесяти фунтов пороха своим людям, чтобы они могли охотиться. Благодаря этому число тюков уменьшилось до трех, и сейчас требуется четыре носильщика, так как Симон опять болен. Он втер козий жир в то место, где появились волдыри, и у него высыпали прыщи.

Жители в знак согласия поднимают голову, а не кивают, как делаем мы. Говорят, что так поступают и глухонемые.

22 ноября. Вышли из Мокатобы и, идя вниз по долине, которую с севера замыкает гора Кокве, пересекли в двух милях от

этой деревни речку Касамбу. Ширина ее равняется четырем ярдам, а глубина – по колено. Истоки находятся в четырех милях вверх от Мокатобы в той же долине, откуда берут начало Буа и Тембве.

Нам сказали, что где-то близко пасутся слоны, и вскоре мы увидели место, где они были час назад; однако, несмотря на тщательные поиски, мы их так и не нашли. В глубоком ущелье между горами Кокве и Джасика старый негр, указывая на Джасику, сказал: «Слоны! Да они вон там. Слоны, или бивни, передвигающиеся на ногах, здесь есть всегда». Хотя нам очень было нужно мясо, мы не могли положиться на его слова и продолжали путь вниз по ущелью, в котором берет начало река Сандили. В том месте, где мы перешли ее, это был просто ручей, на берегах которого росли большие деревья, но говорят, что река эта течет в Луангву, впадающую в Замбези у Зумбо. Сандили течет на северо-запад или на северо-северо-запад. Сейчас мы находимся на склоне, идущем к Луангве, и быстро спускаемся на меньшую высоту.

Достигли деревни вождя Силуби у подошвы отдельно стоящей скалистой горы. Никакой пищи получить здесь нельзя: мазиту забрали все. Силуби дал мне плодов масуко. Население убедилось, что может обороняться от мазиту, взбираясь на скалистые высоты и бросая вниз на нападающих камни или стреляя из луков. Можно также защищаться, устраивая частоколы, и сооружение их сейчас распространяется повсеместно.

Из деревни Силуби направились к горной гряде и, пройдя через нее, оказались на сравнительно ровной местности к северу от гор. Поверхность сложена длинными зелеными грядами. Всю эту местность можно было бы назвать лесистой, но там, где жило густое население, деревья все подрезаны до высоты небольших кустов – три-четыре фута. Большие площади покрыты лишь молодыми деревьями высотой примерно с шест для хмеля. Это результат работы угольщиков, изготовляющих древесный уголь, они же всегда и кузнецы.

Баобабы в сухой период года.
Гравюра по фотографии XIX в.

Баобаб, или адансония пальчатая (*Adansonia digitata*),— самое толстое дерево в мире: около 10 м в окружности при высоте до 25 метров. В сезон дождей их пористая древесина способна, как губка, впитывать воду; в засушливый сезон они сбрасывают листья и расходуют накопленную влагу. Так что баобаб можно считать природным водным резервуаром. Интересно, что, согласно африканской легенде, Творец сначала посадил баобаб в долине реки Конго, но там баобаб стал жаловаться, что ему сыро. Тогда Творец пересадил его на горный склон, но и тут баобабу не понравилось, и он снова начал надоедать Творцу своими жалобами. Тогда Творец вырвал его и бросил не глядя на сухую землю, и баобаб воткулся в нее «верх ногами». Так он и растет с тех пор корнями вверх.

Пришли в деревню вождя Зеоре на Локужве. Деревня обнесена частоколом и с трех сторон окружена стоячими

прудами. Мазиту приходили, разграбили все окружающие деревни, а на эту лишь посмотрели и ушли. Таким образом, у жителей было продовольствие на продажу. Жители называют себя ичева и отличаются от атумбока татуировкой. Мужчины причесываются так, что кажется, будто вокруг их головы торчат волосы из хвоста слона. Женщины носят маленькое кольцо в верхней губе, а в нижней – соломинку или палочку, свисающую приблизительно вровень с нижним краем подбородка. Одежда очень скудная. Хижины внутри частокола стоят очень тесно, детям почти негде играть в узком пространстве между постройками.

25 ноября. Воскресенье проводим в деревне Зеоре. Жители думали, что мы молимся о ниспослании дождя, который сейчас очень нужен. Я разубедил их в возможности вызывать дождь молитвой.

Я не собирался отмечать на карте Локужву: это такой ничтожный ручеек, а сейчас он и вовсе пересох. Но при переходе в следующую деревню, вождя Мпанде, мы шли по долине Локужвы и несколько раз пересекали ее русло, направленное на север к Луангве. Почва долины – жирная темно-красная глина, на ней растет такое множество лилий *Amaryllis*, что они совершенно маскируют цвет почвы. В тех местах, где земля расчищена мотыгой, лилии образуют чисто-белый покров. Продвигаясь по долине к Луангве, спускаемся на меньшую высоту. Еще раньше нам говорили, что у Номберуме будет подъем.

27 ноября. Люди Зеоре не соглашались наниматься носильщиками, если им не заплатят вперед. Поэтому мы, как обычно, оставили лишние тюки и пошли вперед, а затем послали за тюками людей. Они, однако, вернулись только 27-го, а тут двое из моих людей заболели лихорадкой. Мысленно вздыхаю, ибо не знаю, как уложить все наши вещи в девять тюков. Я дорожу нашим имуществом как средством к существованию в будущем, так как знаю, что период полных дождей задержит нас на два-три месяца.

В тех местах, где Локужва образует петлю в три четверти окружности, жители соорудили обнесенные частоколом деревни. Но стоячая вода порождает болезни. Здесь в изобилии растет хороший многолетний горох, цветущий голубыми цветками. Цветки эти используются для приправы. Сейчас собирают и варят только цветки. Спросил, как называется горох. Мне сказали – *чилобе* и спросили, растет ли он в нашей стране. Я ответил, что нет, и они поглядели на нас с сожалением: «Несчастная страна, у них нет чилобе». Растет чилобе высоко в горах. Нигде в других местах мы его не видели. Есть еще вид гороха (*Chilobe Weza*) с

красноватыми цветками, который едят таким же образом, но этот вид распространен сравнительно мало. Следует отметить, что каша из кукурузы или сорго никогда не подается без приправы в виде бобов или их листьев или же цветков.

Вчера вечером мужчины громко хлопали в ладоши, затем последовали подавленные крики женщины. Крики были ужасные. Потом послышались возгласы, которые женщина издавала будто в экстазе. Мужской голос отвечал ей: «Мойо, мойо». Возгласы, насколько я мог разобрать, были пятисложными, отрывистыми и вырывались с трудом. Не представляют ли собой эти вырывающиеся, изливающиеся возгласы сохранившуюся форму тех «песен», которые создавали истинные древние пророки? К концу этого излияния часто повторялась фраза: «Линьяма ута» («мясо от стрелы»), это показывало, что прорицательница любит дичь, добытую стрелой и луком. Народ аплодировал и слушал внимательно, надеясь, как я полагаю, что за ее усилиями последует дождь. На другой день ее должным образом почтили барабанной дробью и танцами.[17]

30 ноября. Идем во владение Чилунды, или Эмборы, расположенные тоже на Локужве, превратившейся в песчаное русло шириной около двадцати ярдов, с отдельными лужами в нем. Река идет почти прямо на север или на север-северо-восток. Приближаемся к области Луангвы; местность здесь поросла густым карликовым лесом. Население живет в обнесенных частоколом деревнях. Деревня вождя Эмборы расположена на узкой полосе земли (между Локужвой и другой медленно текущей речушкой), выбранной для строительства благодаря ее позиции, удобной для защиты от врага. Деревня находится вблизи горы Чипемба, в отдалении на западе и на востоке виднеются горные гряды. Как только мы прибыли, Эмбора посетил нас. Это высокий мужчина, лицом похожий на янки. Я спросил его, не принадлежит ли он к племени мотумбока, и это его рассмешило. Посмеявшись вдоволь над предположением, что он может принадлежать к такому маленькому племени манганджа, он гордо сказал: «Я принадлежу к племени ичева, населяющему всю ту страну, куда ты направляешься». Население здесь преимущественно кузнецы. Как раз при нас вождю доставили много железа с отдаленных плавильных печей. Из него куют мотыги, которые меняют на ткани местного производства в нижнем течении Луангвы.

3 декабря 1866 г. Идем по гористой местности, покрытой карликовым лесом, в деревню вождя Канде, тоже на Локужве. Отклонились немного к западу. Деревня окружена густой изгородью из бамбука и кустистого вида фиг, который охотно

растет на берегах непересыхающих рек. Там, где влага не сохраняется круглый год, этот вид не встречается. Канде – кузнец, высокий красавец. Я спросил его, знает ли он о своем происхождении. Он сказал, что его купили бабиса у чипета, а оставили у Чилунды, и, таким образом, он не принадлежит ни к какому племени. Два вайяу вызвались идти с нами, и, так как они заявили, что их хозяева убиты мазиту, а Канде как будто подтвердил это, мы позволили им присоединиться к нам. Беглые рабы большей частью ведут себя плохо, но эти двое, кажется, хорошие ребята, и мы хотим, чтобы они укомплектовали нашу группу. Еще один добровольно примкнувший к нам будет пасти наших коз.

Непрерывное постукивание, слышное в деревнях, показывает, что там идет изготовление ткани из коры. Снятую с дерева кору вымачивают в воде или в яме с черной грязью до тех пор, пока не станет возможным отделить верхний из двух внутренних слоев. Затем начинают разбивать кору деревянным молотком, чтобы разделить и смягчить волокна. Головка молотка часто делается из черного дерева, на ее рабочей поверхности прорезают узкие бороздки, которые способствуют разделению и смягчению волокон, не разрывая их.

4 декабря. Идем на запад по гористой местности, поросшей карликовым лесом. По мере продвижения все чаще попадаются большие деревья, но населения здесь нет. Провели скверную ночь в Катете, мокли под сильным грозовым ливнем, который шел довольно долго. Утро (5 декабря) сырое и душное, все небо покрыто облаками, вдалеке слышны раскаты грома. Шли три часа, не встречая, как ни странно, воды, но продвигались главным образом на запад и снова вышли к Локужве. Все население скопилось на этой реке.

6 декабря. Слишком болен, чтобы идти.

7 декабря. Двинулись дальше. Прошли через деревню вождя Месумбе, тоже защищенную бамбуковой изгородью, и подошли к горе Мпараве. На северной стороне у подошвы и высоко по склонам горы расположена деревня. Бабиса начали подражать мазиту: нападают на деревни манганджа и грабят их. Брат вождя Муаси подвергся нападению бабиса и сейчас находится здесь, он жаждет произвести ответное нападение. В нескольких деревнях видел крохотные хижины, фута в два вышиной, очень аккуратно покрытые листьями и обмазанные глиной. Здесь таких хижин десятки. На расспросы нам ответили, что если в семье умирает ребенок или родственник, строят такую хижинку и, когда готовят какое-нибудь вкусное блюдо или варят пиво, немного этой еды или питья ставят в хижинку для души покойного: считается, что

она всем этим пользуется.

Ширина Локужвы здесь доходит до пятидесяти ярдов, по руслу течет вода. Многочисленные большие ямы в мелкозернистом сланце русла показывают, что воды протекает много.

8 декабря. Здесь едят бобы *читета*, давно знакомые мне по стране бечуана, где эти бобы – просто растение, называемое *моситсане*. Здесь же это дерево в пятнадцать – двадцать футов вышиной. Корни его используют для дубления кож. Бобы толкут, кладут в сито из древесной ткани и повторным промыванием извлекают из этой массы содержащееся в ней чрезвычайно сильное вяжущее вещество. Там, где вода есть в изобилии, как здесь, вещество это применяется в различных процессах. В стране бечуана бобов этих мало, и многочисленные применения вяжущего вещества неизвестны. Стручок достигает длины в пятнадцать – восемнадцать дюймов и диаметра в один дюйм.

Жилые хижины и хижины для духов

Традиционно африканцы придерживались анимистических верований, то есть верили в существование души, духов предков и духов природы, которые могли быть покровителями семейного очага, деревни, рода. Для духов предков строились маленькие хижины: считалось, что дух поселяется там и таким образом остается членом общины, поэтому духов нужно почитать и снабжать пищей.

9 декабря. Несчастный ребенок, у которого умерла мать, остался без всякой помощи. Никто здесь, ни один родственник, не будет нянчить чужого ребенка. Ребенок жалобно звал мать по имени, а женщины говорили: «Сейчас придет». Я дал ребенку кусок хлеба, но он был уже безнадежен и сегодня умер.

Сегодня утром была поднята тревога в связи с приближением мазиту, и все жители деревни стали взбираться на склоны Мпараве. Оказалось, что это была просто охота на гиену, но тут всё решительно принимают за мазиту. Сюда приходили бабиса,

но их окружили и почти всех отрезали от главных сил. Муаси так стремился уйти с партией людей, чтобы контратаковать мазиту, что, получив поручение от вождя дать нам проводника, заставил этого человека в первой же деревне повернуть назад: нам пришлось продолжать путь без проводников, направились мы почти прямо на север.

11 декабря. Из-за установившихся дождей задерживаемся в лесу в месте, которое носит название «лес Чонде». Дождь идет ежедневно, большей частью во второй половине дня. Трещины в почве смыкаются, и растительность начинает развиваться буйно, с удивительной быстротой. Трава стала совсем свежей и мягкой. После мелкозернистого сланца мы встретили гранит с крупными вкраплениями талька. Деревья в этом лесу большие, много деревьев *мопане*. Поют и шумят птицы, все они усердно строят гнезда.

12 декабря. Двигались на север по волнистой и лесистой местности, наняли человека показать нам дорогу, если можно говорить о дороге в лесу без единой тропинки. Мы шли по звериной тропе, пока она вела на север, но когда она отклонилась от этого курса, оставили ее. Отдыхали под баобабом с гнездом марабу – ворохом палок на ветке. Птенцы издавали щелкающий звук, когда старые птицы пролетали над ними. Нектарница с ярко-красным горлом и такой же грудкой свила на другой ветке гнездо, похожее на гнездо ткача, но без трубы. Я наблюдал, как самка на лету выискивала насекомых в коре и листьях баобаба: так что нектарница помимо того, что пьет сок, видимо, еще и насекомоядна. Много следов антилоп канн, зебр, гну, чернопятых антилоп пала, буйволов, болотных антилоп, встречаются мухи цеце, паразитирующие на этих животных.

13 декабря. Достигли реки Токосуси, которая, говорят, берет начало в Номберуме; ширина ее около двадцати ярдов, глубина по колено. Река вздулась от дождей. На берегах ее остался слой черной липкой грязи. Добыл здесь антилопу пала и очень странный цветок *катенде*, представляющий собой вихреобразное скопление из семидесяти двух цветков, выходящих из плоского круглого корня; описать его просто невозможно. Наш проводник хотел пересечь Токосуси, текущую на северо-запад к слиянию с Луангвой, а затем идти к этой реке. Но всякий раз как мы встречаемся с какой-либо трудностью, обнаруживаются лентяи.

У нас не было зерна, и трое остались для закупки его, потратив четыре часа на работу, которую мы делали за час с четвертью. Проводнику надоело ждать, и он повернул назад, но сначала достал нам вместо себя другого. Тот не захотел идти к Луангве: никто здесь не любит выходить за пределы своей

страны. Он соглашался идти на запад в деревню вождя Маранды и больше никуда. Когда стемнело, пошел дождь, и мы побрели по жидкой грязи. Мы перешли вброд несколько глубоких, заполненных водой оврагов, по которым вода текла на север или на северо-запад к Луангве. Тропинки превратились в потоки воды, а выйдя из большого леса Мопане, мы попали на равнину, покрытую чрезвычайно липкой грязью. На левом берегу Луангвы стоит крепость Маранды. Жители нас боялись, и мы с огорчением увидели, что пищи тут мало. Мазиту побывали здесь трижды, и страх, внушенный ими, помешал проведению сельскохозяйственных работ, хотя врагов удалось отбросить.

(Для памяти. Африканцы часто пользуются при хирургических операциях тонкой щепкой тростника, так как она острее их ножей.)

Женщины возле ограды деревни. *Изображение из первого издания книги Г. М. Стенли «Как я отыскал Ливингстона»*

Глава 7

16 *декабря 1866 г.* 15-го не могли ни за какую оплату достать еду; поэтому переправились через Луангву, которая имеет примерно семьдесят – сто ярдов в ширину. Река сейчас глубока и, должно быть, всегда многоводна, так как атумбока, подчинившиеся мазиту, перевозили их на лодках через Луангву туда и обратно. Говорят, что река берет начало на севере. Берега ее аллювиальные, на них растут большие деревья; дно реки песчаное, и в русле большие песчаные мели, как на Замбези. Ни один человек не соглашался наняться к нам в проводники, и мы пошли дальше сами. Сегодня вечером определили широту: 12°40′48″ ю. ш. На переправе определению широты помешали облака, как обычно бывает в период дождей.

17 декабря. Идем по заросшей кустарником местности без тропинок. Вышли к реке Памази шириной в шестьдесят ярдов, с крутыми берегами. Река сейчас полноводна. Продолжали, насколько удавалось, держать прежний курс по очень трудной местности, но река заставляла нас отклоняться к северо-западу. Слышал, как в реке возились бегемоты. Дичи здесь много, но она пуглива. Застрелили двух антилоп поку (*Heleotragus Vardonii*), здесь их называют *цебула*. Выстрелы привлекли охотника, который согласился за мясо и оплату показать нам брод. Он сказал, что Памази берет начало в горном хребте, который отсюда уже виден (за последние две недели похода мы не видели никаких возвышенностей). Перешли реку вброд: у одного берега вода доходила до бедер, у другого была по грудь. Прошли к северу от левого берега только три мили; народ здесь оказался нелюбезным, нам не хотели сдать внаем хижину, и мы наскоро соорудили палатку из брезента и сучьев.

18 декабря. Люди ворчат, жалуясь на то, что ноги у них исколоты колючками на бездорожных переходах; я старался достать проводника, но единственный, кого удалось уговорить, соглашался идти только в деревню вождя Моленга. Пришлось подчиниться, хотя это уводило нас на восток вместо севера. Когда мы пришли, нас стали расспрашивать, что же нам нужно: ведь нас не интересовали ни рабы, ни слоновая кость. Я ответил, что мы пришли сюда по неволе, так как проводник заявил, что это единственный путь во владения Касембе – следующий пункт на нашем пути. Чтобы избавиться от нас, деревня выделила проводника, и мы направились к северу. Лес мопане растет на совершенно ровной местности, и после дождей вода стоит в нем озерами, но большую часть года там сухо. Деревья очень высокие

и растут в двадцати – тридцати ярдах одно от другого. Нижняя часть ствола лишена ветвей.

Застрелил гну, но заблудился на обратном пути к своим и нашел их, только когда стало темнеть. На равнине во многих местах попадаются холмики земли величиной с шапку (накопанные, вероятно, крабами). Сейчас эти холмики твердые, и ходить по ним неудобно. Лес мопане дает железное дерево, португальское *Pao Ferro*. Лес красив, когда идешь по нему в ярком свете раннего утра. Но когда солнце поднимается высоко, листья поворачиваются и висят отвесно[18], а деревья почти не дают тени; почва же здесь глинистая и спекается, становясь очень твердой. В разных уголках леса население устроило зернохранилища и позаботилось, чтобы не оставалось заметных тропок к ним: на случай будущих приходов мазиту. В лесу много зимородков, оглашающих воздух своим пронзительным криком; он начинается резким высоким писком, за которым следует ряд звуков, похожих на трель свистка с горошиной. Сейчас выделяется своим щебетом птица, устраивающая гнездо из пучков тонких стеблей травы, подвешивая его на конце ветки; концы стеблей торчат из гнезда, и никаких попыток скрыть его птица не делает. Кругом хлопочет множество других птиц, слышатся разнообразные звуки птичьего пения; думается, что этот орнитологический район, пожалуй, богаче, чем район Замбези. Много цесарок, франколинов (турачей), а также всяческой дичи: зебр, антилоп пала и гну.

19 декабря. Застрелил отличного самца куду. У нас нет зерна, живем одним мясом; мне легче, чем моим людям, так как я, кроме того, получаю немного козьего молока. Рост куду был пять футов шесть дюймов. Длина рогов по прямой три фута.

20 декабря. Достигли деревни Касембе[19]. Жалкая деревушка из нескольких хижин. Народ здесь очень подозрителен и ничего не хочет делать, не поторговавшись сначала об уплате вперед. Не достали не только зерна, но даже местных трав, хотя потратили целый день на то, чтобы запастись пищей.

После короткого перехода пришли на Ньямази, другую значительную речку, текущую с севера и впадающую в Луангву. Ньямази – река того же типа, что и Памази, с крутыми аллювиальными берегами примерно такой же ширины, но гораздо более мелкая: несмотря на то что она сейчас полноводна, глубина ее по пояс. Ширина Ньямази пятьдесят – шестьдесят ярдов. Дошли до невысоких гор, сложенных грубым песчаником. Перейдя через них и оглядываясь назад, мы убедились, что уже много дней путешествуем по совершенно ровной долине, одетой лесами. Барометр почти не показывал колебаний в высоте,

составлявшей около 1800 футов над уровнем моря. Спуск в эту огромную долину начался, когда мы отошли от истоков реки Буа. Теперь эти невысокие горы, Нгале, или Нгалоа, возвышающиеся всего футов на 100 над уровнем, с которого мы пришли, показывают, что мы вышли на берег древнего озера, вода из которого ушла, вероятно, когда образовался разрыв земной коры у Кебра-баса на Замбези; мы обнаружили наверху громадные полосы хорошо обкатанных камешков, вернее, холмы такой гальки из твердого кремнистого сланца с немногочисленными кусками окаменелого дерева. В оврагах виден пласт этой обкатанной гальки, поверх мягкого зеленоватого песчаника, подстилаемого в свою очередь тем грубым песчаником, который мы заметили прежде всего.

Это та формация, что и на Замбези ниже водопада Виктория. По-прежнему на севере и северо-западе видны горы (это так называемые горы Биса, или Бабиса), из них вытекает Ньямази, тогда как Памази огибает конец, или то, что отсюда кажется концом, более высокой части хребта (22 декабря). Застрелил лесную антилопу. Ночевали на левом берегу Ньямази.

23 декабря. Голод заставляет нас идти вперед. Мясной стол далеко не достаточен, от такого питания все мы испытываем слабость при ходьбе и скоро устаем. Но сегодня все же продолжали торопливый путь в деревню Кавимбы, который успешно отбросил мазиту. Сильная жара, и ходьбу в продолжение трех-четырех часов мы считаем хорошим дневным переходом. Перед вступлением в деревню присели отдохнуть; нас приняли за мазиту, и все воины деревни поднялись, чтобы убить нас, но как только мы встали, они увидели, что ошиблись, и вложили обратно в колчаны свои стрелы. В одной хижине мы видели четыре щита мазиту; значит, мазиту не всегда одерживали верх. Щиты – жалкое подражание зулусским – сделаны из шкур антилоп канн и водяных козлов и плохо сшиты.

В ответ на наши подарки Кавимба сделал очень скромное подношение, а купить что-нибудь могли только по непомерно высоким ценам. Оставались здесь весь день, 24-го, торгуясь с жителями и пытаясь купить зерно. Вождю приглянулась рубашка, и он поручил своей жене сторговаться. Она долго ругалась и проклинала нас, и мы сносили это, но смогли получить за рубашку лишь небольшую цену. Решили праздновать Рождество в другой день, в более подходящем месте. Женщины, видимо, здесь плохо подчиняются мужьям: брат Кавимбы спорил со своей супругой, и в конце каждой бурной тирады обе стороны кричали: «Принесите муави! Принесите муави!», т. е. яд для «Божьего суда».

Рождество 1866 г. Никто не хотел проводить нас до деревни вождя Моэрвы. Я намекнул Кавимбе, что убью носорога, если увижу. Тогда он сам пошел с нами и повел нас туда, где рассчитывал встретить этих животных, но мы увидели только их следы. Где-то пропали наши четыре козы: то ли их украли, то ли они отбились в бездорожном лесу; что именно произошло, неизвестно. Эту потерю ощущаю очень остро: какую бы пищу нам ни приходилось есть, немного молока делало ее приемлемой, и я чувствовал себя бодрым и здоровым, однако питаться грубой, трудноперевариваемой едой без молока очень тяжело. 26-е провели в поисках коз, но понапрасну. При Кавимбе был слуга, несший два огромных копья, которыми вождь один на один сражается с громадным животным. Мы расстались с Кавимбой, как мне казалось, друзьями; впрочем, человек, вызвавшийся быть нашим проводником, видел его потом в лесу, и вождь будто бы советовал ему покинуть нас, так как мы-де ему не заплатили. То обстоятельство, что Кавимба, расставшись с нами, крутился неподалеку, заставляет меня подозревать, что он взял наших коз, но я в этом не уверен. Потеря коз подействовала на меня сильнее, чем я мог предполагать. Теперь моя еда состоит из небольшой порции трудноперевариваемой каши, почти безвкусной, и я мечтаю о лучшей пище.

27 декабря. Проводник попросил выдать полагающийся ему отрез, чтобы носить его в пути, так как было мокро, шел дождь, а его кусок древесной ткани плохо прикрывал тело. Я согласился, и он сбежал при первом удобном случае, выполнив тем самым совет Кавимбы. В этих местах дождь выпал рано, и вся трава уже дала семена. Днем подошли к горам на севере, от которых берет начало Ньямази; некоторое время шли вверх по руслу маленькой речки, затем вышли из долины наверх. В начале подъема, в русле речки, пласт гальки иногда достигал в толщину пятидесяти футов; при дальнейшем подъеме мы встретили слюдяной сланец, поставленный на ребро, затем серый гнейс и, наконец, изверженный трапп среди кварцевой породы с большой примесью блестящей слюды и талька. Когда мы остановились на отдых, к нам подошли два охотника за медом. Они охотились с помощью птицы-индикатора; птица прилетела, когда они пришли, и спокойно ждала их, пока они курили и болтали, затем отправилась с ними дальше.

Мухи цеце, очень многочисленные внизу, летели за нами, пока мы поднимались, но когда высота увеличилась еще на тысячу футов, мухи постепенно стали отставать и покинули нас. На закате расположились лагерем около воды на прохладной высоте и сделали себе укрытия из веток густолиственных

деревьев.

28 декабря. Три человека, охотники за пчелами, подошли к нам, когда мы снова собирались в путь, и сказали, что деревня Моэрвы близко. Первая группа охотников говорила нам то же, но мы уже так часто проходили большие расстояния до мест *пафуни* («близких»), которые в действительности были *патари* («далекими»), что начинаем думать, не значит ли «пафуни» просто «желаю вам отправиться туда», а «патари» имеет обратный смысл. В данном случае «близко», как оказалось, значило час и три четверти хода от места нашей ночевки до деревни Моэрвы.

Глядя назад с высоты, которой мы достигли, видим большую равнину, покрытую темно-зеленым лесом, и в ней полосу желтоватой травы, где, вероятно, течет Луангва. На востоке и юго-востоке на пределе видимости равнину ограничивает стена синих гор милях в сорока – пятидесяти отсюда. Говорят, что Луангва берет начало в стране Чиболе, прямо к северу от Макамбье (района, в котором расположена деревня Моэрвы). Оттуда река течет на юго-восток, затем поворачивает туда, где мы переправлялись через нее.

Моэрва пришел ко мне в хижину. Он пытался обычными мелкими хитростями побудить нас купить все, нам нужное здесь, хотя цены тут непомерно высокие: «Впереди ничего нет, там сильный голод. Вам нужно купить пищу здесь и нести с собой, чтобы прокормиться». Я спросил у него имя ближайшего вождя, но он не захотел сообщить его. Наконец я сказал ему, чтобы он постарался говорить, как полагается мужчине. Тогда он сообщил, что первый вождь из племени лобемба Мотуна, а следующий – Фафунга. У нас нет ничего: по дороге сюда мы не встречали животных, а переносить голод трудно. Подарив Моэрве хороший большой отрез, мы добились того, что он приготовил рагу из *маэре* (*Eleusina caracana*), т. е. пшена, и желудка слона. Было так приятно поесть как следует, что я хотел дать ему еще отрез, тем более что он, посылая ужин, передал, что завтра приготовит еще еду, и в большем количестве. На следующий день вечером, когда его спросили об ужине, он сказал, что посланный солгал: ничего больше не готовили.

У бабиса круглые головы, курносые лица, нередки лица с сильно выдающимися скулами, глаза с косым разрезом, наружный угол приподнят. Похоже на то, что у них большая примесь бушменской крови, многие могли бы сойти за бушменов или готтентотов. Возможно, что и бабиса, и вайяу смешивались с этими племенами, что могло бы объяснить их привычку странствовать. У женщин принято обнажать верхнюю часть зада, приспуская очень жесткую ткань. Они запиливают зубы, губного

кольца не носят. Волосы причесывают так, чтобы они лежали в сетке на задней стороне головы. Мужчины приветствуют друг друга, почти ложась на спину и хлопая в ладоши, при этом они производят губами малопристойный звук.

29 декабря. Провели день в Маламбве, но ничего не получили, кроме небольшого количества маэре, которое скрипит на зубах и в желудке. Чтобы мазиту не уморили их голодом, жители возделывают в лесу небольшие круглые участки на большом расстоянии друг от друга. Участки диаметром ярдов в десять или немногим более удобряют золой и засевают этим просом или засаживают тыквой, чтобы мазиту во время нападения были не в состоянии унести тыквы или собрать просо, зерна которого очень мелкие. Население здесь не храбрее, чем другие африканцы, но хитрее. На обычные вопросы они дают только неправильные ответы, но возможно, что в данном случае это вызвано неблагожелательным отношением к нам из-за того, что мы не хотим менять товары на слоновую кость.

30 декабря. Идем в деревню вождя Читембы, так как он, говорят, не бежал от мазиту и потому имеет запасы пищи для продажи. В то время как мы отдыхали, нас нагнал Моэрва с полной свитой из мужчин, женщин и собак. Он направился на охоту на слонов. Мужчины были вооружены большими копьями. Собаки выдрессированы отвлекать внимание слона, в то время когда охотники нападают на него с копьями. Женщины готовят мясо и строят хижины. С охотниками идет кузнец, чтобы чинить копья, если они сломаются.

Проходим по ровным плато, на которых очень продуманно проложены дороги: не чувствуется даже, что путешествуешь по гористой местности. Вся она покрыта густым лесом, часто попадаются деревья с подрезанными сучьями. Обрезку сучьев делают для получения коры. В изобилии растет фруктовое дерево масуко. Из коры цезальпиниевых и камедных деревьев изготовляют ткань.

Бросаются в глаза большие массы гематита, часто содержащие и металлическое железо, попадается и конгломерат с включениями кварцевых обломков. По-видимому, когда в нижних областях существовали озера, с более высоких мест туда стекали большие количества воды из железистых источников; так образовались отложения железной руды. Гематит подстилается серым гранитом или кварцем с примесью талька, иногда гнейсом.

Лес звенит от пения птиц, занятых свиванием гнезд. Много франколинов, они пугливы. Кричат козодои и еще какая-то птица, крик которой сложнее, с переливом, и голос чище: «О-о-о!» Цветут ничем не приметные пестрые цветы, но местное население

хорошо знает, какие растения съедобны, а какие нет. Я заглянул в корзины женщины, собиравшей листья на ужин; в ней было восемь или десять разных видов листьев и, кроме того, грибы и орхидейные цветы. Сегодня несколько раз с северо-востока и с востока-северо-востока налетали шквалы с ливнями. Не знаем, когда придем в какую-нибудь деревню, так как бабиса не говорят, где они расположены. Вечером встали лагерем у ручья и соорудили себе укрытия, но еды было так мало, что мне всю ночь снились обеды, которые я когда-то ел, или обеды, которые я мог бы есть.

Я сделаю эту прекрасную страну более известной людям. Не хватает слов, чтобы описать ее богатства, но большая их часть пропадает даром из-за работорговли и внутренних войн.

31 декабря. Вышли утром после дождя. С деревьев и листьев травы капало, где-то рычал лев, но мы его не видели. Какая-то женщина, пришедшая издалека, построила аккуратную крохотную хижину на пепелище материнского жилища; несомненно, приношение пищи, которую она поместила в хижинку, и весь этот обряд дочернего благочестивого почитания принесли утешение душе бедной скорбящей.

Пришли в деревню вождя Читембы, но она оказалась покинутой жителями. Бабиса на время сбора урожая частично разбирают свои хижины и перетаскивают кровлю к участкам, где и живут до конца работ. Оставление жилищ на время необитаемыми приводит к исчезновению в них многих насекомых. Мы видели, что, куда бы ни приходили работорговцы бабиса или арабы, они оставляют после себя клопов. Было бы хорошо, если бы все причиняемое ими зло ограничивалось только этим. Когда мы пришли, Читемба работал на своем участке, но он скоро появился и предложил нам на выбор любую из неразобранных хижин. Читемба – старик, он гораздо откровеннее и правдивее, чем последний вождь. Он сказал, что Читапангва – верховный вождь всех абемба.

Три или четыре женщины, которые при нас в деревне Моэрвы исполняли танец для вызывания дождя, оказались здесь и занимались тем же; лица их были напудрены мукой, они держали в руках топоры и подражали, как могли, мужским голосам. Получил просо (маэре) и курицу.

Кончается 1866 год. Он был не так плодотворен, как я рассчитывал. Попытаюсь добиться большего в 1867 г. и быть лучше – проявлять больше терпения и любви. Пусть Всевышний, которому я вручаю пути свои, приведет к вершинам мои желания и поможет мне преуспеть! Пусть все грехи 66-го года будут прощены мне ради Христа.

1 января 1867 г. Пусть тот, кто был полон милости и правды, наложит на меня отпечаток своего характера.

По желанию моих людей остаемся на сегодня в деревне Читембы, Мбулукута, так как сегодня Новый год. К тому же здесь можно достать еду.

2 и 3 января. Остались на месте из-за надвигавшегося дождя. Купил похожее на крысу животное *сензе* (*Aulocaudatus Swindernianus*), рад был, что достал хоть что-то мясное.

Охота на слона. *Изображение из этнографического издания XIX в.*

Слон во многих регионах Африки издавна был предметом охоты, и хотя некоторые ее приемы были по-настоящему варварскими, до прихода в Африку европейцев угроза исчезновения никогда не нависала над этим исполином животного мира. В последнее время численность африканских слонов значительно увеличилась, причем в некоторых странах их стало так много, что приходится отселять этих животных на другие территории, хотя бы потому, что ежедневно слону нужно примерно 300 кг листьев и травы, а также около 100 л воды.

4 января. Идет дождь. Термометр, градуированный в высотах

по точке кипения, показывает, что мы находимся на высоте 3565 футов над уровнем моря. Высота по барометру (над уровнем моря) 3983 фута. Получили здесь немного проса. Мы предпочитаем выжидание ходьбе под дождем, который промачивает насквозь и портит наши товары. У нас нет ни сахара, ни соли и, следовательно, нет запасов, которые бы растворялись, но от дождя легко портятся ткани и порох. Еда тяжелая и скудная. Все время ощущаю голод и постоянно, вместо того чтобы крепко спать, вижу сны о хорошей пище. Даже в часы бодрствования перед моим воображением встают отчетливо вкусные блюда прежних времен. Это довольно странно, так как я обычно не вижу снов; собственно говоря, я почти никогда не вижу снов, кроме как перед заболеванием или когда болен.[20]

Находимся на северном (вернее, северо-западном) краю большой долины Луангвы. Приходящий с востока дождь выпадает здесь в верхней и нижней части долины, но значительная ее часть еще не напиталась как следует влагой. Все травы уже дали семена, и все же стебли с семенами не выше двух футов. Пастбища здесь превосходные. Население использует время непрерывных дождей для охоты на слонов, которые застревают в грязи, погружаясь в размокший мягкий грунт на пятнадцать – восемнадцать дюймов; даже слону, такому сильному животному, трудно в этих условиях убежать.

5 января. Погода все еще задерживает нас. Как только сильные дожди прекратятся и настанет ясный день, мы тронемся в путь.

6 января. После воскресной службы ко мне явились два человека сказать, что идут в Лобембу и могут проводить нас в деревню вождя Мотуны. Дня два назад тоже приходил один проводник, но у него был такой неприятный взгляд, что мы все от него отшатнулись. Лица этих двух нам понравились, но они оказались не такими удачными проводниками, как мы надеялись: они повели нас на запад без дороги. Шел мелкий дождь, и нам не хотелось вступать в лес без них. Жилье здесь можно встретить только на больших расстояниях одно от другого, нет и животных. Днем подошли к глубокому ущелью, заросшему гигантским строевым лесом и бамбуком. На дне ущелья течет река Мавоче.

Из-за сырости все деревья поросли лишайником. На крутом спуске было так скользко, что двое из моих людей упали; один из них, несший хронометры, упал дважды. Это было несчастьем, так как при этом у часов изменился ход, что выяснилось при первом же сравнении часов вечером. В деревне Мотуны нет пищи, но вождь все же попытался вымогать у нас ткань, требуя четыре ярда, на том основании, что он владеет этой местностью. Мы

заявили, что в таком случае выйдем из его деревни и соорудим себе шалаши на «Божьей земле», т. е. на невозделанных местах; тогда он попросил нас остаться. Из этой деревни видна очень высокая гора Чикокве на запад-юго-запад отсюда. Народ, живущий в этих горах, называется матумба. Здешние жители носят наименование локумби, но, как бы ни назывались отдельные племена, все это бабиса, подчиненные бабемба; их привычное занятие – работорговля довела их до жалкого состояния жителей джунглей. Питаются они в основном дикими фруктами, корнями и листьями. При возделывании земли под просо здесь пользуются деревянной мотыгой, орудие имеет V-образную форму и делается из сука с отростком; острый конец имеет в диаметре около дюйма, этим острием они царапают почву, по которой сначала разбрасывают семена. Утром, когда мы проходили мимо участков, примерно дюжина молодых людей были заняты таким делом на своих маленьких участках.

Местность вся – волнистая равнина; насколько хватает глаз, лежит зеленый покров, а дальше все, что мы видим, кажется синим. Из зелени выглядывает множество пестрых цветов. Там и тут ярко-красные лилии (*Lilium chalcedonicum*), светло-синие или желтые цветы имбиря, красные, оранжевые, желтые и белые орхидеи, бледные лобелии и многие другие. Но их присутствие не нарушает общего зеленого колорита. По мере подъема на более высокую часть плато травы с розовыми и красновато-коричневыми околоплодниками придавали свой оттенок лугам и ласкали глаз. В самом начале перехода мы свернули в сторону и, чтобы нас не вымочил дождь, укрылись в старых шалашах бабиса. Охотники за рабами строят их в виде круга с одним выходом. Ряд шестов ближе к центру образует опорный край круглого навеса, эта круглая хижина, или навес, строится без перегородок.

9 января. Поднялись на гряду твердого песчаника. Два человека, сопровождавшие нашего проводника, время от времени издавали крик, чтобы привлечь внимание птицы-индикатора, но она не появлялась. В одном месте видели на земле следы жестокой борьбы: здесь был убит и съеден водяной козел, но никакой дичи мы не встретили. В определенное время года сюда приходят слоны и буйволы, сейчас они перешли в другие места. Долины очень красивы, места, где сочится вода, покрыты низкой жесткой травой, придающей долине вид содержащегося в порядке помещичьего парка; но места эти переполнены водой – это гигантские «губки». Проходя по ним, нужно тщательно следить за тем, чтобы не провалиться в глубокую яму с водой – след ноги слона или буйвола. Вода обычно доходит до середины башмака, и мы шагаем, хлюпая по похожему на лужайку болоту. В этих

очаровательных диких долинах сейчас нет жителей; сегодня нам попались на глаза холмики, некогда искусственно насыпанные для того, чтобы на них сажать зерновые, и шлак из железоплавильных печей. Проводник наш очень обижался на то, что не получает мяса и муки, хотя дома привык есть листья; впрочем, без большого труда он нашел себе обед в лесу. Мой запас муки сегодня кончился, и Симон дал мне из своего. Меня мучает не то, что неприятно есть невкусную пищу, а то, что никогда не чувствуешь себя сытым. Я мог бы заставить себя проглотить очень непривлекательный обед и не вспоминать об этом, но маэре порождает сосущее ощущение, которое преследует тебя непрестанно днем и ночью.

10 января. Преодолели сильное течение реки Муаси, текущей на восток к Луангве. Днем, раньше чем мы успели укрыться, нас насквозь промочил чрезвычайно сильный грозовой ливень. Двое из наших сбились с дороги, а двое отстали и потерялись, так как следы смыло дождем. Местность волнистая, покрытая джунглями, без каких-либо признаков тропинок. Мы находились в ложбине, и наши выстрелы не были слышны, пока мы не взобрались на высоту, где услышали ответную стрельбу. Слава Богу, никто не потерялся: отставший может здесь долго блуждать, пока доберется до деревни. Сегодня утром Симон дал мне еще немного своей муки, а сам пошел не поевши. Я затянул пояс на три дырочки, чтобы смягчить голод. Собрали скверные дикие фрукты, вроде тех, что в Индии называют *джамбо*; в полдень мы достигли деревни Чафунга. Здесь тоже голод, но несколько человек, убивших слона, пришли продать нам сушеное слоновье мясо. Оно припахивало, и цена была высокая, однако сосущий голод вынуждал отдавать за еду лучшее, что у нас есть.

12 января. Сегодня утром я присел около дерева, и голова моя оказалась на расстоянии всего лишь одного ярда от африканской гадюки солидных размеров, свернувшейся среди ростков у корней, но она окоченела от холода. Очень хорошенькая маленькая африканская гадюка лежала на тропе, тоже окоченевшая. Здесь эти змеи редко причиняют вред, но в Индии дело обстоит иначе. Скупили всю еду, какую удалось достать, но этого недостаточно для предстоящего похода к Чамбези, где, как говорят, пища имеется в изобилии. Пришлось снова путешествовать в воскресенье. Шли вдоль речки до впадения ее в маленькое озеро Мапампа, или Чимбве, длиной около пяти миль и шириной в полторы мили. В озере водятся бегемоты, на берегах его паслись антилопы поку.

15 января. Нам пришлось переправляться через Чимбве у его восточного конца, где ширина составляет целую милю.

Проводник отказался показать нам другой, более короткий брод выше по течению реки, впадающей в озеро с востока, а я, переправлявшийся первым, позабыл распорядиться относительно бедной собачки Читане. Воды было по пояс, дно в озере мягкое, торфянистое, с глубокими ямами, а северный берег кишит пиявками. Мои люди, как и я сам, были слишком заняты сохранением собственного равновесия, чтобы подумать о храбром маленьком животном, и собака, должно быть, плыла, пока не затонула. Читане так успешно держал всех деревенских псов на расстоянии от наших хижин, что ни одна не смела приблизиться, чтобы украсть что-нибудь, и сам никогда ничего не тащил. В походе он следил за всей партией, бегая то вперед, то к заднему концу каравана, чтобы посмотреть, все ли в порядке. Он становился постепенно желтовато-рыжим, и вот теперь погиб в озере, которое мои люди назвали «водой Читане».

16 января. Идем по горам, сложенным красивым бело-розовым доломитом, скудно прикрытым горной травяной растительностью и деревьями. Как обычно, дождь заставил нас сделать раннюю остановку, кроме того, нас побудили задержаться дикие фрукты.

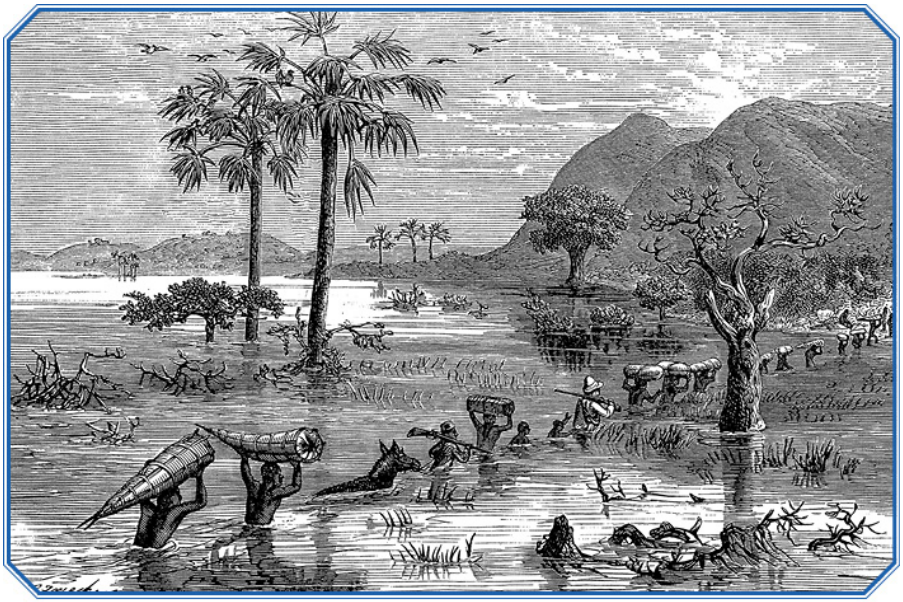
В одном месте мы натолкнулись на группу жителей, питающихся плодами масуко и изготовляющих циновки из черенков листьев пальмы *шуаре* (рафия). Нам тоже приходится туго: в запасах ничего, кроме небольшого количества проса (*маэре*) и пресных лепешек, испеченных в золе. Делаем вид, что сваренный из поджаренных зерен напиток – кофе.

Наш проводник, медлительный парень, повернул назад, потому что не получал лучшего питания, чем у себя дома, и так как знал, что если бы не его упрямство, мы не потеряли бы собаку. Нет нужды повторять, что северные склоны покрыты сплошь лесом. Земля сейчас раскисла, просачивающиеся в ложбинах источники переполнены, ноги все время мокрые. Течение в речках сильное, вода бежит чистая, несмотря на то, что сейчас половодье. Можно угадать, какие из них текут круглый год, а какие – просто пересыхающие горные потоки. Текут они на север и на запад к Чамбези.

17 января. Из-за дождя задержались до полудня в старом лагере работорговцев бабиса. Потом все же пошли под дождем. Подошли к доломитовым горам, камень везде покрыт белым лишайником пепельного цвета. Отсюда тропа ведет вдоль хребта, разделяющего Лотири, которая течет на запад, и Лобо, направляющуюся на север. И наконец мы вышли к Лобо, шли по ее берегу, пока не достигли деревни Лизунги. Ширина Лобо около пяти ярдов, но река очень глубока (половодье), вода в ней

чистая, как, впрочем, сейчас во всех речках. Перейти через такую речку можно, только срубив дерево на берегу так, чтобы оно легло поперек наподобие моста. Речки эти не размывают берега, защищенные растительностью. Заметил, что коричневый ибис (это обычно шумная птица), когда его согнали с дерева, на котором находилось гнездо, постарался сдержать свой резкий голос и, только очутившись приблизительно в четверти мили от гнезда, начал громко кричать: «А-а-а!»

18 января. Вождь Лизунги Чаокила принял наш подарок, но ничего не дал в ответ. Позже пришел представитель от Читапангвы и потребовал подарка покрупнее, так как Читапангва – более важный вождь. Представитель вождя сказал далее, что если ему дадут четыре ярда коленкора, то он распорядится, чтобы все приносили нам пищу в изобилии, и притом не только здесь, но по всей дороге до самого места пребывания верховного вождя страны лобемба. Я предложил, чтобы он для начала приказал Чаокиле дать нам немного еды в ответ на наш подарок. Это привело к тому, что Чаокиле пришлось отдать свой отрез представителю Читапангвы: мы увидели, что все голодающие к югу от Чамбези просто бедняги, находящиеся в зависимости от бабемба, или, вернее, их рабы, сеющие лишь немного, и то только на круглых участках в лесу, о которых уже упоминалось, чтобы таким образом не дать завоевателям забрать больше, чем малую часть урожая. Подданные верховного вождя бабиса занимаются работорговлей, и дурные последствия такого промысла налицо: страна их обезлюдела, и народ абсолютно никому не доверяет.



Переход исследовательского каравана через реку.
Иллюстрация из английского издания первой книги Ливингстона

Во время перехода отряда макалоло во главе с Ливингстоном по заболоченным равнинам на востоке современной Анголы часть носильщиков (см. иллюстрацию) несла упакованные слоновые бивни, предназначенные для продажи в Луанде.

19 января. Большую часть дня шел дождь. Вычислил долготу позиции на горе, которая, говорят, называется Мпини, лучше было бы назвать ее горой Читане; у нашего медлительного проводника я не смог выяснить название горы: вероятно, он и не знал его. Широта 11°9′ ю. ш. Долгота 32°13′ в. д. Высота над уровнем моря (по барометру) 5353 фута. Высота над уровнем моря (по точке кипения) 5385 футов – разность 32 фута.[21]

Кругом только голод и непомерные цены, народ живет грибами и листьями. Заметил, что из грибов берут только пять или шесть сортов, а десять сортов не трогают. Есть сорт грибов, шляпка которых достигает размеров тульи мужской шляпы. Цвет этого гриба белый, посередине шляпка имеет коричневый оттенок. В жареном виде этот гриб очень хорош, называется он

мотента, есть еще *мофета, босефве, накабуса* и *чисимбе*; чисимбе делится на дольки, снаружи он зеленый, внутри розовый, мясистый; им пользуются как приправой к остальным. Должно быть, нужен порядочный опыт, чтобы научиться отличать съедобные грибы от ядовитых.

Достаем у населения слоновье мясо. Сказать, что оно припахивает, – значит дать совершенно невыразительное название его состоянию. Мясо очень горькое, но мы пользовались им как приправой к каше из маэре. Ни одна часть животного не пропадает даром: все, включая кожу, разрезается на куски и идет в продажу. Никто из нас не притронулся бы к этому мясу, если бы у нас было что-нибудь другое, так как подлива, в которую мы кладем кашу, похожа на водный раствор алоэ, но эта подлива устраняет появление изжоги, вызываемой маэре в чистом виде. Я заменяю эту подливу отваренными грибами. Все же мы никогда не отказываемся от мяса, если его можно купить, так как, видимо, оно уменьшает усталость, ощущаемую при питании фруктами и другой пищей джунглей. Аппетит в этой стране всегда отличный, и переносить голод особенно тяжело. Вероятно, недостаток соли усиливает неприятное сосущее ощущение.

20 января. Проводник отказался идти дальше, и мы пошли без него. Два вайяу, присоединившиеся к нам в деревне вождя Канде, сбежали. Они всю дорогу верно несли свои обязанности и во всех случаях стояли на нашей стороне. Они хорошо знали местный язык и потому были чрезвычайно полезны. Никто не думал, что они дезертируют; оба были свободными людьми – их хозяев убили мазиту, – и это обстоятельство, и их стойкое, хорошее поведение побуждали нас доверять им больше, чем другим бывшим рабам. Но они покинули нас в лесу; пошел сильный дождь и стер все следы их шагов. И что особенно усугубило потерю – они унесли то, без чего мы не могли никак обойтись, – ящик с лекарствами[22], который они наверняка выбросят, как только раскроют его и рассмотрят свою добычу. Утром один из дезертиров обменялся грузами со слугой по имени Барака, которому был поручен ящик с лекарствами, ибо он был внимательным и осторожным носильщиком.

Вайяу сделал это потому, что вместе с ящиком лекарств были связаны пять больших отрезов, вся одежда и бусы Бараки, которые он тщательно берег. Вайяу предложил понести на очередном переходе этот тюк, чтобы помочь Бараке, а тому дал взамен свой груз, в котором не было тканей. Лес здесь такой густой и высокий, что у нас не было никаких шансов увидеть беглецов хоть на мгновение. Дезертиры унесли всю нашу посуду, большой ящик пороха, муку, купленную нами за дорогую цену, чтобы

продержаться до Чамбези, инструменты, два ружья и патронташ. Но самой тяжелой потерей был ящик с лекарствами. У меня было ощущение, что я теперь получил смертный приговор.

Все прочие виды имущества я распределил по тюкам на случай утери какого-либо груза или дезертирства носильщиков, но мне и в голову не приходило, что я могу лишиться драгоценного хинина и других лекарств. Другие потери и неприятности я воспринимал просто как часть того подспудного течения беспокойных событий, которое не перестает сопровождать даже самое безмятежное существование. Конечно, исследователю, стремящемуся принести пользу своей стране и своему народу, не стоит сетовать на такие вещи, но эту потерю я ощущаю очень остро. Может оказаться, что это событие к лучшему, так как потеря лекарств устранит источник подозрений среди суеверных, боящихся волшебства племен севера. А я-то рассчитывал на лекарства как на источник помощи для моих людей и для местных жителей.

Мы вернулись в Лизунгу и отрядили двух человек назад, в деревню Чафунги, чтобы перехватить дезертиров, если они пойдут той дорогой. Но вполне вероятно, что, имея наш запас муки, они будут держаться как можно дальше от нашей партии и совсем исчезнут. У этих вайяу было мало возможностей научиться хорошему: их отдали в молодости в рабство, они попали в самую худшую из школ, где нельзя научиться быть честным и сохранять честь, но долгое время они вели себя хорошо. Однако, получая плохую и скудную пищу в Лобисе, они шли мокрые и измученные под лесной капелью, проводили голодные ночи и изнурительные дни и, должно быть, потеряли терпение. У них нет чувства чести или, во всяком случае, оно не так сильно, как должно быть у нас, и они поддались соблазну, которому мы их подвергли из-за их хорошего поведения. Некоторые люди, которых мы встречали в этом путешествии, казалось, рождены были с низкой и подлой душой. Это большое несчастье для них самих и для всех, кому приходится иметь с ними дело, но их нельзя винить в этом так же сильно, как тех, кто не склонен от природы к низости, кто воспитан в отвращении к ней. Все это так, но утеря этого ящика с лекарствами странно грызет мою душу.

21 и 22 января. Остались в Лизунге. Почти весь день идет дождь. Купили у вождя все маэре, какое он соглашался продать. Сейчас вынуждены продолжать путь и идти в следующую деревню, чтобы купить пищи. Сейчас наши главные трудности – недостаток пищи и дождь. Здесь, на северном склоне гористого плато, выпадает больше дождя, чем в других местах: облака, приходящие с севера, изливают свои сокровища в сильных

громовых ливнях, затопляющих всю местность к югу от края плато. Дождевые тучи приходят главным образом с запада.

23 января. Вчера после перехода в пять и три четверти часа пришли к обнесенной частоколом деревне вождя Чибанды. И здесь тоже пищи нет. Перешли через порядочную речку Мапампу (шириной, вероятно, ярдов в десять), быстро мчащую свои воды на восток. Весь остальной путь шли темным лесом. Отправил людей в деревню Муаси купить еды. Если им это удастся, то завтра идем к Чамбези, на другой стороне которой, как согласно утверждают все доходящие до нас сообщения, можно получить сколько угодно пищи. Все мы чувствуем слабость и легко устаем, нас терзает непрестанный голод, и не удивительно поэтому, что в этих записях столько места занимают вопросы желудка. Дело тут не в простой нехватке вкусных блюд, а в настоящем остром голоде и голодной слабости.

24 января. После четырех часов ходьбы по девственному темному лесу вышли к реке Мовуши, которая здесь течет медленно, извиваясь по болотистой долине в милю шириной, и заполняет его долину. Мовуши течет с юго-востока и впадает в Чамбези приблизительно в 2 к северу от нашей стоянки.

Деревня Моаба находится на восточной стороне болотистой долины Мовуши, и подход к деревне очень труден, так как в ряде мест вода доходит до подбородка.

Я решил поставить шалаши на западной стороне и послать на другой берег людей за пищей. Слава Богу, мы нашли здесь наконец хороший запас маэре и земляные орехи. Но во всем этом горном районе дерево *ньянда*, из коры которого делают ткани, растет в таком изобилии, что население одето хорошо и мало интересуется нашими материями. Модны синие и красные бусы, и, к счастью, у нас есть красные.

25 января. Остались в Моабе и отдали размолоть наше маэре в муку. В деревне держат крупный рогатый скот, овец и коз. На другом берегу Чамбези есть все, притом в еще большем количестве; мы сможем, значит, нагулять наш утерянный вес. В этих местах водятся буйволы, но мы не видели их. Будь возможность добыть дичь, я бы пошел охотиться. Однако охота здесь в основном ведется с помощью хопо, и мы проходим мимо целых милей изгородей, внутри которых, должно быть, погибло много животных. Когда идешь по лесу, то удивляешься, что встречаются только старые следы дичи. Отсутствие ее объясняется уничтожением животных в хопо. Изгороди сжигают, а удобренное золой пространство засаживают тыквами – обыкновенными и с удлиненным горлом, для сосудов.

В деревне Чибанды видел зеленые мясистые грибы,

называются они чисимбе. В ступку, в которой женщины толкут другие сорта грибов, добавляют один-два чисимбе как приправу, придающую особый вкус всей массе. Мне не удалось выяснить, каковы свойства чисимбе, если есть этот гриб в чистом виде. Но опыт показывает, что питание грибами годится только для того, чтобы снились ростбифы прежних дней. От этих снов изо рта течет слюна, и подушка по утрам мокра от нее.

Бабиса очень подозрительны. Вследствие этого за все нужно платить вперед, и мы установили, что, сделав подарок вождю, мы только даем ему возможность обмануть нас и не накормить ужином. Бабиса ничего не дают друг другу даром, и если это влияние торговли, то я предпочитаю африканцев, которые не торгуют.

В речках появилась рыба. На большей высоте попадалась только мелочь, какую не стоит ловить. Лес по ночам и ранним утром оглашается криком, состоящим из громкой, дважды повторенной печальной ноты, за которым следует несколько более низких нисходящих звуков. Какая-то новая (по крайней мере для меня) птица заставляет весь лес звенеть от ее крика.

Когда коршуны видят, что мы строим шалаши, они заключают, что мы убили какое-либо животное. Но понаблюдав за нами некоторое время и не видя никакого мяса, они улетают. Это наводит на мысль, подтверждаемую и другими фактами, что коршуны руководствуются только зрением. Для украшения головных уборов негры пользуются красящим веществом *нкола*, по-видимому, добываемым из красного дерева (*Baphia nitida*). Наносят его и на ткань из коры, чтобы придать ей красивый вид. Срубленное красное дерево обжигают, чтобы вызвать появление интенсивной окраски. Затем, когда окраска появится, дерево измельчают в порошок.

Камедное дерево при повреждении коры изливает смолу. Видел массу смолы, упавшей на землю.

26 января. Прошли на север вдоль Мовуши, вблизи места впадения ее в Чамбези, и расположились в покинутой временно деревне. Вечером застрелили взрослого самца цебула, или поку. От кончика морды до корня хвоста длина антилопы равнялась пяти футам трем дюймам, длина хвоста один фут, высота до холки три фута, окружность груди пять футов, длина рогов от конца до места прикрепления девять с половиной дюймов, длина рогов по кривой шестнадцать дюймов, на рогах по двенадцати колец, на одном сзади был гребень в полдюйма шириной и в полдюйма вышиной, сужавшийся к концу рога, вероятно, случайного происхождения. Цвет шерсти рыжевато-желтый, темные места спереди на ногах и на ушах, живот почти белый.

Пуля попала позади плеча, прошла в селезенку и вышла с другой стороны, но раненая антилопа пробежала сто ярдов.

27 января. Все утро лил дождь, но с запасом мяса мы устроились в старых хижинах неплохо. Утром, меняя одежду, испугался, увидев собственную худобу.

28 января. Прошли пять миль вдоль Мовуши и Чамбези к месту переправы, позволяющей, как говорят, избежать переправы через три реки на другой стороне. Широта 10°34 ю. ш. На Чамбези половодье, вода чистая, между линиями деревьев, обозначающими истинные берега реки, не более сорока ярдов. В воде и на берегах обычные признаки богатой фауны этой извилистой реки, текущей на запад. Лодочник был чрезвычайно подозрителен: когда мы согласились уплатить вперед, он просил еще отрез и, хотя ему была обещана полная уплата, как только мы все будем благополучно перевезены, держал последнего из наших людей на южном берегу в виде залога за этот кусок коленкора. После уплаты он тут же убежал.

Шли на север вброд через обводненную разливом равнину в две мили. Люди приходят сюда промышлять в реке *Clarias capensis,* вид сомов. По правую руку текла заросшая осокой речка Ликиндази, в которой водятся бегемоты. Ночевали в лесу и никого не видели. На следующий день встретили группу жителей, пришедших из деревни посмотреть на нас. Сейчас мы уже в стране лобемба, но у местного населения не было ничего, кроме утешения нас надеждой, что в деревне Читапангвы всего много. Перед деревней простирается полмили сочащегося водой луга и илистого болота, и, как обычно, она окружена частоколом. Ночью жители очень боятся зверей и тщательно запирают ворота, даже во временных деревнях. Позже, когда мы были в Молембе (деревня Читапангвы), лев убил двух человек. Наш лодочник на Чамбези выказывал большой страх перед крокодилами, когда один из нас мылся на берегу реки. Признаки изобилия дичи, слонов и буйволов, но никаких животных не видели.

29 января. Недалеко от конца последнего перехода нам показали место, куда ударила молния; она прошла вниз по камедному дереву, не повредив его, затем десять ярдов горизонтально, здесь разделилась на две ветви и пошла вверх по муравейнику; путь ее был ясно обозначен увядшей травой. На другой день на берегах Мабулы мы увидели засохшее дерево, пораженное молнией. Молния расколола дерево на большие щепки, отбросив их на расстояние в шестьдесят ярдов по одну и на тридцать ярдов по другую сторону от него, остался только пень; на участках, где молния прошла горизонтально, увяла трава.

30 января. Идем на север под капелью по почти нехоженым лесам и по сочащимся водой болотам.

31 января. Идем лесом, но теперь встречаются возделанные участки больших размеров, чем в Лобисе.

Негр предложил нам купить у него толстый брус меди длиной в фут, шириной в три дюйма. Много твердолистной акации и *мохемпи*. На равнинах, где пробиваются источники, растет вид травы с розовыми стеблями и желтыми семенами, очень красивый. В полдень достигли речки Лопири, питающей водой ров перед частоколом Читапангвы. Вскоре мы увидели, что его деревня обнесена тройным частоколом, причем внутренний тоже защищен широким глубоким рвом и изгородью из колючего кустарника (вид пасленовых). Деревня занимает в длину приблизительно пятьсот ярдов и в ширину двести. Хижины стоят не очень тесно.

Все речки отсюда текут к Чамбези. Рыбы в них нет, за исключением очень мелкой, вероятно, мальков. По другую сторону хребта, около которого расположена Молембе, много рыбы, которую стоит ловить.

Читапангва, его называют также Мотока, прислал узнать, хотим ли мы аудиенции. «Мы должны взять в свои руки кое-что при первой встрече с таким великим человеком». Я устал после перехода и ответил: «Не раньше вечера». В 5 часов дня послал известить вождя, что приду. Мы прошли через внутреннюю ограду и направились к огромной хижине, где сидел Читапангва с тремя барабанщиками и еще десятком людей, державших по две трещотки. Барабанщики яростно били в барабаны, а люди с трещотками сотрясали их в такт барабанам; двое из них при этом приближались к вождю и отступали от него, пригнувшись, как бы отдавая ему поклоны, но не нарушая такта барабанов.

Я отказался сесть на землю, и для меня принесли огромный бивень слона. Вождь учтиво приветствовал меня. У него жирная веселая физиономия, ноги его отягощены латунными и медными браслетами. Я упомянул о потерях имущества, унесенного дезертирами вайяу, но власть Читапангвы только номинальная, и он не мог ничего сделать. Побеседовав некоторое время, он подошел вместе с нами к стаду коров и сказал, указывая на одну из них: «Это ваша». Бивень, служивший мне сидением, был послан мне вслед как принадлежащий мне, потому что я сидел на нем. Вождь надел на себя подаренную мной ткань в знак того, что принимает ее, и потом отправил в нашу хижину две большие корзины сорго. Когда стемнело, он прислал за одним из моих людей, чтобы выведать у него все, что ему интересно.

Гавань Багамойо. *Гравюра XIX в.*
Из этой гавани отплывали в заморские страны многочисленные суда, перевозящие рабов

1 февраля 1867 г. Мы застали здесь небольшую партию работорговцев – негров и арабов из Багамойо, города на морском берегу. Вождь вел себя, как мне показалось, очень прилично, и сегодня утром я отправился передать ему один из наших лучших отрезов. Накануне, когда мы собирались зарезать корову, вмешался какой-то человек и указал на другую, поменьше. Я спросил вождя, было ли это сделано по его распоряжению. Он ответил, что этот человек солгал, но я отказался вообще принять корову, раз он дарит ее неохотно.

Работорговцы, начальника которых звали Магару Мафупи, пришли ко мне и сообщили, что отправляются назад 2 февраля; я уговорил их за плату остаться еще на день и провел все время за писанием донесений.

3 февраля. Сегодня утром Магару Мафупи отбыл, взяв с собой пачку писем, за доставку которых он должен получить в Занзибаре 10 рупий.[23] Работорговцы прибыли в Молембе гораздо более коротким путем, чем наш: они шли прямо на запад или на юго-запад. Но ни одна душа не сказала нам об этом пути, когда мы были в Занзибаре. Багамойо находится всего в шести часах ходьбы к северу от гавани Курдари. Возможно, что жители Занзибара сами не знали об этом пути, работорговцы впервые зашли так далеко. По этой дороге множество деревень, жители которых держат коз и дешево продают их. Работорговцы насчитывают на этом пути пятнадцать главных деревень,

имеющих *султанов* (так именуют они вождей), и говорят, что прибудут в Багамойо через два месяца.

Вот названия деревень: 1. Часа, 2. Ломбе, 3. Учере, 4. Ньямиро, 5. Зонда, 6. Замби, 7. Диоти, 8. Мерере, 9. Кирангабана, 10. Нконгози, 11. Сомбого, 12. Суре, 13. Ломоласенга, 14. Капас, 15. Чанзе. Чанзе лежит в местности, соседней с Багамойо. Некоторые из этих деревень отстоят одна от другой на два-три дня пути.

Они встретили три большие реки: 1. Вембо, 2. Луаши, 3. Луву. У меня не было времени для дальнейших расспросов. С ними был один из спутников, сопровождавших на Танганьику Спика. Зовут его Джандже, или Джанджа. Он умеет подражать трубе, дуя в ладони. Я заказал через них запас тканей и бус и попросил, чтобы прислали немного кофе, сахара, свечей, французских мясных консервов, сыр в жестяной банке, шесть бутылок портвейна, хинин, каломель и слабительную смолу ялапа, направив все заказанное в Уджиджи.

Я собирался пройти немного на восток по описанной работорговцами дороге, чтобы купить коз, но Читапангва очень рассердился: он упрекнул меня в том, что я пришел только показать свои вещи, а покупать ничего не хочу. Затем он переменил тон и попросил меня принять корову, которую с самого начала мне подарил, и съесть ее. Так как нам всем очень нужно было мясо, то корову я взял. Когда я дал ему еще два отреза, он отправил их обратно и потребовал одеяло. Одеяла есть только у моих людей. Я объяснил вождю, что мои люди не рабы и я не могу отбирать у них подаренные им раньше вещи. Здесь мы впервые попробовали жирного мяса после более чем шестинедельного перерыва.

6 февраля. Читапангва с женой пришли посмотреть приборы; я объяснил, как мог, их устройство и показал книги, в том числе Книгу книг (Библию). Вождь сделал несколько разумных замечаний по поводу моих объяснений. Мои люди очень боятся Читапангвы. Когда Абрахаму не хочется передать то, что я говорю, он заявляет мне: «Не знаю, как перевести это слово», но в отсутствие вождя Абрахам очень быстро вспоминает нужное слово. Он и Симон думали, что для завоевания благосклонности вождя нужно в разговоре с ним держаться униженно.

7 февраля. Послал человека к вождю с просьбой прийти ко мне или сказать, когда мне явиться к нему для разговора. Получил ответ, что он придет, когда побреется, но затем он прислал человека узнать, о чем я собираюсь беседовать. Я отказался говорить об этом и, когда кончился дождь, отправился к Читапангве сам.

Войдя в хижину, я заявил, что дал ему за корову вчетверо больше, чем она стоит, но если он думает иначе, то я предлагаю отнести эти четыре отреза к его брату Моамбе. Если Моамбе скажет, что я дал недостаточно много, то я куплю другую корову и отошлю ему, Читапангве. Мое предложение ему очень не понравилось: «О, великий англичанин! Зачем нам передавать решение спора стоящему ниже нас. Я великий вождь всей страны. «Инглезе моколу» (ты жалеешь), что вынужден платить так много за быка, которого вы съели. Ты не хотел брать меньшего, и я удовлетворил твое желание и дал тебе большего быка. Почему же ты не можешь удовлетворить мое желание и дать мне достаточно большой отрез, чтобы я мог покрыться им и быть довольным?»

Я сказал, что мои отрезы покроют целиком и его, и самую большую из его жен. Он засмеялся, но продолжал настаивать на своем. Так как мясо у нас есть и он прислал нам кукурузы и тыквы, я ушел. Теперь он переменил тактику и обвиняет меня в жадности.

Все время нависают тучи и льет дождь, поэтому до вчерашнего вечера я не мог определить широту. 10°14′ ю. ш. 8-го сделал лунные наблюдения. Долгота 31°48′ в. д. Высота над уровнем моря 4700 футов (по точке кипения и барометрическая).

8 февраля. Вождь требует один из моих ящиков и одеяло. Объяснил ему, что дождь за один день испортит все содержимое ящика. Мне сказали, что Читапангва заявил, будто отправит нас назад на Лоангву, начнет войну и впутает нас в нее, лишит нас пищи и т. п. Моих людей эти угрозы запугали. Читапангва думает, что проход через его владения связан для нас с личной выгодой и, следовательно, он имеет право на участие в этих выгодах. Ему сказали, что это делается в интересах общества, но он убежден, что путешествие для нас выгодно, хотя и не знает, чем именно.

Может быть, это только совпадение, но каждый раз, как мы встречаемся с кем-нибудь из спутников Спика и Бертона в путешествии к озеру Танганьика, начинается систематическое выжимание поборов. Не сомневаюсь, что Джандже сказал Читапангве, что его бывшие хозяева платили все, что от них потребуют.

10 февраля. Служил воскресную службу под открытым небом в присутствии множества зрителей, после богослужения разговаривал с вождем, но он ничему не верит, кроме того, что ему сказал этот человек, работавший у Спика и Бертона. Читапангва преподнес нам кукурузу и земляные орехи; он говорит, что не давал распоряжения своим людям не продавать нам зерно. Вынуждены оставаться здесь и есть зеленую кукурузу.

11 февраля. Вождь послал нам корзину мяса бегемота с Чамбези и большую корзину зеленой кукурузы. Он говорит, что три поднесенных мной отреза по-прежнему принадлежат мне. Он хочет получить только ящик и одеяло; если не дадут одеяла, то пусть дадут хоть ящик, жестяной. Вождь, отправляясь каждое утро на свой участок, старается не попадаться мне на глаза. Читапангва добродушен, и, встречаясь, мы смеемся; но мои люди обнаруживают свой страх перед ним тоном голоса, и мои слова поэтому теряют силу.

Черно-белые и серо-коричневые водяные трясогузки удивительно ручные. Они ходят между хижинами и даже заходят в них, и никто их никогда не трогает. Свои гнезда они вьют около хижин. В Бечуаналенде человека, чьи мальчики убьют трясогузку, подвергают штрафу, но почему, никто не может мне объяснить. Мои люди утверждают, что трясогузок не убивают потому, что их мясо не едят, или потому, что они очень ручные.

13 февраля. Отдал, наконец, один из жестяных ящиков. Читапангва предложил мне взамен тяжелый арабский деревянный ящик, чтобы сохранить наши вещи от порчи, но я от казался взять его, так как и со своим жестяным расстался отчасти для того, чтобы уменьшить груз. Абрахам случайно рассказал мне, что передал мне слова вождя не полностью, когда тот настаивал, чтобы я взял корову. Читапангва сказал: «Возьмите и съешьте корову, какая вам понравится, а мне дайте одеяло». Абрахам ответил: «У него нет одеяла». Абрахам передал мне это так: «Возьмите корову и ешьте ее, а мне (вождю) дайте хорошую вещь, какую захотите». Это повело к тому, что я неправильно понял вождя, а он, полагая, что ясно заявил о своем желании получить за корову одеяло, естественно, стоял на своем. Трудно добиться от моих ребят, чтобы они передали то, что хочешь сказать: либо, побуждаемые непомерным самомнением, они делают иные, по их мнению, лучшие, заявления, либо совсем не передают сказанное или же искажают полученные ответы. В этом большая, главная трудность моих сношений с вождями.

Я приготовился к дальнейшему походу, но вождь очень разгневался. Он пришел со всеми своими людьми и заявил, что я хочу уйти вопреки его желанию и не считаясь с его властью, хотя он сам хочет уладить все недоразумения и проводить меня как следует. Он не верит, что у нас нет одеял. Приходится оставаться здесь и ждать. Впрочем, все это, быть может, к лучшему: так бывало всегда. Пусть Господь поможет мне. Хотя со мной девять слуг, но я чувствую себя совсем одиноким.

Дал вождю семян, горох и бобы, которые он, видимо, взял с благодарностью; в ответ вождь стал часто присылать небольшие

подарки – еду и пиво. Пиво из маэре густое, как каша, очень крепкое и горькое. Оно ударяет в голову, и, чтобы справиться с ним, требуется здоровое пищеварение.

14 февраля. Показал вождю одеяло одного из моих людей, с которым тот соглашается расстаться за два наших отреза ткани, каждый из которых больше одного одеяла, но вождь отказался взять его, так как у нас-де есть новые. Я предложил ему, раз он не верит моим утверждениям, осмотреть содержимое наших тюков, но если он не найдет новых одеял, уплатить нам штраф за оскорбительное недоверие. Он согласился, посмеиваясь, дать нам в этом случае быка. Все наши личные встречи протекали в благожелательном духе. Неприятны лишь сообщения, передаваемые моим слугам теми тремя людьми, которые приставлены охранять нас, вернее, шпионить за нами. Я позволю моим людям допускать их ко мне.

15 февраля. Читапангва пришел рано утром, и я показал ему, что одеял у меня нет. Он взял старое и сказал, что дело кончено. Можно было избежать этого длительного недоразумения, если бы Абрахам полностью передал мне то, что вождь сказал в самом начале.

16 февраля. Вождь предложил мне корову за кусок красной шерсти, и после долгих разговоров, когда Читапангва поклялся, что после заключения сделки не будет никаких новых требований, я отдал ему эту шерсть, отрез ткани и немного бус в обмен за хорошую жирную корову. Длина отреза шерсти равнялась двенадцати футам.

Не так плох вождь, как трусливы мои слуги. Они разговаривают с ним тонким щебечущим голосом и не говорят того, что, наконец, должно быть сказано, так как в глубине своей трусливой душонки уверены, что лучше меня знают, что следует сказать.

Весьма вероятно, что появятся люди, которые смогут вести их за собой. Но моих качеств недостаточно для их воспитания.

17 февраля. Слишком болен ревматической лихорадкой, чтобы служить воскресную службу. Это первый приступ болезни, которой я никогда не болел, а у меня нет лекарств! Уповаю на Господа, врачующего народ свой.

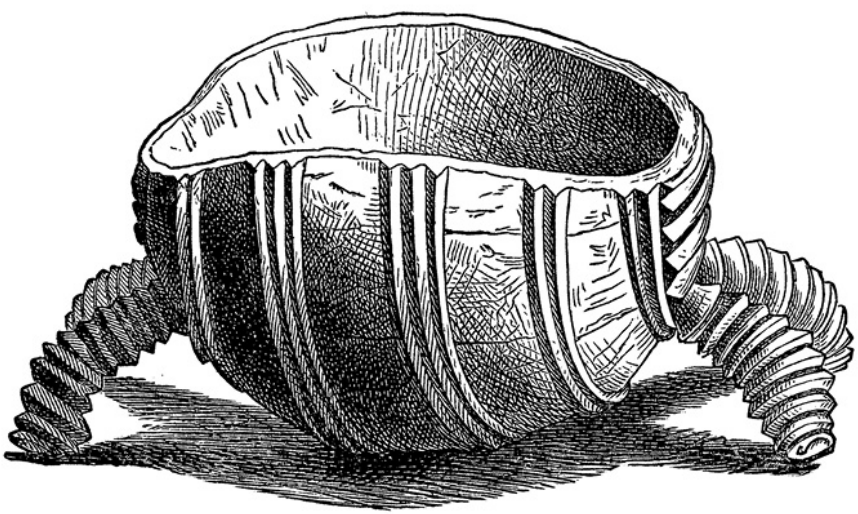
18 февраля. Корову поделили сразу. Предыдущую мы приготовили и каждый вечер давали всем хороший, сытный обед.

Гул воды, ударяющейся о камни или переливающейся через них, в большинстве потоков этой горной местности слышен на значительном расстоянии. Поэтому здесь никогда не бывает совсем тихо. Здешняя порода – глинистый сланец, красный и белый (по-шотландски «киль»).

19 февраля. Читапангва просил меня пробыть здесь еще день, чтобы один из моих слуг мог залатать одеяло, которое было в употреблении каждую ночь с апреля. Я чувствовал слабость и головокружение и согласился. Великолепный день, яркое солнце после ночного дождя. Редко проходят сутки без дождя, и никогда не бывает и полусуток без грома.

Красное дерево (*Baphia nitida*) называют здесь моломбва. Оно растет тут в изобилии. Жители сдирают кору, кипятят ее и размалывают в мелкий порошок. Масса эта кроваво-красного цвета широко применяется для украшения: ею сбрызгивают ткань из коры и намазывают голову. Массу формуют в большие шары, она называется *мкола*. Листья дерева перистые, ланцетовидные; дерево достигает в высоту сорок – пятьдесят и в диаметре пятнадцать – восемнадцать дюймов. Листья покрыты тонкими жилками, сверху гуще, снизу реже.

Абрахам сообщил мне, что растение ньюмбо (или мумбо) легко размножается посадкой отрезанных стеблей или корней. Пучок стеблей хранят в земле для посадок будущего года, от них отрезают маленькие куски, которые легко укореняются. Ньюмбо цветет, как горох, но семян мы ни разу не видели. Джемс говорит, что у него на родине клубни совсем белые. Те, что я видел, после кипячения имеют зеленоватый оттенок.



Деревянный сосуд в форме черепахи

Глава 8

20 *февраля 1867 г.* Перед выходом я сказал вождю, что у меня тяжело на душе, так как он расстается со мной не так сердечно, как мне хотелось бы. Он немедленно распорядился, чтобы с нами выступили его люди, и подарил мне на память латунный нож в ножнах из слоновой кости, который он сам долго носил. Он объяснил нам, что мы должны идти на север, потому что, уклоняясь к востоку, мы в конце концов будем вынуждены повернуть на запад и израсходуем все наши ткани, раньше чем достигнем озера Танганьика. Вождь поднял с земли кусок глины и потер им язык в знак клятвы, что все сказанное им – правда; он проводил нас немного, чтобы удостовериться, что все в порядке; так мы расстались.

Вскоре мы поднялись на плато, край которого охватывает деревню Молембе. Здесь много диких свиней и заметны следы возделывания почвы в прежнее время. После короткого перехода пришли к сочащейся водной лужайке, окруженной изгородями, капканами и ямами; здесь мы ночуем: у меня болят ноги, чувствую слабость. Кругом много камня, все тот же доломит, что и на хребте к югу отсюда, между Лоангвой и Чамбези; камень покрыт, как и там, лишайником, орхидеями, молочаем и горной растительностью: твердолиственными акациями, рододендроном, масуко. Камедное дерево, если личинка проест его кору, выделяет из веток массу мягкой липкой смолы, желтовато-коричневой и светло-серой; смолы выделяется столько, что ею можно наполнить тарелку для супа. По-видимому, смола выделяется только в период дождей, и сейчас все деревья полны соков и смолы.

21 февраля. Ночью то и дело раздавался сильный и близкий гром, лил дождь, промочивший шалаш моих людей. Дороги покрыты лужами или текучей водой, илистые рукава речек полны, речки разлились, там и тут из почвы выступают доломитовые скалы. Против моего желания тропа уводила нас на запад. Я нашел тропу, ведущую к северу, но мои люди сделали вид, что не заметили сделанных мной отметин, и пошли на запад, очевидно, боясь навлечь на себя неудовольствие Моамбы, если пройдут мимо его деревни и не зайдут в нее. Я отыскал их в старой хижине. Они сказали, что заблудились, на самом деле они и не сходили с тропы, ведущей на запад.

22 февраля. Пришли к Меренгу, непересыхающей речке, текущей на север. Встретили здесь людей Моамбы, но отказались идти в деревню; жить в хижинах неприятно: в них нередки

насекомые, и через маленькое входное отверстие на тебя глазеет толпа. Любопытные часто закрывают его так, что делается темно, более смелые делают замечания на наш счет, затем, расхохотавшись, убегают.

Устроили стоянку на правом берегу Меренгу в лесу, известив Моамбу, что намерены остановиться здесь. Он прислал за нами делегацию: сначала всех своих молодых людей, затем стариков, наконец, пришел сам со свитой человек в шестьдесят. Я объяснил, что заболел, живя в Молембе в маленькой хижине, что мне лучше на свежем воздухе, что в хижинах насекомые и что я не собираюсь оставаться здесь долго, а пойду дальше по намеченному пути. Он уговаривал нас прийти в деревню и дал нам козу с козленком и громадный тыквенный сосуд с пивом. Я обещал посетить его на следующий день и так и сделал.

23 февраля. До деревни Моамбы отсюда миля. Она стоит на левом берегу Меренге, реки побольше, чем Меренгу, текущей на север; ее берега и илистые рукава поросли высокими прямыми вечнозелеными деревьями. Деревня окружена частоколом и сухим рвом шириной в пятнадцать – двадцать футов и такой же глубины. Долго беседовал с Моамбой. Это крупный, толстый мужчина, похожий на трактирщика, левый глаз его немного косит, но он умен и приветлив. Подарил ему отрез; он дал мне муки из маэре, сколько мог снести человек, и большую корзину земляных орехов. Он хотел, чтобы мы перешли на Меренге, если уж не хотим жить в деревне: он мог бы тогда видеться и разговаривать со мной. Я показал ему картины в «Библейском словаре» Смита, которые он без труда понял, рассказывал ему о Библии.

Он очень интересовался, почему мы идем на Танганьику, зачем пришли, что будем там покупать, есть ли у нас там связи. Затем вождь показал мне превосходные большие бивни длиной в восемь футов шесть дюймов. «Что же ты хочешь покупать, если не рабов и не слоновую кость?» Я ответил, что единственное, что я здесь видел, стоящее покупки в качестве образчика, – это рослый, толстый вождь, которого женщина поит пивом. Это его рассмешило, и он заметил, что в таком случае, когда мы достигнем моей страны, я должен буду одеть его в красивую одежду. Эта реплика привела к разговору о нашем климате и о производстве шерсти.

Ночлег экспедиции в лесу.
Изображение из этнографического издания XIX в.

24 февраля. После воскресной службы отправился к вождю, но поздно, так как грозил пойти сильный дождь. Вождь разбирал спорное дело, и какой-то старик говорил целый час. Моамба слушал все время с серьезностью судьи. Затем вынес решение, занявшее минут пять, и выигравший процесс ушел, весело распевая. Всякий обращающийся к вождю поворачивается сперва к нему спиной и ложится на землю, хлопая при этом в ладоши. Такова обычная церемония приветствия. Другой род приветствия здесь, в Лобембе, где все носят лук, состоит в постукивании стрелой о стрелу или стрелой о лук. Немного поговорил с вождем, но, пока тянулось судебное дело, стало уже поздно. Вождь попросил нас пройти к Меренге и пробыть там одну ночь, а потом уж продолжать путь. Наутро мы расположились по соседству с деревней. Здесь изготовляется много медной проволоки, причем волочильщики в одной из стадий процесса пользуются семидюймовым канатом. Проволоку делают очень хорошую и используют главным образом для браслетов на голени и у щиколотки. Жены вождя перегружены этими украшениями и вынуждены из-за их тяжести ступать очень степенно. Медь привозят из Катанги.

26 февраля. Вождь хочет купить отрез ткани за двух коз, но его люди не доставили их достаточно быстро. Один из моих слуг,

Симон, заболел лихорадкой. Все это заставляет меня остаться, хотя движение с одного места на другое – единственное наше лекарство.

С людьми вождя отношения у нас неважные, но с ним самим все очень просто. Его люди потребовали уплаты вперед за каноэ для переправы через реку Лоомбе. Однако в устах вождя требование это оказалось не столь чрезмерным, так как он обещал дать человека, чтобы помочь нам доставить каноэ и все, что еще потребуется по всему пути до деревни вождя Чибуэ. Когда он сделал предложение в этой форме, я подарил ему отрез ткани, а он мне – козу, копье, украшенное медной проволокой, много муки, пива и ньюмбо. Мы расстались друзьями, так как его подарки стоили отреза.

Двигаясь северо-западным курсом, мы добрались до реки Чикошо, текущей на запад, а оттуда вышли к Ликомбе по высокому хребту Лосаусва, идущему далеко на запад. Вероятно, это водораздел между речками, стекающими к Чамбези, и теми, которые впадают в северные реки. Туда текут Локопа, Лоомбе, Никеленге, далее Луфубу, или Лову. Последняя впадает на севере в Льембе, впрочем, сведения очень путаные. Река Чамбези берет начало в стране мамбве, к северо-востоку от владений Моамбы и недалеко от них.

Лес, по которому мы шли, густой, но низкорослый. Деревья чахлые, и нет никакого стока воды, кроме как просачиванием ее в почву. На глинистых сланцах, которые дают начало глинистой почве, дожди стекают с поверхности, и здесь деревья достигают больших размеров. Дороги не портятся вследствие отвода воды медленным процессом просачивания. Сейчас все склоны с глинистой и песчаной почвой сочатся водой и переполнены. Чтобы содержащаяся в почве вода стекла, требуется много времени. Местность в общем можно назвать покрытой лесом.

6 марта 1867 г. После короткого перехода пришли в деревню на реке Молиланга, текущей на восток к Лоомбе. Здесь впервые увидели бананы, их называют, как и в Лунде, *нконде*. Вывешены немногочисленные трофеи, отнятые у мазиту. У Читапангвы частокол украшали двадцать четыре черепа. Племя бабемба, несомненно, воинственнее всех племен, живущих к югу от них. Деревни бабемба обнесены частоколами и окружены глубокими сухими рвами.

Наш проводник от Моамбы отказался идти дальше. Вождь деревни указал нам неправильную дорогу, и мы прошли через три болота, каждое шириной не менее полумили. В первой деревне, к которой мы подошли, жители заперли перед нами ворота, но потом побежали за нами. Мы отказались войти в деревню. Это у

них способ показать свою независимость. Несмотря на их протесты, мы поставили себе шалаши на холме. Они говорили, что ворота закрыли мальчишки, но мальчик, который запер их, заявил, что сделал это по приказанию вождя. Если бы мы теперь вошли в деревню, то жители смотрели бы на нас, как на людей, которые им многим обязаны.

8 марта. Прошли дальше в деревню на Лоомбе, где жители проявили противоположное отношение: в деревне не было ни души, все ушли на свои участки. Когда пришла добрая хозяйка, она отвела нам всем хижины, что спасло нас от проливного дождя. Мальчики, пасшие коз, не трогались с места, когда мы проходили вдоль края этой очаровательной долины. Издали течение реки Лоомбе кажется медленным. Пастух, пасший стадо, сказал нам: «Добро пожаловать» – и обещал на следующий день показать переправу. Он также приготовил нам поесть.

Наша радушная хозяйка проводила нас, и мы пошли на запад вдоль Лоомбе, пока не дошли до моста (довольно шаткое сооружение). Ширина главного русла Лоомбе шестьдесят шесть футов, глубина шесть футов, разлилась она не менее чем на двести футов от берега. На мосту воды было по колено. В затопленной разливом части, по ту сторону реки, воды было по пояс, течение быстрое.

Все население сейчас занято пересадкой табака с участков, засеянных у хижин под навесами крыш, на поля. Видимо, табак не в состоянии выдержать сильную летнюю жару. Здесь сажают также какой-то вид *лиранды*, подходящий для холодной погоды. Мы думали, что облагодетельствуем жителей, раздавая им горох, но оказалось, что он уже широко распространен по всей стране, притом растет и в холодный период. Прошли вдоль реки Диолы до старой хижины и развели костер, оттуда без дороги – к другой реке, Лоэндаве, шириной в шесть футов и глубиной в девять.

10 марта. Со времени выхода из деревни Моамбы болею лихорадкой. Каждый шаг отдается у меня в груди, чувствую сильную слабость. С трудом удается не отставать, хотя раньше я всегда шел впереди и должен был сдерживать шаг, чтобы не оторваться совсем от людей. Все время звенит в ушах, и я почти не слышу громкого тиканья хронометров. Аппетит хороший, но у нас нет настоящей пищи: едим главным образом муку из маэре и бобы или *мапембу* (земляные орехи), изредка курицу.

Вся местность покрыта изгородями хопо, но животные запуганы, и мы их совсем не видим.

11 марта. Задерживаемся из-за непрерывного дождя.

По пометкам на грудах доломита установили, что когда-то сюда приходила партия кузнецов из Лонды для выплавки железа

и соорудила свои мастерские. Видели старую железноплавильную печь и кучи гематита. По-видимому, этой рудой пользуются здесь повсеместно.

12 марта. На некоторое время нас задержал дождь, но вскоре мы пришли в обнесенную частоколом деревню Чибуэ. Как и все другие здешние деревни, деревня вождя Чибуэ стоит на реке. На берегу густая рощица деревьев – какой-то вид мангровых. Эти деревья достигают больших размеров, древесина мягкая, листья сочные, корни переплетаются в грязи, и нужно следить, чтобы не ступить на такое место, где их нет, не то погружаешься в грязь по бедро. В деревнях жители считают, что мы находимся на их земле, и толпятся у нас, причиняя нам неудобства. Но вне деревни, где обычно мы строим свои шалаши, они иначе смотрят на нас, мы на равной ноге, и они себе ничего лишнего не позволяют.

Племя балунгу делает отметины на висках в виде трех-четырех маленьких шишечек; мочки ушей растянуты вставленными в них кусками дерева, украшенными бусами. Поперек лба идет полоса бус, поддерживающих поднятые кверху волосы.

Деревня Чибуэ стоит у истоков реки Локвены, текущей на север-северо-восток. К северо-востоку от нас тянется длинная гряда невысоких гор, это Мамбве или часть их. Оттуда, но чуть южнее, начинается Чамбези. Локвена, вокруг истока которой мы обошли, и все другие речки к северу и западу от нее текут в Лофу, или Луву, и далее в озеро Льемба. Реки, стекающие с гор по правую сторону от нас, текут на восток, впадают в Лоанзу, а она – в озеро.

15 марта. Идем в деревню озерного вождя Касонсо, владеющего также окружающей большой страной.

Пересекли Лочендже, ширина ее пять ярдов, глубина по колено; дальше вышли к Чаньюмбе. Сейчас течение всех этих речек очень быстрое, они полноводны, вода в них чистая. Все жители носят с собой топоры, как будто воюют все время с лесом. Из-за затянувшейся лихорадки я мало расположен наслаждаться прекрасным пейзажем. Мы, очевидно, на хребте водораздела, но у населения нет ясного представления о том, куда текут реки.

19 марта. Из деревни, около которой мы расположились, пришла партия молодых людей, чтобы заставить нас уплатить что-нибудь за то, что мы не пошли в их деревню: «Нужно приветствовать сына большого вождя…» – и т. д. Они были вооружены луками и стрелами и были готовы к бою. Я объяснил, что мы остановились близко от них, ибо они сказали, что мы не сможем сегодня достигнуть владений Касонсо. Вождь их не дал

нам ничего. Немного поговорив с нами и пригрозив, что завтра примут меры, они, слава Богу, ушли, не пытаясь ничего предпринять. Продвигаясь дальше лесом на северо-запад вдоль зеленых, поросших деревьями склонов, тянувшихся по правую руку, пришли в одну из деревень Касонсо, расположенную в очаровательной долине. Здесь реки углубили большие зеленые долины; многие из речек, как, например, Каканза, впадают в Луву.

20 марта. Характер местности тот же, невозможно сосчитать все речки, текущие на северо-запад. Деревня вождя Касонсо расположена в месте слияния двух речек. Вождь долго жал нам руки; кажется, у него открытый характер. Прошел дождь и заставил муравьев-эцитонов начать переселение. Часа через два, после того как мы улеглись, нахлынули муравьи. Их называют *каланду*, или *нкаланда*.

Совершенно невозможно описать их нападение. Я проснулся, весь покрытый ими, в волосах было полно муравьев. Один за другим они вгрызались в тело, и, чем больше их отгонять, тем злее их укусы, муравьи наглеют. Я вышел из хижины, но и там они кишели повсюду, взбирались мне на ноги, бешено кусались. Они оставляют человека в покое, только когда устанут.

У здешних горных племен балунгу есть хорошая черта: когда они видят, что кому-нибудь принесли еду, они удаляются. Ни у бабиса, ни у макоа этой деликатности нет. Бабемба так же вежливы, как балунгу.

Спустились уже довольно далеко в широкую долину озера Танганьики; здесь теплее, чем в горах. Ткани тут ценятся больше, поскольку тканей из коры не хватает. Жители пользуются шкурами коз и диких животных, юбки женщин очень короткие.

22 марта. Пересекли Лоэлу, ширина ее тридцать футов, глубина один фут. Появились мухи цеце, которых мы совсем не видели после ухода от Читапангвы. Касонсо устроил нам грандиозный прием, на котором присутствовали люди с озера Танганьика. Видел здесь касаву, но ее не очень много.

28 марта. Непрерывные дожди. Заболел Чу́ма. Здесь растут кусты хлопка очень большого размера, того же рода, что и в Южной Америке. После ночевок в ряде деревень и переходов через множество речек пришли в деревню вождя Момбо, около горного хребта над озером Танганьика.

31 марта и 1 апреля 1867 г. Слишком болен, чтобы идти прямо к озеру. Я хотел идти 1-го, но сын Касонсо, приставленный к нам, воспротивился этому. Мы поднялись по невысокому горному хребту в самой низкой его части; после того как мы перевалили через вершину, между деревьями вдалеке показалась

синяя вода озера. Я несколько отстал, но вскоре услышал, как мои люди стреляют из мушкетов, достигнув края хребта, откуда открылся ничем не заслоняемый вид на юго-восточный[24] конец озера Льемба, иначе называемого еще Танганьикой.

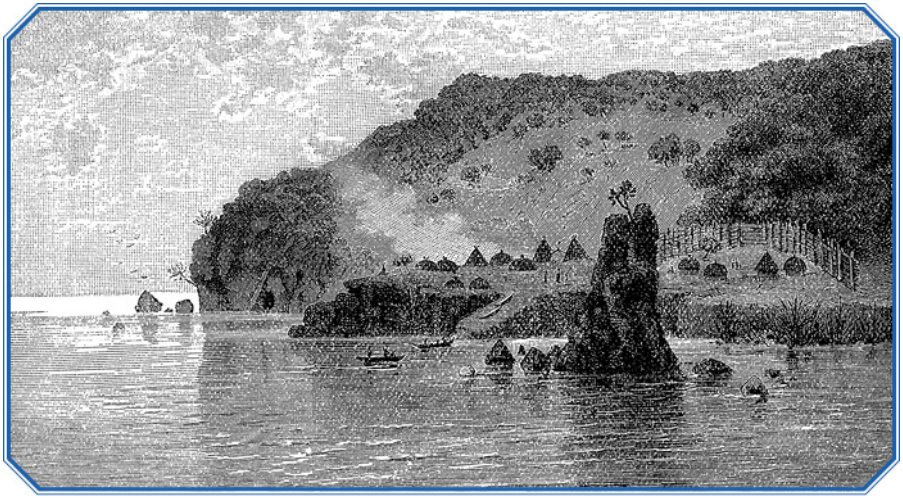
Чтобы достигнуть уровня озера, нам пришлось спуститься не менее чем на 2000 футов. Ширина его, по-видимому, примерно двадцать миль. Мы могли видеть озеро приблизительно на тридцать миль к северу. В видимую его часть вливаются четыре значительные реки. Почти отвесная стенка горного хребта высотой около 2000 футов с отдельными разрывами в ней тянется вокруг озера, которое мирно покоится в огромном чашеобразном углублении на груди поросших деревьями скал.

Ни разу в жизни не видел ничего столь тихого и мирного, как лежащее передо мной утреннее озеро. Около полудня начинает дуть слабый ветерок, заставляющий волны озера принять синеватый оттенок. На восточном конце из воды выступают несколько скалистых островов; на них живут рыбаки, вылавливающие много отличной крупной рыбы, которой они насчитывают примерно двадцать четыре вида. К северу озеро, видимо, сужается; впрочем, у местных жителей совершенно ничтожные сведения по географии страны, и они ничего не могут сказать нам об озере. Жители относятся к нам подозрительно, и мы не можем от них почти ничего получить. Чрезвычайно слаб, не могу идти, не пошатываясь, в голове все время звенит.

Координаты точки, к которой мы вышли 2 апреля 1867 г.: 8°465́ ю. ш., 31°57́ в. д. Но я пока обработал только один комплект наблюдений (голова не в порядке). Высота над уровнем моря более 2800 футов по термометру (точка кипения) и по барометру. Жители не дают мне промерить глубину озера.

И после двухнедельного пребывания на озере оно кажется в высшей степени очаровательным. Замечательно тихое озеро, хотя, говорят, временами в штормы оно бывает бурным. Оно лежит в глубокой чаше с почти отвесными стенками, которые густо поросли деревьями. Там, где видна порода (глинистый сланец), стенки кажутся ярко-красными. Деревья сейчас все зеленые. Кое-где по скалам стекают красивые водопады, в более ровных местах бродят пасущиеся буйволы, слоны и антилопы, по ночам рычат львы. Пологий участок внизу занимает не более двух миль от отвесных стенок до берега озера. Деревня Памбете, около которой мы впервые вышли к озеру, окружена масличными пальмами, не низкорослыми пальмами озера Ньясы, а настоящими масличными деревьями, кисть спелых плодов которых должны нести два человека. Утром и вечером можно видеть громадных крокодилов, тихонько пробирающихся к местам своей охоты; по ночам и

ранним утром слышен храп бегемотов.



Деревня на мысу озера Танганьика

Танганьика — крупное озеро в Центральной Африке, самое длинное на этом континенте, второе в мире после Байкала по глубоководности и по объему пресной воды. Берега в основном скалистые, но восточное побережье — пологое. В озере водятся гиппопотамы, крокодилы, различные водоплавающие. В настоящее время развито рыболовство и судоходство. Берега этого озера заселены достаточно плотно. Европейцам впервые удалось добраться до этого озера в 1858 г.— это были английские путешественники Р. Ф. Бёртон и Дж. Х. Спик.

Через несколько дней после нашего прибытия сюда у меня было бредовое состояние: такова сила болезни, когда нет лекарств. Я очнулся на земле, лежа на спине перед хижиной, и не мог забраться в нее. Я попытался подняться, ухватившись за столбы у входа, но, уже почти выпрямившись, отпустил их и грохнулся навзничь, сильно ударившись головой об ящик. Люди мои, видя, в каком я жалком состоянии, повесили одеяло на входе в хижину, чтобы посторонние не видели моей беспомощности. Прошло несколько часов, пока я стал понимать, где нахожусь я.

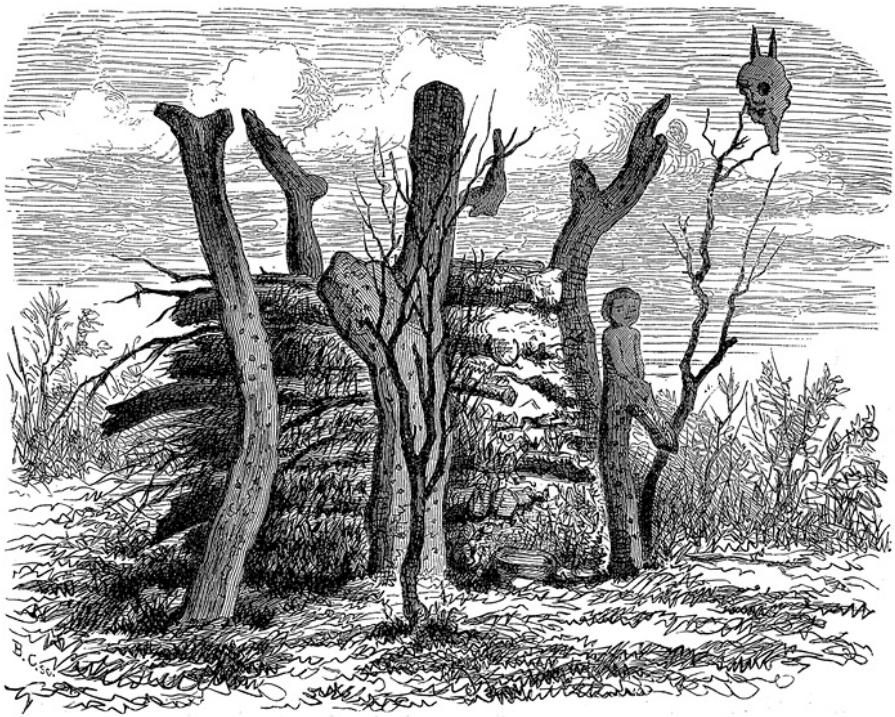
Здешние жители балунгу, как их называют, боятся нас: им непонятны наши цели, и они держатся на расстоянии. Обещают

много и не делают ничего. Не будь я так отчаянно слаб, мы бы пошли дальше, но я выжидаю, пока не наберу сил.

Население сильно поредело из-за набегов мазиту, которые увели очень большое число женщин, юношей, девушек и детей. Балунгу обучают своих молодых людей военному строю, им нравится видеть их вооруженными, на манер мазиту, но было бы полезнее готовить молодежь к земледельческим работам. Все балунгу чрезмерно вежливы. Хлопание в ладоши при встречах бесконечно, а цепь приветствий, которыми оно сопровождается, удовлетворила бы самого жеманного француза. Когда мы идем вместе с ними, они всегда убирают с дороги сучья и камни. Однако мы не можем уговорить их дать нам носильщиков для исследования озера или продать коз, которых, впрочем, у них очень мало, и то лишь на одном острове.

Вода течет из озера в северо-западном направлении, вернее, на север-северо-запад. Можно видеть, как в этом направлении плывут водоросли. Вблизи восточного конца озера в него впадают реки Лонзуа, Кови, Капата, Луазе и Каламбве, а с юго-запада – Лува (Луфуба, Лофа), и у озера должен быть выход для такого количества притекающей воды. Все эти реки берут начало в стране мамбве или около нее, на 10° ю. ш., где начинается также и Чамбези. Говорят, что ширина озера Льемба (Танганьика) остается примерно такой же при продвижении к северо-западу; впрочем, это мы и сами увидим.

Слоны бродят около нашего лагеря. Один слон ломал деревья совсем рядом. Я выстрелил ему в ухо, но неудачно: слишком слаб, чтобы твердо держать ружье.



Фетиш в Лунде.
Изображение из этнографического издания XIX в.

Лунда — государственное образование, существовавшее в конце XVI — начале XIX вв. на территории современных государств Ангола, Конго, Замбия, этническим ядром которого был народ лунда. Распалось из-за междоусобных войн.

30 апреля. Начали обратный путь от озера Льемба. Ночевали в деревне на озере, а на следующий день пошли в Памбете. Видел, что здешние жители толкут табачные листья в ступе после частичной ферментации их на солнце. Полученную массу раскладывают для сушки на солнце и уж затем употребляют.

Жители считают, что масличная пальма не растет восточнее Памбете, потому что на востоке почва камениста. По-видимому, это верное объяснение, так как эта пальма любит жирную черноземную почву лугов.

1 мая 1867 г. Собирались идти на северо-запад, чтобы проверить, сужается ли озеро в том направлении. Но когда мы

уже выходили, пришел вождь с женой; они торжественно клялись, что, идя на северо-запад, мы попадем прямо в руки мазиту. Мы отложили отъезд. Я согласился остаться, хотя и не был вполне убежден в истинности их уверений; однако впоследствии мы получили верные доказательства того, что они говорили правду, и мы спаслись, таким образом, от грабителей. Разбойники-мазиту теперь изменили свою тактику: они требуют выдать им столько-то людей и тканей, а затем уходят. Мазиту дали знать, что следующим местом сбора дани будет деревня вождя Момбо, и, придя туда, забрали двенадцать человек и много одежды, затем ушли на юг в горы, где они живут. Наш вождь и его люди тщательно следили за их передвижениями. Жители надеются спрятаться от мазиту в чаще леса на западной стороне деревни.

Узнав, что мазиту ушли, мы выступили. Ночевали на полдороге к вершинам хребта. Вчера ночью у меня был опять припадок с потерей сознания: мускулы спины теряют всякую силу, в ушах стоит непрерывный звон, пропадает способность решить простейшую задачу. Переправились через Аизе (на этой реке водопад); ширина ее пятнадцать ярдов, глубина по колено. Таких речек здесь бесчисленное множество.

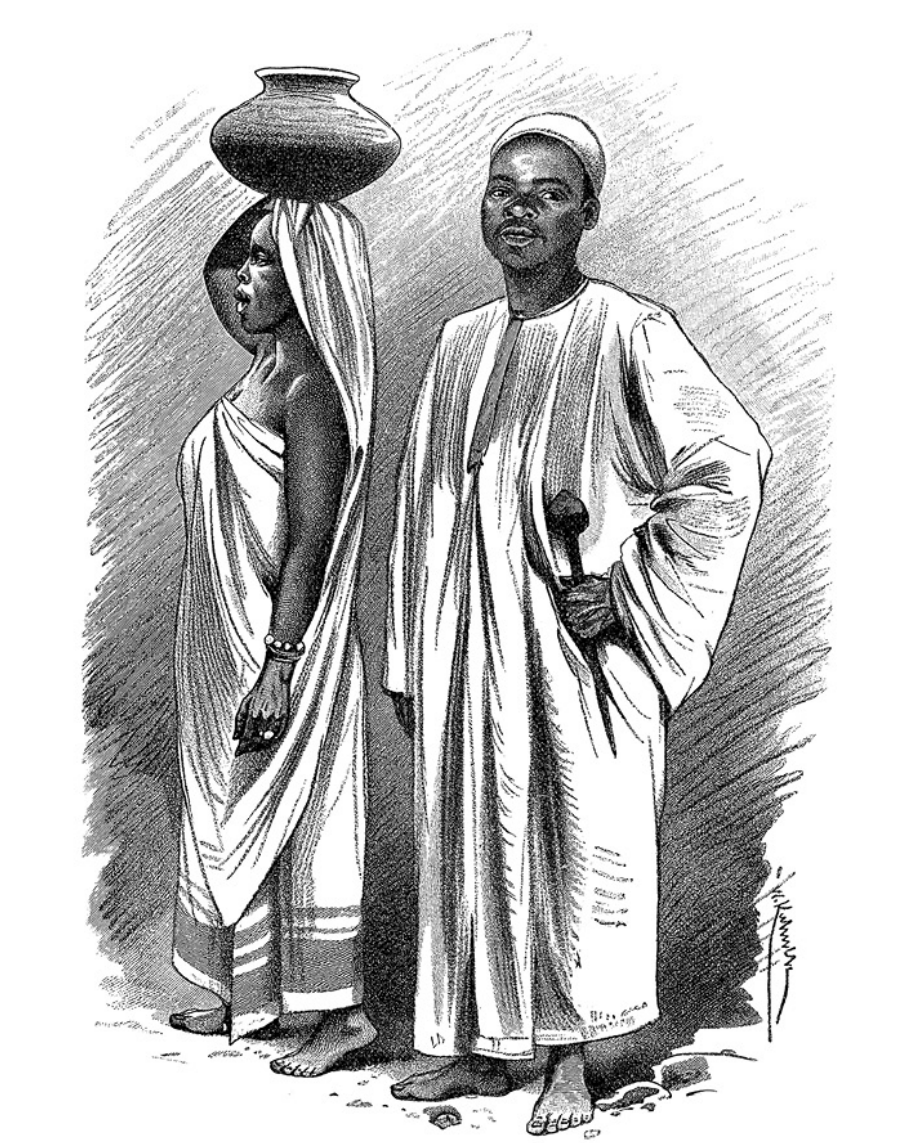
Деревня вождя Момбо. Приходишь в отчаяние от того, как трудно получить точные сведения об озере и реках, так как народ не привык точно мыслить. Момбо заявил, что, когда мы были внизу, у озера, к нему приходили два араба и расспрашивали о нас, но он отрицал, что мы здесь, думая этим избавить нас от неприятностей и беспокойства.

Хлопок, который выращивают в этих местах, принадлежит к виду *пернамбуко*, кусты его достигают вышины в семь-восемь футов. Когда-то, до набегов мазиту, здесь производили в большом количестве полосатую черно-белую ткань, и сейчас еще можно встретить шали из нее. Странно, что этот вид хлопка встречается только в центре страны.

Двигаясь дальше на запад, на горное плато, мы попали на ровную местность, поросшую тонкоствольным лесом; с восточной стороны, с юга на север, тянутся длинные гряды низких гор. Это страна моами, в ней много слонов, но убивают их мало. Они причиняют большой вред посевам, поедая без всякой помехи сорго.

11 мая. Сегодня после короткого перехода достигли деревни на реке Моами и, чтобы не проводить воскресенье в лесу, остались здесь. В деревню приходили слоны. Чтобы помешать им разорить хранилища зерна, жители вымазали стенки слоновьим пометом. Подобный же прием использовали жители Колобенга: они мазали коровьим навозом вымя коровы, и теленок,

испытывая отвращение, переставал сосать мать; когда корову начинала мучить молочная лихорадка, она соглашалась, чтобы пастух облегчил ее страдания, и давала доить себя.



Мужчина и женщина из племени суахили.
Гравюра по рисунку с натуры XIX в.

12 и 13 мая. Нам сообщили, что вождь Нсама сражается с арабами. Мы обеспокоились и хотели продвинуться на север вдоль озера Льемба. Вышли в путь по направлению к деревне вождя Мокамбалы, стоящей на краю обрыва над озером. В реке,

протекающей около деревни, растет много пальм шуаре (рафия). В начале спуска стала видна Лофа (Луфуба), текущая с запада и впадающая в Льембу. От устья реки берег озера, согласно поступившим ко мне сведениям, уходит на север или северо-запад. Пришли в деревню, находящуюся приблизительно в 2 к западу от места впадения реки. Вождь оказался любезным и щедрым. Около деревни большой луг шириной приблизительно в четыре мили; здесь бродят буйволы, но они совсем дикие и прячутся в гигантской траве. Кругом роскошно растут сорго и земляной орех. Лофа около деревни имеет ширину четверть мили, но выше по течению ширина ее триста ярдов. Ночью долина реки всегда закрыта облаками, я не мог поэтому сделать наблюдения до раннего утра, когда стало холодно и облака рассеялись.

Остались в деревне, так как двое из нашей группы хромают и все устали после спуска с высоты более 2000 футов. Вождь послал за рыбой для нас. Он настойчиво убеждал нас не идти вдоль Льембы, так как сын Нсамы (Капома) убивает всех идущих этим путем. Капома мстит за зло, причиненное арабами людям его отца, и может принять нас за арабов. Вечером появился араб-суахили и частично подтвердил сказанное вождем деревни Карамбо. Я решил вернуться назад на юг, в деревню Читимбы, где собралась главная часть арабов, и получить от них более достоверные сведения.

Последнее, что мы узнали о Льембе: далеко на северо-западе оно перегорожено скалами, и в том месте, где озеро переливается через них, образуется большой водопад. Говорят, что озеро там уменьшается в ширине.

18 мая. Вернулись в деревню Мокамболы и уходим к Читимбе. Барака остался в деревне, и Джемс убежал к нему, бросив свой тюк с тремя хронометрами на дороге. Я послал за ними, и вечером Джемс явился. Он ни на что не жаловался и ничего не мог сказать в свое оправдание. Они оба думают, что им удастся легко вернуться на родину, выпрашивая себе пропитание, хотя они не смогли указать мне, в каком она направлении.

19 мая. Там, где мы в свое время надолго задержались, было очень холодно, 55 °F (13 °C). Помолившись, продолжали путь на юг и юго-запад, в деревню вождя Чисаки.

20 мая. Невдалеке по тому же направлению находится деревня Читимбы. Здесь мы застали большую партию арабов, в основном состоявшую из черных суахили. Они занимали значительную часть обнесенной частоколом деревни. Когда я пришел, арабы вежливо проводили меня к навесу, под которым они обычно собираются. Я объяснил им, откуда я прибыл, и

показал письмо султана. Хамис преподнес мне козу, двух кур и муку. Добраться до сути истории с Нсамой было трудно, но по их рассказу выходило, что вождь послал им приглашение, а когда они прибыли, созвал народ, собравшийся толпами, посмотреть на чужестранцев. Я подозреваю, что арабы испугались толпы и начали стрелять.

С обеих сторон было несколько убитых, а Нсама бежал, оставив в руках арабов укрепленную деревню со всем, что в ней было. Другие говорят, что спор возник из-за слона, и люди Нсамы напали первыми. Во всяком случае сейчас все перепуталось. Те, кто остался в деревне Нсамы, добывают себе пищу в окрестных деревнях и сжигают их, а Читимба прислал человека за партией, расположившейся здесь. Часа через два после нашего прибытия пришел отряд от Касонсо, намереваясь идти дальше во владения Нсамы и, если удастся, изловить его, так как он «нарушил международный закон, напав на людей, пришедших в его страну с товарами для продажи». Арабы решили присоединиться к этому отряду и нанести неприятелю урон, какой только смогут. Это будет попросту разбойничий набег, каждый будет хватать что сумеет (животных или людей) и ретируется, когда грабить будет уже небезопасно.

Все эти события создали барьер между мной и озером Мверу на западе. Собираюсь теперь направиться сначала на юг, затем на запад, совершив, таким образом, далекий обход неспокойного района.

Главного из арабов зовут Хамис Водим Таг, другого – Сеид бин Али бин Мансури; оба они связаны с одним из влиятельнейших торговых домов в Занзибаре. Хамис был особенно внимателен ко мне, делая подарки в виде пищи, бус, тканей и сообщая мне различные сведения. Имя араба, которому будут отправлены для меня товары, Тани бин Суэлим.

24 мая. Ждем в деревне Читимбы развертывания событий, которые могли бы прояснить вопрос о нашем маршруте на запад. Сегодня ушли люди Касонсо и несколько арабов: они, может быть, доставят нам сведения о том, в каких местах появляется Нсама, и тогда мы двинемся на юг, а затем на запад. Написал сэру Томасу Маклину, указав местоположение озера Льемба, и д-ру Сьюарду, на случай если другие письма не дойдут. Начинается жаркий период. Это соответствует июлю в более южных районах.

Среди бела дня у самой деревни леопард убил трех коз.

28 мая. Пришло известие, что Нсама просит у арабов прощения и обещает уплатить за все, что они потеряли. Он не знал, что его люди крали имущество арабов. Через день-два узнаем, удастся ли уладить дело. Одни верят в заявления Нсамы,

другие говорят: «Нсама произносит мирные речи, просто чтобы выиграть время для постройки нового укрепления». Пока что люди Касонсо разорят все владения Нсамы здесь, на востоке.

Хамис очень хочет, чтобы я остался еще на несколько дней, пока не вернется сын Касонсы Кампамба с надежными сведениями; затем он позаботится о нашем благополучном переходе из деревни Касонсо в деревню вождя Чивере. Все уверены, что вождь Чивере – человек прямой.

1 июня 1867 г. Еще одна партия грабителей отправилась сегодня утром разорять владения Нсамы, к западу от впадения Лофы в озеро, в наказание за нарушение международного закона. Люди, которым поручено это дело, идут неохотно, но когда они отведают прелесть грабежа, оно им понравится.

В районе деревни вождя Моамбы водораздел имеет наклон к северу; стекающие реки очень извилисты, и у населения очень путаные представления о том, куда они текут. Например, все мужчины в деревне Моамбы утверждали, что Лохона впадает в Лохолу, а последняя в реку, вливающуюся в озеро Льемба, но одна молодая жена Моамбы, по-видимому, очень развитая и сообразительная, настаивала на том, что и Лохона, и Лохола впадают в Чамбези. Я так и записал. Верхние течения речек, питающих Чамбези и озеро Льемба, заходят друг за друга, и, чтобы распутать их направления, требуется более подробное исследование, чем то, которое я в состоянии произвести.

К северу от Моамбы на реке Меренге начинается уклон к Льембе. Река Лофа берет начало во владениях Чибуэ; вдоль Лофа и ее притоков тянутся длинные гряды высотой в пятьсот – шестьсот футов, покрытые зелеными деревьями. Долины между этими грядами гор направляют речки в сторону озера Льемба или же четырех текущих в него рек. Местность постепенно понижается, становится теплее, появляются москиты и мухи цеце, и наконец мы приходим к замечательной чашеобразной впадине, в которой покоится Льемба. Несколько потоков спадают с почти отвесных скал, образуя красивые каскады. Гряды идут одна за другой, насколько хватает глаз, на север и на восток от Льембы и, вероятно, продолжаются дальше. Водораздел тянется на запад, за владения Касембе, а Луапула, или Чамбези, берет начало на тех же широтах, что Лофа и Лонзуа.

Арабы сообщили мне, что между здешними местами и морем, до которого отсюда около двухсот миль, лежит страна васанго (усанго), светлокожего народа вроде португальцев, весьма дружелюбно относящегося к чужестранцам. У васанго очень много скота. Вождя их зовут Мерере.

Арабы считают, что до страны васанго двадцать пять дней

пути, а расстояние оттуда до моря (до порта Багамойо) можно пройти за месяц и двадцать пять дней, т. е. оно составляет примерно четыреста сорок миль. Учере находится очень далеко к северу, но один человек рассказывал мне, что он ходил в этом направлении на соляные промыслы из деревни Касонсо, и дорога заняла восемь дней. Мерере часто ходит в экспедицию грабить скот, его подстрекает к этому мать.

Здесь, во внутренней части континента, редко встречается то, что мы понимаем под названием «первобытный лес», хотя нельзя иначе описывать эту страну как край, покрытый бесконечными лесами. Насекомые убивают или превращают некоторые деревья в карликовые, человек калечит другие деревья, добывая кору для тканей, очень много деревьев ломают слоны, и гигантские экземпляры видишь только изредка, их можно найти лишь в закрытых долинах среди гор, но в целом деревья в лесах тощие и число видов невелико. Птиц разных видов, поющих среди ветвей, как мне кажется, больше, чем в районе Замбези, но я не стреляю их. Множество новых звуков, которые я слышу, изумляют меня.

Страну, в которой мы сейчас находимся, арабы и местное население называют Улунгу, а ту, что лежит дальше на северо-запад, – Марунгу. Хамис находится в очень дружественных отношениях с мазиту (ватута) на востоке, они не занимаются грабежом. Недавно их вождь прислал в Касонсо своего человека. Получив подарок, он удалился очень довольный.

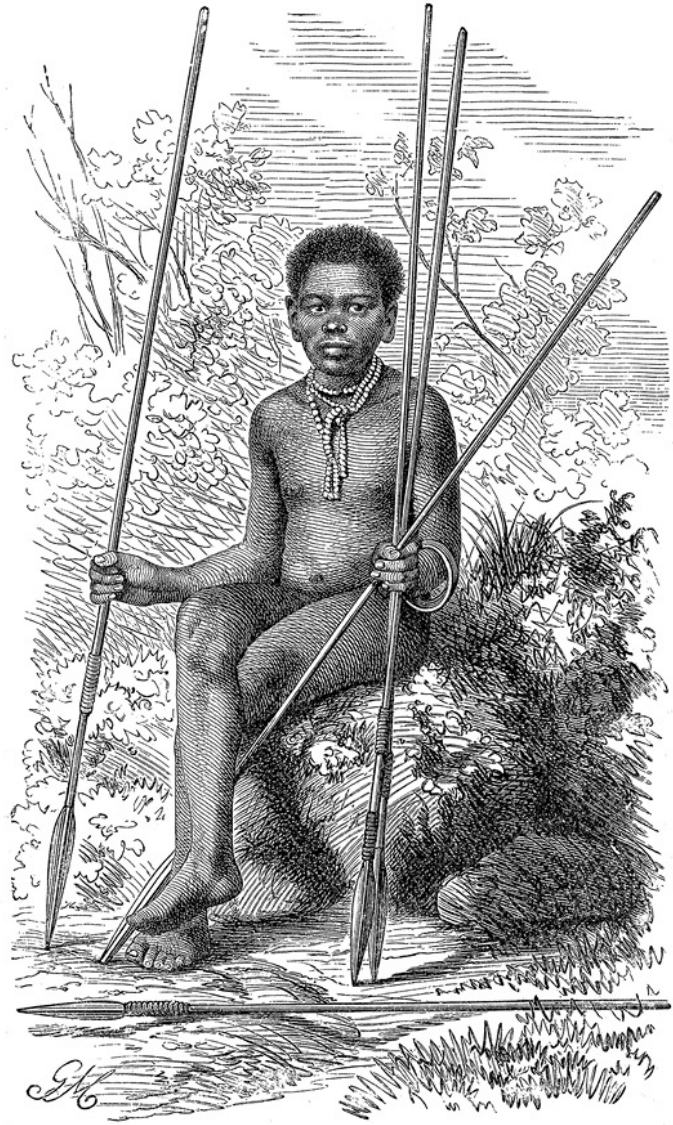
Хамис, очевидно, очень хочет обеспечить мою безопасность. С северо-востока пришли люди, чтобы расспросить о происходящих здесь событиях; эти люди рекомендуют мне пойти с ними, а затем подняться по восточному берегу озера Льемба до Уджиджи. Но это разрушает мой план открыть озеро Мверу и затем идти по водоразделу, чтобы установить, является он водоразделом для Конго или для Нила. Хамис был недоволен, что я предпочел идти на юг, а затем на запад, так как выходило, что я отвергаю его совет. Он сказал, что если я подожду, пока придут его люди, то мы сможем говорить обо всем этом более уверенно.

Я расспрашивал, есть ли в этой стране большие горы; мне сказали, что у нижнего конца озера Льемба находится самая большая из здешних гор – Мауфипа, или Фипа, с которой видно озеро Танганьика. Там, вероятно, берут начало реки Нкаламбмве и Луазе.

В языческом городке нет ничего интересного. Все заняты приготовлением пищи или одежды, плетут циновки или корзины. Женщины очищают или размалывают зерно: сперва его сушат на солнце, затем засыпают в ступку и с помощью плоской корзины счищают с него шелуху и пыль, потом размалывают между двумя

камнями. После этого нужно наносить дрова и воду, чтобы приготовить из зерна еду.

Люди, ушедшие сражаться, напали на большую деревню и убили несколько человек, но при стрельбе в кустарниках они застрелили одного из своих и еще одного ранили.



Мальчик-зулус с ассегаями.
Гравюра по фотографии. XIX в.

Спрашивал араба, плававшего по Танганьике, в какую сторону текут воды озера, он ответил: «На юг».

Трясогузки устраивают себе гнезда на крышах хижин. Они очень заняты своей работой, и люди и другие животные усердно заняты тем же.

Не знаю, как поступить: часть арабов, видимо, решила идти на запад, как только удастся поладить с Нсамой, но другие ему не доверяют. Один араб хочет послать своих людей собрать слоновую кость, но сам пойдет назад, в страну васанго. Нсаму ждут сегодня или завтра. Мы бы сберегли много времени и сил, если бы пошли прямо на запад, а не по обходной дороге. Вчера со стороны Льембы прибыло несколько арабов. Один из них плавал по Танганьике и говорит, что ветры на озере очень мешают плаванию, но ни у одного из прибывших нет ясного представления об озере. Южную часть озера они называли морем и считали, что это не Танганьика, а отдельное озеро.

Внимательные наблюдения над улунгу позволяют считать их чрезвычайно вежливыми. Родственники приветствуют друг друга, стоя на коленях и обнимая друг друга грудь к груди. Затем хлопают в ладоши, держа руки у самой земли. Некоторые, наиболее униженно приветствующие вождя, целуют перед ним землю, но большинство только становится на колени, приблизив предплечья к земле и опустив голову, и говорит: «О, аджадло чьюза, мари а бвино». Усанга говорят: «Адже сенга». Хлопанье в ладоши в знак приветствия старших и даже равных себе в некоторых деревнях раздается постоянно. Стариков обычно приветствуют. Как возникло такое почтительное отношение к другим, непостижимо. Не похоже на то, чтобы оно было вызвано взаимным страхом.

Даже вожди не внушают народу страха, и жестокое старинное пошлое изречение, что дикарями правят, внушая им страх, по-видимому, здесь неизвестно. Однако, несомненно, народом здесь правят, и в общем очень хорошо. Люди не очень охотно шли наказывать Нсаму за нарушение закона, но по решению вождей все же пошли и вернулись кто с деревянным табуретом, кто с циновкой, с тыквенным сосудом, наполненным земляными орехами, или с сушеным мясом, мотыгой, луком – жалкая, очень жалкая плата за двухнедельный тяжелый труд преследования беглецов и поджигания их деревень.

16 июня. Сегодня получены известия, что на юго-западе, в Лунде, партия арабов потеряла сорок человек, умерших от оспы (*ндуэ*), и что тамошний народ, прослышав о событиях, связанных с Нсамой, бежит от арабов и не хочет продавать ни слоновую кость, ни пищу. Похоже, что возникло новое препятствие на нашем пути.

17–19 июня. Хамис отправился встречать группу с юго-запада,

вероятно, чтобы избежать заноса сюда оспы. Группа остановилась в двух часах ходьбы от нас. Хамис сообщает, что хотя эти люди потеряли много народа от оспы, но они принесли хорошие известия о том, что дальше к западу есть еще арабы: один из них, Сеид бин Умали, или Салем, живет в деревне около Касембе на расстоянии десяти дней отсюда, а другой, Джума Марикано, или Катата Катанга, – в деревне, что дальше к северу; ближе к Танганьике, в Фуэто, живет Сеид бин Хабиб. Эта партия составляет все силы Хамиса, и он заявил, что теперь пойдет к Нсаме и договорится с ним, так как, по мнению Хамиса, тот боится прийти сюда и он, Хамис, должен сделать первый шаг к установлению дружественных отношений.

Обдумывая все это, я вижу, что как ни томительно ожидание, но лучше ждать, чем идти на юг, а затем на запад, так как, отправившись этим путем, я не увижу озера Мверу, которое, как говорят, находится в трех днях пути от нынешнего убежища Нсамы. Его люди ходят туда за солью, и я не мог бы подойти туда с юга, так, чтобы они не узнали об этом, а они могли бы принять меня за араба. Хамис заметил, что у арабов есть обычай: раньше чем вступить на путь, сделать его гладким. Они посылают вперед людей с подарками и таким образом выясняют, как настроены тамошние жители. Хамис советует проявить терпение и надеется заключить мир с Нсамой.

Чтобы показать, что его надежды обоснованны, Хамис рассказал, как Нсама, когда начались беспорядки, прислал людей с двумя бивнями в деревню, из которой только что его изгнали, предлагая таким образом уладить случившееся, но арабы, подозревая обман, стали стрелять по принесшим слоновую кость и убили их; после этого с той же целью Нсамой были присланы десять коз и один бивень, но и эту попытку арабы встретили враждебно. Хамис думает, что, будь он сам на месте, всю историю можно было бы урегулировать в дружественном духе.

Все здесь жалуются на холод. Местность возвышенная, и мы живем на речке Чилоа за рощицей, которая по утрам не пропускает к нам солнце. Холод заставляет людей раскладывать в хижинах большие костры, и жилища часто сгорают. Температура падает до 46 ˚F (8 ˚C). иногда даже до 33 ˚F (0,5 ˚C).

24 июня. Арабы усиленно читают Коран и молятся о вразумлении. Завтра они созывают собрание, чтобы обсудить, какие шаги следует предпринять в деле с Нсамой. Вождь, видимо, высокого мнения о Хамисе и говорил о нем: «Пусть он придет, и все будет в порядке». Хамис предполагает пойти с немногими спутниками. Эти занзибарцы совсем не похожи на работорговцев из страны вайяу.

25 июня. Приглашенные арабы не собрались, но должны прийти завтра.

Молодые трясогузки почти совсем оперились и улетели, в гнезде остался лишь один птенец. Старики пытались выманить и его: они подлетали к самому гнезду и затем, вспархивая прочь, сейчас же оборачивались посмотреть, следует ли птенец за ними. Он задержался в гнезде на несколько дней.

На собрании было решено, что Хамис с небольшим числом спутников пойдет к Нсаме в первый день после новолуния (это они считают очень важным условием). Так как текущий месяц был несчастливым, они хотят произвести эту попытку в следующем.

28 июня. Сегодня арабы праздновали свадьбу. Расстреляли сотню холостых патронов, и по деревне прошла процессия мужчин, разодетых в самые лучшие одежды. Они пели во весь голос, но в песне их было мало музыки. Женщины осыпали головы молодых зерном в знак того, что желают им изобилия.

Говорят, что Нсама ожидает арабов в своем новом укреплении. Невозможно установить, кто виноват во всем этом деле, так как я слышу рассказы только одной стороны; однако то обстоятельство, что вожди в этом районе страны с такой готовностью выступили, чтобы наказать Нсаму за нарушение международного закона, а он не выразил протеста, заставляет меня подозревать, что виновная сторона – Нсама. Если бы он не был виноват, то, конечно, прислал бы людей к балунгу спросить, почему они беспричинно напали на его народ.

Васанго очень напоминают зулусов. Они ходят голыми и держат огромное количество скота, который живет в хижинах вместе с хозяевами. Мерере очень щедро раздает свой скот, дает каждому по быку. Риса нет, только кукуруза и маэре. Хамис оставил людей разводить рис. Когда арабы только появились, у Мерере было очень много слоновой кости, но сейчас ее нет совсем.

1 июля 1867 г. Сегодня новолуние. Арабы придают большое значение времени молитвы или волшебных заклинаний. Сегодня вечером, ровно в 10 часов, они устроили колдование.

Хольфани нарисовал несколько кабалистических фигур: они считают, что по ним можно установить местопребывание Нсамы. Вероятно, эти приемы – остатки тайной магии, существовавшей у арабов до появления Магомета. Арабы-суахили, кажется, спустились на юг вдоль берега еще до рождения пророка.

3 июля. Ждут прихода людей Касонсо. Все взятые в плен подлежат возвращению, кроме того, Нсаме дадут тканей. Пока что все, видимо, идет как надо. Сегодня появится молодой месяц.

Арабы считают месяц от одного первого появления серпа до следующего.

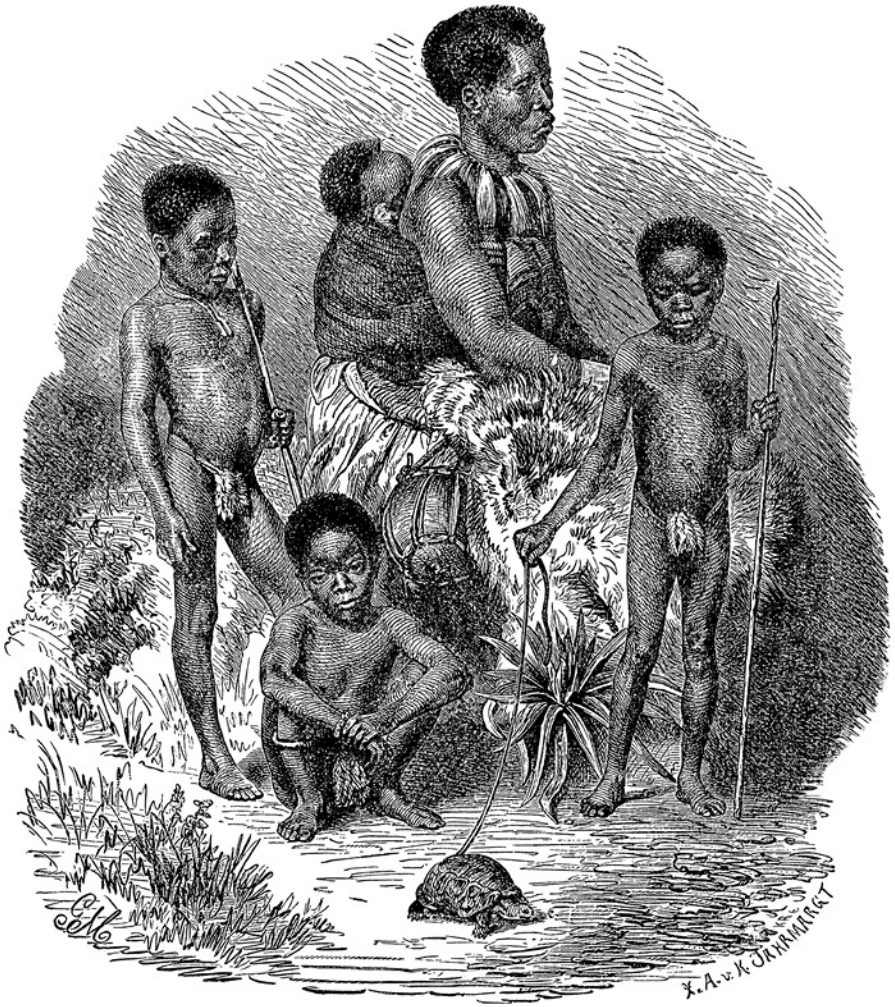
4 июля. Из местности близ озера Льемба пришел, чтобы присоединиться к мирным посланцам, Катаванья. Он со своими людьми появился на Льембе после нас. Катаванья разослал кругом своих людей искать слоновую кость. Арабы ничем, кроме нее, не интересуются и не понимают, почему я не поступаю так же.

6 июля. Днем в 3 ч. 30 мин. произошло землетрясение, сопровождавшееся глухим гулом. Я почувствовал себя, как будто я на воде, в лодке, но ощущение это длилось всего несколько секунд. Мои люди прибежали, чтобы спросить, что это такое. Нигде в другом месте мы не были бы в такой полной безопасности. Хижины не падают, и поблизости нет высоких скал. Барометр – 25 дюймов (635 мм рт. ст.). Температура 68 ˚F (20 ˚C). Тяжелые кучевые облака. Дождь не пошел.

7 июля. Хамис выступил сегодня утром со свитой приблизительно в триста человек, разодетых в лучшие одеяния; он заявил, что единственная его цель – мир. Касонсо, Момбо и Читимба посылают своих людей и отправляются сами, чтобы употребить все свое влияние для заключения мира. Саид остается здесь. Перед отправлением Хамиса Саид бросил немного ладана на раскаленные угли, и все руководители отряда произнесли короткую молитву. Видимо, они серьезны и искренни, когда исполняют колдовские обряды, руководствуясь тем, что знают и во что верят. Я хотел отправиться с ними, но Хамис был против, так как он не вполне уверен, что Нсама будет держаться со мной дружелюбно, а Хамис не хотел, чтобы со мной что-нибудь приключилось.

8 июля. Касонсо нашел предлог не идти. Говорили, будто бы два человека, арабы, пришли к Чибуэ, и их там убили. Касонсо должен-де отправиться туда и разобраться в этом деле. Люди, отправляющиеся к Чибуэ, берут с собой продовольствие, очевидно, не намереваясь на этот раз жить грабежом.

Оставаясь в деревне, я имею возможность убедиться, что и мужчины, и женщины заняты почти непрерывно. Мужчины плетут циновки, или ткут, или прядут. Никто, наблюдая их прилежные занятия, не мог бы сказать, что это ленивый народ. Единственное время, когда они не работают, – это утро, около семи часов; все тогда выходят и сидят перед домом, чтобы поймать первые лучи солнца, поднимающегося над нашей рощицей, но даже это время часто используется для нанизывания бус.



Женщина нгони с детьми.
Изображение из этнографического издания XIX в.

До меня дошли слухи, что люди Нсамы переправились через Луву около Карамби, чтобы ограбить жителей в отместку за свои страдания; тамошние жители боятся ходить ловить рыбу, чтобы их не поймали вдалеке от укрепленных деревень.

Люди племени балунгу в большинстве случаев высокого роста, стройные. Они применяют луки свыше шести футов длиной, но со слабой погибью. Лицевой угол у них большей частью не хуже, чем у европейцев, и, несомненно, выступающая пятка («шпора») так же редка здесь, как и у белых. Обычно один или два передних зуба на нижней челюсти женщин выбивают, это встречается и у мужчин.

14 июля. Саид вдобавок к прочим подаркам дал мне еще бусы. Все арабы были ко мне очень внимательны, я приписываю это в значительной степени письму Сеида Маджида. Сегодня Хамис переправился через Луву в том месте, где есть брод. Народ на другом берегу отказался послать людей с поручением к Нсаме. Хамису пришлось отправиться в деревню и принудить их слушаться, разрушив при этом частокол. Жители второй деревни поступили так же, хотя им было сказано, что арабы ищут только мира с Нсамой. Эту укрепленную деревню постигла та же судьба, и тогда жители отправились к Нсаме, который не выказал какой-либо неохоты завязать снова сношения. Он дал арабам много пищи, так как страна там очень плодородна. Нсама явился сам и скрепил мир тем, что выпил крови вместе с несколькими подчиненными Хамиса. Говорят, что Нсама – чудовищно расплывшийся старик: он не в состоянии сам передвигаться, и его носят. За ним непрерывно ухаживают женщины, заливающие его пивом. Он поднес Хамису десять бивней и обещал дать еще двадцать и, кроме того, заставить своих людей вернуть награбленное у арабов добро. Нсама обещал прислать своих людей сюда, чтобы пригласить нас после новолуния к себе.

Ждать так долго безмерно утомительно, но я надеюсь, что в награду за это терпение увижу озеро Мверу, которое не мог бы посетить, если бы Хамису не удалось заключить мир.

17 июля. Вчера вечером вблизи деревни сердито рычал лев; вероятно, он шел по следам буйволов, приходящих иногда сюда по вечерам пить воду. Буйволы очень пугливы, как и прочая дичь, они боятся стрел.

Левое веко и место вокруг него поражено у меня странным заболеванием: сперва я ощущал легкий зуд, после этого веко сильно опухло. Должно быть, это какой-то лишай. Под действием солнечных лучей опухоль излечивается, и это заставляет меня совершать долгие прогулки на солнце. Находимся приблизительно на 30°19 в. д., 8°5755́ ю. ш.

24 июля. В четыре часа утра начался пожар. Ветра не было… разобрали соломенные крыши в переднем ряду на нашей стороне деревни. С зернохранилищ легко сняли крыши, так как они не скреплены со стенами. Арабы пытались очистить место на своей стороне, но не смогли и перенесли всю слоновую кость и товары за частокол. Занятая арабами сторона деревни тоже вся сгорела, в огне погибли три козы.

Читимба покинул нас, как он говорит, опасаясь за свою жизнь. Вероятно, он намерен использовать свое бегство как оправдание перед Нсамой, когда мы уйдем. «И я тоже был вынужден бежать из моей деревни, чтобы спасти свою жизнь! Что

мне было делать?» Подозреваю, что таковы будут его оправдания.

Из двух разрушенных деревень привели много рабов. Я стал расспрашивать об их дальнейшей судьбе, и мне сказали, что их вернут Нсаме, когда он выдаст обещанную слоновую кость.

Когда Нсаме сказали, что через его земли хочет пройти на озеро Мверу англичанин, он ответил: «Приведите его сюда, я пошлю людей проводить его туда».

Хамис строит *тембе*, т. е. дом с плоской крышей и стенами, сплошь обмазанными глиной, чтобы защитить свою слоновую кость от пожара на то время, пока его здесь не будет. Мы полагаем, что Нсама пришлет за нами через несколько дней, после 2 августа, когда появится молодой месяц. Хамис даст своих людей, если посланные Нсамы скоро не придут.

28 июля. Где бы я ни встречал рабство – оно великое зло. Среди пленных – бедная старая женщина с ребенком, мальчиком лет трех, по-видимому, любимцем матери. Ноги у него растерты. Мальчика продавали за четыре ярда коленкора, а мать – за два. Он все понимал и горько плакал, цепляясь за мать. Она, конечно, ничем не могла помочь ему. Их разъединили позже, в Карунгу.

29 июля. Шли два с половиной часа на запад до деревни Понда, где живет араб, которого негры зовут Типо-Типо. Его имя Хамид бин Мохамед бин Джума Бораджиб. Он преподнес нам козу, кусок белого коленкора и четыре большие связки бус, кроме того, мешок сорго (*Holcus sorghum*) и извинился, что дарит так мало. Он много потерял из-за Нсамы. Во время последних событий он получил две раны от стрел. В то время у арабов было только двадцать ружей, но часть людей находилась внутри частокола; и хотя люди Нсамы были многочисленны, их нападение отбили, и они бежали, унося с собой расплывшуюся тушу Нсамы.

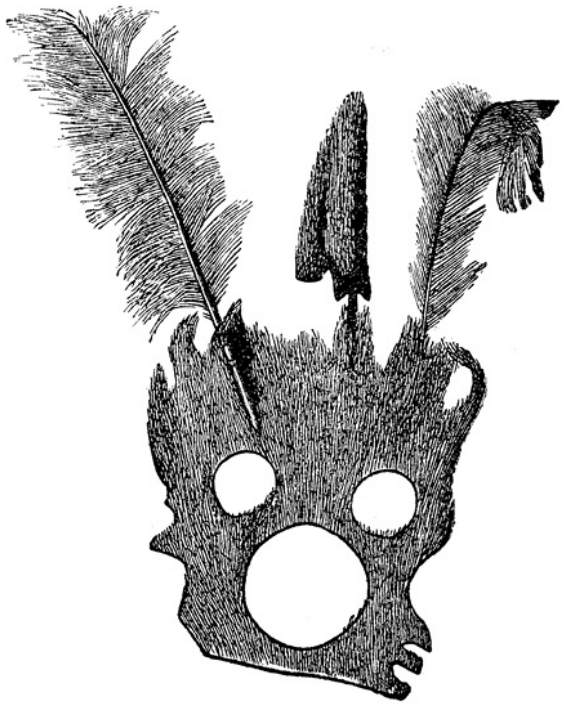
До Мверу три дня пути, и так как люди Нсамы ходят туда собирать соль на берегах, то я не мог бы подойти к нему с юга незамеченным.

Фамилий здесь, видимо, нет. Человек берет себе имя матери, и если отец умер, то может взять отцовское имя. Брак между двоюродными и троюродными родственниками запрещается. Двоюродных и троюродных братьев или сестер называют просто братьями и сестрами.

Женщина, ставившая ребенку «банки» на виски по случаю воспаления глаз, выплеснула кровь через крышу хижины – это против дурного глаза.

(В качестве банок используется козий рог с маленькой дырочкой на остром конце. Основание рога приставляют к той части, от которой нужно отсосать кровь. Ставящий «банку», держа

во рту кусочек разжеванного каучука, отсасывает воздух и в нужный момент запечатывает дырочку в роге каучуком, прижимая его языком. Когда рог («банку») снимают, на коже делают несколько надрезов ножичком, а затем снова ставят эту «банку». Приспособление, хотя и примитивное, действует очень хорошо и повсюду применяется с успехом.)



Маска из Восточной Африки

Глава 9

1 *августа 1867 г.* Хамис посылает людей торговать во владения Чивере. Саранчу здесь называют *зикве*, на суахили саранча – *зиге* и *нанси*.

На один из шестов, образующих ворота в частоколе, надет камень с отверстием. Камень продолговатый, семи или восьми дюймов длиной, шириной в четыре, с одной стороны скошен. Диаметр отверстия в середине около полутора дюймов, в нем заметны следы сверления. Камень этот из розоватого твердого порфира и напоминает груз, надеваемый на палку для копания земли, который я видел в 1841 г. в руках бушменки; такой же камень я видел еще у ворот близ деревни вождя Касонсо. Жители не знают, для чего этот камень нужен, здесь он служит амулетом, охраняющим деревню от зла.

2 августа. Хронометр сегодня остановился без всякой видимой причины, если не считать землетрясения. Постоянный звон в голове со времени болезни на озере Льемба, вероятно, следствие малярии.

3 августа. Со дня на день ждем известий от Нсамы, так как молодой месяц появился 1 августа, а Нсама должен был прислать за нами, когда покажется луна.

5 августа. Вчера явились посланные с сообщением, что Хамис должен немного подождать, так как Нсама еще не собрал всю слоновую кость и разворованные товары. Посланные пробыли здесь весь вчерашний день. Их начальник Катала говорит, что Лунда находится в восьми днях пути от Нсамы или озера Мверу и что по дороге мы должны пересечь большую реку Мовуэ, впадающую в Луапулу. С юго-востока в Мверу впадает еще река Мокобва. Страна Нсамы и ее народ называются Итава.

На расстоянии одного дня пути от деревни Нсамы есть горячий источник, называемый Пака-пежья. Вокруг него временами происходят землетрясения. Возможно, что то, которое мы ощущали здесь, связано с тем же центром.

6 августа. Погода становится мягче. Когда подул ветер с юга, наступило похолодание. От арабов у нас подробные сведения о васанго: их помещения для скота строятся с плоской крышей и громадных размеров, есть, говорят, одно в четверть мили длиной. Вождь Мерере живет внутри одного из помещений. Молока, масла, сыра у них громадное количество. Племя очень большое.

7 августа. Несколько моих людей ходили в Карамби. Вождь задержал их, сказав: «Я не позволю вам, англичанам, уйти и оставить меня в дурных отношениях с этими арабами».

Одному из здешних жителей поручили раба, а раб сбежал. Арабы отправились в Карамби и потребовали от тамошнего вождя уплаты. Вождь предложил одежду, но они отказались и заявили, что хотят получить человека. Тогда он предложил человека, у которого было двое детей, и арабы потребовали всех троих. Они запугивают жителей, как им вздумается, угрожая огнестрельным оружием. Мои люди поговорили с арабами, и они удалились. Вождь просил меня прийти еще раз к нему хотя бы на один день, но это невозможно, так как мы предполагаем выступить немедленно. Я сообщил обо всем этом Хамису; он ответил, что у них есть данные об одном человеке, который, видимо, сманивает их рабов. Соседство с рабством к добру не приводит!

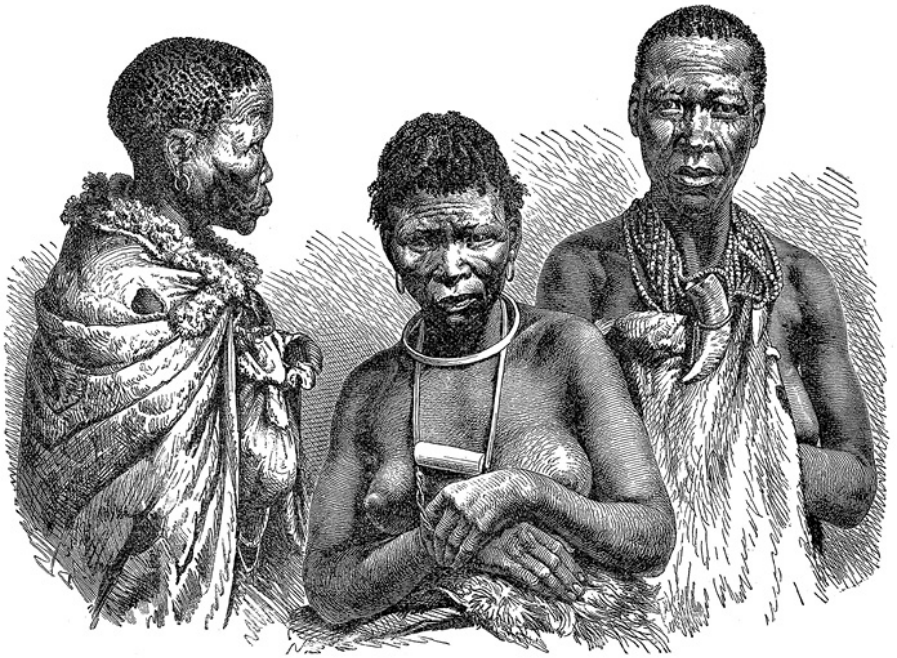
У Хамиса дружественные отношения с одним из племен мазиту, утверждающих, что они перестали убивать людей. Они награбили в свое время много скота, но сейчас его у них очень мало. Несколько человек из этого племени отправились с Хамисом, чтобы показать дорогу в деревню Касонсо.

Рабов продают здесь так же открыто, как в Занзибаре на невольничьем рынке. Продавец ходит по рынку, выкрикивая цену, какую он хочет получить за раба, шагающего позади. Если продают женщину, то ее отводят в хижину, чтобы осмотреть голой.

Некоторые арабы считают, что метеориты – это камни, бросаемые в сатану за его злые дела. Они полагают, что первые арабы, пришедшие в эту страну, втащили на Килиманджаро пушки, и там будто бы они и лежат. Они утверждают, что фон дер Деккен только частично обошел основание горы, а на саму гору подняться не смог: все его ослы и часть людей умерли от холода.

Сведения, какие можно собрать у арабов относительно страны к северо-западу отсюда, очень неопределенны. Арабы преувеличивают трудности пути, рассказывая о каннибальских племенах, в стране которых покупают всех умирающих и никого никогда не хоронят. Однако это утверждение не вяжется со сведениями, которые они тоже приводят как достоверные, будто у каннибалов очень много овец и коз. Руа находится приблизительно в десяти днях пути на запад от Танганьики, а в пяти днях пути за Руа есть озеро или река шириной в десять миль. Говорят, что она называется Логорава. Вся вода стекает к северу. Впрочем, полагаться на эти утверждения нельзя. Вождя страны Руа зовут Кьомбо.

Один араб утверждает, что воды Танганьики текут на север и за Угандой образуют большое водное пространство, но на слова этих арабов полагаться нельзя. Они ни на что не обращают внимания, кроме слоновой кости и пищи.



Бушменские женщины с кароссой, амулетом и украшениями. *Гравюра по фотографии. XIX в.*

25 августа. Нсама потребовал, чтобы арабы вернули ему взятого ими в плен сына. Тот араб, который захватил сына Нсамы, возражал против его освобождения, но Хамису удалось получить этого пленного и еще девять других, и сегодня их отсылают. Мы ждем только людей, разбросанных по стране. Хамис поднес нам пироги, муку, курицу, козью ногу и кусок мяса антилопы канна; здесь ее называют так же, как и в Колобенге, *пофу* [25]. У здешнего фигового дерева большие шишки на коре, как у некоторых видов акации. Другое дерево похоже на увеличенное *малоло* района Замбези. Одно желтое дерево при сжигании пахнет ладаном.

Внутри хижины устраивает свои гнезда крупный паук. Гнездо состоит из чисто-белого листка вроде бумаги, шириной в полтора дюйма, приклеенного плоско к стене. Под ним паук откладывает сорок – пятьдесят яиц, а вокруг наращивает более тонкую, чем листок, полоску в четверть дюйма шириной, по-видимому, для того, чтобы прочно закрепить листок. Изготовляя свою «бумагу», самка паука непрерывно передвигается по ее поверхности, причем путь ее можно изобразить волнистыми линиями. Затем она сидит на «бумаге», расставив свои восемь ног, в течение трех недель, непрерывно хватая и поедая всех насекомых, например тараканов,

приближающихся к гнезду. Через три недели она покидает гнездо, чтобы охотиться, но на ночь всегда возвращается. Негры этих пауков не трогают.

Маленький муравей справляется с мухой, хватая ее за крыло или за ножку и держа до тех пор, пока она не истощит свои силы.

Видел новый для меня вид франколина с широким желтым наростом на верхней части клюва и на лбу, хохолок у него фиолетовый, крылья такие, как у остальных видов, но красные перья имеют розоватый оттенок. Желтое пятно нароста видно на большом расстоянии.

У носильщиков ваньямвези, постоянно работающих на переноске тяжелых грузов, на плечах образуются большие мозоли. Я видел мозоли толщиной в полтора дюйма на верхней части плечей. Мне показали старика, пронесшего однажды пять фрасила слоновой кости от своих родных мест до берега моря.

30 августа. Сегодня вышли в поход из деревни Читимбы после задержки в три месяца и десять дней. После полутора часов ходьбы пришли в Понду, где узнали, что Типо-Типо, т. е. Хамид бин Мохамед, ушел оттуда; мы последовали за ним. Прошли мимо реки, текущей на юго-запад к слиянию с Лофой. Типо-Типо преподнес мне хорошую жирную козу.

31 августа. Идем по красивой волнистой местности, значительная часть которой покрыта лесом; в нем много опушек, а вдоль рек растут большие деревья. Шли по северному склону водораздела, с него открывался вид на далеко лежащие земли. Пересекли две симпатичные речки. Топкие места пропитаны водой, и она течет из них ручьями.

1 сентября 1867 г. Из-за того что прямо на нашем пути оказался засушливый участок, пришлось идти дальше во второй половине дня. Ночевали без воды, хотя, отклонившись на несколько миль к северу, мы пересекли бы много речек, но наша дорога самая лучшая в любое время года. Барака ушел назад в деревню Типо-Типо. У Бараки только один недостаток – он не любит работать. Он упорно старался уговорить других бежать вместе с ним, загубил ящик с лекарствами, шесть скатертей и все наши инструменты.

2 сентября. Когда мы достигли брода через реку Лофу, оказалось, что мы находимся ниже деревни Читимбы не менее чем на тысячу футов. Последние шесть часов похода мы шли без воды, но вблизи деревни вождя Чунгу, около брода, мы вышли к хорошим речкам шириной футов в десять.

Отсюда мы могли видеть тянущиеся на запад и на север длинные гряды денудаций в стране Нсамы, до недавнего времени густонаселенной. Нсама из семьи бабемба. Касонсо, Читимба,

Киве и Уронгве равны по положению, и все из одной семьи урунгаи. Чунгу приятный человек и щедрый в меру своих возможностей. Во всей этой стране очень много крупной дичи.

Ширина Лофы в месте брода 296 футов, вода быстро течет по плитам твердого песчаника. Глубина реки то по бедро, то по пояс. В других местах река несколько уже, но пересечь ее можно только на лодке.

4 и 5 сентября. Шли семь часов на запад от Лофы до деревни Хара, это одна из тех деревень, которые Хамис сжег за то, что жители не соглашались передать его предложение мира Нсаме. Эта страна называется Итава, а Хара – название одного из ее районов. Мы остановились в Харе, чтобы выяснить, хочет ли Нсама, чтобы мы приблизились к нему. Он очень боится арабов, и недаром: ведь до последнего времени он считался непобедимым. Он потерпел поражение, имея против себя двадцать мушкетов. В стране полно продовольствия, несмотря на то, что почти все население разбежалось. Земляные орехи начали снова прорастать, так как не хватает людей для уборки, а триста человек, питающихся бесплатно, не могут заметно уменьшить запасы пищи.

9 сентября. После трехчасового перехода на запад от Хары пришли к новой укрепленной деревне Нсамы, построенной рядом со старой, сожженной Типо-Типо[26], как Нсама назвал Хамида бин Мохамеда. Я послал человека к Нсаме и получил от него приглашение прийти, но без ружей. Нас сопровождала большая толпа его людей, и, перед тем как мы приблизились к внутреннему частоколу, они ощупали мою одежду, чтобы убедиться, что на мне не спрятано огнестрельное оружие. Войдя к Нсаме, я увидел очень старого человека с красивой головой и хорошим лицом; у него было большое брюхо, доказывавшее, что он любит помбе. Я дал ему отрез ткани и попросил проводников на Мверу. Он охотно согласился исполнить мою просьбу и спросил разрешения пощупать мою одежду и волосы. Я посоветовал ему попытаться жить в мире со всеми. Люди его шумели и не слушались ни его, ни старейшин, так что, наконец обругав их, он сказал мне, что пришлет за мной ночью и тогда мы побеседуем, но, видимо, потом он забыл об этом начисто. Нсама прислал мне козу, муки и помбе. На следующий день мы вернулись в Хару.

Народ Нсамы в большинстве своем отличается мелкими чертами лица. Многие по-настоящему красивы, они совсем не похожи на жителей Западного берега, но опиливают свои зубы, и это делает их рот безобразным. От европейцев они разнятся только цветом. У многих мужчин голова очень хорошей формы, у

женщин тоже. Прически их устроены так, что выгодно выделяют лоб. Волосы от лба до макушки сбривают, причем бритая полоса сужается кверху. Волосы на задней части головы зачесаны в пучки-шарики примерно в десять рядов.

10 сентября. Из Уджиджи к Нсаме прибыли люди покупать слоновую кость за бусы. Увидев, что арабы опередили их, они решили возвратиться к своей шхуне, или, вернее, каноэ, с командой из пятидесяти гребцов. Они сообщили, что мое имущество цело, в Уджиджи находится также мясо буйволов, павших в дороге, его провялили на солнце. Отправил в Уджиджи ящик с бусами, книгами и одеждой.

14 сентября. Остался в Харе, так как заболел. Хамис не доверяет Нсаме, который обещал ему в жены свою дочь, чтобы скрепить мир, но не дал ее. Нсама также сказал Хамису, чтобы он оставался в Харе, и обещал прислать на продажу слоновую кость, но кости не доставил. Народ не приходит сюда продавать провизию, как в других местах. Хамис возвращается в деревню Читимбы, чтобы там оберегать своих людей и имущество, и пошлет вперед Саида Хамида со слугами в Лопере, Кобуире и на Мверу покупать слоновую кость. Хамис советовал мне отправиться с ними, так как он не доверяет Нсаме. Хамид тоже думает, что это наилучший план. Поход будет замедленным, так как арабы намерены скупать по пути слоновую кость, но безопаснее пересечь всю страну Нсамы с ними, чем рисковать оказаться в его власти.

Все население страны поражено победой над Нсамой, и их точка зрения на сравнительную ценность луков со стрелами и ружей претерпела большие изменения. Нсама был Наполеоном здешних мест. Никто не мог устоять перед ним, вот почему поражение непобедимого Нсамы вызвало панику. Арабы говорят, что потеряли за все время около пятидесяти человек; Нсама потерял, должно быть, не меньше. Народ, по-видимому, здесь развитый, понятливый и, несомненно, будет действовать, исходя из столь дорого купленного опыта.

Сегодня днем вдруг явилась дочь Нсамы, чтобы стать женой Хамиса и скрепить мир. Она приехала «верхом» на плечах несшего ее мужчины, славная, скромная, хорошенькая молодая женщина. Волосы ее были натерты *нкола*, красной краской, изготовленной из красильного дерева и широко применяемой для украшения. Ее сопровождал примерно десяток молодых и старых служанок, каждая несла корзиночку с провизией – касавой, земляными орехами и т. п. Арабы были все разодеты в самое лучшее, а рабы в фантастических нарядах размахивали саблями, палили из ружей и орали. Когда дочь Нсамы донесли до хижины

Хамиса, она слезла и вошла внутрь со своими девушками. У нее и всех ее служанок мелкие изящные черты лица. Я сидел у Хамиса, но когда они вошли, встал и вышел. Когда я проходил мимо Хамиса, он сказал самому себе: «Хамис Водим Таг! Смотри, до чего ты дошел!»

15 сентября. Прибыл проводник от Нсамы, чтобы вести нас в земли за пределами территории вождя. Хамис сегодня утром отправился к тестю с молодой женой, но вскоре встретил двух посланных, которые попросили его пока не приходить.

Мы послали за всеми людьми, собиравшимися независимо от Нсамы идти на запад или северо-запад.

16–18 сентября. Хамид ходил к Нсаме, чтобы попытаться достать проводников, но Нсама не позволил ему войти за частокол, если только он не явится ко входу без ружья и сабли. Хамид не соглашался идти на этих условиях, но Нсама пообещал дать проводников, и проводники действительно прибыли после визита Хамида к Нсаме. Хамис заплатил за проводников, но никому из нас об этом не сказал: очевидно, ему стыдно за своего тестя.

Арабы, потерявшие надежду достать слоновую кость, вкладывают оставшиеся у них бусы и ткани в рабов.

Заросли папируса на берегу реки. *Гравюра XIX в.*

20 сентября. Я решил сегодня отправиться к Нсаме, а оттуда на озеро Мвера, но Хамис прислал сказать мне, что прибыли его люди и мы все отправимся с ним вместе 22-го.

Жена Хамиса, видя подготовку к отправлению, решила, что готовится нападение на ее отца, и ночью сбежала со своими служанками и присланными Хамису проводниками. Хамис снова отправился к Нсаме и получил новых проводников, чтобы мы могли выступить немедленно.

22 сентября. Шли на север несколько часов, затем спустились в ту же долину, в которой я посетил Нсаму. Эта долина находится на склоне водораздела и тянется с востока на запад. С южной стороны она окаймлена поросшим деревьями гребнем, сложенным темно-красным песчаником. Другие подобные гребни придают склону водораздела вид лестницы с гигантскими ступенями. Первые равнины между ступенями местами болотисты, тропинки покрыты отпечатками человеческих ног; когда отпечатки затвердевают на солнце, то ходить по их неровной поверхности становится трудно. Снова появились

москиты.

23 сентября. На следующую ночь после нашего ухода из Хары там начался пожар. Ветер был сильный, огонь преодолел сопротивление людей и сразу уничтожил всю временную часть деревни, состоящую из сухих соломенных хижин. Хамис потерял все свои бусы, ружья, порох и ткани, за исключением одного тюка.

24 сентября. Меня разбудили в 3 часа утра, чтобы сказать, что на предстоящем переходе нет воды, и если мы выйдем сейчас, то нас будет мучить полуденный зной: нам следует теперь выступить в 2 часа пополудни. Вчера заболела жена Хамида, и пришлось прервать поход во второй половине дня. Мы поднялись на гребень, спустились с него и через час после этого оказались у подошвы скалистой стены высотой более тысячи футов, покрытой деревьями. Скалы тянулись по левую руку от нас, Некоторое время мы шли вдоль них, потом, идя на север, стали подниматься, пока скалы не скрылись. Спали, не возобновив запаса воды.

25 сентября. Пустились в путь в 5.30 утра и шли тем же густым лесом, через который проходили вчера. Пришли к частоколу деревни, ворота были заперты: все люди скрылись из страха перед арабами. Затем с гребня, на котором стояла деревня, мы спустились на огромную равнину; вдалеке, милях в десяти от нас, текла большая река.

26 сентября. После двух с половиной часов ходьбы вышли к большой реке, которую видели вчера. Ширина ее больше мили, в ней растет много папируса и других водяных растений. Переходить ее вброд очень трудно, так как от твердых корней папируса босым ногам больно, мы часто проваливались в ямы по пояс. Посередине нашего пути наткнулись на рыхлую массу, плававшую по воде; иногда можно было идти по ней, хотя она прогибалась и поднималась горбами под тяжестью идущего, но иногда человек проваливался насквозь, и выбираться наверх было очень трудно. Вода под плавучей массой была очень холодна. Переход через реку занял полтора часа. Называется она Чисера и течет, извиваясь, на запад, чтобы влиться в Карунгвеси (Колонгоси, Калунгвишу) и далее в Мверу. Множество животных – слонов, зебр и буйволов – пасется на длинных склонах ее берегов. Цепь гор, которую мы пересекли, переходя через отдельные гребни, теперь видна позади, к югу от нас.

27 сентября. Народу здесь много, и он приветлив. Убили слона и задержались, чтобы взять бивни убитого животного. Застрелили также несколько буйволов и зебр. Густая облачность мешала произвести наблюдения, и хотя наши координаты

определить не удалось, но мы знаем, что Чисера начинается в Лопере. Дальше к западу река свободна от папируса, и для переправы через нее нужны лодки.

30 сентября. Пересекли Камосенгу или какую-то другую речку и пришли в деревню вождя Карунгу. Река Камосенга отделяет страну Лопере от Итавы. Лопере расположена к северо-западу от Итавы.

1 октября 1867 г. Карунгу очень испугался нас. Сначала он никого не впустил за ограждающий деревню частокол, но потом стал держаться более приветливо. У него было мало слоновой кости на продажу. Арабы посылали людей вперед, чтобы попытаться вступить в дружественные отношения с другими вождями. Один из вождей, у которого кость была, Мтете, или Мтема, обошелся с арабскими посланными грубо. Послали людей к Нсаме с просьбой попробовать уговорить Мтему и Чиконго держаться по отношению к нам дружелюбно и продавать слоновую кость и провизию, но Нсама ответил, что эти вожди ему не подвластны, и если они считают себя достаточно сильными, чтобы бороться против ружей, то ему нечего им сказать. Другие вожди угрожали всеобщим бегством. Их уверяли, что мы намерены только пройти через эти земли, и если нам дадут проводников, которые покажут, как идти, то мы вообще будем избегать деревень и пойдем в те страны, где можно купить слоновую кость. Однако паника оказалась слишком сильной, никто не хотел идти навстречу нашим желаниям, а когда мы наконец двинулись вперед, вождь на реке Чома привел в исполнение свою угрозу и оставил нам три пустые деревни. Хотя зернохранилища были набиты зерном, продавцов не было, и помешать рабам разворовывать его было невозможно.

3–4 октября. Чиконго, выслушав послание Типо-Типо о покупке слоновой кости, сказал: «Когда это Типо-Типо оставил в моей стране слоновую кость?» Все же он прислал один бивень и заявил: «Вот все, что у меня есть. Пусть он сюда не приходит». Враждебное поведение вождей вызывается главным образом страхом. «Если Нсама не смог устоять перед *малонгвана* (торговцами), то как можем мы встретиться с ними?» Я хотел продолжать путь к озеру Мверу, но все говорят, что наши десять ружей заставят все деревни разбегаться: они все поражены ужасом. 5-го прошел первый дождь сезона дождей.

10 октября. Долго беседовал с Саидом. Он думает, что солнце всходит и заходит, потому что так сказано в Коране, и для него это очевидно. Саид утверждает, что Христос предсказал приход Магомета и что на кресте страдал не Иисус, но кто-то, заменявший его, так как невероятно, что истинного пророка

предали такой позорной казни. Он не понимает, как мы можем радоваться тому, что Спаситель принял смерть за наши грехи.

12 октября. Люди Типо-Типо убили слона. Небо все время покрыто облаками. Воздух часто совершенно неподвижен.

16 октября. У многих женщин в этой области и в Лопере опухоль щитовидной железы, так называемый зоб. Встречаются и мужчины с зобом, у них, кроме того, наблюдается большая опухоль мошонки (водянка яичка).

В деревне вождя Читимбы вчера после долгой болезни умер араб. Вечером его хоронили. Ни одной женщине не позволили приблизиться. Над покойником долго молча молились, затем над могилой натянули кусок материи, а люди, стоявшие в могиле, положили останки под колья, расположенные наклонно друг к другу и опирающиеся на края дна могилы; такие колья мешают земле попадать на тело, когда могилу засыпают.

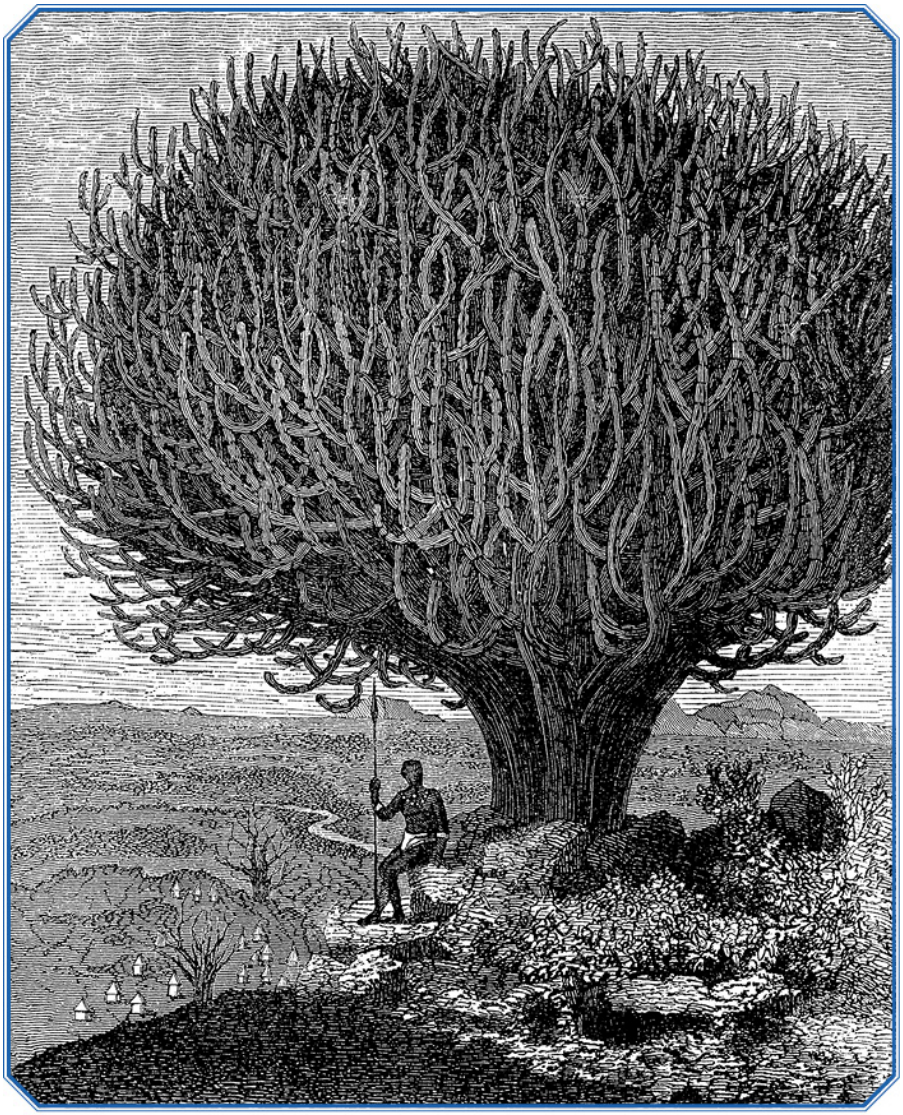
Друзья покойника устроили поминки и порции яств разослали всем, кто присутствовал на похоронах. Я тоже получил большую долю.

18 октября. По последним сведениям, Нсама не вмешается в историю с Чиконго. Две жены бьют в барабаны, и он танцует перед ними, он явно впал в детство. Говорят, что к западу от нас много арабов.

20 октября. Очень болен. Всегда, когда нет работы, я скверно себя чувствую: ноют кости, сильная головная боль. Затем потерял управление спинными мускулами, как на озере Льемба. Нет аппетита и сильная жажда. Лекарства на лихорадку не действуют.

21 октября. Саид послал людей построить новую хижину в более подходящем для моего здоровья месте.

26 октября. В течение пяти часов шли на юго-запад по волнистой, лесистой, густонаселенной стране, изобилующей крупной дичью. Здесь есть несколько видов деревьев, издающих при горении очень тонкий аромат; другие деревья пахнут, когда их срубают. В изобилии растет молочай. Спали мы у водопада, недавние дожди наполнили его грязной водой. Каждый день после полудня гремит гром, и где-то с такой же регулярностью идет дождь. Эти дожди не охлаждают земли и не заставляют закрыться трещины, образовавшиеся в сухой период.



Молочай тирукалли *(Euphorbia tirucalli)*

Этот вид — самый высокий среди молочаев, достигает в высоту 9 м. Он широко распространен в Северо-Восточной, Центральной и Южной Африке. Млечный сок этого вида очень ядовит и может вызвать ожог, однако плоды его охотно поедают обезьяны. Ранее имел промышленное значение, так как из его млечного сока добывали каучук. Применяется также в нетрадиционной медицине.

27 октября. Вышли рано под мелким моросящим дождем, продолжавшимся два часа, и пришли на равнину шириной около трех миль, полную крупной дичи. Равнины эти временами превращаются в болота; они окружены гребнями, поднимающимися над равниной на двести – триста футов и покрытыми деревьями.

Гребни обычно сложены твердым песчаником, испещренным следами белых кораллов и вкраплениями коричневого гематита. Очень жарко, мы сильно устаем. Арабы в походе не придерживаются никакой системы. Первый день переход длился пять часов, сегодня – три с половиной. Если бы было наоборот – короткие переходы в первые дни и более продолжительные потом, – то мускулы приспособились бы к нагрузке. На юг от нас, в направлении долины Нсамы, тянется длинная цепь высот.

28 октября. После пятичасового перехода достигли реки Чома и деревень вождя Чифуны, но, как уже отмечалось, вождь и жители деревень бежали, и никакими уговорами не удалось убедить их вернуться и продать нам продовольствие. Нескольким жителям, рискнувшим подойти к нам, мы показали предметы, которые согласны дать за муку; они сказали: «Да, мы позовем женщин, и они продадут вам муку». Но никто не пришел.

Весь день отдыхали на берегах Чомы, грязной реки, текущей с севера и дальше на юго-запад, к впадению в Чисеру. Река прорыла глубокое русло в грязи берегов; ширина ее равна двадцати ярдам, в отдельных местах глубина ее по пояс, в других через нее нет брода. В реке много рыбы, множество бегемотов и крокодилов. Купил по очень высокой цене немного земляных орехов; жители явно не понимают, что было бы лучше уступить большее количество по более низкой цене, чем убегать и оставлять все на съедение рабам.

30 октября. Нашли в специально построенных хижинах две безобразные скульптуры, очень плохо представляющие местных

негров. Эти изображения используются для обрядов, для вызывания дождя и исцеления больных. Это самое близкое к идолопоклонничеству явление, какое я наблюдал в стране.

31 октября. Пересекли длинную цепь гор и через пять с половиной часов вышли к нескольким деревням, жители которых охотно продавали нам пищу и вообще держались приветливо. Нам встретилось стадо буйволов, но Саид выхватил мое ружье у несшего его слуги, и, когда животные проходили совсем близко от меня, я был беспомощен. Мне очень не понравилось отсутствие здравого смысла, проявленное моим обычно вежливым другом-арабом.

Запомнить. Мохамад бин Салех говорит, что Чома впадает в Танганьику (??). Она течет в Калангоси.

1 ноября 1867 г. Проходили между горными цепями, значительно более высокими, чем те, что мы видели в Итаве. Горы густо поросли деревьями, некоторые из деревьев покрыты совсем распустившейся листвой, на других раскрываются молодые красные листья. Высота гор над равниной составляет 700–800 футов. В этой местности нет быстрых ручьев. Мы перешли три лениво текущих ручейка глубиной по колено. Множество буйволов.

Медоед засыпает навоз буйволов землей, чтобы удобней было поймать навозных жуков, зарывающихся в него.

Навесы для ночевок строим на склоне горы. Шли курсом на запад шесть часов с четвертью.

2 ноября. Идем в том же направлении по открытой долине, усеянной многочисленными маленькими молочаями, которые раздавливаешь на каждом шагу. Пересекли небольшую, но быструю речку Липанде, текущую на юго-запад в Мверу, затем час спустя опять перешли через нее; здесь она была уже в двадцать ярдов шириной и глубиной по колено. Спустившись с поросшей деревьями горы, разделяющей Липанде и Луао, перешли через последнюю, чтобы заночевать на ее западном берегу. Горы теперь сложены гранитом, и хребет слева от нас высотой от 700 до 1500 футов тянется отсюда вплоть до Мверу.

Долины, по которым мы путешествуем, очень красивы. Преобладающая окраска зеленая, рощицы деревьев имеют чрезвычайно разнообразную форму и часто напоминают мне пейзаж английского парка. Длинная цепь рабов и носильщиков, собранных арабами-нанимателями, оживляет этот пейзаж. Они идут тремя колоннами, общее число их равно 450. У каждой партии свой проводник с флагом, и, когда его водружают на остановке, вся группа стоит неподвижно, пока идет подъем флага; при этом бьют в барабан и трубят в рог антилопы куду. Впереди

одной из партий идут человек десять ведущих, одетых в фантастические головные уборы из перьев и бус и одежду из красной ткани и кожи, разрезанной на полоски и скрученной. Ведущие становятся на свои места в рядах, бьют барабаны, хрипло звучит рожок, и все пытаются восстановить равнение в рядах. Эти звуки как будто будят некий дух солидарности в тех, кто некогда был рабом. Мои слуги, едва заслышав привычные с детства звуки, вскакивают, не давая мне времени одеться; целый день они идут наравне с передовыми, хотя им было сказано, что от них совсем не требуется, чтобы они мчались вперед подобно рабам.

Африканцы не выносят насмешки. Поэтому, если в походе случается какое-нибудь происшествие (например, ветка сбросит груз с плеча носильщика), все, кто видит это, поднимают крик, насмехаясь над неудачником. Если кто-нибудь случайно прольет что-нибудь или устанет и присядет, его действия приветствуют тем же криком; это побуждает всех стараться изо всех сил. Они торопятся, когда несут свои тюки, спешат с постройкой шалашей, а хозяева только замыкают шествие и помогают больным. Пройденное за день расстояние бывает на пределе того, что могут выдержать хозяева-арабы или мы. Если бы в походе делались частые остановки – например, на полчаса или на четверть часа через каждые час или два, – люди не особенно бы чувствовали тяготы похода, но идти пять часов подряд – это больше, чем человек в состоянии вынести в жарком климате.

Рабыни держались стойко: почти все они несли на головах грузы. Единственным исключением была старшая леди каждой партии, она же жена араба-начальника. Голова леди покрыта тонкой белой шалью, украшенной золотом и серебром. Эти леди выступали гордо и не сдавали даже на самых длинных переходах. Медные браслеты на ногах выше щиколоток, весящие много фунтов, казалось, только помогали ритму их шагов. Как только они приходят на место ночевки, они принимаются за приготовление пищи и в этом искусстве проявляют большое умение, изготовляя для своего господина вкусные блюда из диких фруктов и других, казалось бы, мало подходящих материалов.

3 ноября. По мере нашего продвижения гряды гор отступают. Почва здесь очень богатая. В двух деревнях жители не хотели нас впустить; мы пошли дальше и разбили лагерь около третьей, Кабваквы, где живет сын Мохамада бин Салеха с несколькими ваньямвези. Здешнего вождя зовут Муабо, мы его не видели, жители принесли на продажу много пищи. Отец юноши сейчас в деревне вождя Касембе. Местные жители весьма склонны ко лжи: о каком месте ни спросишь, говорят, оно близко, слоновой кости

очень много, провизия всякого рода имеется в изобилии и стоит дешево.

Наши начальники поверили в слова юноши и отказались от дальнейшего похода. До Руа, говорил юноша, месяц ходьбы, слоновой кости там мало. Но до Руа оказалось всего три дня ходьбы (через три дня мы ее увидели). «Во владениях Касембе и здесь в Буире (Кабуире) слоновой кости нет». Юноша был прав относительно Касембе. От Хамиса пришли письма с неприятными новостями. Умер Читимба, а также Мамбве. Люди Читимбы дерутся из-за того, кому быть вождем. У них там сейчас сильный голод, так как арабы скупили всю провизию. Морири, вождь, у которого Нсама отнял владения, хотел, чтобы Хамис помог ему вернуть его земли, но Хамис заявил, что он заключил мир и не хочет вмешиваться в междоусобицы.

Эти неблагоприятные новости из места, где был устроен основной склад приобретенного ими товара, заставили Саида и Типо-Типо принять решение пробыть в Буире только десять – двадцать дней, разослать людей закупить слоновую кость, сколько удастся найти, а затем возвратиться.

Так как Саид и Типо-Типо посылали своих людей за слоновой костью к Касембе, я решил сначала отправиться туда, вместо того чтобы идти на Уджиджи.

Здесь среди мужчин и женщин много зобатых. Не вижу причин для этого. Высота над уровнем моря только 3350 футов.

7 ноября. Выступили в сторону Мверу. Некоторую часть пути нас сопровождали арабы. Все они чрезвычайно добры к нам. Мы приближаемся к горному хребту Какома слева от нас. Ночуем в одной из деревень вождя Капута, курс наш – почти прямо на юг.

8 ноября. Долина, образуемая хребтом Какома с одной стороны и другим, более далеким, хребтом справа, густо усеяна деревнями. Обычное расстояние между деревнями – сто-двести ярдов; все они, подобно деревням в Лунде, стоят в тени деревьев одного из видов *Ficus indica*. Одна из деревень принадлежит вождю Пута. Этот Пута – он главный вождь – прислал сказать нам, что если мы заночуем и дадим ему кусок ткани, то он даст людей, чтобы проводить нас завтра и переправить через реку. Я согласился бы остаться в деревне, но его люди не пожелали сдать нам хижину, поэтому мы отправились дальше и вышли к озеру.

Озеро Мверу, по-видимому, порядочных размеров. С запада и востока его окаймляют горные хребты. Берега озера покрыты крупным песком и, постепенно понижаясь, уходят под воду. За береговой полосой начинается густой пояс тропической растительности, в котором рыбаки строят свои хижины. На запад от озера лежит страна Руа, она представляется взору в виде

высокого хребта черных гор. Другой хребет, менее высокий, но более изломанный, тянется вдоль восточного берега; через эти горы лежит путь к Касембе. Ночевали в рыбачьей хижине на северном берегу. Нам принесли на продажу большую рыбу *монде*; у нее покрытая слизью кожа без чешуи, большая голова с щупальцами, как у *Siluridae*, и большие глаза, поверхность десен во рту похожа на щетку, будто пасть кита в миниатюре. Говорят, что монде питается мелкой рыбой. На спине вздымается костистый плавник (я думаю, его назначение – защита) длиной в два с половиной дюйма и толщиной в гусиное перо. Рыбы эти очень живучи.

Северный берег озера расстилается красивой дугой, напоминающей несогнутый лук; вдоль западного берега течет поток воды, образующий затем реку Луалаба; до впадения в Мверу эта река называется Луапула, а Луапула в свою очередь (если верны наиболее толковые сообщения) до своего впадения в озеро Бемба, или Бангвеоло, именуется Чамбези.

Шли вдоль северного берега, пока не достигли хребта, окаймляющего озеро, затем поднялись в горы и повернули на юг. Народ держится очень подозрительно, при нашем приближении запирают ворота. Мы теперь одни, нас всего девять человек, но у местных жителей, должно быть, есть основания бояться. Один начальник деревни сначала отказался впустить нас, а потом послал за нами, сказав, что человек, отказавший нам, не вождь, а вождь прибыл только что издалека. Так как лучше держаться дружественно, мы вернулись назад, и нас хорошо приняли. Когда мы уходили, нам дали провизии. Здесь множество мух, очень надоедливых. Видимо, их привлекает большое количество вылавливаемой рыбы. Население здесь из племени бабемба, но за рекой Калонгоси все балунда.

Жители ведут торговлю солью, добываемой из соляных источников и соленой грязи, с Лундой и другими областями. Ежедневно встречаем партии торговцев солью; они очень сердечно отвечают на наши приветствия, натирая себе руки землей. Наш путь лежит между двумя горными хребтами, один из которых примыкает к восточному берегу озера, а другой, приблизительно в трех милях от него, идет параллельно первому. Горы густо покрыты деревьями и сложены гранитом. В пространстве между этими двумя горными хребтами много деревень, но все они ненадежны (слабо укреплены).

12 ноября. Вышли к реке Колонгоси (Калунгвишу), или, как произносят португальцы и арабы, Карунгвеси. Ширина реки около шестидесяти ярдов; течет она по каменистому руслу. Река довольно глубокая, с быстрым течением; даже сейчас, хотя

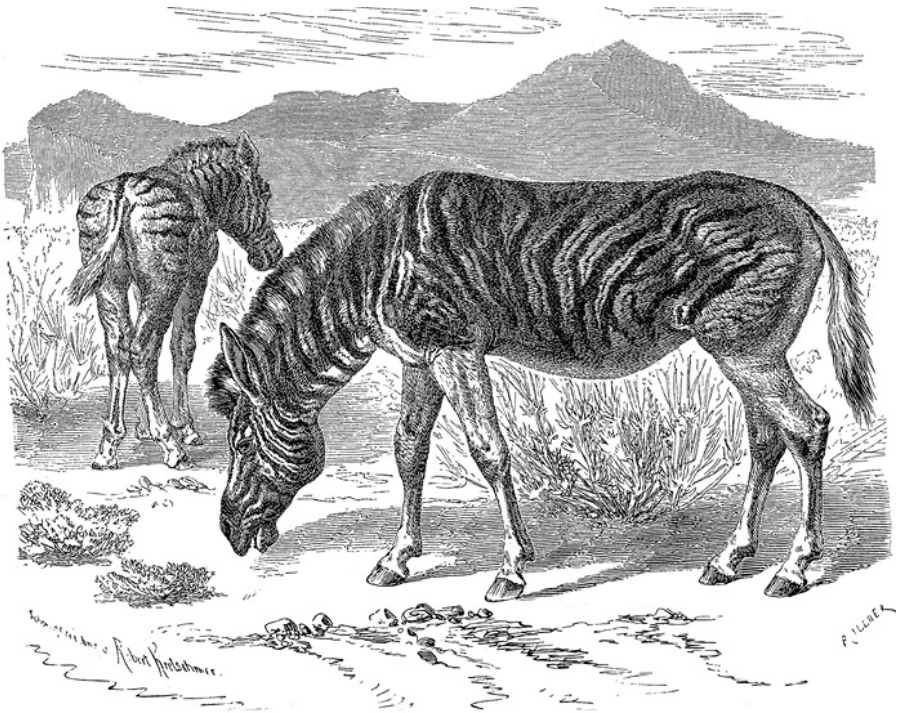
период дождей еще не начался, переправа требует лодок. Говорят, она берет начало в Кумби, или Афаре, стране к юго-востоку от места нашей переправы. Когда рыба поднимается вверх по течению на нерест, ее ловят в больших количествах с помощью заграждений, сетей, крючков. В порожистых местах в реку опускают большие прочные корзины, наполненные камнями. Когда вода в реке поднимается, эти корзины служат местами стоянок для рыбаков с удочками или сетями. Перешли через Колонгоси и находимся теперь в стране Лунда (Лонда).

13 ноября. По нашим наблюдениям, Колонгоси течет на север до большой луговой равнины у берегов Мверу; здесь река поворачивает на запад и впадает в озеро. Рыбаки назвали нам тридцать девять видов рыб, обитающих в озере. По словам рыбаков, рыба беспрерывно идет вверх по течению, хотя временами ее бывает то больше, то меньше.

14 ноября. Усомнился, по правильному ли пути мы идем, и послал спросить в деревне. Вождь явился разгневанный: «Какое право вы имеете идти этой дорогой, когда обычный путь находится левее?» Он произнес несколько фраз в пышном стиле Лунда, но дорогу показать нам не пожелал. Мы ушли от него и, пройдя через лес с высокими деревьями, после четырех с половиной часов ходьбы на юг воспользовались хижинами на реке Кифурва, построенными дровосеками, рубившими дерево, чтобы добыть кору для тканей.

15 ноября. Сильные дожди, но мы продолжаем идти, дошли до деревни Кифурва, окруженной полями касавы; на следующий день перешли через реку Муатозе, шириной в двадцать пять ярдов, глубиной по колено. Течение реки быстрое, в сторону Мверу. Река Кабуква, шириной в семь ярдов, глубиной тоже по колено, вливается в Муатозе.

Пересекли ручей Чиронго, шириной в один ярд и глубиной тоже в ярд. Идем все время через хороший высокий лес, в основном из камедных деревьев и деревьев, дающих кору для ткани. Камедь вытекает обильно после или во время дождей из дыр диаметром в четверть дюйма, которые пробуривает насекомое. Смола падает на землю и с течением времени погружается в почву, образуя запасы для будущих поколений. Здесь очень часто встречаются жители с мелкими округлыми чертами лица, как у населения страны Нсамы; мы наблюдаем этот тип среди торговцев солью и в деревнях. Эти места – родина негров с теми чертами лица, какие можно видеть на рисунках древних египтян, как это первым отметил Уинвуд Рид. Ночуем на берегу реки Мандапала, шириной в двенадцать ярдов, глубиной по колено.



Зебра *(Hippotigris)*

Зебры, близкие родственники лошадей, изначально были распространены по всей территории Африки, но в северной части истреблены еще в древности. Существует три вида зебр: равнинная, пустынная и горная, все они довольно широко распространены в Африке и сегодня. Каждая зебра имеет уникальный черно-белый рисунок на шкуре, по которому их можно безошибочно различать.

18 ноября. Отдыхаем на Кабуси, медленной узкой речке. Она впадает в Чунгу в четверти мили отсюда. Чунгу широка, но забита деревьями и водяными растениями: *Sapota, Eschinomenae,* папирусы и т. д. В свободной части ширина течения восемнадцать ярдов, глубина по пояс. Чтобы добраться до свободной воды, пришлось идти около ста ярдов по воде, доходившей то до середины бедра, то до пояса. Чунгу сливается с Мандапалой, и объединенное течение впадает в Мверу. Здесь, на Чунгу, умер д-р

Ласерда. Сведения, которые я получаю у жителей, путаные. Вот что я собрал по частицам от многих. С вождем страны Касембе были в то время люди из Уджиджи.

Португальцы начали сражаться с людьми из Уджиджи, но Касембе сказал им и португальцам: «Вы все мои гости, к чему вам сражаться и убивать друг друга?» Затем он дал Ласерде десять рабов и людей, которые жили бы с ним, работали на постройке хижин, носили дрова и воду и т. д. Подобные же подарки Касембе сделал и людям из Уджиджи, и они успокоились. Ласерда умер, пробыв на Чунгу всего лишь десять дней. Место, где он скончался, находится на 9°32′ ю. ш., а не на 8°43′ ю. ш., как показано на карте Эрроусмита. Раздоры возникли из-за того, что кто-то из людей Ласерды убил одного из уджиджи на берегу реки. Конечно, это должно было стать препятствием для передвижения португальцев.

К западу от Чунгу повсюду встречается масличная пальма, но к востоку от реки этого дерева нет. Население употребляет в пищу пальмовое масло, оно очень вкусное и нежное. Это замечательный факт – ведь здесь мы находимся на высоте в 3350 футов над уровнем моря.

Среди негров к западу от страны Нсамы очень часто слышишь восклицание «Аллах!» По совету проводника, взятого нами в Кифурве, я послал Касембе восемь ярдов коленкора, извещая вождя о нашем предстоящем приходе. В данном случае подобное извещение было совершенно излишним, так как, говорят, Касембе получает сведения через бегунов-скороходов о каждом этапе нашего продвижения после перехода через Колонгоси.

Мы остаемся на Чунгу, пока Касембе не пришлет одного из своих советников, чтобы проводить нас до города. Небо беспрерывно покрыто облаками, и мы не можем поэтому отметить пройденный путь, а густой лес мешает увидеть озеро Мверу. Все время идут дожди и гремит гром, впрочем, там, где мы проходили, дождь выпадал редко.

При переходе через Чунгу видел белоголовую ласточку (*Psalidoprocne albiceps*), реявшую у поверхности реки. Почва здесь очень богатая. Земляные орехи во владениях Касембе крупнее всех, какие я видел, касава тоже. Купил немного больше пинты пальмового масла за два фута коленкора.

К нам пришел с визитом красивый молодой человек, сын вождя, предшественника нынешнего. Этот молодой человек сейчас в тени, не то он проводил бы нас в деревню: здесь сын не наследует вождю.

21 ноября. Река Лунда протекает в пяти милях от Чунгу. Там, где мы перешли через нее, ширина ее шесть ярдов, но дальше

вниз по течению она шире. На дне бьют родники. Перейдя реку, мы вышли на широкую равнину, поросшую кустарником; деревья на ней все срублены на постройки деревни. Когда умирает вождь Касембе, наследующий ему неизменно переносит свой двор, *пембве*, на новое место. Когда умер Ласерда, Касембе переселился на участок вблизи северной оконечности озера Мофве. Всего было до сих пор семь Касембе. Слово *касембе* значит «генерал».

От реки Лунды до города Касембе расстилается равнина, довольно густо усеянная красными муравейниками, вышиной от пятнадцати до двадцати футов. От города до Лунды Касембе проложил широкую дорогу длиной приблизительно в полторы мили и достаточной ширины для проезда повозки. Резиденция вождя окружена стеной из тростника высотой в восемь-девять футов. Въезд украшен примерно шестьюдесятью человеческими черепами. Посреди дороги перед воротами стоит навес с пушкой, убранной в яркие ткани. Группа шумных парней остановила нашу партию и потребовала дань в честь пушки. Я прорвался сквозь эту группу, остальные последовали за мной, не дав им ничего. Город стоит на восточном берегу маленького озера Мофве, в одной миле от его северного конца. Здесь нас встретил Мохамад бин Салех; люди его стреляли из ружей, приветствуя нас. Он отвел нам временно хижину, пока мы не сможем построить собственную. Мохамад – видный черный араб с приятной улыбкой и совершенно белой бородой; в этих местах он уже свыше десяти лет и пережил четырех Касембе. Влияние его здесь и на Танганьике значительно.

Арабский торговец Мохамад Богариб, прибывший сюда за семь дней до нас с огромным числом рабов, устроил в нашу честь ужин из вермишели, растительного масла и меда, было подано также приготовленное из муки касавы нечто вроде сладкого блюда (я не пробовал меда или сахара, с тех пор как мы покинули озеро Ньяса, в сентябре 1866 г.). Был также кофе.

Здесь не приживаются ни козы, ни овцы, ни крупный рогатый скот, жители довольствуются домашней птицей и рыбой. Широко развита культура маниока (касавы); в городе вокруг каждой хижины возделанный участок, на котором растут касава, *Holcus sorghum*, кукуруза, бобы, орехи.

Мохамад сообщил также сведения о реке Луапуле и озере Бемба, но добавил, что Чамбези в том месте, где мы перешли ее, и есть Луапула, по-иному именуемая до впадения в озеро Бемба (или Бангвеоло). По выходе из озера река поворачивает назад и течет на север, называясь уже Луапула, и, не приближаясь к озеру Мофве, направляется в Мверу; выйдя из Мверу, у его северо-западного конца она становилась Луалабой, течет в сторону Руа,

образует там озеро, а затем впадает в другое озеро за Танганьикой.

Маленькое озеро Мофве в период дождей переполняется и разливается далеко за пределы своих берегов, удлиняясь к западу. Ежегодно здесь убивают много слонов, бродящих по болотистой равнине, когда она покрыта коркой. Если бы Мофве соединялось с озером Мверу, то воды разлива стекали бы в Мверу.

В деревне Касембе встречается много людей с отрезанными ушами и отрубленными кистями рук, нынешний вождь виновен в многочисленных случаях этого варварства.

Около нас крутится карлик по имени Зофу, у него сломан позвоночник. Разговаривает он с начальническим видом и появляется при всех общественных событиях. Народ, видимо, терпит его присутствие. Он чужак, из северного племени. Карлик очень живо работает на своем участке. Рост его три фута девять дюймов.

Глава 10

24 *ноября 1867 г.* Нас позвали на торжественный прием, чтобы представить вождю Касембе.

Внешность у нынешнего Касембе тяжелая, неинтересная: у него нет ни бороды, ни усов, лицо несколько китайского типа, глаза косят в разные стороны. За весь день он улыбнулся только один раз довольно приятной улыбкой, хотя отрезанные уши и отрубленные руки, да еще человеческие черепа у ворот не располагали меня к нему. Когда Касембе удалился, пришла его главная жена со своей свитой, чтобы поглядеть на англичанина (*моэнгересе*). Жена вождя – высокая дама с хорошими чертами лица, она держала в руке два копья. Важные лица, пришедшие на прием, расступились перед ней и призвали меня приветствовать ее. Я так и сделал, но так как она была от меня в сорока ярдах, я невольно сделал ей знак подойти поближе. Это нарушило серьезность свиты, все расхохотались и убежали.

Карлик сделал несколько уродливых скачков в присутствии Касембе и вызвал этим его улыбку. Палач Касембе подошел поближе, чтобы лучше нас рассмотреть; он держал на плече широкую саблю, какую носят в Лунде, а на шее у него висел странный, похожий на ножницы, инструмент для отрезания ушей. Я сказал ему, что у него скверная работа. Он улыбнулся, и с ним вместе улыбнулись многие, не уверенные в своих ушах ни на одну секунду. Глядя на многих почтенных людей, видишь, что когда-то и они подверглись этому наказанию. Касембе прислал нам еще корзину сушеной рыбы в добавление к той, которая была прислана на Чунгу, две корзины муки, одну корзину сушеной касавы и горшок пива помбе. Мохамад считает нынешнего Касембе прижимистым, лишенным и щедрости, и здравого смысла. Но мы не в состоянии съесть все, что он нам дает, и поэтому не жалуемся.

27 ноября. Главную жену часто приносят на ее плантацию в паланкине, который держат шесть или чаще двенадцать человек. У нее европейские черты лица, но цвет кожи светло-коричневый. Впереди бегут несколько человек, потрясая саблями и боевыми топорами; один из них бьет в полый инструмент, извещая прохожих, что они должны дать дорогу. У жены Касембе две огромные трубки, набитые табаком, готовые для курения. Она очень усердно занимается своим сельским хозяйством. Главная культура – касава, кроме того, выращиваются сладкий картофель, кукуруза, сорго, просо, земляные орехи, хлопок. Народ здесь, по-видимому, самый дикий из всех виденных мной: они зверски

бьют друг друга, просто так, без всякой причины, но со мной они вполне вежливы.

Мохамад бин Салех намеревается в следующем месяце отправиться в Уджиджи. Когда он узнал, что мы идем сюда, он задержался и подождал нас, чтобы идти вместе. Мохамад весьма низкого мнения о нынешнем вожде.

Площадь, использованная в различные времена для постройки города, имеет в диаметре около десяти миль.

Мофве – мелкое озеро шириной около двух миль, длиной в четыре мили или несколько меньше; на нем множество заросших осокой островков, где водится водоплавающая птица; некоторые островки достаточно велики, чтобы их можно было возделывать. Дно озера илистое, но у восточного берега песчаное. С Луапулой озеро не сообщается.

28 ноября. Говорят, что Лунда, Чунгу и Мандапала соединяются и, слившись, текут в Мверу. Озеро Мофве изобилует рыбой (окунь). На западной стороне есть роща масличных пальм, а еще дальше к западу, милях в пятнадцати – двадцати от озера, поднимается длинный горный хребет страны Руа.

1 декабря 1867 г. Земля, на которой Касембе построил свою деревню, принадлежит старику по имени Перембе. Здесь всегда сохраняется традиционное право собственности на землю. Брат Перембе Мононго владеет землями к востоку от Колонгоси. Если кто-либо захочет возделать участок земли, он должен обратиться за разрешением к этим вождям.

Я попросил одного из людей Касембе провести меня к южному концу озера Мверу, но он советовал мне туда не ходить, так как кругом болота. Болота образуются водами рек Лунда, Луапула и Робукве. Человек этот сказал, что пришлет людей проводить меня на Мверу к месту, расположенному на юг отсюда. Южный конец Мверу находится на 9°30′ ю. ш.

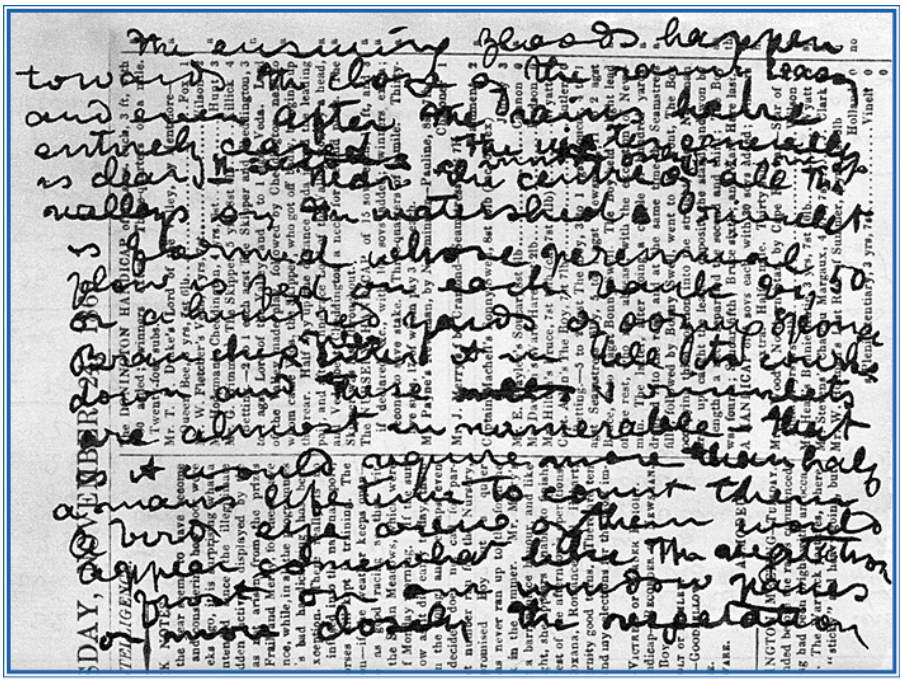
Старик Перембе рассуждает здраво. Мохамад считает, что Перембе 150 лет. Он всегда выказывает себя сторонником щедрости и честности. По его словам, первого Касембе привлекло на Мофве изобилие рыбы. Перембе думает, что все люди произошли от одной пары.

7 декабря. Небо здесь все время затянуто облаками. Невозможно производить наблюдения, так как во второй половине дня и ночью всегда облачно (8 и 11 декабря). Вчера вечером небо очистилось, но перемежающаяся лихорадка не дала мне возможности выйти.

13 декабря. Непрерывный дождь. Несколько славных молодых женщин, живущих на огражденной площадке Касембе, пришли и приветствовали нас на свой лад: переносили правую руку налево

и сжимали руки, затем хлопали несколько раз в ладоши и повторяли то же движение, но уже перенося левую руку направо.

15 декабря. Сегодня объявил Касембе, что мы собираемся уходить. Два араба-торговца получили от него такой же ответный подарок, какой получил я, – козу, рыбу, муку и касаву. Когда не работаю, всегда болею. Все время провожу за писанием писем, чтобы они были готовы к приходу в Уджиджи.



Записи Д. Ливингстона, сделанные чернилами поверх газетной статьи

18 декабря. Мы здесь уже месяц, а лунные наблюдения я смог произвести только два раза. Касембе прислал большую корзину сушенной на огне рыбы, два горшка пива и корзину касавы; он сказал, что мы можем уходить, когда пожелаем.

19 декабря. Ходил прощаться с Касембе. Он старался быть с нами любезным, сказал, что мы мало ели его пищу, и затем отпустил. Касембе послал за человеком, который должен был сопровождать нас.

22 декабря. Направились к реке Лунде, перешли через нее и отправились ночевать на Чунгу. Кругом много масличных пальм, но нет никаких преданий о том, как была занесена сюда эта культура.

23 декабря. Перешли через Чунгу. Сверху льет дождь, снизу я

холодный и мокрый по пояс; рубашку не задираю из-за того, что все пялят глаза на мою белую кожу. Видел здесь черных обезьян. До впадения Чунгу в озеро Мверу в нее вливаются Кальюси и Мандапала. Касембе говорил, что Лунда впадает в Мофве; другие отрицали это, утверждая, что она образует болото и множество луж среди высокой травы; но возможно, что оттуда воды Лунды просачиваются в Мофве. Касембе прислал трех человек проводить меня на Мверу.

24 декабря. Моросит дождь. Сидим в гнусном месте на Кабуси в зарослях папоротников высотой в четыре фута. Проводники отказываются двигаться с места в такую погоду. Выдал бусы на покупку чего-нибудь, что достанут, к Рождеству.

25 декабря. Время от времени моросит дождь. Земля превратилась в черную грязь.

Около десяти человек пришли к Мохамаду; это проводники и почетный эскорт.

27 декабря. Через два часа после выступления перешли Мандапалу; глубина ее в месте перехода по пояс. Пять лет назад эти места были густо заселены, но жестокость Касембе, отрезавшего уши и калечившего людей другими способами, продававшего детей за небольшие провинности родителей и т. п., заставила жителей бежать к соседним племенам. Сейчас если бы он разослал гонцов по всей стране, то не смог бы собрать и тысячу человек.

Город Касембе, 10 декабря 1867 г.[27]

9°37′13′′ ю. ш, 28° в. д.

Достопочтенному эрлу Кларендону.

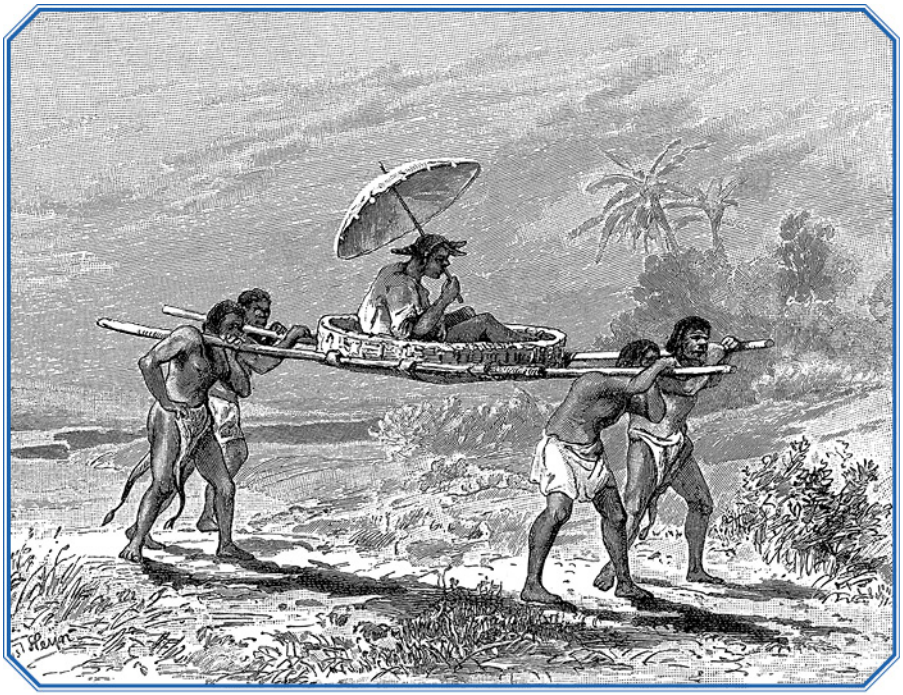
Милорд, в первый раз возможность послать письмо на берег моря появилась у меня в феврале этого года, когда я находился в деревне Молемба (10°14 ю. ш., 31°46 в. д.) в стране Лобембе. Лобиса, Лобемба, Улунгу и Итава-Лунда – все это названия областей возвышенной местности между 11-м и 8-м градусами южной широты и меридианами, проходящими через 28-й и 33-й градусы восточной долготы. Высота этой возвышенной страны над уровнем моря колеблется от 4000 до 6000 футов. Местность почти везде покрыта лесом, хорошо орошена множеством речек и сравнительно прохладна. Почва очень богата и везде, где она возделывается, дает обильные урожаи. Страна находится на водоразделе между Луангвой, притоком Замбези, и несколькими реками, текущими на север. Из последних наибольшего внимания заслуживает река Чамбези, так как она участвует в образовании трех озер; название ее меняется три раза на протяжении пятисот или шестисот миль течения.

Покинув Лобембу, мы вошли в Улунгу и, продвигаясь на

север, заметили по показаниям барометров и по течениям многочисленных речек, что имеется определенный уклон в этом направлении. Дружественный старый вождь Улунгу по имени Касонго, узнав, что я хочу посетить озеро Льемба, расположенное в этой стране, дал мне в проводники к озеру своего сына с большим эскортом, и 2 апреля мы достигли края глубокой чашеобразной впадины, в которой покоится озеро. Высота спуска к озеру составляет 2000 футов, и все же поверхность воды находится на высоте более 2500 футов над уровнем моря. Склоны впадины очень крутые: скалы иногда обрываются на всю высоту в 2000 футов перпендикулярно вниз до самой воды. Нигде от подошвы скал до берега озера нет и трех миль ровной местности, тем не менее прибрежные вершины, склоны и низ впадины покрыты высоким лесом и травой, только в нескольких местах выступает голый камень. Пейзаж чрезвычайно красив. Горный поток Аизе, шириной в пятнадцать ярдов и глубиной по бедро, сбегал вниз рядом с нашей круто спускающейся тропой, образуя водопады высотой по триста футов. Эти водопады и ярко-красные глинистые сланцы, выделяющиеся на фоне зелени, заставляли даже самых невпечатлительных из моих спутников останавливаться в изумлении. На крутых склонах во множестве водятся антилопы, буйволы и слоны. Вода озера кишит бегемотами, крокодилами и рыбой. Антилопа гну здесь неизвестна, эти животные могут доживать до старости, если не попадутся в ямы-ловушки. Слоны иногда поедают посевы и хлопают своими громадными ушами у самых деревенских частоколов. Один слон убрался с нашей дороги на сравнительно ровный участок и, стоя там, ревел на нас. В других местах при виде людей слоны обращаются в бегство.

Около первой деревни на берегу озера, в которую мы пришли, растет роща масличных пальм и других деревьев. Эта масличная пальма не относится к тому карликовому виду, который мы видели на озере Ньяса. Через двери моей хижины внесли гроздь плодов этой пальмы, и несли эту гроздь два человека. Большинство здешних негров живет на двух островах, где они возделывают землю, разводят коз и ловят рыбу. Озеро невелико – от пятнадцати до двадцати миль в ширину и от тридцати до сорока в длину. Оно принимает в себя воды четырех значительных рек. От него отходит на север-северо-запад рукав шириной в две мили, говорят, к озеру Танганьика, и описываемое озеро, может быть, ответвление Танганьики. Одна из рек, Лонзуа, вливает в озеро плавный поток воды шириной в пятьдесят и глубиной в двадцать ярдов, который несет на поверхности ряску и травяные островки. Я видел устья других рек, но достаточно

близко для обмеров подошел только в реке Лофу. У брода в пятидесяти милях от впадения в озеро Лофу в сухой период имела ширину сто ярдов и глубину по пояс.



Африканский паланкин. *Гравюра XIX в.*

Мы оставались на берегах озера шесть недель, пытаясь поправиться и набраться сил. В Улунгу прибыла партия арабов, искавшая слоновую кость; услышав, что здесь до их прихода появился англичанин, арабы, естественно, осведомились, где я нахожусь. Но наши друзья белунгу, подозревая арабов в дурных намерениях, категорически отрицали, что они нас видели, а потом стали настаивать, чтобы я отправился на один из обитаемых островов, где буду вне опасности. С сожалением признаюсь, что я заподозрил их в намерении сделать меня там своим пленником: это легко было осуществить, удалив оттуда каноэ. Но когда обманувшие арабов деревенские жители потом с торжествующим видом говорили мне, как ловко им удалось схитрить, я понял, что они просто беспокоились о моей безопасности.

Такое дружественное отношение ко мне было проявлено трижды. Когда мы отправились в обход озера по западной стороне, чтобы осмотреть рукав, о котором я упомянул выше,

вождь деревни, расположенной у впадения в озеро реки Лофу, так резко возражал против моего дальнейшего похода (там шли бои с арабами, и меня могли бы принять за араба и убить), что я был склонен поверить ему. В тот же день в деревню пришли два принадлежащих арабам раба, искавшие слоновую кость. Они подтвердили все, что говорил вождь. Тогда мы изменили свой маршрут, намереваясь направиться на юг, в обход неспокойного района. Пройдя шестьдесят миль, мы узнали, что штаб арабов находится в двадцати двух милях. Они нашли в этих местах очень дешевую слоновую кость и стали продвигаться на запад, пока на них не напал вождь Нсама, которого они разбили в его укрепленной деревне. Теперь арабы не знали, в какую сторону повернуть.

Достигнув деревни вождя Читимбы (8°57′55″ ю. ш.; 30°20′ в. д.), я застал там арабов, их было около шестисот. Я предъявил письмо, данное мне султаном Занзибара, и меня немедленно снабдили провизией, бусами и тканями. Арабы одобрили мой план пройти южнее владений Нсамы, но советовали подождать, пока не станут известны результаты карательных мер, которые белунгу решили принять против Нсамы за то, что он нарушил международный закон: считалось, что всякий, привозящий товары в какую-либо страну, должен пользоваться защитой. И вот через два часа после моего прихода в деревню Читимбы туда вступил со своим отрядом сын Касонсо, наш проводник. Предполагали, что Нсама может убежать. Если он уйдет на север, то очистит для меня свободный проход через свои владения; если на юг, то меня постараются уберечь от опасности попасть в его руки. Но оказалось, что Нсама хочет мириться. Он прислал двух человек со слоновыми бивнями, чтобы начать переговоры. Однако арабы заподозрили обман и застрелили посланных. Нсама сделал еще одну попытку, прислав десять коз, но и их не приняли. Арабские начальники были очень недовольны неудачей этих попыток. К счастью для меня, арабские товары еще не были распроданы. Озеро Мверу находится в стране Нсамы; без заключения мира невозможно было покупать слоновую кость, а я не мог бы достигнуть озера. Однако заключение мира между населением и арабами было очень медленным делом и заняло три с половиной месяца, воюющие должны были при заключении мира пить кровь друг друга. Обряд этот, который я видел в 1854 г. к западу от этих мест, не более страшен, чем гомеопатический прием белладонны и стрихнина в тридцатом разведении. Я думаю, что, будь я арабом, я легко бы перенес подобную операцию, но не следующий за ней обычай скрепления мира – женитьбу на негритянке. Невестой была дочь Нсамы, оказавшаяся, впрочем, очень

хорошенькой. Она прибыла «верхом», на плечах несшего ее мужчины. Это наиболее торжественный способ передвижения, каким располагают вожди и члены их семейства. С невестой было десять прислуживающих ей женщин, каждая из которых несла корзинку с провизией; все они были так же красивы, как и она. Она стала женой главного начальника арабов, но вскоре показала, что предпочитает отца своему мужу, так как, заметив приготовления арабов к отправке людей для покупки слоновой кости и заподозрив, что готовится нападение на ее отца, бежала к нему. После этого я нанес визит Нсаме. Поскольку он возражал против приближения к нему большого числа людей, я взял только троих из своих восьми человек. Люди Нсамы очень боятся огнестрельного оружия и ощупали мою одежду, чтобы проверить, не спрятал ли я его на себе.

Нсама – старик, голова и лицо его похожи на те, какие высечены на ассирийских памятниках. В свое время Нсама был великим завоевателем и, вооруженный луками и стрелами, был непобедим. Рассказывают, что он уничтожил многих местных торговцев с озера Танганьика, однако двадцать арабских ружей заставили его бежать из собственной укрепленной деревни. Это вызвало сенсацию по всей стране. Нсама очень заинтересовался моими волосами и шерстяной одеждой, но его люди, не обращая внимания на то, что он ругал их, так мешали нам, что мы не могли беседовать. Он обещал прислать за мной, чтобы поговорить ночью, и на этом свидание закончилось. Нсама обещал дать нам проводников на озеро Мверу и прислал нам столько провизии, что мы не могли ее унести. Однако он относился к нам столь подозрительно, что мы в конце концов ушли без всякой помощи с его стороны.

Народ в стране Нсамы исключительно красив. Головы у многих мужчин такой красоты, какую можно встретить в собрании европейцев. У всех хорошие фигуры, маленькие руки и ноги. Здесь не увидишь той уродливости, какую встречаешь на Западном берегу, породившую наши основные представления о наружности негров. Выдающиеся вперед челюсти или пятки не оскорбляют глаз. Мои собственные наблюдения усилили то впечатление, которое создалось у меня при чтении замечаний Уинвуда Рида, что типичного негра мы видим в древнем египтянине, а не в малопривлекательной внешности людей, выросших в нездоровых болотах Западного берега. Действительно, вполне вероятно, что эта возвышенная лесистая область и есть истинная родина негров. Женщины вызывали восхищение арабов. У них тонкие, мелкие, красиво вылепленные черты лица; единственный недостаток их внешности порожден

модой, которая у каждого племени своя: эти легкомысленные особы запиливают зубы острием, и от этого улыбка их похожа на крокодилову.

Страна Нсамы называется Итавой, главный город ее расположен на 8°55 ю. ш. и 29°21 в. д. Густонаселенная Итава во многих районах основательно очищена от леса для земледелия. Страна лежит на меньшей высоте, чем Улунгу, в основном на высоте 3000 футов над уровнем моря. Длинные гряды поросших деревьями гор, поднимающихся на 600–700 футов над денудационными долинами, лишают пейзаж монотонности. Крупная дичь водится здесь в изобилии. На длинных склонах берегов реки Чисеры шириной в полторы мили паслось множество слонов, буйволов и зебр. Идя к северу, мы пересекли эту реку, похожую скорее на болото, заросшую папирусом и тростником. Мы переходили Чисеру вброд по слоновой тропе. Корни папируса, которые для этих животных образуют ковер, были острыми и неприятными для наших ног, обычно защищенных башмаками; это заставляло нас отдергивать поставленную ногу, и мы нередко сваливались в глубокие, по грудь, ямы. К западу от этих мест Чисера образует большое болото и отдает свою воду реке Колонгоси, питающей озеро Мверу.

Арабы разослали людей во все стороны закупать слоновую кость; победа над Нсамой вызвала панику среди племен, и нельзя было никакими словесными заверениями заставить ее улечься. Если Нсама был разгромлен двадцатью арабами с ружьями, то никто не сможет устоять перед ними, кроме Касембе, а он отдал строгий приказ своему народу не позволять арабам, сражавшимся с Нсамой, вступить в страну Касембе. Арабы не пытались пробить себе дорогу силой; они посылали дружественные послания и подарки разным вождям и, если вождь не принимал их охотно, сворачивали в другую сторону; наконец, отчаявшись в возможности достать еще слоновую кость, арабы повернули домой. С начала и до конца они были чрезвычайно предупредительны по отношению ко мне и выказывали должное уважение к письму султана. Я был свидетелем того, как они покупают слоновую кость и рабов. Их действия были полной противоположностью жестоким поступкам торговцев из Килвы, которые считаются подданными того же султана. Если бы кто-либо захотел нарисовать картину работорговли в ее самом привлекательном, вернее, в наименее отталкивающем виде, то ему следовало бы сопровождать этих джентльменов, подданных султана Занзибара. Если бы кто-либо захотел описать торговлю в этих местах в ее самых отвратительных формах, то он должен был

бы следовать за торговцами из Килвы по дороге па озеро Ньяса или за полукровками-португальцами из Тете на реку Шире.

Держась севернее всех владений Нсамы и двигаясь на запад, наша маленькая партия 8 ноября достигла северного конца озера Мверу. Это довольно большое водное пространство, шириной в двенадцать миль или более, окаймленное на востоке и на западе высокими, поросшими лесом хребтами. Западный хребет более высокий и составляет часть страны, называющейся Руа-Мверу. Из северо-западного конца озера вытекает река Луалаба; на восточной стороне вблизи ее середины в озеро впадает река Колонгоси (в арабском произношении Карунгвеси), а на южном конце – реки Луапула и Робукве.

Наиболее интересная особенность озера Мверу в том, что оно представляет собой одно из звеньев в цепи озер, связанных между собой рекой длиной около 500 миль. Начинается эта река, под названием Чамбези, в стране мамбве, к северо-востоку от Молембы. Затем она течет на юго-запад и запад, пока не достигнет 11° ю. ш. и 29° в. д., где образует озеро Бемба (Бангвеоло). По выходе из озера река получает новое имя, Луапула, и течет в здешние места, где впадает в Мверу. Вытекающая далее из этого озера река называется уже Луалабой и течет на северо-запад в Руа, где образует еще одно озеро с многими островами. Это озеро называется Уренге (Уленге). Другие сведения не вполне определенно говорят о том, что река впадает не то в озеро Танганьика, не то в другое озеро, за ним. Когда я переходил через Чамбези, то из-за сходства названий вообразил, что это приток Замбези. Однако местные жители сказали мне: «Нет. Эта река течет на юго-запад и образует там очень большое озеро». Но у меня укоренилась мысль, что озеро Льемба – это то озеро Бемба, о котором я слышал в 1863 г., к тому же мы так изголодались на юге, что я с радостью обратил лицо к северу. Похожее на реку продолжение Льембы, может быть, идет к Мверу или в другое место, к которому я не могу пройти, следуя рукаву. Я направился к озеру Мофве, где сейчас нахожусь. Со времени прихода в город Касембе я получаю столь сходные сведения от местных жителей и арабов, что не могу сомневаться в их точности: они говорят, что я нахожусь всего в десяти днях пути от озера Бемба, иначе называемого Бангвеоло. Я так устал от исследовательских походов, не получая в течение двух лет ни слова из дома и вообще ниоткуда, что должен отправиться в Уджиджи на Танганьике за письмами, прежде чем предпринять что-либо. Мне сообщили, что берега озера Бангвеоло и соседние с ним территории очень болотистые и нездоровые. У меня нет лекарства. Население здесь очень страдает от опухоли

щитовидной железы (зоба) и слоновой болезни; сейчас период дождей, очень для меня опасный.

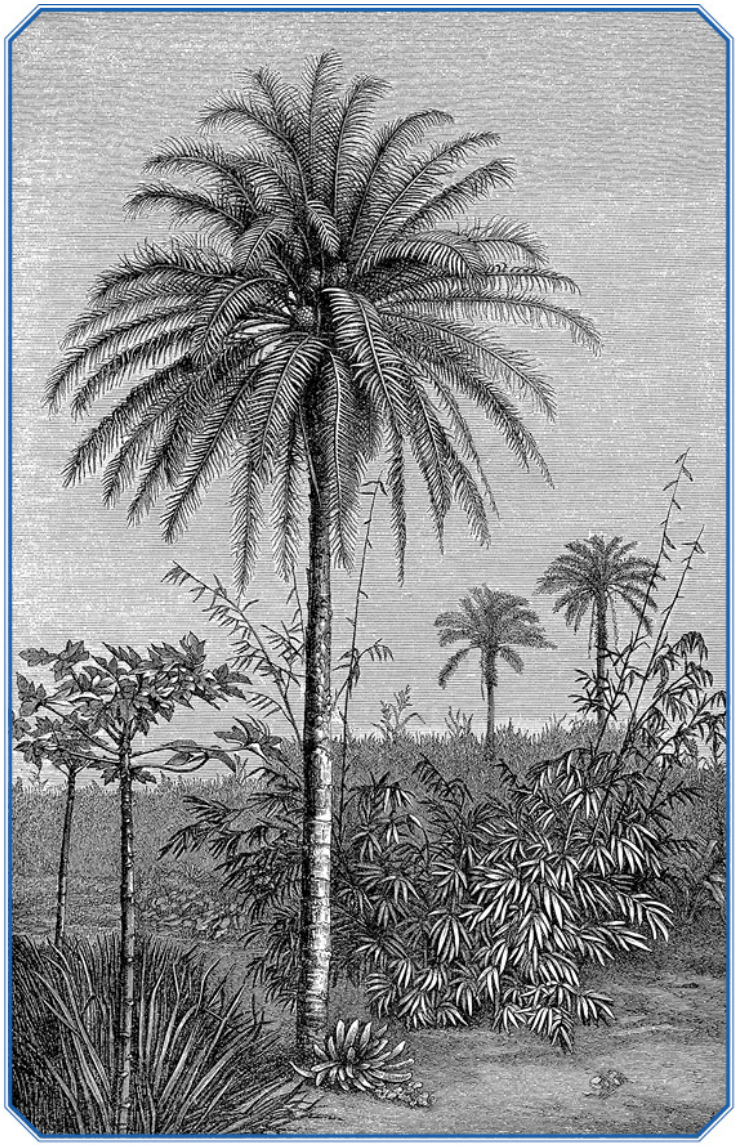
Когда мы были на южном конце Мверу, то от нас до города Касембе было столь близко, что казалось, есть смысл тут же установить, какова длина озера, и заодно посетить Касембе. Мы пошли на север между двумя хребтами гор, идущими вдоль восточной стороны озера, но горы и долины так заросли высоким лесом, что сквозь него редко проглядывало озеро. Города Касембе мы достигли 28 ноября. Он стоит близ северного конца маленького озера Мофве, шириной от одной до трех миль и длиной в шесть или семь; в озере полно заросших осокой островков и много рыбы. Местность здесь совершенно ровная, но в пятнадцати или двадцати милях на запад от Мофве, в Руа, виден длинный горный хребет. Между этим хребтом и Мофве протекает к озеру Мверу река Луапула. Озеро называется Мверу оката (великое Мверу), так как длина его около пятидесяти миль.

Город Касембе представляет собой плантацию касавы, длиной и шириной в милю, хижины разбросаны по всей этой площади. Некоторые из них окружены квадратными дворами, огороженными тростником, но никаких попыток расставить жилища в каком-нибудь порядке не делалось; все это можно скорее назвать деревней, чем городом. Нельзя было даже приблизительно определить количество населения путем подсчета хижин; они расположены беспорядочно и заслонены касавой. Но по моему впечатлению, основанному на подсчете жителей других подобных скоплений хижин, население города меньше тысячи душ. Двор, или огороженная площадка Касембе – некоторые назвали бы это дворцом, – прямоугольный участок размером триста ярдов на двести. Его окружает высокая тростниковая изгородь. Внутри, где Касембе устроил в мою честь торжественный прием, стоит гигантская хижина самого вождя и десятка два маленьких хижин для прислуги. Хижина королевы сооружена позади хижины вождя и тоже окружена рядом маленьких хижин. Большая часть огороженного пространства занята плантацией касавы, *Curcus purgaris* и хлопка.

Касембе сидел перед своей хижиной на квадратном сиденье, поставленном на львиные и леопардовые шкуры. Он был одет в одежду из грубого манчестерского ситца, синего с белым, с каймой из красной байки, уложенную крупными складками, так что она была похожа на кринолин, повернутый задом наперед. Руки, ноги и голова его были прикрыты рукавами, поножами и шапкой, сделанными из разноцветных бус, снизанных в красивые фигуры. Поверх шапки была надета корона из желтых перьев. Каждый из его сановников выходил вперед под громадным, плохо

сделанным зонтиком в сопровождении своих подчиненных, отвешивал поклон Касембе и усаживался по правую или левую руку от него. То же сделали музыканты из оркестра. Меня вызвали, я встал и поклонился. Старый советник с обрезанными ушами сделал вождю доклад, насколько мог подробный, о том, что он смог во время нашего пребывания узнать об англичанах вообще и о моем прошлом в частности.

Очень большое внимание возбудило сообщение, что я прошел через страну Лунда, к западу от владений Касембе, и посетил вождей, о которых он почти ничего не знает. Затем Касембе заверил меня, что я желанный гость в его стране, могу ходить, куда пожелаю, и делать, что хочу. Мы пошли во внутреннее помещение (два мальчика несли за Касембе его шлейф), где были разложены все мои подарки. Он уже раньше сам осматривал их, и мы знали, что он остался доволен. Подарки состояли из восьми рядов шерстяной саржи оранжевого цвета, большой полосатой скатерти, еще одного большого куска ткани манчестерского изготовления, имитирующей материю Западного берега, африканской выработки; эти материи неизменно вызывают восхищение арабов и африканцев; кроме того, большой, богато позолоченный гребень для узла прически, какой носили леди пятьдесят лет назад. Его подарил мне один мой приятель из Ливерпуля, и так как Касембе и люди Нсамы отращивают себе волосы и собирают их сзади в узел, то я был уверен, что этот предмет будет в его вкусе. Касембе выразил свое удовольствие и снова приветствовал меня как желанного гостя.



Папайя, масличная пальма и маниок (слева направо).
Изображение из этнографического издания XIX в.

У меня было еще одно свидание с Касембе, когда я пытался уговорить его не продавать своих людей в рабство. Некоторое время он слушал меня, потом разразился тирадой о величии своей страны, о своей власти и могуществе; но Мохамад бин Салех, живущий здесь уже десять лет, высмеял его и вызвал смех присутствующих, рассказав, как другие вожди в стране Лунда дарили мне быков и овец, а у Касембе для подарка была только жалкая козочка и немного рыбы. Мохамад также заявил, что на

свете есть только два настоящих государя – султан Занзибара и королева Виктория. Когда мы пришли в третий раз, чтобы попрощаться с Касембе, он держался далеко не с такой важностью, и у меня создалось впечатление, что я мог бы скоро с ним подружиться. Вход в его двор украшен множеством черепов, и у большого числа его сановников обрезаны уши, а у некоторых отрублены руки; это показывает, какими варварскими способами он добивается усердия в работе и честности своих министров. Я не мог удержаться от неприязни к нему.

Португальцы побывали у Касембе уже давно. Однако, так как каждый новый Касембе строит себе новый город, нелегко установить точно место, куда приходили чужестранцы. Города последних семи Касембе располагались в пределах семи миль от нынешнего дворца. Из посетивших Касембе путешественников единственным, имеющим научную подготовку, был Ласерда, губернатор Тете на Замбези. Он умер на речке Чунгу в трех или четырех милях отсюда. Место это называется Ншинда, или Инчинда; в записях португальцев оно обозначено как Лусенда, или Усенда. Широта указана в этих записях с ошибкой почти в пятьдесят миль, но африканцы говорят, что Ласерда прожил всего десять дней после своего прибытия. Вполне вероятно, что во время последних наблюдений голова его уже была затуманена лихорадкой. Кому приходилось испытывать, что это значит, тот охотно извинит любую сделанную им ошибку. Целью прихода Ласерды было осуществление давнишнего желания португальцев создать трансконтинентальное сообщение между их западными и восточными владениями. Такое путешествие не было совершено ни одним португальцем, но два черных торговца частично осуществили подобный переход, пройдя один раз от Касанги в Анголе до Тете на Замбези и возвратившись назад с письмом от губернатора Мозамбика.

Разные Касембе, которых посетили португальцы, видимо, сильно отличались друг от друга по характеру и в других отношениях. Первый посетивший Касембе путешественник, Перейра, говорит (цитирую по памяти), что у вождя было 20 000 обученных солдат; улицы города поливались ежедневно, и каждый день Касембе приносил в жертву двадцать человек. Сейчас я ничего не слышал о человеческих жертвоприношениях, и сомнительно, может ли нынешний Касембе выставить сейчас тысячу человек, даже не знающих строя. Когда пять лет назад нынешний Касембе захватил власть, страна была густо населена, но он применял такие жестокие наказания – обрезал уши, отрубал руки, продавал детей за незначительные проступки родителей, – что подданные его постепенно рассеялись по соседним землям, на

которые его власть не распространялась. Это обычный путь избавления от тирании в подобных местах, где вернуть беглецов никогда не удается.

Нынешний Касембе очень беден. Когда у него еще были люди, убивавшие слонов, он из скупости не делился доходами от продажи слоновой кости со своими подчиненными. Охотники на слонов или ушли от него, или перестали заниматься охотой, и теперь у Касембе нет слоновых бивней для продажи арабам-торговцам, приходящим сюда с озера Танганьика. С третьим португальцем, посетившим Касембе, майором Монтейро, предшественник нынешнего вождя, видимо, обошелся плохо, и с тех пор ни один португалец не рискнул появиться здесь. Они мало теряют от этого, так как Касембе нечего продать, кроме малого количества слоновой кости и рабов.

Приблизительно в одном месяце пути отсюда, на западе, народ Катанги выплавляет медь из руды, отливая металл в большие двутавровые бруски. По всей стране можно видеть такие бруски, весом от пятидесяти до ста фунтов; жители Катанги тянут из меди проволоку для изготовления браслетов, ручных и для ног. В Катанге есть и золото, недавно образцы его были посланы султану Занзибара.

По мере того как мы спускаемся с водораздела к Танганьике, мы вступаем в область земной поверхности, еще подверженную возмущениям от действия внутреннего жара. Во владениях Нсамы есть горячий источник, которым часто пользуются для варки касавы и кукурузы. Землетрясения совсем не редки. Мы испытывали подземные толчки, когда были в деревне Читимбы; землетрясения захватывают и область Касембе. У меня было ощущение, как будто я на лодке в море; хижины не падают, и потому нет чувства опасности. Некоторые толчки произошли ночью; куры раскудахтались. Наиболее интересным следствием пережитого землетрясения явилось изменение хода хронометров. Дождя после землетрясения не было. Кроме меня, никто не имел доступа к хронометрам. Я никогда раньше не слышал о подобном эффекте, и могу здесь отметить, что хронометр, регулярно отстававший на 1,5 секунды в сутки, стал отставать на 15 секунд; другой, отстававший со времени выхода с побережья на 15 секунд, стал отставать на 40 секунд; третий, спешивший на 9 секунд в сутки, совсем остановился. Люди Нсамы приписывают землетрясения действиям горячего источника, так как в этих случаях он течет необычно бурно. Другой горячий источник есть около Танганьики. На берегах Мверу мы прошли мимо еще одного горячего источника.

Мы не могли понять, почему местные жители говорят, что

Мверу больше Танганьики, пока не повидали оба озера. Большее озеро расположено в относительно узкой впадине, и по обе его стороны тянется возвышенная местность, которую всегда видно. Но когда смотришь на Мверу от гор Руа, находящихся на западном конце, то не видишь ничего, кроме озерного горизонта, кажущегося беспредельным. Реки Луапула и Робукве образуют у южного конца озера болото. Касембе уговорил меня не ходить туда, но прислал человека проводить наш отряд в разные места на Мверу, дальше к югу. Судя по высоте, с которой становятся видны южные части озера, ширина его составляет от сорока до шестидесяти миль. Против южного конца гор Руа (9°41′ ю. ш.) ширина озера равна тридцати трем милям. Никто из местных жителей не пытается пересечь озеро даже в этом месте. Рыбная ловля на озере имеет громадное значение для населения, добываемую рыбу возят на большие расстояния.

Среди растительных продуктов этой области меня больше всего заинтересовал особый род картофеля. Он относится не к пасленовым, а к мотыльковым, т. е. к семейству бобовых. Цветы его восхитительно пахнут. Размножается это растение легко, посадкой небольших отрезков корня или стебля. Клубень имеет продолговатую форму, как наш длинный картофель, и в вареном виде обладает в точности вкусом нашего обыкновенного картофеля. В незрелом виде этот картофель горьковат, но его считают полезным. Если съесть кусочек сырого корня, то это хорошо помогает против тошноты. Встречается это растение только в возвышенных областях и, видимо, не может переносить сильную жару. Впрочем, я держал несколько корней его в ящике без земли, который носили по солнцу почти ежедневно в течение шести месяцев, однако всхожесть картофеля не пострадала.

Интересно, что во всех центральных областях Африки хлопок относится к так называемой пернамбукской разновидности. У него длинное прочное волокно, семена располагаются вместе и прилипают друг к другу. Кусты высотой в восемь – десять футов имеют деревянистые стволы. Население изготовляет из этого хлопка прочные полосатые черно-белые шали.

Приятно было во владениях Касембе на высоте более 3000 футов над уровнем моря встретить масличную пальму (*Elais Guineaensis*). Легенд о завозе этой культуры в страну не существует.

Я не посылаю наброска карты, так как еще не прошел достаточного расстояния, чтобы дать связную картину всего водораздела. К сожалению, я не могу рекомендовать ни одну из опубликованных карт, которые мне пришлось видеть, как источник, дающий хотя бы сносное представление об этой стране.

Один смелый составитель карт приделал к северо-западному концу озера Ньяса лишних двести миль; другой составитель поместил в этой же части карты реку, текущую в гору на высоту в 3000–4000 футов, и назвал эту реку Новая Замбези, я думаю, потому, что «старая» Замбези течет с горы вниз. Я проходил по местам, к которым относятся эти выдуманные составителями карт выродки, и не заметил, что иду по воде, пока не увидел карты».[28]

28–31 декабря 1867 г. Пришли на речку Чиронго, затем на Кабукву, где я заболел. Проливные дожди задерживали транспорт с провизией. Вот уже несколько дней, как мне нечего есть, кроме грубо смолотой муки из сорго, и я чувствую слабость. Раньше в походе я шел первым, а теперь – последним. Мохамад угостил меня мелко размолотой кашей и курицей. И я тотчас же почувствовал разницу, хотя и не жаловался на свою грубую пищу. Хорошо, что я не пошел на озеро Бангвеоло: это очень нездоровое сейчас место и для местного населения; боюсь, что без лекарств при переходе вброд через речки я мог бы совсем свалиться. Как я уже отмечал, здешние жители очень страдают от опухоли щитовидной железы (зоба) и от *Elephantiasis scroti.*

1 января 1868 г. Отче всемогущий, прости мне грехи прошедшего года ради твоего сына. Помоги мне работать успешнее в этом году. Если мне в этом году суждена смерть, приготовь меня к ней.

* * *

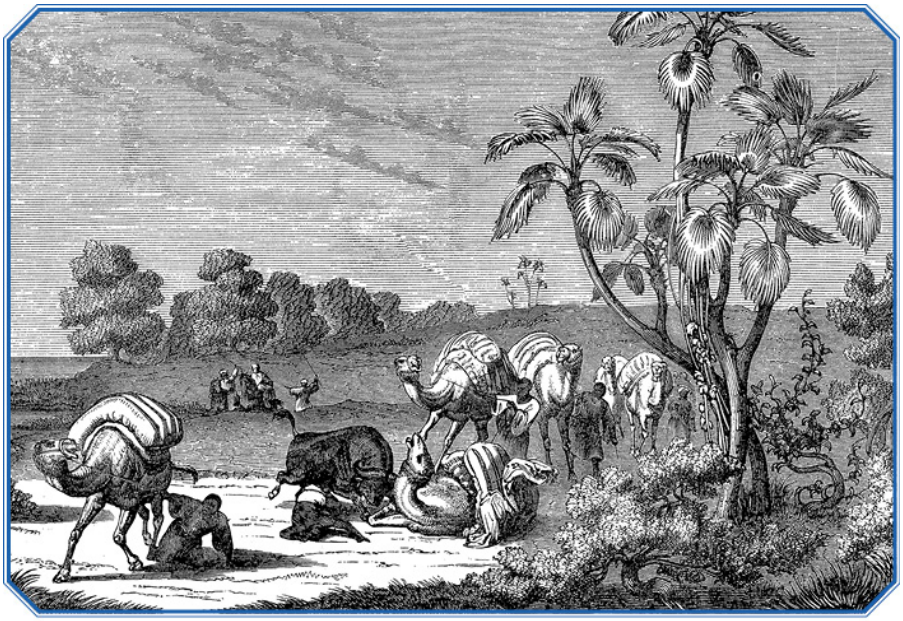
Купил пять мотыг по два-три ярда коленкора за штуку. Размер мотыги тринадцать с половиной на шесть с половиной дюймов. В стране Касембе изготовляют много мотыг, здесь последнее место, где мы можем их найти. Когда придем в Буире, то сможем купить за одну такую мотыгу хорошую козу. Одна из моих коз околела, а другая перестала доиться. Я очень хочу завести других, так как молоко – самая питательная пища, какую я могу достать.

Сегодня пришел мой проводник на озеро Мверу. Я ходил несколько раз на озеро, чтобы получить ясное представление о его размерах. На протяжении первых пятнадцати миль от северного конца ширина озера от двенадцати миль до тридцати трех. Его замыкает большой массив гор Руа. В ясный день видно, что от высшей точки массива идет в глубь страны более низкий хребет, тянущийся на запад-юго-запад; за ним дальше на юг и на запад, насколько хватает глаз, видна только озерная гладь. При

той высоте, с которой мы смотрели, это значит, что ширина озера должна быть больше сорока, может быть, шестьдесят миль. Между реками Мандапала и Кабуква лежит большой остров Кирва. Южнее Кирвы местные жители никогда не пытаются переезжать через озеро. В наш хороший бинокль даже в самый ясный день другой берег не виден. Я понимаю, почему африканцы заявляют, что Мверу больше Танганьики: на последнем озере всегда видны оба берега.

На лугах у Колонгоси один из людей Мохамада застрелил буйвола и дал мне ногу – хорошее сочное мясо. Мы продвигались медленно отчасти из-за дождей, отчасти поджидая транспорт. Жители на Колонгоси боялись переправить на тот берег нас и нашу охрану из людей Касембе. Наконец мы предложили хорошую плату, и их сомнения рассеялись. Помогло также и то, что другие жители деревни готовы были взяться за подобную работу.

Затем мы направились вдоль озера, держась близко к его берегам. Здесь благодаря сырости пышно растут имбирь, папоротники, тропические лесные деревья. Много буйволов, зебр и слонов, а жители деревни вождя Чукоси, где мы ночевали, советовали нам остерегаться львов и леопардов.



Несчастный исход буйволиной охоты. *Гравюра XIX в. Буйволиная охота чрезвычайно опасна. Разъяренный бык в состоянии затоптать или забодать любого, кто попадется на его пути*

12 января. Воскресенье проводим в деревне вождя Карембве. Горы к востоку отсюда называются Макунга. Вчера ходил на берег. По угломерной съемке до репера на Руа тридцать три мили. Карембве прислал за нами, чтобы дать нам аудиенцию. Это грузный мужчина с хриплым голосом, но народ его любит, и он нравится чужестранцам. Я подарил ему отрез ткани, он дал мне козу. Энтузиазм, с которым я настаивал на посещении Мверу, передался Типо-Типо и Саиду бин Али; они последовали за мной до этого места, чтобы увидеть озеро, и оставались здесь пять дней, пока мы были у Касембе. Другие арабы, точнее, суахили, должны были видеть озеро и раньше, но никогда не упоминали о нем как о заслуживающем внимания зрелище; да и эти два начальника нашли время прийти сюда, только когда исчезла последняя надежда на слоновую кость. Население в этих местах большое.

13 января. Сильные дожди. Карембве упомянул об одном любопытном факте, считая, что он может меня заинтересовать: речушка Чипамба на некотором участке течет под землей, однако в остальном речка неинтересная.

На следующий день мы перешли через стремительный поток

Вуну; у самого брода бьет горячий источник, в котором можно варить кукурузу и касаву. Во владениях Нсамы есть большой горячий источник, используемый для той же цели: кукурузу или касаву привязывают к веревке и бросают вариться в воду. Некоторые африканцы считают, что землетрясения связаны с бурными извержениями горячей воды источника. Перебрались еще через один быстрый поток, Катете, и вышли к северному концу озера Мверу, где мы заночевали в хижинах для путешественников.

Шторм на озере во время сезона дождей.
Гравюра XIX в.

Оставив озеро и направившись на север, мы скоро вышли на равнину, обводненную разливом реки Луао. Пришлось брести по щиколотку в очень липкой черной грязи: встречалось множество глубоких ям. Переход по грязи длился четыре часа, затем мы подошли к броду через саму Луао. Мы двигались по рукаву реки по пояс в воде не меньше четверти мили, затем перешли через узкую часть по грубому мосту из стволов и сучьев, шириной приблизительно в сорок ярдов. Луао, разливаясь по равнине, приносит большую пользу населению, но я не мог не прийти к выводу, что она несет ему также болезни, так как черная грязь вокруг местами издает ужасный запах. Громадное количество рыб *Siluridae* обитает в залитых водой районах страны, они поедают молодых рыб других пород, насекомых, ящериц и червей, погибших из-за разлива. Население устраивает запруды и, когда

вода спадает, убивает множество рыбы, она служит приправой к их мучнистой еде.

16 января. Переночевав близ Луао, отправились дальше, в деревню, где живет сын Мохамада. Она стоит на реке Какоме и называется Кабвабвата. Во многих деревнях жители запирают ворота частокола, как только мы появляемся, и стоят с луками и стрелами в руках, пока мы не пройдем мимо. Вчера один раб, проходя через деревню, украл две курительные трубки. Жители пожаловались мне. Я подождал Мохамада и рассказал ему об этом. Затем мы пошли вперед, жители деревни держались все время вплотную за мной, пока мы не поймали раба с трубками. Рабы воровали в пути касаву, но этому почти невозможно было воспрепятствовать. Они хватали растение толщиной в полтора дюйма и выдергивали его из мягкой почвы с его пятью или шестью корнями толщиной с нашу крупную морковь, прятали их в своих тюках и поедали потом на ходу. Но стебель, брошенный среди растущих растений, показывал, что совершено воровство. Сырые корни касавы приятны на вкус и питательны. Большого вреда это воровство не наносит, так как возделанные участки жителей очень велики, но оно внушает жителям недоверие к нам и делает опасным передвижение арабов, если они недостаточно многочисленны и слабо вооружены.

Когда мы пришли в Кабвабвату, то арабы, подчиненные Мохамаду, и ваньямвези устроили большую демонстрацию: женщины намазали себе лица белой глиной и во все горло выкрикивали приветствия. Когда мы уже проходили между хижинами, женщины сыпали себе на голову пригоршни земли, а мужчины безостановочно стреляли из ружей, еле успевая заряжать. Стоял оглушительный шум от криков, приветствий, хлопанья в ладоши и выстрелов. Мохамада эта встреча очень растрогала. Он долго не мог успокоить народ.

На дороге, южнее этой деревни, мы видели большие площади под земляным орехом, из которого жмут масло; большой кувшин арахисового масла продается за мотыгу. Земляные орехи были сейчас в цвету, а молодая кукуруза уже созрела для еды. Народ весь занят посадками, пересадками, прополкой. Касаву (маниок) сажают на кучах, специально подготовленных для нее; сначала на них сеют бобы, сорго, кукурузу, тыкву, а когда они созревают, земля освобождается для касавы. Сорго и дурру сеют густо; когда растение достигнет высоты примерно в один фут, его пересаживают (если у хозяина есть возможность подготовить другой участок), причем часть листьев обрезают, чтобы избежать чрезмерного испарения влаги и гибели растения.

17 января. Ваньямвези и жители Гараганзы говорят, что

переход отсюда до озера Танганьика займет тринадцать дней. Дорога, как правило, очень грязная, приходится пересекать много речек.

Мохамаду, естественно, хочется побыть немного с сыном, так как сейчас период дождей, а путешествовать по грязи неприятно. Говорят, около Уджиджи еще хуже. Мохамад готовит для меня разные вкусные вещи из того немногого, что у него есть, и старается сделать так, чтобы мне было удобно. Из бананов приготовляют уксус, из земляных орехов жмут масло. Я хочу поскорее отправиться дальше, главным образом, чтобы получить известия.

Много людей из племени ваньямвези задерживаются здесь из-за того, что впереди выпало много дождей; по их словам, трудно будет достать каноэ на Танганьике, так как на озере сейчас большое волнение.

24 января. Из владений Касембе пришло двое из людей Мохамада Богариба, а из Гараганзы, находящегося вблизи Кизе, прибыла группа людей Сеида бин Хабиба. Они сообщили, что на залитых дождями землях по эту сторону озера Танганьика вода стоит по пояс, а то и по грудь. Бин Хабиб, находящийся в Катанге, не тронется с места, пока не кончатся дожди. Боюсь, что мы тоже прикованы погодой до того же времени. Через притоки Марунгу сейчас вброд перейти невозможно, а каноэ получить нельзя.

26 и 27 января. Я болен лихорадкой, как всегда, когда не на ходу.

28 января. Слава Богу, мне лучше. Мы должны остаться здесь. Место сухое и благоприятное для посева земляных орехов. Здесь коклюш.

30 января. Вчера дождь охладил землю, и все занялись пересадкой дурры и сорго. Жители обрезают листья, оставляя их только до высоты дюймов в восемнадцать, но растения благодаря перемене места растут много лучше.

Сеид-Сеид был, говорят, первым арабским султаном, занимавшимся торговлей, а Сеид Маджид следует примеру своего отца, и у него служит много арабов-торговцев. Недавно он послал королю Мтезе, сыну Сунны, восемь буйволов с целью расширить торговлю; маловероятно, что султан пойдет на сокращение выгодной торговли слоновой костью и рабами.

Суси купил за небольшое количество пороха мотыгу, затем в обмен на эту мотыгу – бочонок дурры диаметром в два фута и длиной в три. Бочонок весит не меньше ста фунтов.

Рассказывают, что в Руа есть каменные подземные жилища, но естественные или специально выстроенные – Мохамад не мог сказать. Если вождям в Руа сделать подарки, то они никогда не

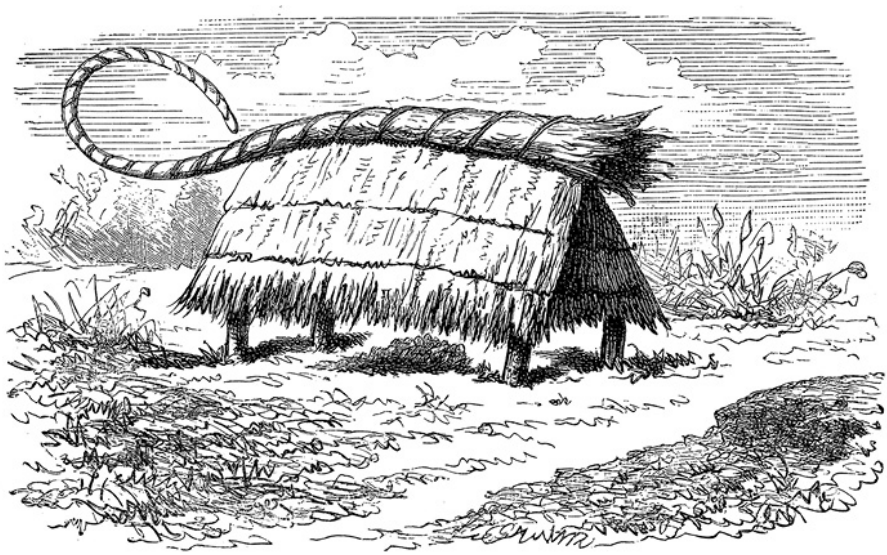
чинят препятствий путешественникам.

Чипоси, в деревне которого около Колонгоси мы провели ночь, и Чинута умерли.

Во время больших дождей Мофве переполняется и заливает обширный район. В этот период слоны бродят по образовавшимся болотам, и охотники на лодках легко убивают их. Так бывает каждый год, и Мохамад Богариб сейчас ждет слоновой кости от этой охоты.

7—21 февраля 1868 г. Расспрашивал людей, видевших подземные жилища в Руа. Узнал, что они очень обширны, тянутся по склонам гор на двадцать миль, и в одном месте туда втекает речка. В некоторых случаях входы находятся на уровне прилегающей местности, в других, чтобы взобраться к входам, пользуются лестницами. Внутри, как говорят, жилища очень велики и созданы не руками человека, а Богом. Обитатели этих пещер держат много кур, которые тоже укрываются в этих троглодитовых жилищах.

23 февраля. Меня посетил видный вождь, по имени Чапе. Он заявил, что хочет стать другом англичан. Чапе, Чисани, Сама, Муабо и Карембве принадлежат к одному племени, или семейству, Оанза. Чапе ничего у меня не просил и обещал прислать козу.



Фетиш в Лунде.
Изображение из этнографического издания XIX в.

Глава 11

24 *февраля 1868 г.* Несколько рабов, прибывших с подчиненным Мохамаду Богарибу начальником, сегодня утром начали ругать моих людей за то, что они будто бы принесли в деревню на продажу нечистое мясо, хотя животное было убито человеком из племени ваньямвези. Рабы кричали: «Кафир, кафир!» («неверные»). Выведенный из себя, Суси выскочил с палкой в руках. Другие ввязались в драку, и зачинщиков заставили отступить. Но они ушли, собрали всех своих и возобновили нападение. Один из рабов бросил тяжелый чурбан и угодил Симону в голову; Симон потерял на время сознание, и у него были судороги. У него на голове три раны, которые могут оказаться серьезными. Это первое проявление магометанской нетерпимости, с которым мы встречаемся, и притом со стороны людей, мало искушенных в мусульманстве. Симон поправился, но галла в общем народ не сильный.

25 февраля. Мохамад посетил меня сегодня утром, чтобы извиниться за вчерашние безобразия, но никто не был виноват, кроме рабов; я не хотел, чтобы их наказывали, им только сделают предостережение на будущее.

Сегодня спросил Мохамада, был ли он пленником Касембе. Он ответил: «Совершенно верно». Люди из Гараганзы, находящиеся сейчас в Катанге, сражались с Касембе, и Мохамада заподозрили в связи с ними. Касембе напал на людей Мохамада, и в суматохе у Касембе украли сто фрасила меди, было убито много его людей. Касембе держал Мохамада в плену так долго, что шестьдесят из людей Мохамада были за это время убиты или умерли, среди них его старший сын. Вследствие этих событий Мохамад стал беден. Чтобы Касембе позволил ему уйти, Мохамад дал вождю кое-что. Я подозреваю, что значительное влияние на решение Касембе уступить просьбе оказало данное мне султаном письмо; в моем присутствии Мохамад несколько раз повторил, что он должен с уважением относиться к султанскому письму и проводить меня по крайней мере до Уджиджи.

Мохамад говорит, что больше не вернется к Касембе и начнет торговать с каким-нибудь другим вождем. Но в его возрасте трудновато начинать все сызнова. Мохамад сказал, что он провел в Африке уже двадцать два года и никогда не наблюдал у ваньямвези такого буйства, как вчерашнее. Впрочем, в Уджиджи народ нередко напивается пальмовой водки, и на рынке возникает всеобщая драка, но на следующий день дравшиеся не имеют зла друг против друга.

Если у ребенка верхние передние зубы прорежутся раньше нижних, его убивают, так как он принесет несчастье; это суеверие широко распространено. Когда я в 1859 г. жил среди макололо, одна из жен Секелету не позволила своей служанке убить ребенка по такому поводу, однако мало кто найдет в себе смелость выступить против общего мнения, как это сделала она. В стране Касембе, если заметят, что ребенок во сне перевернулся на другой бок, его убивают. Африканцы говорят о ребенке, у которого есть такой, по их мнению, недостаток, что это «арабский ребенок», так как у арабов нет суеверий подобного рода. Если поблизости случится араб, то ему отдают такого ребенка, иначе он принесет семье неудачи, несчастья или проигрыш в споре. Эти суеверия, быть может, объясняют готовность, с которой одно племя отдавало детей спутникам Спика. Мохамад говорит, что то, видимо, были дети, захваченные на войне, так как никто не продает собственных отпрысков.

Если кто-нибудь два или три раза приснится Касембе, то этого человека убивают как пытающегося тайным волшебством лишить Касембе жизни. Люди, толкущие зерно или готовящие пищу для Касембе, обязаны сохранять строжайшее молчание. Все это и многое другое доказывает наличие самых темных суеверий и низкий уровень развития.

В то время как Мохамада задерживали в плену, его друзья советовали ему вырваться от Касембе, применив силу, и предлагали помощь людьми, но он неизменно отказывался. Отец его был первым арабом, установившим торговлю с этой страной, все связанные с этим расходы отец нес сам. Мохамад – человек мирный и не хочет нарушать видимость дружбы с вождями. Он думает, что нынешний Касембе отравил своего предшественника. Несомненно, этот Касембе убил мать своей жены, королеву, чтобы она не препятствовала ему взять ее дочь.

В обществе многочисленных ваньямвези ожидаем прекращения дождей, вызвавших наводнение во всей области между здешними местами и Танганьикой. Будь уклон местности большим, вся вода стекла бы в озеро; это заставляет меня предположить, что Танганьика лежит не так низко, как показывают измерения Спика. Арабы утверждают, что вода из этого озера течет в озеро Виктория. Местные ваньямвези живут тем, что стреляют буйволов в местах, отстоящих отсюда на два дня пути, и продают мясо за зерно и касаву. Как только становится известным, что охотники убили животное, деревенские женщины сбегаются сюда, неся продукты для обмена на мясо, которое они предпочитают бусам и прочим вещам. Если бы у меня не развалились ботинки, я тоже занялся бы охотой на

буйволов.

Житель из района, прилегающего к северной части Танганьики, дает то же описание реки, текущей из Рузизи, какое слышали Бертон и Спик, когда ходили к ее устью. Он говорит, что вода озера течет некоторое время на север, но встречается с водой Рузизи, и эта вода гонит озерную назад. Он добавил, что озерная вода находит себе выход на север и на восток по нескольким небольшим рекам, судоходным только для маленьких каноэ. Реки эти вливаются в озеро Човамбе, вероятно то, которое открыл мистер Бэйкер. Човамбе находится в Хунди, стране каннибалов. Впрочем, после разговора даже с самыми осведомленными из местных жителей остается впечатление, как будто бродишь ощупью в темноте; когда придем и сами увидим, все может оказаться иначе.

Ритуальные предметы и скульптурные изображения Центральной Африки. *Изображение из этнографического издания XIX в.*

Плоды пальмы, дающие пальмовое масло, прежде всего варят, затем толкут в ступе и кладут в горячую или кипящую воду, всплывающее масло снимают. Говорят, в Уджиджи пальмового масла очень много, часто на рынок за один день выносят на продажу до трехсот галлонов. Народ раскупает его охотно для приготовления пищи. Мохамад говорит, что на острове Пемба, около Занзибара, много масличных пальм, но население не знает

способа выделения масла из плодов. В стране Касембе пальма называется *нкома*, в Занзибаре – *чикичи*.

Нет никого, кто лучше Мохамада бин Салеха знал бы, что сделали или чего не успели сделать в этой стране магометане; он очень умен и интересуется всем, что тут происходит. Его отец тоже интересовался делами этой страны. Мохамад заявляет, что магометане никогда не пытались обратить в свою веру африканцев. Арабы учат своих детей читать Коран, но только своих. Перевода с арабского в мечети не делают, и для слуг, посещающих ее, все происходящее там как бы немое зрелище. Некоторые слуги воспринимают магометанские религиозные запреты относительно еды, но они не молятся. Самое большое приближение их к магометанству – это обрезание, делающее их чистыми (*халель*), т. е. имеющими право резать скот для своего хозяина.

Так как арабы никогда не переводят Коран на африканский язык, они тем самым пренебрегают наилучшим способом повлиять на африканцев, которые всегда хотят понимать, о чем идет речь. Когда мы обучали взрослых азбуке, они воспринимали это как трудную задачу. Они серьезно упрашивали нас: «Дайте мне лекарство, я выпью его, чтобы понять эту азбуку».

Мои замечания об обучении африканцев магометанами не относятся к суахили, которые учат своих детей читать и даже посылают их в школы. Суахили – потомки арабов и африканских женщин и живут на побережье. Хотя они читают по-арабски, но понимают арабский текст очень плохо, за исключением тех слов, которые вошли в язык суахили. Совершенно отсутствуют какие-либо мусульманские миссии среди язычников; это любопытно, тем более что ваньямвези, например, находятся в очень дружественных отношениях с арабами: усиленно торгуют, как и они, и постоянно работают носильщиками и помощниками торговцев, которые считают их вполне заслуживающими доверия. Суахили даже признают власть Сеида Маджида. Арабы называют всех африканцев *гулу*, что значит «твердые» или «бесчувственные» по отношению к магометанской вере.

Некоторые африканцы полагают, что на горе Килиманджаро есть мумии, как в Египте, и что Моисей в древности посетил эту гору.

Мунго Парк[29] утверждает, что он обнаружил в Западной Африке, в глубине континента, африканцев, знавших историю Иосифа и его братьев и другие библейские рассказы. Вероятно, подобные сведения получены из Корана, который разъяснял африканцам какой-нибудь просветитель-мулла. Это показывает, как легко африканцы распространяют новые попавшие к ним

идеи. Они удивлялись тому, что Парк тоже знает эти истории.

Жители Катанги боятся копать землю для добычи золота в своей стране, так как считают, что его спрятал Нголу, которому оно принадлежит. Арабы переводят слово *нголу* как «сатана», но оно значит еще то же, что и *мезимо*, т. е. «души умерших». Народ весь во власти суеверий, страх смерти очень силен. Трясогузку никогда никто не трогает, так как если ее убить, деревню посетит смерть. То же относится и к птичке ткачу, ей никто не приносит вреда из страха перед смертью. Но почему мы так склонны критиковать африканцев? Остатки наших собственных суеверий видны в таких предрассудках, как нежелание садиться за обеденный стол, когда присутствующих тринадцать, или как обычай бросать щепотку соли через левое плечо, если кто-нибудь просыпал соль. Фердинанд I, король Неаполитанский, проходя по улице, все время держал руку в кармане, скрещивая на ней большой палец с указательным, для того чтобы отвратить от себя влияние дурного глаза.

6-го с визитом к Мохамаду явился главный вождь этих мест Муабо; несколько человек встали и проделали перед ним какие-то телодвижения, затем опустились на колени и поклонились ему. После этого Муабо сам попрыгал немного, и все стали аплодировать. Вид у вождя добродушный, он любит шутку, всегда готов приветливо улыбаться. Его превозносили, говорили, что Мпвето ничто перед Муабо моколу – «великим Муабо». В ответ на это он восхвалял Типо-Типо и Мпамари (так называют африканцы Мохамада), что значит «дай мне богатство, или товар». Мохамад тоже сделал несколько неуклюжих телодвижений на манер африканцев, все были очень довольны и ушли в веселом настроении.

Некоторые арабы верят, что на одном из островов на озере Виктория живет змея, умеющая говорить, та самая, которая соблазнила Еву. В Уджиджи убийство змеи считается преступлением, даже если она вползла в дом и умертвила козленка. Африканское название народа Уджиджи – вахехе, так же называется и племя на реке Зуга, близ озера Нгами. Вероятно, это ветвь племени, населяющего Уджиджи.

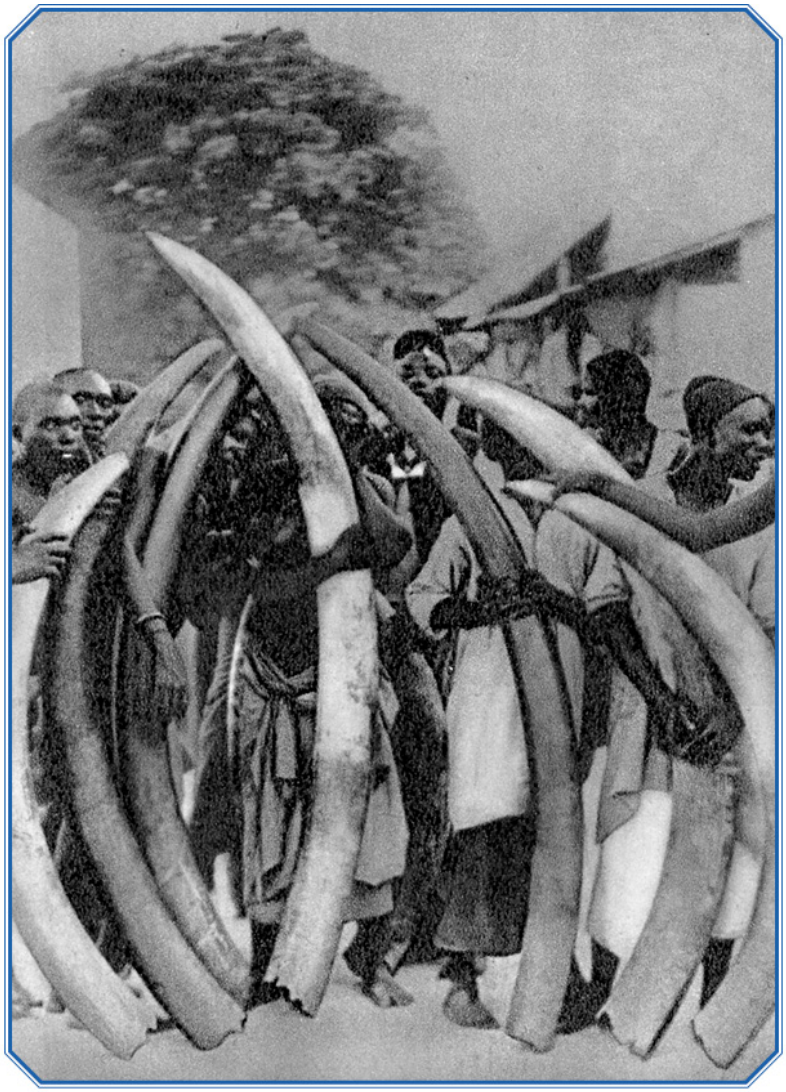
В Кабуире, в горах Какома, недалеко от того места, где мы вынуждены задерживаться, есть подземные каменные жилища.

15 марта. Корни *ньюмбо*, или *нумбо*, дают клубни через четыре-пять месяцев после посадки. У всех растений, что я посадил 6 февраля, сейчас стебли высотой в пятнадцать дюймов. Говорят, что эти корни – очень здоровая пища, никогда не портящая желудка; в сыром виде корень – превосходное средство против упорной рвоты и тошноты. Часто один корень образует

пять-шесть клубней. В Марунгу клубни достигают длины в шесть дюймов при диаметре в два дюйма.

16 марта. Направились в деревню вождя Мпвето, стоящую на Луалабе, и в пути перешли через Локинду, которая разлилась на сто ярдов с каждой стороны. Ширина самой реки сорок ярдов; через нее переброшен грубо сделанный мост. Быстрое течение реки устремляется в Мверу.

На следующий день мы поднялись на горы Руа и достигли деревни Мпвето, расположенной в долине между двумя хребтами, приблизительно в одной миле от правого берега Луалабы. Дальше река на протяжении около двух миль течет вдоль основания горы, имеющей простирание с востока на запад, и затем уже начинает отклоняться к северу. Течение Луалабы, по рассказам, очень извилисто, это кажется мне добавочным доказательством того, что Танганьика не лежит в большом углублении, что озеро лежит только на 1844 фута над уровнем моря, иначе воды Луалабы текли бы быстрее и русло, прорытое ею, было бы прямее. Мне сказали, что Луалаба течет в Луфиру, а эта последняя впадает в Танганьику.



Африканцы со слоновой костью.
Фотография XX в.

Добыча слоновой кости была самой прибыльной частью африканской экономики. Она же стала причиной катастрофического сокращения популяции слонов. Необходимость убивать этих животных ради добычи бивней связана с тем, что практически невозможно найти бивни павших слонов. Долгое время считалось, что слоны уходят умирать на тайные слоновьи кладбища. Однако уже в XX в. охотник с «охотничьей» фамилией — Хантер (охотник) установил, что бивни умерших слонов сгрызают дикобразы, восполняя таким образом нехватку минеральных веществ.

18 марта. Вчера, когда мы пришли в деревню Мпвето, нас повели к дому Сеида бин Хабиба, построенному на гребне, нависающем над деревней вождя. Это квадратное здание из обмазанной глиной плетенки с земляной крышей, чтобы неприятель не мог зажечь дом. Очень красивое местечко среди гор. Приказчик бин Хабиба, Сариамо, дал нам корзину муки и козью ногу. Я послал приветствие Мпвето; он вежливо ответил и сообщил, что у него нет готовой пищи в деревне, но если мы подождем два дня, то он распорядится, чтобы приготовили еду, и тогда примет нас. Он знает, что мы дадим ему, и ему незачем говорить нам об этом. Видел здесь человека из Сескеке, которого бин Хабиб оставил больным на Кирве, теперь он здесь, у Хабиба.

Пришла посмотреть на нас очень красивая молодая женщина, во всех отношениях совершенная и почти нагая, но не замечающая, что это непристойно: настоящая черная Венера. Светло-серый краснохвостый попугай, встречающийся на Западном берегу, распространен и в Руа, африканцы приручают его.

19 марта. Нас посетил любимый сын Мпвето. Говорят, отец ничего не делает, не посоветовавшись с ним. Мне он не показался наделенным особой мудростью.

20 и 21 марта. Свидание с вождем было отложено. С нас потребовали показать отрез, который собираемся подарить вождю. Я послал хороший большой отрез с пояснением, что у нас почти истощились запасы вещей, так как мы путешествуем уже два года, и сейчас отправляемся в Уджиджи за новым пополнением. Мпвето приготовил пиво, корзину муки и козу. Поглядев на эту провизию и на отрез, он, видимо, решил, что сделка будет невыгодной, и послал сказать мне, что когда мы

были у Касембе, то дали тому много отрезов, так же как и Муабо, и если я не дам еще один отрез, то он меня не примет. Он-де никогда не спит под одним куском ткани. Я будто бы наложил на этот отрез заклятие, чтобы убить его, Мпвето, и должен уйти.

По-видимому, он обиделся, что мы ходили к его главному сопернику, Муабо, раньше чем прийти сюда к нему. Он не соглашался принять Сеида бин Хабиба в течение восьми дней, и все это время гадал, чтобы выяснить, можно ли без опасности для себя вообще увидеться с Хабибом. На девятый день он на некоторое время выглянул из-за двери, чтобы увидеть, приемлемое ли лицо бин Хабиб, и только после этого вышел из хижины. Он всегда проявляет большую подозрительность.

Наконец он прислал приказ, чтобы мы уходили, а если мы не уйдем, то он-де придет со всеми своими людьми и прогонит нас. Сариамо сказал, что если бы он не боялся за товары Сеида бин Хабиба, то оказал бы сопротивление Мпвето. Но у меня не было никакого желания оставаться там и ссориться со вздорным вождем; я решил уйти на следующий день.

24 марта. Мпвето изругал африканца-торговца за то, что тот явился с товарами, и отправил его обратно. Ночевали снова на полдороге, в деревне Капемба. Мы пришли как раз в то же время, что и партия торговцев солью из Руа; все это были высокие, хорошо сложенные люди, довольно темнокожие.

25 марта. В полдень достигли Кабвабваты; нас радостно встретили Мохамад и все жители. Сын Мохамада, шейх Бут, был в походе вместе с нами.

Вода на нашем пути так глубока, что отправиться на север невозможно. Ваньямвези, застрявшие здесь, как и мы, говорят, что часто глубина превышает рост человека, а лодок нет. Если бы была возможность добраться домой, они бы здесь не сидели. Подумываю о том, чтобы отправиться на озеро Бемба, так как пройдет по меньшей мере два месяца, пока станет возможно пройти к северу. Но мои запасы кончаются, и я не в состоянии делать в пути подарки вождям.

Дно озера Бемба песчаное, а не илистое, как нам раньше сообщили; на озере четыре острова; один из них, Бангвеоло, очень велик, и на нем живет немало народа. У них множество коз и овец, владельцы каноэ требуют за наем такой лодки, поднимающей восемь – десять человек, три мотыги. За островом, насколько хватает глаз, простирается озеро. В стране в изобилии водятся антилопы цебула и нзоэ. При обмене народ там интересуется солью, а не бусами.

2 апреля 1868 г. Если меня не обманывают сведения, полученные из различных надежных источников, то истоки Нила

находятся между 9 и 10° ю. ш., т. е. не менее чем в 400 или 500 милях к югу от южного конца озера Спика, которое сам Спик считал истоком Нила. Танганьика будто бы посылает свои воды на север в озеро Човамбе, или озеро Бэйкера. Если это не окажется ложным, то Танганьика – расширение Нила, как и озеро Човамбе, а река Лоанда соединяет эти два озера. К сожалению, племена, живущие на восточной стороне Лоанды, непрерывно воюют с племенами к западу от этой реки, т. е. на Рузизи. Арабы поговаривают о том, чтобы проложить путь к Човамбе, где, по слухам, много слоновой кости.

11 апреля. Вчера Мохамад произнес длинную речь против намеченного на завтра похода к озеру Бемба. Основной его аргумент – это вымогательские настроения Касембе, который будет требовать ткани и говорить, что я лгал ему, делая вид, что отправляюсь в Уджиджи. В дополнение к этому аргументу он указывает на то, что сейчас идет последний месяц периода дождей – начался период *масика* – и скоро откроется дорога на север. Суть дела в том, что Мохамад, не сказав мне о громадных количествах воды, изливающихся на страну Марунгу, что бывает каждый год, заставил меня потерять пять месяцев. Он знал, что мы будем вынуждены задержаться здесь, но он так жаждал избавиться от плена у Касембе, что поторопил мой отъезд, утверждая, будто мы будем в Уджиджи через месяц. Я сожалею, что он обманул меня, но удивляться этому не следует: и у магометан, и у христиан считается, что это просто ловкий и умный ход. Если бы мои запасы не пришли почти совсем к концу, я все же рискнул бы вызвать неудовольствие Касембе ради возможного открытия озера Бемба. Одно время я подумывал о покупке товаров у Мохамада Богариба, но его запасы тоже как будто становятся маловаты. Боюсь, что в настоящее время я вынужден отказаться от посещения этого озера.

12 апреля. Собираюсь завтра выступить в поход на Бангвеоло, даже если Касембе откажет мне в проходе за пределы его владений. Нам будет лучше, чем здесь: в Кабвабвате всего мало и все дорого. Там мы можем получить курицу за одну нитку бус, здесь она стоит шесть ниток; там можно купить рыбу, здесь ее нет. Здесь три сановника Касембе: Каквата, Чарли и Капитенга. Они очень хотят отправиться домой, и они как спутники были бы очень полезны мне, но Мохамад задерживает их. Когда я спрашиваю его, почему, он отвечает: «Муабо отказывается их отпустить». Но они, показывая на дом Мохамада, говорят: «Это он отказывает».

13 апреля. Сегодня утром, когда я стал готовиться в путь, мои люди отказались идти. Дело в том, что они все устали, а

поведение Мохамада, возражающего против похода, поощряет их. Мохамад, который явно стремился нажить капитал на их отказе, попросил меня остаться на сегодня, а затем спросил, что я думаю сделать с теми, кто убежал. Я ответил: «Ничего. Будь здесь представитель гражданской власти, я передал бы их ему». «О, – сказал он, – я представитель власти. Арестовать их?» Я согласился. Он повторил свой вопрос столько раз, что это мне надоело. Много спустя я понял его мотивы, когда он заявил, будто бы я «пришел к нему и просил его задержать сбежавших, но он, Мохамад, отказал мне». Ему хотелось казаться в глазах людей гораздо лучше меня.

14 апреля. Выступаю с пятью людьми, оставив большую часть багажа у Мохамада. Достиг Луао, где проведу ночь. Вождь Ндова.

15 апреля. Рано утром убежал Амода. «Хочет быть со своими братьями». Они думают, что, отказываясь идти на озеро Бемба, заставят меня тем самым остаться здесь с ними, а потом отправиться в Уджиджи. Я отослал тюк Амоды назад к Мохамаду. Мой посланный добрался до Кабвабваты раньше, чем туда пришел беглец. Амода явился к моему другу арабу, тот, конечно, стал его бранить. Амода ответил, что он устал таскать ношу, а другой вины за ним нет. Я должен добавить, что Амода, как мне стало известно, хотел потом прийти ко мне с одним из людей Мохамада Богариба, но Мпамари сказал Амоде, чтобы он не возвращался ко мне. Теперь, когда мы уже находились в походе, я велел своему посланному передать Мохамаду, что ни в коем случае не пойду в Уджиджи, пока не сделаю все, что в моих силах, чтобы достигнуть озера, которое ищу: я предпочту даже ждать на Луао или на Мверу, пока не подойдут люди из Уджиджи, чтобы заменить сбежавших. В душе я не очень строго осуждал людей за дезертирство: они устали от походов, да и я, по правде, тоже, но нельзя извинить Мохамада, поощрявшего их побег и при этом двурушничавшего. Впрочем, чего еще можно было бы ожидать от него: он прожил около тридцати пяти лет в этой стране, из них двадцать пять у Касембе, а там ему часто приходилось жить хитростью. Сознание собственных недостатков делает меня снисходительным.

16 апреля. Ндова называет выкопанные в горах страны Муабо пещеры *мита* или *мпаманьканана* и говорит, что в случае войны в них может спрятаться все население этой области. По моим соображениям, это значит, что там может поместиться десять тысяч человек. В пещерах хранятся запасы провизии, и вдоль «улицы» там течет непересыхающая речка. Случилось однажды, что главный вход был осажден неприятелем, но один человек, знавший все ходы сложной сети пещер, вывел потайным ходом

партию воинов, и они, напав на вторгшегося неприятеля, отогнали его с тяжелыми потерями. Создание пещер все жители приписывают Богу. Возможно, что нынешние обитатели пещер унаследовали их от первоначального племени троглодитов, которые выкопали много пещер по соседству с горой Хор – «Джебель Неби Харин», гора пророка Аарона у арабов, – и много других, даже пещеры бушменов на тысячу миль южнее этой области.

Здесь водятся крохотные, больно жалящие москиты; женщины пытаются выгонять их из хижин, перед тем как ложиться спать, обмахивая все стены пучками зеленых листьев.

17 апреля. Пересекли Луао по мосту длиной в тридцать ярдов, но ширина разлива с каждой стороны реки больше полумили. Прошли ряд деревень, стоящих на небольших высотах над равнинами, покрытыми водой. Затем пришлось идти около трех миль по этим равнинам. Четыре часа мы брели по воде, причем дно большей частью было из черной, очень липкой грязи. Старались держаться тропы, однако в тропе ногами людей, проходивших по ней, выбиты углубления, заполнившиеся мягкой грязью; когда попадаешь на край углубления, нога скользит и проваливается в грязь, до середины голени. Вытаскивать ногу трудно, и это очень утомляет. Чтобы избежать подобных неприятностей, мы заходили на траву по сторонам тропы, но нередко, наступив на невидимый край углубления, проваливались туда обеими ногами. Вслед за этим обычно на поверхность выскакивали пузыри, которые лопались, издавая ужасающий запах. Местами черная грязь и смрадная вода были холодными, в других местах – горячими, в зависимости от того, циркулировала в этих местах вода или нет. Когда мы приблизились к Мверу, вода стала доходить до середины груди, иногда покрывала всю грудь. Все грузы, боящиеся воды, пришлось нести на головах. На прибрежных песках мы встретили партию рыбаков; мне отвели хижину, я искупался в чистой, хотя и тепловатой, воде озера и с наслаждением сменил одежду. Температура воды в озере в 3 часа дня 83 ˚F (28 ˚C).

Пещеры бушменов.
Изображение из этнографического издания XIX в.

18 апреля. Шли вдоль северного конца Мверу, которое здесь простирается на юго-восток. Ноги утопали в мягком песке, затруднявшем движение, это усилило нашу вчерашнюю усталость; и потому, натолкнувшись на заброшенную рыбачью деревушку около восточных гор, мы с радостью расположились в ней на воскресенье (19-е).

19 апреля. В прошлое посещение озера я не делал отметки уровня воды, но думаю, что озеро поднялось не менее чем на двадцать футов по сравнению с прошлым уровнем, а на берегах кое-где видны следы еще более высоких подъемов.

Для ловли мелкой рыбы применяют большие корзины из расщепленного тростника, по три сразу. Каждую корзину ведет один человек и гонит ею рыбу к берегу.

20 апреля. Дошли до реки Катете, оттуда – к большому водопаду. Ночевали в деревне на северном берегу реки Вуны;

здесь вблизи гор бьет горячий источник, иногда используемый для варки касавы и кукурузы.

21 апреля. Перешли через Вуну и направились в деревню вождя Калембве. Вождь встретил нас у ворот и провел к хижине, он выказал большой интерес ко всем нашим вещам. Вождь спросил, не можем ли мы пробыть в деревне следующий день и выпить пива, которое завтра будет готово. Здесь много леопардов.

Я не представлял себе, что отверстие в носовом хряще может быть использовано для чего-либо, кроме украшения, – обычно украшением служат несколько травинок, – но человек, нашивавший перья на свои стрелы, пользовался отверстием в носовой перегородке, чтобы держать в нем иглу. Продолжая путь к Кангаломе, мы увидели сплошь залитую водой страну. Я отстал от своих, хотя видел, как они погрузились в высокую траву не более чем в ста ярдах от меня, и начал кричать, но их ноги так шлепали по воде, что они ничего не слышали. Я не мог найти тропы, уходившей на юг, и направился по тропе, ведущей на восток, к деревне. Высокая спутанная трава очень затрудняла движение. Наконец я нанял человека, чтобы он показал мне главную дорогу на юг. Он привел меня в чистенькую деревню, где вождем была женщина – Ньинакасанга, и дальше идти не захотел. «Матушка Касанга» – таково значение ее имени – была очень красивой; дочь у нее тоже красивая. Ньинакасанга посоветовала мне подождать людей в тени *Ficus indica*, где стоят ее дома. Когда подошли мои люди, подарил ей нитку бус; она выразила глубокое сожаление, что я ухожу, не выпив у нее ничего. Обилие свирепых диких зверей заставило жителей покинуть несколько деревень.

23 апреля. Сквозь густую спутанную траву *ньясси* добрались до сожженной деревни вождя Чикоси. Его самого убил Нсама. Ночь провели на огороде в хижине, пощаженной пожаром. На развалинах деревни рос турнепс. Ньясси, высокая грубая трава, нависает над тропой; когда раздвигаешь ее, то острые семена прокалывают одежду, и это очень раздражает. Неприятно прикосновение самой травы к лицу, она все время лезет в глаза. Когда траву выжигают и почва покрывается низкой молодой травкой, идти гораздо приятнее.

24 апреля. Оставив развалины деревни Чикоси, направились к броду через Колонгоси. В лесу кругом цветут ноготки и наперстянки. Река в этом месте не менее ста ярдов шириной, а на западном берегу она разлилась на триста ярдов. Глубина такая, что мы должны были оставаться в каноэ, пока не приблизились на пятьдесят ярдов к высокому месту. Народ здесь жует сердцевину папируса, имеющую толщину в три дюйма и белую, как снег. Сладости в ней почти нет, и вообще она безвкусна. Вождя

деревни, в которую мы пришли, не было дома (он вырубал лес для очистки участка под посев), и жена его отказалась отвести нам хижину. Когда вождь Кансабала вечером вернулся, он как следует побранил свою супругу и всех женщин деревни, а затем стал уговаривать меня войти в хижину. Но мне было и снаружи хорошо под противомоскитной сеткой, и я отказался: под открытым небом не было насекомых и клопов.

25 апреля. Вышли рано курсом на запад; поднялись на лесистую возвышенную местность, по которой повернули на юг-юго-запад, направляясь к большой излучине реки Кифурва, впадающей в озеро Мверу близко от устья Колонгоси.

26 апреля. Воскресенье провели в хижинах дровосеков. Вчера встретили партию занимающихся тем же делом; они шли, нагруженные корой для тканей, только что снятой с деревьев. Шедший впереди дровосек не захотел идти по тропе, так как я сидел близко от нее; я жестом пригласил его пройти, но, с его точки зрения, было бы знаком неуважения ко мне позволить своей тени упасть, хотя бы частично, на меня, поэтому он немного сошел в сторону. Такое проявление вежливости здесь обычно.

27 апреля. Переход до деревни вождя Фунгафунги короткий. Мы могли бы продолжать идти до реки Муатизе, но там нет деревень, а здесь можно было купить еду. Жена Фунгафунги накормила чужестранца хорошим ужином. Когда она потом призналась в этом мужу, он сказал мне: «Эта деревня твоя; всегда ходи этой дорогой и ешь мою провизию». Фунгафунга из племени моньямвези. В этих местах он закупает медь, мотыги и рабов. Здесь множество попугаев, и они, не обращая внимания на пугающие крики женщин, воруют *Holcus sorghum.*

Перешли через Муатизе по мосту, сооруженному из одного большого дерева. С горы около Кабуквы хорошо видно озеро Мверу.

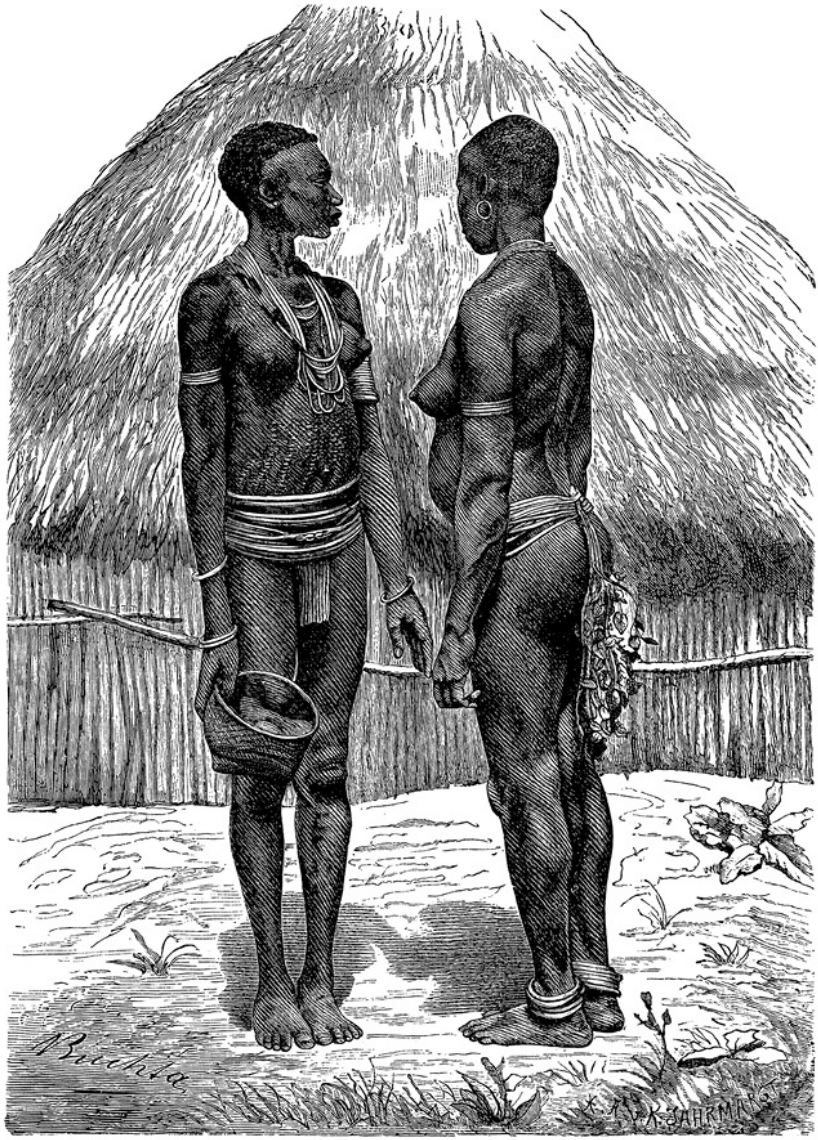
Ночуем на реке Чиронго.

29 апреля. На реке Мандапала. Несколько человек с Чунгу (один заявил, что он родственник Касембе) подняли крик по поводу того, что мы вторично пришли во владения Касембе, не подождав у Колонгоси разрешения. Один из них, с коротко обрезанными ушами, спросил меня, когда я выходил, чтобы двинуться на север, приду ли я еще. Я ответил: «Да, я думаю, что приду». Они пришли в возбуждение, выкрикивая одно и то же раз за разом: «Англичане явились вторично!», «Вторично портят страну! Почему было не подождать на Колонгоси? Пусть возвращаются туда!», «Пришли от Мпамари к тому же и от багараганза или баньямвези!», «Вторично, вторично!» Затем

созвали всех деревенских соседей, чтобы обсудить это серьезное дело. Я уговаривал их передать его на рассмотрение самого Касембе, послав в город человека с одним из моих людей. Они не соглашались отправиться на Чунгу. Касембе – человек разумный и справедливый, но люди его не таковы: они готовы на все, лишь бы содрать штраф с чужого человека или со своего соотечественника.

30 апреля. Начались зимние холода. Выпадает много росы, на всех реках еще половодье, хотя дожди здесь уже довольно давно прекратились.

1 мая 1868 г. На реке Мандапала. Послал просьбу Мохамаду Богарибу походатайствовать за меня перед Касембе, чтобы он дал мне человека, который покажет дорогу к Чикумби, деревня которого лежит около Бангвеоло. Боюсь, что жители Лунды считают меня связанным с Мпамари (Мохамадом бин Салехом), так как я ушел отсюда вместе с ним и вернулся, не дойдя до Уджиджи, куда мы, как было всем известно, направлялись. Может быть, меня подозревают в том, что я пользуюсь его доверием и помогаю осуществлению его планов своим возвращением. Среди здешних жителей появился глухонемой. Он разговаривает знаками, совершенно так, как глухонемые в Англии, и время от времени издает низкий горловой однообразный звук подобно им.



Женщины мангбету.
Изображение из этнографического издания XIX в.

3 мая. Вернулся мой посланный, Абрахам, с хорошими вестями. «Обрезанные уши» совершенно растерялся: Касембе настроен очень милостиво! Он не хочет, чтобы я уходил, приветствует мое возвращение, и как только станет известно, что у Чикумби установился мир, Касембе даст нам человека, который проводит нас туда. Было получено известие, что на страну Чикумби совершили набег мазиту; говорили, что вождь бежал, и

Касембе отправил туда людей узнать, как действительно обстоит дело.

4 мая. Уходим с Мандапалы. «Обрезанные уши», имени которого я ни разу не слышал, скис, как только услыхал ответ Касембе. До этого «Обрезанные уши» был таким болтуном, каких я никогда не встречал; каждому встречному, мужчине ли, женщине ли, он повторял одни и те же инсинуации об англичанах, о Мпамари и ваньямвези: они заговорщики, они виноваты, они вторично пришли сюда, – пока, наконец, ему не стало казаться, как лезущему в чужой спор адвокату, что он действительно заполучил важное дело.

Реку Чунгу мы пересекли до того, как достигли Мандапалы; Чунгу, ее приток, шириной в пятнадцать – восемнадцать ярдов, глубиной по грудь. Залитая разливом полоса не менее ста ярдов в ширину. Реки Чунгу и Лунда сливаются в стране Кимбафума, приблизительно в двенадцати милях от места перехода через Мандапалу и почти прямо на запад от нее. Лунда сейчас тоже имеет глубину по грудь и ширину в двенадцать ярдов.

Придя в деревню Касембе на Мофве, мы застали Мохамада Богариба за рытьем колодца; потом он обносил колодец оградой, чтобы крокодилы не утаскивали его рабов; трое уже были съедены. Одну из моих коз укусила за ногу собака, и так сильно, что мне пришлось козу убить. Псы здесь злобные, трусливые, но иногда могут искусать человека. Встретился с несколькими старыми друзьями. Мохамад Богариб приготовил ужин и с этого дня не пропустил ни одной трапезы, чтобы не позвать меня.

6 мая. Маноэль Каэтано Перейра посетил Касембе в 1796 г., семьдесят два года назад. Негры называли Перейру Моэндо-Мондо, т. е. «нога мира», «всемирный путешественник». Он пришел на берега Мандапалы, где была резиденция тогдашнего Касембе; с Перейрой был священник (*касисе*) и много людей, вооруженных ружьями. У Перембе, сейчас самого старого человека в Лунде, уже в то время были дети. Если в то время ему было тридцать лет, то сейчас ему должно быть сто два года, и это, видимо, вполне вероятно, ибо, когда прибыл д-р Ласерда, у Перембе было сорок детей. Старик говорит, что в момент прибытия Перейра приказал выстрелить из всех ружей. На вопрос Касембе, что это значит, Перейра ответил: «Эти ружья требуют рабов и слоновой кости». И то и другое было ему дано щедрой рукой.

Мне не удалось уговорить Перембе рассказать что-нибудь о временах, предшествовавших его времени. Моэндо-Мондо, «нога мира» (Перейра), сказал д-ру Ласерде, что негры называли его «Ужасом». Это хвастовство, так как в местном языке нет такого

абстрактного слова.

Когда майор Монтейро был здесь, город Касембе располагался на том же месте, что и сейчас, но *мосумба*, т. е. огороженная частоколом площадка вождя, находилась приблизительно в пятистах ярдах к юго-востоку от нынешней. Монтейро никуда не ходил и ничего не делал, но несколько человек из его спутников ходили на Луапулу, до которой отсюда миль шесть. Монтейро жалуется в своей книге на то, что тогдашний Касембе его ограбил. Я спросил нынешнего Касембе, почему у Монтейро отобрали его имущество. Касембе ответил, что он в то время жил в другой деревне и не знал об этом деле. Присутствовавший при разговоре Мохамад бин Салех говорит, что утверждение Монтейро – ложь, никаких товаров у него силой не отбирали. Но год был неурожайным, и Монтейро пришлось тратить свои товары на покупку пищи, а не рабов и слоновой кости; он выдумал историю о том, что Касембе его ограбил, чтобы успокоить кредиторов.

В качестве почетного эскорта с Монтейро было послано несколько человек. Живущий и сейчас старик Капика был начальником или одним из начальников этого отряда, он рассказывает, что ходил с Монтейро в Тете, Сенну и Килимане. Посылка почетного эскорта, видимо, подтверждает объяснение, данное Мохамадом, так как если бы Касембе ограбил майора, то не выделил бы людей, да и майор бы их не принял.

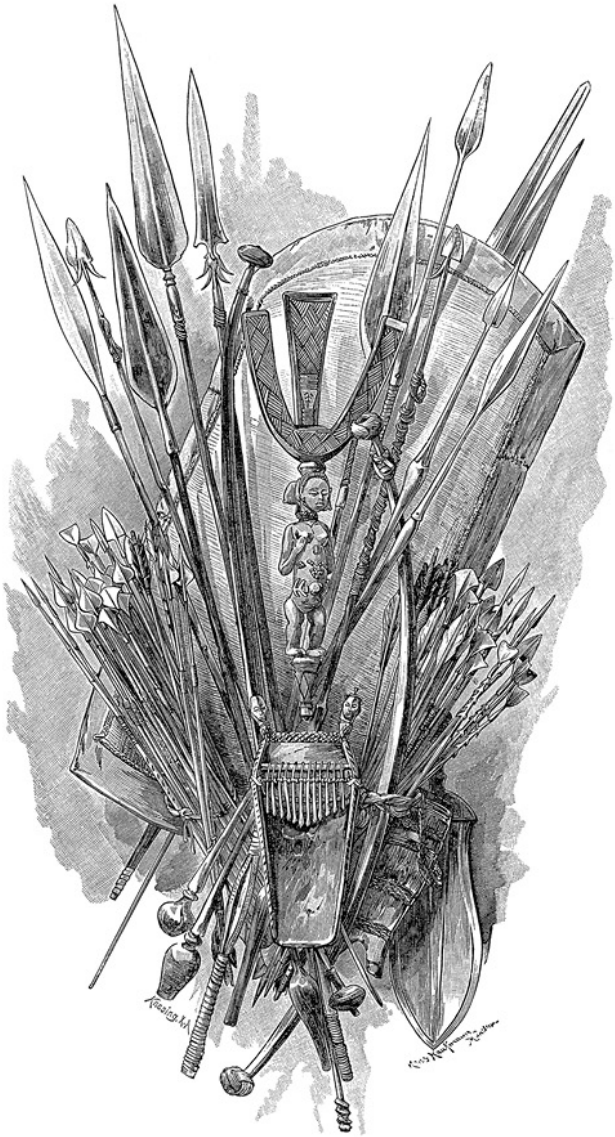
Здесь теплее, чем было в пути. Небо покрыто облаками. Сорго выколосилось. Народ здесь плетет очень хорошие циновки из листьев пальмы рафия. Наконец удалось сделать лунные наблюдения.

9 мая. Сегодня утром мимо нас прошло восемь или десять человек, посланных вождем изловить людей, которых он намеревается отправить своему верховному вождю Матиамво как дань рабами. Вот перечень Касембе, данный мне Перембе:

I. Каньимбе – пришел из Лунды, привлеченный рыбой в озерах Мофве и Мверу, и покорил предка Перембе – Катере, который посадил здесь впервые масличные пальмы, добыв семена в Лунде; II. Каньянта; III. Нгуанда-Милинда; IV. Каньембо; V. Леквиса; VI. Кирека; VII. Капумба; VIII. Киньянта; IX. Леквиса – жив и сейчас, но бежал, и его приютил Нсама; X. Муонга, нынешний правитель, изгнавший Леквису.

Португальцы пришли к Киреке, который, говорят, сделал им щедрые подарки: дал слоновую кость, рабов и крупный рогатый скот. Нынешний Касембе наделен здравым смыслом и очень справедлив при разборе судебных дел, но скуп по отношению к своим людям и чужестранцам, тем не менее у меня есть

достаточно оснований быть довольным его обращением со мной. Не входящий в перечень Майе, а также VII, VIII, IX и X Касембе – дети Киреки. Некоторые говорят, что Муонга – раб, «не из семьи», т. е. мать его не из королевского рода; она безобразная и жадная старуха. Я отделался от ее попрошайничества тем, что дал ей бусы, которые ей так хотелось иметь, и попросил приготовить мне еду; она перестала дальше выпрашивать, боясь, что я буду настаивать на своем требовании снабдить меня пищей.



Оружие и утварь Центральной Африки.
Изображение из этнографического издания XIX в.

10 мая. Послал к Касембе за проводником на Луапулу. Он ответил, что еще не виделся со мной и не дарил мне провизии; я должен-де явиться завтра. Но на следующий день он был занят (казнил человека за колдовство) и не мог нас принять, поэтому сказал, что примет 12-го. Он прислал пятнадцать рыб (окуней) из Мофве и большую корзину сушеной касавы.

Несколько раз сделал лунные наблюдения; измерил при этом

оба края луны около ста девяноста раз.

13 мая. Мохамад Богариб живет здесь уже семь месяцев и купил только три бивня; люди Касембе безуспешно охотились на слонов в районе Мофве.

Касембе не дал нам аудиенции. Виноват в этом Капика из эскорта Монтейро, побоявшийся напомнить о нас, чтобы не надоедать Касембе. Но 15-го Касембе прислал за мной и сообщил, что весь народ во владениях Чикумби разбежался. Поэтому Касембе пришлет проводников, которые поведут нас в Кабайю, где еще осталось население; Касембе хочет, чтобы я подождал несколько дней, пока он подыщет хороших проводников и смелет для нас муку на дорогу. Ему известно, что я хочу отправиться на Бангвеоло, что мне следует исполнить то, ради чего мой вождь послал меня, а затем я должен вернуться сюда. Там просто вода, такая же как в Луапуле, Мофве или Мверу, – смотреть не на что. Люди его не будут больше мешать мне, я смогу идти, куда захочу.

Касембе признал, что он обидел Мпамари, вождь пошлет ему в виде компенсации рабов и слоновую кость. Касембе лучше своих людей, страшных сутяг, любящих миландо, судебные дела. Он спросил меня, подстилаю ли я подаренную им шкуру леопарда, так как нехорошо сидеть на земле. Я ответил: «Шкура такая дырявая, что народ смеется, и мне стыдно», но Касембе не воспользовался этим намеком, чтобы подарить мне новую. Он всегда рассуждает очень здраво, если не выпил слишком много пива – помбе. Все арабы очень хвалят его, но плохо отзываются о королеве Моэри (она же Нгомбе, или Кифута). В Катанге люди из Гараганзы убили близкого родственника Касембе. Когда это случилось, находившийся там человек из Гараганзы, или ваньямвези, Фунгафунга бежал и появился на Мофве. Как только стемнело, он, ничего никому не сказав, продолжил свое бегство, пока не добрался до Кабуире, к северу отсюда. Королева и Касембе заподозрили Мпамари в сговоре с ваньямвези; они думали, что Фунгафунга сообщил ему о случившемся раньше, чем убежал на север. Возникли волнения; старший сын Мпамари был убит; Мпамари разграбили самого, забрав всю его медь, слоновую кость и рабов. Королева громко требовала казнить его, но Касембе сдерживал своих людей как мог. Вот об этих-то обидах, нанесенных Мпамари, Касембе, по его словам, сожалеет.

Королева действовала в соответствии с принципами своего народа: «Мпамари убил моего сына, надо убить его сына, его самого». Трудно разобрать, где правда, так как Мохамад (Мпамари) никогда не говорит всей правды. Мохамад ходил вместе с Муонгой сражаться против Нсамы, они были разбиты, Мохамада ранили в ногу, и он теперь рад выбраться из Лунды и

вернуться в Уджиджи.

16 мая. Сделал двадцать полных серий лунных наблюдений.

17 мая. Мохамад Богариб заявил Касембе, что не может ничего купить и потому уходит. Касембе ответил, что у него нет слоновой кости и Мохамад может уйти. Это разумный ответ: ведь Касембе рассылал, куда мог, людей за костью, но поиски оказались безуспешными. Теперь он признался в истинном положении вещей, которое большинство вождей обычно скрывает, не желая казаться в глазах чужестранцев бедными.

18 и 19 мая. Несмотря на то что сейчас зима, здесь жарко, но по ночам холодно. Касембе послал за рыбой для нас. Пришло известие, что один из людей Сеида бин Хабиба заходил в деревню Чикумби по пути в Занзибар.

20 мая. Грозовой ливень, налетевший с востока, прибил пыль и охладил землю; это последний ливень нынешнего периода дождей. Подобным же не очень сильным ливнем 12 мая закончился прошлый период дождей.

21 мая. Май нельзя назвать дождливым месяцем: последний месяц периода дождей – апрель и первый – ноябрь.

22 мая. Касембе так медлит с присылкой рыбы, муки и проводников, а его люди так боятся поторопить его, что я думаю отправиться, как только выступит Мохамад Богариб. Он пойдет во владения Чикумби, чтобы купить медь, и оттуда отправится в Увиру, чтобы обменять ее на слоновую кость. Но сейчас он держит это в секрете от своих рабов. Таким образом, передо мной, видимо, открывается путь к большому озеру на запад от Увиры.

Я сказал Касембе, что мы уходим. Он ответил, что если, возвращаясь назад, я не найду путешествующей партии, то и не должен рисковать идти через владения Нсамы с таким малым числом людей, а должен направиться к Моэнемпанде (брат Касембе); при этом он обещал прислать людей, которые проведут меня туда, Моэнемпанда же отправит меня оттуда по безопасной дороге вдоль озера Мверу. Все это очень хорошо.

23 мая. Арабы совершили что-то вроде жертвоприношения, зарезав козу. Ее зажарили целиком. Мне прислали огромное блюдо козьего мяса. Арабы усердно читали Коран и молились об успехе и удачном выступлении. Они, видимо, искренне религиозны на свой лад. Применение ладана и жертвоприношения напоминают о временах древних евреев.

Группа арабов отправилась на Каненгву, речку в одном часе ходьбы отсюда, чтобы построить там хижины. Эта группа должна проститься с Касембе, а основной отряд выступит завтра, после того как взойдет народившийся месяц. Они очень тщательно

выбирают счастливые дни: если в каком-либо месяце случится неприятность, то они считают, что подобной неприятности можно избежать, если в следующем месяце для начала предприятия выбрать другой день. Мохамад ушел из Увиры на третий день после новолуния, и в лагере у него произошло несколько пожаров: теперь он считает третий день месяца неблагоприятным.

Дурра (сорго) Касембе созрела сегодня; он первым поел *мапембы*, т. е. дурры, и после этого все могут есть ее. Сейчас примерно то время, когда в Колобенге созревает сорго и его убирают. Таким образом, разница во временах года невелика.

24 мая. Четвертый день задержки. Старейшины из людей Касембе отказываются сопровождать Мохамада Богариба. Они знают, что вождь в долгу, боятся, что он может быть раздражен, но не собираются приставать к нему с требованиями уплаты. Касембе старался изо всех сил достать слоновую кость, чтобы как-то сгладить натянутость отношений, и наконец раздобыл несколько бивней, которые с радостью отдал Мохамаду. Мы все теперь гораздо лучшего мнения о Касембе.

26 мая. Люди Касембе убили пять буйволов, загнав их в грязь и воду около Мофве; он сейчас занят разделом мяса и завтра прощается с нами.

28 мая. Ходили к Касембе. Он был любезен, как обычно. Против раба арабов было возбуждено дело по обвинению в преступном сожительстве. Арабы пытались уладить дело частным путем, предлагая обвинителю три отреза ткани, бусы и другого раба, но жалобщик все отверг. Касембе отказал жалобщику, сказав: «Вы посылаете своих женщин завлекать чужестранцев, чтобы сорвать штраф, но ты ничего не получишь». Арабы горячо приветствовали это решение, а хозяин раба посыпал пылью свою голову, как делали и многие другие, в знак оказанной ему милости. Касембе, все еще старавшийся добыть для Мохамада слоновую кость, предложил отсрочить отъезд еще на четыре дня, но все устали ждать, и ясно, что невозможность достать кость зависит не от недостатка желания.

Люди Касембе вернулись без кости, и он откровенно признал, что не в состоянии получить ее. Очевидно, вождь очень беден.

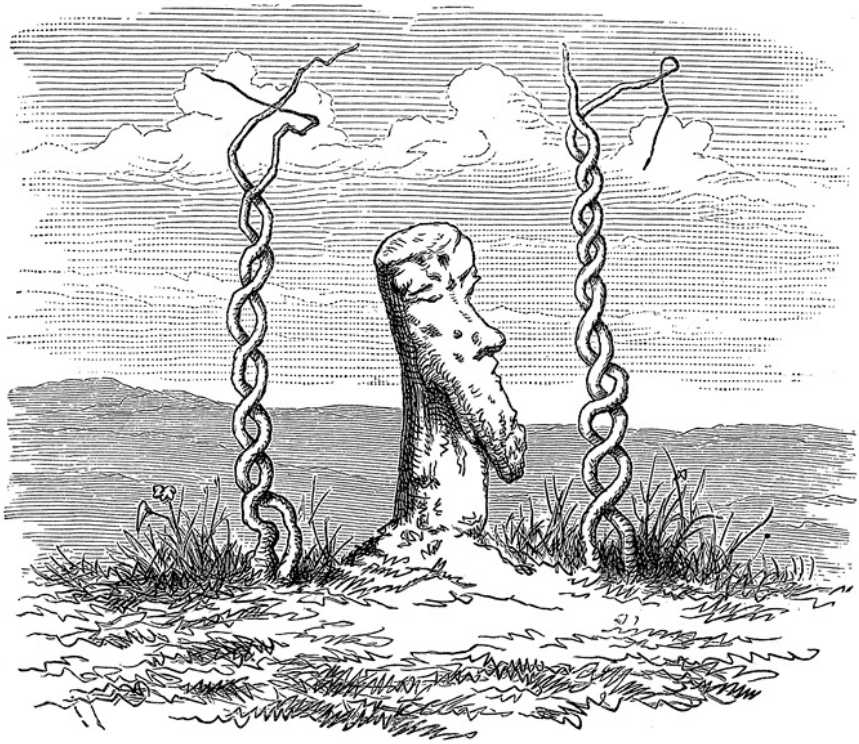
30 мая. Ходили на речку Каненгву у южного конца озера Мофве, которое в этом месте образует маленькую лагуну, шириной в пятьдесят ярдов и глубиной по бедро. Основная большая лагуна имеет ширину от двух до трех миль, а длину почти четыре мили. На этой лагуне много больших, плоских, заросших осокой островов, и питает ее впадающая с юго-востока река Мберезе.

31 мая. Старик Капика продал свою молодую хорошенькую

жену – за неверность, как он утверждает. Зрелище леди, идущей в цепочке связанных рабынь, произвело ужасное впечатление на дам Лунды, которые подбегали к ней, и, узнав из ее собственных уст – хотя это было и так достаточно ясно, – что она теперь рабыня, хватались рукой за лицо, прикрывая рот, при этом четыре пальца приходятся на одну щеку, а большой палец на другую. Так у них выражаются восхищение, удивление и ужас.

История с виновницей вызвала в народе большое сочувствие к пострадавшей: кое-кто принес ей еду, дочери Капики принесли ей помбе и бананы, один человек предложил выкупить ее за двух рабов, другой за трех, но Касембе, который очень строг, когда наказывает за неверность, сказал: «Нет, хотя бы за нее предложили десять рабов, она должна идти». Вероятно, он боится гнева своей красавицы королевы, если он смягчит закон. Старик Капика подошел к жене и сказал: «Ты отказалась от меня, теперь я отказываюсь от тебя». Молодую жену Перембе тоже продали в наказание, но ее выкупили.

Касембе прислал мне фунтов пятьдесят мелкой рыбы *нсипо,* которая в этой стране играет, видимо, роль снетков. Эта рыба, если ее готовить отдельно, горьковата, но она служит сносной приправой к земляным орехам. Во владениях Чикумбы мы сможем купить на нее муки.



Фетиш в Лунде.
Изображение из этнографического издания XIX в.

Глава 12

1 *июня 1868 г.* Мохамад собирается идти в Катангу покупать медь и приглашает меня с собой. Я хочу увидеть реку Луфиру, но должен посетить и озеро Бемба, или Бангвеоло.

2 июня. Проходя по полю касавы, подобрал стручки растения *малумби*, это ползучее растение взбирается на кусты касавы. На корнях его несколько клубней с глазками, совершенно как у картофеля. На одном из растений было шестнадцать клубней приблизительно в два дюйма длиной и полтора дюйма в диаметре; один клубень имел длину пять, а диаметр два дюйма. Любому человеку трудно было бы отличить эти клубни от английской картошки. В вареном виде они слегка восковидны и по сравнению с нашим картофелем тверды. Внутренность клубней окрашена, наружная часть красновата, середина побелее. Сначала никто из нашего отряда не разобрал, что это такое, но потом установили, что это растение выращивают на Занзибаре, где его называют *мен;* пюре из него очень вкусно с рыбой. Если мен известен на Занзибаре, то его, вероятно, знают и на других тропических островах.

4 июня. Насмотревшись на работорговлю, даже в самых лучших ее формах, могу сказать, что ни за какие сокровища я не согласился бы заниматься ею.

5 июня. Сегодня утром мимо нас пронесли королеву Моэри, направлявшуюся к своей плантации на постройку хижины. У королевы приятная европейская внешность, чистая светло-коричневая кожа и веселый смех; она вызвала бы восхищение где угодно. Я стоял среди кустов касавы и смотрел, как ее несли мимо нас двенадцать человек. Приближаясь ко мне, она стала вертеть зонтик и засмеялась, кажется, тем самым смехом, с каким она и девушки ее свиты убежали в день моего приема; видно было, что смеется не только ее рот, но и щеки, и глаза. Она сказала мне: «Ямбо?» («как поживаете?») Я ответил: «Ямбо сана» («очень хорошо»). Одна из девушек свиты сказала: «Дай ей что-нибудь из того, что у тебя под рукой или в карманах». Я ответил: «У меня нет ничего при себе» – и спросил ее, не вернется ли она назад, к моей хижине. Она ответила, что согласна, и я послал за двумя нитками красных бус, которые поднес ей. Стоя ниже ее, я мог видеть, что в хряще, близко к кончику ее несколько орлиного носа, есть отверстие, между двумя передними зубами пропилено треугольное отверстие.

После томительной задержки мы совершили трехчасовой переход и 9-го достигли реки Катофии. Она впадает в Мберезе.

Ширина Катофии пять ярдов, глубина по колено.

10 шюня. Опять задержка – из-за незаконченных дел с людьми Касембе. Про рабов говорят, что они большей частью преступники и были проданы в рабство из мести или в наказание. У жены Капики было украшение, сделанное из кончика раковины, называемой конусом. Оно было взято взаймы, и жена Капики ушла, унося украшение в своих волосах. Владелец его, не сделав никакой попытки получить свою вещь обратно, схватил одну из дочерей Капики в залог того, что Капика постарается вернуть ему украшение.

11 шюня. Перешли Мберезе, она имеет ширину десять ярдов, глубину по бедро, и стали подниматься на низкий горный хребет, сложенный твердым песчаником и покрытый, как и вся страна, лесом. Идем курсом на юго-восток и юг-юго-восток. Спустились с гор в поросшую густым лесом долину, по которой течет речка шириной в четыре ярда и глубиной по колено. Очень много буйволов и слонов.

12 шюня. Снова дважды пересекли Мберезе, затем перешли через очень глубокую узкую речку и остановились на берегу другой речки в густой заросли деревьев; здесь мы ночевали, убили быка и остались на день, чтобы есть его. Когда мы были на Каненгве, мимо прошла небольшая группа людей с такими громкими криками, как будто произошло что-то важное; подойдя к ним, я увидел, что двое несут на шесте связанного льва. Это оказался малорослый вид без гривы, так называемый лев *ньясси*, т. е. «высокой травы». Этот лев убил человека, и они убили льва. Морда его была тщательно завязана ремнем, лапы связаны на груди; они несли его к Касембе. «Ньясси» значит «высокая трава», растущая выше головы человека; стебель ее имеет толщину с гусиное перо. Название «лев ньясси» ошибочно связывают с озером Ньяса. Другие виды львов – *тамбве, карамо, симба*, – говорят, достигают пяти футов в высоту, некоторые бывают и выше. Убитый лев, кажется, имел рост около трех футов, однако было слишком темно, чтобы измерить его.

Женщина народа суахили.
Гравюра по фотографии. XIX в.

13 июня. По отсутствию бороды и усов среди арабов узнают суахили, т. е. арабов смешанной африканско-арабской крови, обычно растительность эта у суахили редкая и короткая.

Сейчас, зимой, собираются в большие стаи птицы – сорокопут Дронго и очень похожая на серую коноплянку птица с толстым красноватым клювом; так продолжается до ноября, начала периода дождей.

Крохотная пчела залезает в обыкновенные мелкие дырки

изъеденного червями дерева, устраивая в них соты для яиц и запасов меда. В этой местности водится семь или восемь видов маленьких медоносных пчел.

Иногда видишь сфекса, делающего ямки в земле, чтобы поместить в них свои яйца вместе с пораженными его ядом насекомыми; другой вид сфекса следит за этими приготовлениями и, когда первый отправляется опять на добычу насекомых, не теряя времени, залезает в ямки и кладет свои яйца, надо думать, без всякой затраты труда; впрочем, не заметно, чтобы эти виды враждовали между собой. Пробыли здесь день, чтобы купить для нашего отряда пищу и съесть убитого быка.

14 июня. Идем по лесистой высокой местности, встречаются обнажения доломита, все деревья покрыты лишайником. Водораздел получает отсюда уклон к югу.

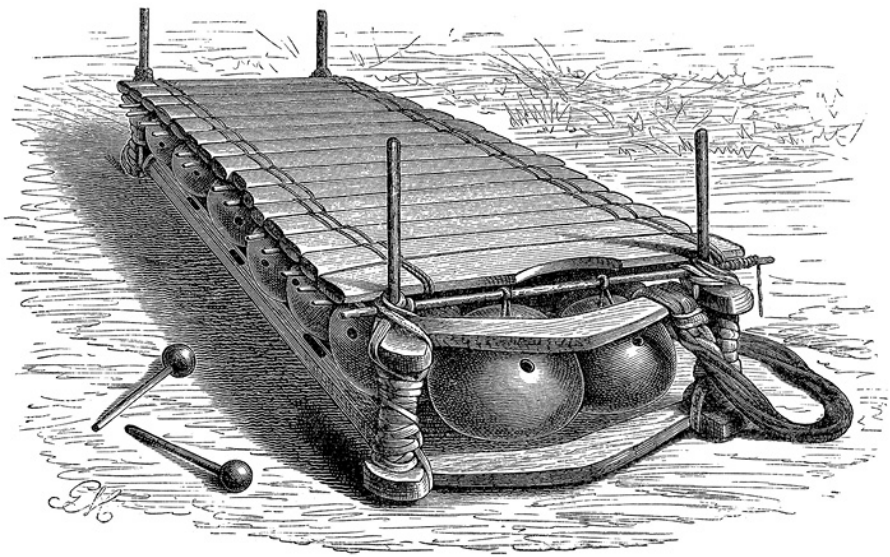
15 июня. Очень холодно по утрам (43 ˚F, 6 ˚C). Встретились с Моэнемпандой, братом Касембе, на реке Лулупуте, ширина ее двадцать ярдов, она течет на запад. Тот Моэнемпанда, которого посетили португальцы, был дедом нынешнего, и жил он не в этих местах. Бесполезно обозначать географические пункты именами вождей, так как имя часто повторяется и порой относится к месту, очень далекому от того, где жил первоначальный обладатель этого имени. Раб пытался освободиться, поломав свое ярмо; ему удалось пальцами сломать полудюймовое вязкое железо, но конец застрял в дереве, что помешало ему освободиться.

Вождь устроил мне прием, похожий на прием у Касембе, но лучше организованный. Он молод и очень красив, если не считать какого-то глазного недостатка, заставляющего его держать глаза полузакрытыми и косить. Он вышел той небрежно-самодовольной походкой, какой выступают все местные вожди, чтобы показать тяжесть колец и бус на своих ногах; многие, не имея ни колец, ни бус, подражают этой походке совершенно так, как наши отцы, надевая большой галстук, подражали Георгу IV, прикрывавшему дефекты шеи; тысячи людей носили галстуки, закрывавшие подбородок, хотя у них не было дефектов, которые нужно было бы скрыть. Моэнемпанда держался напряженно прямо, это не удивительно, так как позади него несли шлейф ярдов в десять.

Присутствовало около шестисот человек. Шли они строем, но не в ногу. Люди были хорошо вооружены, оркестры состояли из маримб и квадратных барабанов, а один музыкант вдобавок выпевал: «Я был у Саида» (султана), «Я был у Мирипута» (португальского короля), «Я плавал по морю». На отдельном приеме, где вождь был свободен от шлейфа и имел один зонт, а не три, я поднес ему отрез ткани. Арабы о нем высокого мнения. Но его милостивое отношение к ним проявлялось в то время,

когда он залезал в долги. Теперь он не выказывал склонности расплатиться с ними и предлагал для погашения примерно двадцатую часть стоимости полученных товаров. Моэнемпанда прислал мне два горшка пива, которое я не люблю и пью только в походе, когда испытываю сильную жажду; он обещал мне проводника до владений Чикумби, но затем отказался прислать человека. По мере того как наше мнение о Моэнемпанде ухудшалось, Касембе в наших глазах поднимался; мы дали понять людям Моэнемпанды, что поведение его было недостойным.

Лулупута, как говорят, впадает в Луэну, а последняя – в Луонго. Должно быть, Луэн две.



Маримба — музыкальный клавишно-ударный инструмент. *Гравюра XIX в.*

Родиной этого музыкального инструмента является Малайзия. Маримба — родственник ксилофона. К каждой клавише этого иструмента присоединен резонатор (деревянный, железный или «тыквенный»). Сегодня маримба широко известна и популярна в Африке, Мексике, Центральной и Северной Америке.

22 июня. Идем по травянистой долине на юг, к Луонго,

глубокой реке, текущей в густом лесу, все деревья которого покрыты лишайником, то плоским, то длинным и волокнистым, похожим на бороду старика и развевающимся на ветру совсем так, как на деревьях мангрового болота на побережье. В этом месте ширина Луонго пятьдесят, а глубина шесть ярдов. Вблизи слияния с Луапулой ширина Луонго достигает ста ярдов, а глубина увеличивается до шестнадцати ярдов. По мосту длиной в сорок ярдов мы перешли на остров, за ним был рукав реки в десять ярдов шириной. Мост был сломан, некоторые думают, что умышленно, но его скоро починили, используя для этого деревья в восемнадцать – двадцать ярдов длиной. Пройдя немного дальше, остановились на день у речки, впадающей в Луонго в двухстах ярдах от нашей стоянки.

23 июня. Ждали здесь меди в уплату долга, от которого должники сперва отказались. Я рассмотрел, что у Луонго крутые глиняные берега до глубины в пятнадцать футов. Множество прибрежных лугов в период дождей, должно быть, заливает сплошь. Говорят, что Луэна берет начало к востоку от этих мест.

24 июня. Шесть рабов пели так, как будто они не чувствуют тяжести и позора своего ярма. Я спросил, в чем причина подобного веселья; мне ответили, что они радуются при мысли о том, как вернутся после смерти и будут являться в виде привидений и убивать тех, кто продал их. Значение нескольких слов мне пришлось выяснить, например, в фразе, означающей «быть привидением и убивать силой духов». Кто-то пел: «О, ты послал меня на Мангу (берег моря), но, когда я умру, ярмо спадет, и я вернусь назад, чтобы являться тебе и убить тебя». Затем вступали все хором, слова припева состояли из имен продавших их в рабство. Песня говорила не о веселье, а о горе и слезах угнетенных, о том, что на стороне угнетателей сила, но есть сила выше их!

Одним из виновных, которым угрожала песня рабов, был Перембе. Некоторые встречали имена тех или иных людей в припеве смехом. У жены Капики на сердце было явно горько: тяжело для леди пасть так низко. Она утратила свой небрежно-самодовольный вид и с обритой головой стала уродливой. Но со своими захватчиками она не забывает держаться с достоинством, и они как будто боятся ее.

25 июня. Шли по ровной лесистой местности, попадались нам обнажения бурого гематита. Это обычная здесь железная руда, но я видел в деревне и красный железняк, принесенный туда для выплавки. Луонго текла где-то в стороне, справа от нас, к западу. Местные жители выбрали для постройки деревни место, где была только колодезная вода; мы пошли в сторону Луонго, и через

десять минут воды было сколько угодно.

Возделанные участки окружены высокими изгородями для защиты от диких животных. В лесу мы наткнулись на могилу. Это был маленький круглый холмик, как будто похороненный сидел в могиле в обычной для африканцев позе. Могила была посыпана мукой, а сверху лежало несколько крупных синих бус; узенькая тропинка доказывала, что могилу кто-то посещает. Вот такую могилу я хотел бы себе: лежать в тихом-тихом лесу, где ничья рука никогда не потревожит мои кости.

Вышли к реке Чандо, границе между владениями Касембе и Чикумби, но Касембе властвует над всей областью.

27 июня. Прошли по очень холодной воде через залитую разливом низину, затем пересекли и саму реку Чандо, имеющую ширину двенадцать футов и глубину по колено, и дальше вышли к другому большому ручью – Нсенга.

28 июня. После воскресной службы поднялись в гору к деревне ваньямвези на реке Каломина, здесь построили шалаши. Место это называется Кизинга и находится на верху хребта, сложенного песчаником и покрытого, как обычно, лесом. Ваньямвези, пользуясь ружьями, отбили нападение мазиту, в то время как все коренное население разбежалось. Ваньямвези, несомненно, уродливее балунда и баитава; они не едят рыбы, хотя пришли сюда с восточного берега Танганьики, где рыбы очень много и она дешева. Хотя они и уродливее, но в сношениях с торговцами проявляют больше чувства чести, чем коренное население страны.

29 июня. Сегодня появился «дым»[30] – впервые в этом году; все кругом затуманилось.

1 июля 1868 г. Я отправился к Чикумби, верховному вождю этой области, поднес ему отрез и просил дать человека, который проводил бы нас на Бангвеоло. Он сказал, что рад видеть меня гостем в своей стране, как и всех нас; мне лучше подождать два дня, пока он подберет хорошего проводника; он пришлет мне еды на дорогу; он не говорит подождать десять дней, а только два, и тогда его человек доведет меня до малой части озера, а уже другие доставят меня к большей части – к Бангвеоло. Меньшая часть озера называется Бемба, но название это вызывает путаницу, так как Бемба, собственно, название страны, в которой лежит эта меньшая часть озера. Когда я расспрашивал сына Касонго об озере Бемба, он сказал мне: «Бемба не озеро, а страна». Лучше поэтому пользоваться названием Бангвеоло, которое относится ко всей большой водной массе, хотя, боюсь, для англичан оно будет пугалом и они будут называть озеро Бангихолло[31]. Арабы иногда называют его Бамбеоло: так легче

произнести, но правильное название Бангвеоло. Укрепленная деревня Чикумби находится на юго-востоке от него, в полутора часах ходьбы от нашего лагеря в Кизинге.

2 июля 1868 г. Пишу консулу в Занзибар, чтобы он прислал в Уджиджи запас тканей – сто двадцать кусков. Прошу прислать мыло, кофе, сахар, свечи, сардины, французские мясные консервы, сыр в жестяной коробке, морской календарь на 1869 и 1870 гг., ботинки (две или четыре пары), линованную бумагу, карандаши, сургуч, порох, фланелевую саржу, двенадцать фрасила бус, из них шесть *талака* (добавил три бледно-красных, три – белых).

3 июля. Общее количество рек, которые я решил внести в список текущих к центральной линии стока, образуемой Чамбези, Луапулой и Луалабой, равно тринадцати; каждая из них больше, чем Изис у Оксфорда или Эвон у Гамильтона. Пять рек направляются к восточной линии стока, проходящей через Танганьику, еще пять – к западной линии стока, или Луфире. Всего двадцать три реки или больше. Луалаба и Луфира соединяются в озере во владениях вождя Кинконзы.

5 июля. Я взял взаймы у Мохамада Богариба бумаги, чтобы написать в Англию и отослать письма через арабов, отправляющихся к побережью. Я сообщу о своем открытии лорду Кларендону; но то, что касается Луалабы и Танганьики, я отложу до подтверждения моих сведений. У меня нет никаких сомнений в этом открытии, так как я получаю сведения от развитых африканцев из первых рук, а у них нет оснований обманывать меня. Самые лучшие карты составляются по сообщениям такого же рода, но из третьих или четвертых рук. Сейчас почти все время дуют холодные северо-восточные ветры.

6 июля. Поделили нашу соль, чтобы каждый мог сам покупать провизию для себя. Здесь соль ценится больше, чем бусы. Чикумби прислал тонкую муку; два сильных мужчины несли этот груз в большой корзине, подвешенной к шесту; кроме того, он прислал хорошую жирную овцу; ее тоже несли, так как она была слишком жирной, чтобы пройти расстояние от деревни Чикумби до нас.

7–8—9 июля. После нескольких дней затяжек с присылкой проводника Чукумби заявил наконец, что боится, как бы народ не стал говорить, будто *инглеза* привел сюда мазиту, а вину возложат на него. Я счел все это словами помбе – пивной болтовней, – но по возвращении с озера Бангвеоло понял, что Чикумби тогда, должно быть, готовился напасть на укрепленную деревню ваньямвези, расположенную на нашем пути, и если бы он дал нам проводника, то этот человек при возвращении

подвергся бы опасности; Чикумби предпочел сохранить безопасность своего человека, чем сдержать данное мне обещание.

Я нашел проводника из племени ваньямвези и 10 июля вышел из Чикумби, направляясь по пологому склону к сложенным песчаником горам, поросшим лесом; здесь мы видели много покинутых деревень – результат набега мазиту; видели также и места ночевок мазиту и их тропинки. Мазиту не пользуются обычными тропами страны, которые ведут от деревни к деревне, они идут прямым путем в желаемом направлении; при этом они вытаптывают траву, оставляя хорошо заметную дорожку. Ваньямвези прогнали их, сразив так много мазиту своими пулями и стрелами, что разбойники отступили. Этот успех вызвал в умах имбошва, или имбожва, как называют народ Чикумби, не благодарность, а зависть к новой силе, возникшей среди них, – силе тех, кто пришел сюда первоначально просто торговать медью.

Укрепленная деревня вождя Комбокомбо (Кумбу-кумбу), в которую мы вошли 10 июля, стала впоследствии первым объектом нападения. Когда мы возвращались обратно с озера, Комбокомбо рассказал нам, что Чикумби атаковал его с трех сторон, но был отброшен. Ваньямвези оказались слишком ловкими торговцами для имбошва, которых они безбожно надували, рассказывая им при этом всякие небылицы. Деревня Комбокомбо стоит на реке Чиберасе, шириной в восемь ярдов и глубокой. Мы пришли в деревню в разгар веселья, и нас щедро угостили едой и помбе. Ваньямвези признают власть занзибарского султана и относятся с уважением ко всем, кто связан с ним. Комбокомбо уговаривал меня принять от него пищу и пиво, и когда я сказал, что мне нечего дать взамен, он ответил, что ничего и не ждет; он сам дитя султана и должен снабдить меня всем, что мне нужно.

11 июля. Оставив берег Чиберасе, мы стали подниматься на длинный ряд гор через множество деревень и возделанных участков, однако большинство было брошено жителями во время набега мазиту. Жители бежали в лес, покрывающий горы, но стали легкой добычей разбойников. Когда мы спустились в долину за хребтом, то подошли к сильно укрепленной деревне, успешно выдержавшей натиск мазиту; дальше мы вышли на лесистую равнину, на которой тут и там попадались «губки», содержавшие много воды. Равнины, последовавшие за горами, продолжались всю дорогу до Бангвеоло. В лесу мы ставили на ночь ограду. На следующий день (12 июля) мы достигли реки Рофубу, шириной в пятьдесят ярдов и глубиной четыре с

половиной фута, полную водяных растений; Рофубу течет на юго-восток к Луонго. По обе стороны Рофубу тянулась «губка» мили на полторы. Разбили лагерь немного к югу от реки.

13 июля. Мы отдыхали в покинутом месте; жители соседней деревни пришли к нам, возбужденные и, видимо, пьяные, и начали взвинчивать себя еще больше: бегали взад-вперед, брали копья наперевес, направляя их на нас, целились в нас из луков и делали вид, что готовы обрушиться на нас с топорами. Они думали, что мы грабители. В такой толпе обычно находится одна добрая душа. И в этом случае ко мне приблизился человек и, повернувшись, крикнул своим товарищам: «Это в вас пиво бродит. Белый, не стой тут с ними, уходи». Он занял позицию между мной и группой нападающих. В то время как я спокойно отходил со своим новым другом, они убегали, прицеливаясь из луков, но никто не стрелял; наконец молодые люди исчезли, захватив наших трех коз. Когда мы прошли с четверть мили, мой друг велел мне подождать, сказав, что приведет коз, и действительно привел их. Я не заряжал своего ружья. Случайный выстрел мог бы воспламенить нападающих и вызвать необдуманные действия. Мы выбрались из этой ситуации без пролития крови и были рады этому. Набег мазиту вверг страну в беспорядок – всякого чужого принимают за врага.

14 июля. Пробыли день в укрепленной деревне вождя Моеггеа. Здесь, во владениях Кабайи на быстрой речке Мато, поселился человек из племени ваньямвези, или гараганза. Мы чувствуем себя в безопасности только среди чужестранцев, и они относятся к нам дружественно.

15 июля. В деревне на южном берегу реки Мпанды вождь принял нас за мазиту. Он был явно в нетрезвом состоянии и начал запирать ворота, бешено жестикулируя. Мне пришлось сказать, что я уйду, но некоторые из его людей, тоже нетрезвые, настаивали на том, чтобы я остался. Я посидел немного, но, видя, что вождь все еще встревожен, сказал его людям: «Вождь возражает, я не могу остаться». Они понимали, что мое заявление разумно, но я не мог заставить своих боязливых спутников снова двинуться в путь. Один из них сказал мне: «Идем, я покажу тебе, что делать, мы должны говорить с ними по-хорошему». Мои мудрые слуги считают высшей добродетелью говорить по-хорошему; это значит у них разговаривать тонким детским голоском, пользуясь совершенно такими же словами, с какими одна шотландская девочка, дрожа от страха, обратилась к корове, приблизившейся к ней, вероятно, из любопытства: «Ой, коровка, коровка, если ты меня не тронешь, я тебя тоже не трону». Я сказал своим спутникам, чтобы они шли за мной и оставили этих

людей в покое, но слуги мои продолжали болтать с ними. Проводник сказал, что впереди нет воды. Мне слишком часто это говорили, и я перестал верить в подобные заявления; я пошел дальше через лес и через полтора часа подошел к «губке»; здесь ко мне присоединились мои спутники, и мы заночевали.

16 июля. Перейдя через эту «губку», и двигаясь дальше по лесистой равнине, мы вышли к другой «губке» под названием Мешве. Тут мои молодые люди вызвались перенести меня на ту сторону. Но я уже снял ботинки и вошел в воду; они последовали за мной, указывая мне, где более мелко. Дневной переход мы закончили, переправившись через сочащуюся водой «губку» у реки Молонгоси. Сто пятьдесят шагов мы шли по глубокой воде, река текла на северо-восток. Вода в этих губках казалась очень холодной, хотя температура ее по утрам 60 ˚F (15 ˚C), а в полдень 65 ˚F (19 ˚C). Жители деревни на Молонгоси пригласили нас к себе, но лес, если только в нем нет леопардов и львов, всегда следует предпочесть деревенскому ночлегу: в лесу нет клопов и не мешают глазеющие любопытные, которые в деревне считают своим долгом все время пялить на нас глаза.

Знаки достоинства, парадное оружие и барабаны из южной области Конго. *Изображение из этнографического издания XIX в.*

17 и 18 июля. Достигли большой деревни Мапуни близ северного берега Бангвеоло. 18-го я прошел немного дальше и впервые увидел берега озера, испытывая чувство благодарности, что дошел сюда цел и невредим.

Я сказал вождю, что все мои товары израсходованы, и дал ему шесть футов коленкора – все, что мог. Я сообщил ему, что,

как только осмотрю и обмерю озеро, уйду обратно на север. Он ответил, что ввиду истощения нашего запаса ему сказать нечего; он даст мне проводников, а что он еще сделает, он сам знает. Вождь немедленно устроил прием. Я спросил, видел ли он когда-нибудь человека вроде меня, и он сказал: «Никогда». Путешественник из племени бабиса спросил меня, зачем я зашел так далеко. Я объяснил, что хочу, чтобы остальной мир знал больше об этой стране и ее народе, что все мы дети одного Отца и я стремлюсь к тому, чтобы мы узнали друг друга лучше, и что дружественные посещения должны быть безопасными. Я рассказал ему о том, что королева сделала для поощрения разведения хлопка на Замбези, и о том, какие препятствия ставили нам работорговцы и их сторонники; этот рассказ им понравился. По их просьбе я показал им свою записную книжку, часы, компас, увеличительное стекло, домой меня проводили с барабанным боем.

Показал им Библию и рассказал немного о ее содержании. Мне придется пробыть на Бангвеоло на несколько дней больше, чем я намеревался сначала. Месяц в последней стадии ущерба, а наблюдения нельзя произвести, пока он заметно не прибудет.

19 июля. Ходил на берег озера в деревню вождя Масанту, расположенную около источника Чипока, вытекающего из-под обломков гранита. Редко приходится здесь видеть источники, выбивающиеся из-под камня. Встретили человека, шагавшего на ходулях, привязанных у щиколотки и у колена. Среди жителей многие из племени бабиса. Женщины украшают свои волосы снизанными раковинами *каури* и жирно смазывают их маслом и жиром из семян дерева *мосикиси*. Послал вождю шесть футов коленкора и немедленно получил у него аудиенцию. Масанту – пожилой человек, он сообщил, что самая широкая часть озера называется Бангвеоло.

Местность вокруг озера вся равнинная и почти совсем расчищена от леса; растет лишь дерево *моцикури*, или мосикиси, с красивой темной и густой листвой; его не вырубают ради даваемой им тени и жирного масла, получаемого из его семян.

Острова – их четыре – все плоские, густонаселенные. У жителей много каноэ, все они опытные рыбаки. Народ называется мбогва, но татуировка на лбу и на подбородке у них та же, что у бабиса, и они запиливают свои зубы острием. Здесь много детей, как обычно бывает у рыбаков.

21 июля. Лодочники обычно склонны к вымогательству, так как без них нельзя обойтись. Мапуни утверждает, что они ему подчинены, и потребовал прислать еще шесть футов коленкора; за это он дает распоряжение лодочникам отправиться с нами. Я

вместо этого послал мотыгу и нитку бус, но он настоял на отрезе, оставив у себя и мотыгу. Температура воды источника Чипока в 9 часов утра 75 ˚F (24 ˚C); температура воздуха 72 ˚F (23 ˚C); температура озерной воды в то же время 71 ˚F (22,5 ˚C).

В этой области нет горячих источников, не слыхали здесь и о землетрясениях. Дно озера устлано мелким белым песком, и широкий пояс тростника, ярдов в сто шириной, доказывает, что здесь мелко. Во второй половине дня у наружного края этих зарослей стоит на якоре масса каноэ, с них ловят рыбу удочками. Крючки похожи на наши, но без зазубрины. Водятся здесь преимущественно окуни, но встречаются и другие виды, похожие на те, которые обитают в других озерах. Один из крупных видов рыб называется *сампа*.

22 июля. С новолунием поднялся очень сильный ветер, помешавший нашему отправлению; он не дает также рыбакам заниматься своим делом. Мапуни думал, что мы намереваемся сбежать от него к бабиса на южный берег, так как собирались взять с собой коз. Чтобы успокоить его, пришлось оставить коз и двух слуг в деревне Масанту.

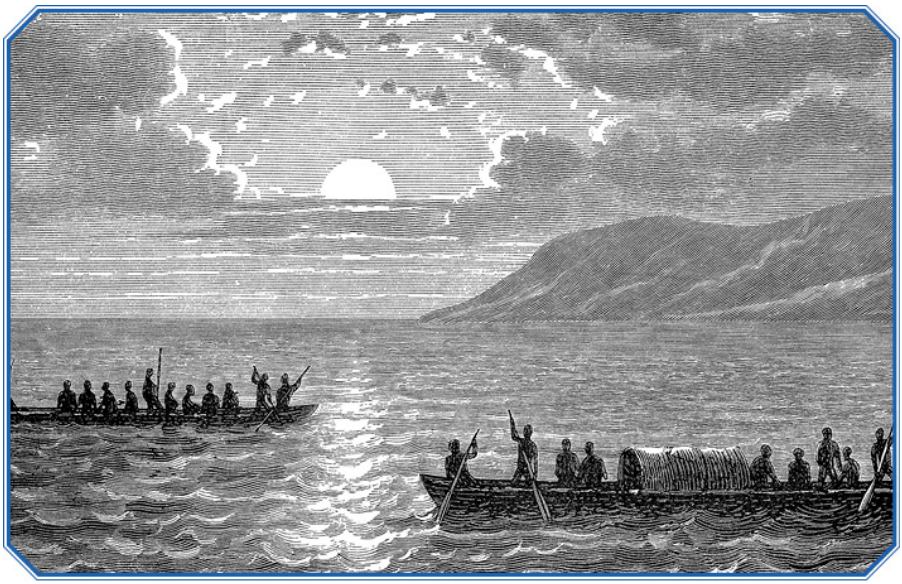
23 июля. Ветер еще слишком крепкий, чтобы выйти на озеро. Сделал лунные наблюдения.

24 июля. Ветер еще крепкий.

25 июля. Все еще дует крепкий юго-восточный ветер. И все же, уплатив как следует лодочникам за четыре дня бусами и дав Масанту мотыгу и бус, мы в 11 часов 40 минут утра погрузились на хорошее каноэ, длиной в сорок пять футов, глубиной в четыре фута и шириной в четыре фута. Хотя волны достигали большой высоты, в каноэ было совсем сухо и пять сильных гребцов быстро повели его к заливу на острове Лифунге, к юго-востоку от нас. Здесь мы пристали, чтобы запасти дров, а я отправился осматривать остров; на нем встретил следы бегемотов и какого-то вида шакала. Там же растет жесткая, жилистая трава, есть немного цветов и вид дерева из рода *Capparidacea*.

Лодочники сначала заявили, что мы отправимся дальше, потом, что будем ночевать здесь, так как не сможем засветло добраться до острова Мпабала и не получим там хижины. Я сказал, что в любом случае нам только придется ночевать под открытым небом, и мы решили отплыть. К востоку от нас был виден остров Киси; по-видимому, это два близких острова приблизительно в пятнадцати милях от Лифунге; к юго-востоку едва виднелись верхушки деревьев на острове Мпабала. На юге и на севере между Лифунге и Мпабалой и между Лифунге и Киси простирался озерный горизонт. Мы не могли поплыть на Киси, так как наши каноэ, как сказали мне лодочники, были украдены

ими оттуда. Хотя мы и решили отправиться дальше, но некоторое время пережидали, пока не уляжется волнение.



Африканские лодки на озере.
Изображение из этнографического издания XIX в.

На одном из деревьев видел гнездо молотоглава высотой в целых четыре фута. Заросли грубого тростника отмечают мелководье вблизи островов. На берегу видел только одну раковину. В полосе прибоя в наше каноэ попадало гораздо меньше воды, чем в лодку на озере Ньяса. Цвет воды темно-зеленый, подобный морскому, вероятно, вследствие отражения света от белого песка на дне; мы не видели нигде участков такого темно-синего цвета, как на Ньясе, и можно думать, что глубина Бангвеоло невелика, но измерить не удалось, так как пришлось оставить в деревне свой лот, когда сбежал Амода. На Киси видели темную прямоугольную массу, которую я сперва принял за низкий холм, но оказалось, что это группа деревьев (вероятно, место погребения, так как кладбища всегда остаются нетронутыми). Каким густым лесом покрылась бы эта страна, если бы не вмешательство человека!

Достигли Мпабалы, когда уже стемнело. Из-за обилия влаги в воздухе было страшно холодно. Я попросил человека, вышедшего нам навстречу посмотреть, кто прибыл, чтобы он указал на какую-нибудь хижину, где можно устроиться. Он ответил: «Разве чужим нужны хижины и разве ночью об этом просят?» Затем он повел нас к месту общественных собраний, так называемому *нсака*,

которое представляет собой большой сарай со стенами из досок с большими просветами между ними. Здесь мы сварили немного каши, поели, и я лег около стены. Лодочники и мои люди сидели у костра посередине, а я скоро заснул, и мне приснилось, что я в номере отеля Миварта. Этот сон на следующий день показался мне очень забавным, так как я никогда не вижу снов, если только я не болен или не заболеваю; вот уж о чем я никогда не думал в бодрствующем состоянии – отель Миварта!

26 июля. В каждом новом месте приходится часами выдерживать глазение толпы. К тому же обычно все болтают с такой быстротой, с какой может работать язык. Некоторые удовлетворяют свое любопытство новым зрелищем, продолжая вязать сети, или разбивать кору на волокно, или прясть хлопок; другие курят свои большие трубки, или нянчат детей, или наслаждаются теплом яркого утреннего солнца. Прошел поперек северного конца острова; ширина его оказалась равной приблизительно одной миле; определил также пеленг острова Чируби, стоя на восточной оконечности Мпабалы, и установил с юго-восточной оконечности Чируби, что от нее до места, откуда вытекает Луапула, на 183° тянется озерный горизонт. Чируби – самый большой из озерных островов; на нем живет большое население, которое держит много овец и коз. С самого высокого места на острове Мпабала видны верхушки деревьев на Касанго, маленьком необитаемом островке, приблизительно в тридцати милях от Мпабалы. Верхушки деревьев, очевидно, были вытянуты кверху миражем, так как вблизи берега и в других местах они были невидимы даже в хорошую подзорную трубу. Этот необитаемый островок мог стать нашей следующей остановкой, если бы нам позволили переправиться через озеро.

От него до страны Манда на том берегу такое же расстояние, как от деревни Масанту до Мпабалы.

27 июля. Сделал лунные и звездные наблюдения для определения широты.

Лодочники взволновались, так как им сказали, что жители Киси прослышали, будто их каноэ здесь, и направляются сюда, чтобы отобрать его. Лодочники сказали, что вернутся за мной, но я не мог рассчитывать на честность воров. Я обдумывал, не захватить ли их весла и обратиться к старейшинам острова. Но, зная по прошлому опыту, как легко заведомым ворам вроде них выдумать историю, которая привлекла бы к ним дешевое сочувствие слабоголовых или мягкосердечных, я решил кротко перенести – хотя про себя тяжело вздыхал – потерю двух дней из оплаченных четырех. Для найма другого каноэ у меня оставалось только собственное одеяло, а стало уже очень холодно.

Небольшое количество имеющихся в наличии бус потребуется для покупки пищи на обратном пути. Я мог бы добывать пищу, стреляя буйволов, но пешком и в траве со стеблями толщиной в гусиное перо это ужасно тяжелая работа. Пришлось вернуться в деревню Масанту и для оценки размеров озера положиться на расстояния, вычисленные по времени, которое затрачивают на поездки в своих каноэ местные жители.

На Мпабалу мы шли со скоростью шесть узлов и вернулись за такое же время при шести сильных гребцах. Широта, пройденная по курсу на юго-восток, составила 12′, что дает примерно действительное расстояние до Мпабалы в 24′. До места ночевки, островка Касанго, не меньше чем еще 28′, а оттуда до берега страны Манда тоже 28′. Таким образом, ширина озера от деревни Масанту на юго-восток составляет 24 + 28 + 28 = 80′. Деревня расположена на 11°0′ ю. ш. Если к этому прибавить половину подсчитанного расстояния, то получим для широты Манды 11°40′. Страна на другом берегу на юг от Мпабалы называется Кабенде. Оконечность берега, идущего на юг от деревни Масанту, – это вход в Луапулу. Самое острое зрение не позволяет видеть в этом месте другой берег Луапулы.

Я видел облака, похожие на дым горящей травы, но, вероятно, это были тучи *кунгу*, съедобного насекомого, массы которого, когда они клубятся над водой и на ее поверхности, в точности походят на дым. По тому времени, которое каноэ затрачивает на переезд в Кабенде, я полагаю, что южный берег немного южнее 12° ю. ш. Длину озера, исходя из того, что каноэ затрачивает десять дней на переход от Мпабалы до устья Чамбези, я оцениваю в полтораста миль, вероятно, она даже больше. Никто не называл меньшего времени перехода. Луапула на протяжении около двадцати миль представляет собой рукав озера, дальше река нигде не у́же ста восьмидесяти – двухсот ярдов, а большей частью много шире; ее можно сравнить с Темзой у Лондонского моста. Думаю, что я значительно преуменьшаю размеры Бангвеоло, полагая его длину равной ста пятидесяти, а ширину восьмидесяти милям.

С юго-востока на юго-запад тянется горный хребет Локинга. С него стекают небольшие горные потоки, но рек нет. Этот хребет соединяется с горами Кони, или Мокони, к западу от Катанги; в горах Кони берут начало на одной стороне Луфира, а на другой – Лиамбаи, т. е. Замбези. Протекающая по Манда река Матанга представляет собой только рукав, отходящий от озера и возвращающийся в него. Нужно еще исследовать на южной стороне озера истоки рек Лума и Лоэла, их ширина ярдов тридцать.

29 июля. Нигде около озера Бангвеоло не наблюдал случаев зоба или слоновой болезни. Следовательно, сведения, которые нам давали о том, что озеро чрезвычайно нездоровое, ошибочны. Мы не видели заболоченных берегов, но по пути к озеру пришлось проходить по такому количеству «губок», т. е. сочащихся водой участков, что слово *матопе* («грязь») вполне применимо к этим местам. Думаю, что, приди мы сюда раньше, нам пришлось бы преодолеть большие трудности, чтобы вообще добраться до озера.

30 июля. Начали обратный поход, торопясь добраться до деревни Чикумби, на случай если Мохамад отправится оттуда в Катангу. Зашли в деревню Мопуни, потом двинулись дальше на Молонгоси. Небо стало затягиваться облаками. Вышли к Мпанде, разлившейся на пятнадцать ярдов, хотя ширина самой реки только пять ярдов, оттуда – дальше к реке Мато и укрепленной деревне вождя Моеггеа, где мы услышали о нападении Чикумби на Комбокомбо. Моеггеа понял угрозу и заканчивал в это время вторую линию обороны вокруг своей деревни. Мы пришли в нее 1 августа 1868 г. и остались на воскресенье, 2 августа. 3-го возвратились на Рофубу, где мне посчастливилось нанять каноэ.

Рассматривая тщательно муху цеце, я обнаружил, что у основания ее жала находится вместилище черного или темно-красного цвета; при нажатии из кончика жала выступает прозрачная жидкость; другие две части хоботка служат щитком, и у основания их нет вздутия. Вздутие это в Королевском обществе признали просто мускулом, но странно, что мускул имеется там, где он не нужен, и отсутствует в подвижных частях щитка, где он, конечно, нужен.

5 августа 1868 г. Пришли в деревню Комбокомбо. Вождь очень щедр и уговаривал нас пробыть у него день. Мы согласились; оказалось, что Мохамад никуда не уходил.

7 августа. Застали в Кизинге отправляющуюся на берег моря партию торговцев, она взяла с собой наши письма. Партии понадобится пять месяцев, чтобы достигнуть морского берега. Из-за неспокойного состояния страны торговцы не могут двигаться по многим направлениям. Одна из партий, выступившая в один день с нами, была вынуждена вернуться. Мохамад решил отправиться в страну маньюэма, как только возвратятся разосланные им группы людей. Для меня это очень кстати. Им придется идти той дорогой, по которой я хотел пойти, чтобы проследить Луалабу и Луфиру, в сторону Човамбе. Я решил идти на север через владения Касембе, и проводники были уже готовы к выходу. Был готов и я. Но слухи о войне в тех местах, куда мы направлялись, побудили меня сделать остановку, чтобы выяснить,

что на самом деле происходит.

Проводники (ваньямвези) собирались гадать с помощью петуха, чтобы узнать, будет ли для них удачей сопровождать меня сейчас. Внутри сооруженной нами ограды выкопали колодец, и ваньямвези занялись выплавкой меди, предназначая ее для рынка в стране маньюэма и на отливку пуль. Пришел Саид бин Омар, перейдя Луапулу из Ирамбы. Неясность положения заставила торговцев прийти к соглашению: они решили объединить свои силы, чтобы обеспечить безопасность отступления из страны. Они очень энергично возражали против моего ухода вдоль правого берега Луапулы с маленькой группой, и я решил поэтому оставаться здесь, дожидаясь, когда все уйдут.

13 августа. Ваньямвези пользуются молотком в форме конуса без рукояти. У них есть два вида мехов (один из козьей шкуры, другой из дерева с натянутой на барабан кожей и привязанной к ее середине ручкой). Эти мехи они применяют для плавки больших слитков меди; они льют медь в горшки, почти доверху наполненные древесной золой. Очаг окружен муравейниками, в которых проделаны ямки для заливки в них расплавленного металла. При заливке металла горшок держат в руках, защищенных мокрыми тряпками.

15 августа. Бин Омар, суахили, прошел из Моабосо на Чамбези за шесть дней, на этом пути он перешел через двадцать два потока и заболоченных участка, глубиной где по колено, где по пояс.

Дуют сильные холодные ветры. Когда пришел Саид бин Омар, обсуждалось предложение наказать Чикумби, который отказывается платить долги. Я ухожу к Касембе.

Узнал, что есть еще один горячий источник в стране балоба. Название его Фунгве. Таким образом, в этой области три горячих источника: Фунгве, Капира и Вана.

На пути, которым я собираюсь идти к Касембе, было убито несколько человек; это еще один аргумент против того, чтобы я шел этой дорогой.

Ваньямвези говорили мне, что племя баньоло вырывает у себя передние верхние зубы, как это делают батока. Баньоло обитают недалеко от Лоанды, там находится озеро Чикополо. Нащупываю дорогу. Все деревья выпустили свежие молодые листья разных цветов. Ветер юго-восточный. Облака в верхнем слое движутся на северо-запад.

Мангровое болото.
Изображение из этнографического издания XIX в.

29 августа. Период *каскас* начался сегодня жарким душным днем. Так будет продолжаться, пока не пойдут дожди. Все время ползут слухи о войне, ведущейся где-то неподалеку.

31 августа. Сегодня вечером здесь начался дождь, что крайне удивительно, так как этот дождь опередил по меньшей мере на два месяца обычное начало дождей за пределами области водораздела. Это был грозовой ливень; он выпал только местами, как и другой, прошедший 2-го вечером.

Представление о существовании дождливой области, на которую тучи изливают свои сокровища непрерывными ливнями, не подтверждается моими наблюдениями. В 1866/67 г. выпало сорок два дюйма дождевых осадков. В 1867/68 г. выпавшие осадки составили пятьдесят три дюйма. Примерно столько же в этих широтах выпадает и на Западном берегу. И в тот, и в другой год дожди полностью прекратились в мае, и, за исключением двух случайных грозовых ливней в средней части водораздела, до середины или до конца октября не было ни одного дождя, и даже в ноябре дожди шли лишь местами. Но между октябрем и маем почти не проходило дня, чтобы не гремел гром. Раскаты, или ворчание, грома африканцы считают признаком скорого прекращения дождей. Самая влажная область – средняя часть

водораздела. Большую влажность климата этой области сразу замечаешь по виду деревьев, старых и молодых, густо покрытых лишайниками. Одни из лишайников плоские, растут на стволах и ветвях, другие свисают в виде длинных волокон, похожие на бороды стариков, развевающиеся на ветру. Большие орхидеи на деревьях вместе с изобилием лишайников больше нигде не встречаются, кроме мангровых болот на берегу моря.

Я не могу объяснить большей влажности водораздела по сравнению с остальной страной иначе как тем, что преобладающие ветры дуют с юго-востока и оттуда, т. е. с Индийского океана, приносят дожди. Юго-восточный ветер обычно дует у поверхности, но одновременно можно наблюдать сильный ветер в верхних слоях атмосферы, дующий с северо-запада, т. е. с низменного сырого Западного берега и Атлантического океана. Вероятно, в период сильных дождей эти два ветра сталкиваются; сейчас, в августе, один перекрывает другой. Вероятность высказанного здесь основана на том, что все постоянные дожди в полосе между тропиками приходят со стороны, противоположной преобладающему в данное время года направлению ветра. Отдельные дожди обычно приносятся с юго-востока.

Направление преобладающих ветров в этой области хорошо прослеживается на островах озера Бангвеоло: стволы деревьев согнуты в сторону, противоположную юго-востоку; ветви на наветренной стороне неразвитые или засохшие, тогда как на северо-западной стороне ветви отходят от ствола прямо и делают деревья кривобокими. Такое же искривление в сторону от юго-востока можно видеть у деревьев, растущих на открытых местах, например на верхушке горы. В Кизинге, расположенной выше озера Бангвеоло, деревья покрыты лишайниками главным образом с юго-восточной стороны; лишайники покрывают также верхнюю сторону ветвей, идущих горизонтально в северо-западном направлении или в обратную сторону. Растения и деревья, которые в других частях Африки можно видеть только по берегам рек или в других сырых местах, в этой стране пышно растут повсюду; даже камни покрыты лишайником, а в их трещинах уживается папоротник.

Но самым разительным образом чрезмерная влажность климата этой области доказывается множеством встречающихся здесь земляных «губок», или сочащихся водой мест. На пути от Кизинги до Бангвеоло на участке в тридцать миль, идя юго-восточным курсом, я пересек двадцать девять таких водных резервуаров. Слово «болото» дает в значительной степени представление о характере земляных «губок». Но в нашем

понятии «болото» обычно неразрывно связано с торфом, а в «губках» торфа нет ни крошки: они состоят из черной пористой земли, покрытой жесткой, жилистой травой и некоторыми влаголюбивыми растениями.

Во многих местах «губки» содержат большое количество окиси железа; потоки этой окиси, густые, как патока, медленно движутся по «губке», как маленькие красные глетчеры. Когда наступаешь на черную землю «губки», вода на поверхности совсем не выступает или выступает немного, но часто вырывается струей, обливая ногу. На тропинках, пересекающих «губки», земля легко превращается в мягкую грязь, но она быстро погружается на дно, как будто плотность ее велика. Вода в «губках» все время циркулирует и сочится. Места, в которых встречаются «губки», представляют собой неглубокие долины, лишенные деревьев и кустов, но разбросанные в лесистой местности.

Трава на «губках» высотой всего в фут или пятнадцать дюймов, но густая; издали на первый взгляд кажется, что это просто красивая лужайка где-то в помещичьем парке в Англии. Ширина «губки» составляет от четверти мили до одной мили, а длина от двух до десяти миль и более. При сильных дождях вода на поросших лесом равнинах впитывается в землю, здесь никогда не увидишь стекающих потоков, разве что если такой поток случайно попадет на тропинку. Вода, проникнув вглубь футов на восемь, доходит до слоя желтого песка, под которым залегает другой слой более мелкого белого песка, образующий в нижней части слоя плотную массу; она препятствует дальнейшему просачиванию воды.

Совершенно то же мы обнаружили в пустыне Калахари, когда копали колодцы, из которых наши быки могли бы сосать воду. Вода и там, и здесь направляется по слою мелкого песка в ближайшую долину и там сочится со всех сторон сквозь толстый покров черной пористой земли, образующей «губку». В пустыне в некоторых долинах вода проступает наружу, увлажняя поверхностный слой песка, и бушмены особым способом высасывают эту воду. Когда много лет назад мы докопались до уплотненного слоя песка, африканцы просили нас не рыть дальше, так как вся вода уйдет; и мы, увидев, что вода поступает в колодец сквозь мелкий песок со всех сторон, но снизу из уплотненного слоя не идет, перестали копать.

Однако впоследствии два тупых англичанина прорыли насквозь уплотненный слой, несмотря на то что африканцы умоляли их не делать этого, и колодец и вся долина окончательно высохли. В здешних местах вода, сочащаяся из поверхностного покрова «губки», собирается в середине

неглубокой долины, занятой «губкой», и образует медленно текущий ручей; дальше по течению, по мере того как возрастает уклон, поток размывает себе более глубокое русло с отвесными берегами, по обе стороны которого идут полосы «губки» шириной, скажем, по двести ярдов или больше; из «губки» непрестанно сочится вода, увеличивая размеры ручья. Когда ручей достигнет каменистого грунта, он становится непересыхающей речкой, на дне которой растет множество водяных растений.

Одна особенность может поразить всякого: вода никогда не бывает окрашенной или мутной. Я видел только одну речку, мутную в половодье, Чаму, которая течет по аллювиальной равнине в стране Лопере. Замечательна и другая особенность: когда дожди совершенно прекращаются, эти речки достигают наибольшей полноводности и вызывают наводнения. Похоже на то, что к концу периода дождей «губки» под действием воды всплывают со своего основания, а расширенные поры и дыры все источают воду. Когда «губка» всплывает от избытка воды, все ее поры открыты, и тогда получается наводнение; когда земляной покров снова опускается, поры работают, как естественные клапаны, и частично закрываются, нагруженные весом лежащих выше слоев земли. Поскольку для того чтобы промочить весь песок, сквозь который просачивается дождь, нужно время, то большое количество воды может дойти до «губки» только спустя примерно месяц после выпадения сильных дождей.

Я путешествовал по Лунде в то время, когда «губки» были перенасыщены водой. Заросший травой покров так вспучился, что разделился на пятна, или пучки, и если, бывало, оступишься и нога не станет на цепочку пучков жилистой травы, образующих тропинку, то проваливаешься по бедро в жидкую грязь. В это время мы могли переходить через «губку» только по природным тропинкам, а через речку лишь в случае, если бывал наведен мост; в других местах «губки» были непроходимы. Наши быки постоянно увязали в грязи, проваливаясь сразу всеми четырьмя ногами по брюхо. Увидев чистое песчаное дно речки в середине «губки», они охотно шли в воду, но обычно ныряли в нее сломя голову, высоко задрав хвост, показывая этим, какое нервное потрясение они перенесли.

Для путешественника эти «губки» создают серьезные трудности. Я переходил через двадцать девять упомянутых выше «губок» в конце четвертого месяца сухого периода, но вода в речках посередине, казалось, еще не начала спадать. Они имели в это время глубину где по середину голени, где по пояс, и на переход через них требовалось от пятнадцати до сорока минут. На тропинках, ведущих через речку, было много глубоких ям;

когда проваливаешься в такую яму, каждый мускул в теле испытывает болезненный толчок. Уже перейдя поток и как будто шагая по частично высохшей земле, можно вдруг провалиться на целый фут, и фонтан черной грязи обольет вас до бедра. Только достигнув деревьев и сойдя с этой раскисшей земли, чувствуешь себя в безопасности от грязи и пиявок.

Речки в этих местах буквально неисчислимы. Они берут начало на гребнях и, несомненно, представляют собой первичные источники Замбези, Конго и Нила. Соединяясь, эти речки образуют реки шириной в восемьдесят – сто ярдов, всегда настолько глубокие, что для переправы через них требуются лодки или мосты. Эти реки я предлагаю называть вторичными источниками; те, что питают Нил, отдают свои воды по трем линиям стока и образуют начало великой реки Египта.

Я благодарен всемогущему Провидению, которое хранило меня и позволило мне сделать эти открытия. Еще многое осталось сделать, и, если мне будут дарованы здоровье и защита, я завершу это дело.

На водоразделе лишь немногие «губки» высыхают. В других местах это случается часто. Глубина трещин поверхности «губки» составляет от пятнадцати до восемнадцати дюймов, края их расходятся на два-три дюйма. Крабы и другие животные, расчищая свои ходы, обнаруживают то же, что видел и я, когда копал колодцы в Кизинге и Кабуире, и что наблюдал во рвах глубиной в пятнадцать футов, вырытых африканцами вокруг многих частоколов; «губки» покоятся на слое мелкого белого промытого песка. Трещины дают хорошее представление о действии дождей: местные грозовые ливни, выпадающие в октябре, ноябре, декабре и даже в январе, не оказывают на трещины никакого влияния. Только когда солнце начинает возвращаться со своего наибольшего южного склонения, трещины закрывают свои широкие губы. Вся «губка» поднимается вверх, покрывая огромные массы воды, просачивающейся затем наружу в марте и апреле и создающей наводнения.

Водам Конго, Замбези и Нила требуется разное время, чтобы достигнуть моря. Течение Замбези пополняется еще благодаря тому, что сильные дожди застают многие маленькие озера в русле питающих ее рек переполненными уже в феврале, как только солнце приходит на север.

Сказанному выше об источниках питания Замбези как будто противоречит сообщение, сделанное мне несколько дней назад Сеидом бин Хабибом: он посетил истоки Лиамбаи и Луфиры. И та, и другая река начинается из источника; источник, из которого выходит Луфира, называется Чангози; он невелик и находится в

высоком лесу к юго-западу от Катанги; источник Лиамбаи настолько широк, что человека с другого берега не слышно и он кажется маленьким. Между этими двумя источниками расстояние в пять часов ходьбы. Бин Хабиб хорошо знает Лиамбаи, на которой я его впервые встретил. Река Лунга вытекает почти из того же места и течет в Леуньге и Кафуэ. В тех местах Луфира у́же, чем Калонгоси, т. е. меньше, чем восемьдесят – двести ярдов в ширину, и на ней есть несколько высоких водопадов.

Хребет Кони, снижаясь к северу, доходит почти до владений Мпвето. Вождя каменных жилищ в стране балоба зовут Мкана. До пещер можно дойти от Мпвето за три дня по трудной дороге. Так как Муабо отказался показать мне свои пещеры (*мита, миенгело*, или *мпаманканана*, как он их называет), я должен попытаться добраться до пещер Мканы в стране балоба.

Сенегальские ласточки спариваются в начале декабря.

О наводнениях

В заметке о климате я объяснял наводнения перенасыщением «губок» водой в период сильных дождей, когда солнце возвращается от своего наибольшего южного склонения; в это время все поры расширены и вода, создающая наводнения, вытекает из «губок» в огромном количестве даже после полного прекращения дождей. Вероятно, некоторые вещи можно выяснить, изучая выпадение дождей на экваторе или севернее его, так как солнце уходит к северу за пределы моих маршрутов, но названный мной процесс, несомненно, объясняет наводнения на Конго и Замбези. Наиболее проницательные из древних, в том числе Страбон, приписывали разлив Нила летним дождям на юге; другие считали причиной разлива таяние снегов на Лунных горах; иные считали, что причина в северном ветре, так как он дует прямо против течения Нила в его устье; некоторые, с меньшим основанием, полагали, что источник разлива – океан; Геродот и Плиний приписывали нильский разлив тому, что испарение следует за солнцем.

Караван Ливингстона переходит реку.
Гравюра XIX в.

1 сентября 1868 г. От Касембе пришли два человека: туда дошли слухи, будто я убит. Дерево *мининго* выделяет воду, падающую с него крупными каплями. Когда дым расходится, становится видна Луапула. В Усафе от оспы умерло пятьдесят человек из людей Саида бин Омара. (Для памяти. Вакцина!) Мы вышли с восточного берега реки Моиси 25-го, перешли Луонго 28-го, Луфубу 1 октября и Колонгоси 7-го.

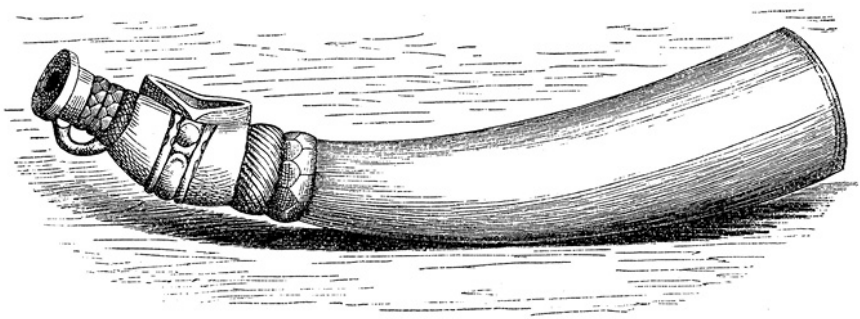
5 октября. Я задержался в стране имбожва гораздо дольше, чем мне хотелось. Первой причиной нашей задержки было нашествие мазиту, о котором Касембе впервые услышал, как раз когда мы пришли на озеро Мофве; он тотчас послал людей проверить это сообщение и потребовал, чтобы я остался, пока не вернутся посланные. Набег мазиту создал безвластие и беспорядок в стране, и это было основной причиной нашей задержки.

Имбожва разбегались при подходе разбойников, и многочисленные ваньямвези, или гараганза, которые пришли сюда торговать медью, взяли на себя обязанность изгнать вторгшихся; с помощью мушкетов им это удалось выполнить как следует, но, строя укрепленные деревни, они вызвали зависть хозяев земли, имбожва, которые вместо благодарности испытывали ненависть к новой силе, возникшей среди них. Имбожва сильно пострадали от нечестной торговли чужестранцев, и Чикумби произвел решительное, но безуспешное нападение на укрепленную деревню Комбокомбо.

Во всей стране царило смятение. Часть ваньямвези стала

нападать на бауси, похожих на имбожва, но живущих дальше к югу, захватила некоторое число бауси в плен и продала их. Я уже упоминал, что именно при этих обстоятельствах меня окружила группа разъяренных имбожва, принимавшая нас за грабителей. Другой вождь принял нас за мазиту. В этой сумятице Касембе сообщили, что моя партия отрезана. Он вызвал Моэнемпанду и сам выступил в поход, чтобы наказать ваньямвези, на которых он затаил обиду за то, что они убили близкого родственника его семьи, за то, что они продают в рабство бауси и вообще устраиваются в его стране как особая сила.

Два арабских торговца, промышлявших в это время в стране, решили объединить свои силы, чтобы с их помощью благополучно отступить. Чикумби хранил двадцать восемь бивней для Саида бин Омара; приход Касембе лишил бы его гарантии сохранить доверенное ему имущество в целости, так как армия здесь очень часто ведет себя по-разбойничьи: каждый забирает себе все, что сможет. После того как, объединившись, мы все вместо 23 сентября выступили из Кизинги, приходилось каждый вечер строить ограды для защиты нашего отряда и около четырехсот ваньямвези, которые воспользовались возможностью благополучно уйти с нами. Комбокомбо ушел из своей укрепленной деревни и часть пути тоже шел с нами, но потом ночью двинулся напрямик, без дороги, на соединение с партиями своих соотечественников-ваньямвези, которые все еще не хотели расстаться с торговлей медью. Нас никто не тронул, и мы, идя почти прямо на север, вышли к реке Колонгоси. Здесь Саид расстался с нами и направился на восток в Мозамбу, а оттуда – к берегу моря.



Военный рог из слоновьего бивня (Западный Судан).
Изображение из этнографического издания XIX в.

Глава 13

11 *октября 1868 г.* К северу от Кизинги вся страна покрыта лесом. На ней вздымаются гребни твердого песчаника, иногда покрытого мелкозернистым глинистым сланцем. Часто встречаются большие деревья, принадлежащие к виду, близкому к камедным. На вершинах попадаются масуко и рододендроны. Если эти деревья растут на открытых местах, то стволы их изогнуты в сторону, обратную юго-востоку. Много диких животных – буйволов, слонов. Многочисленные речушки бегут быстро, как ручьи в Англии после сильных дождей. Все население на юго-западной стороне Колонгоси – подданные Касембе, т. е. балунда или имбожва.

Мне понравилось, что своих больных ваньямвези по двое несли на носилках. Когда носильщиков это утомило, они одного человека, которого несли уже несколько дней, оставили под присмотром Чу́мы. Мы перешли через Луонго много выше по течению от того места, где впервые увидели ее, и недалеко от ее истоков в горах Урунгу, или Усунгу, затем перебрались через Лобубу, порядочную реку шириной в тридцать ярдов с быстрым течением и красивыми водопадами выше нашего брода; Лобубу впадает в Колонгоси.

6 октября. Перешли через Папуси, а милей дальше – через Луэну; здесь она шириной в сорок ярдов и глубиной по колено. Тут встретили человек четыреста из людей Кабанды; у них был такой вид, как будто они пришли помешать нашей переправе. Я перешел через реку, а они все держались вежливо. Если бы мы выказали малейшую слабость, они, несомненно, воспользовались бы этим.

7 октября. Пришли на Колонгоси, текущую по пяти дорогам, образуемым пятью островками в месте, называемом Кабверуме. Вблизи Мебамбы в нее вливается порядочная речка.

12 октября. Мы вышли к Колонгоси у брода Мосоло; измерив его ширину шагами, я определил, что она равна двумстам сорока ярдам; глубина реки в этом месте (в конце сухого периода) по бедро. Течение было настолько быстрым, что я с трудом удерживался на ногах. На противоположном берегу стояло не менее пятисот людей Нсамы, чтобы выяснить, что нам здесь нужно. Послал на тот берег двенадцать футов коленкора, а затем с тридцатью людьми, вооруженными ружьями, перешел, чтобы прикрывать остальных наших людей на переправе. При нашем приближении люди Нсамы отошли назад. Я пошел к ним и сказал, что уже раньше был у Нсамы, который дал мне козу и

провизию, что мы с ним друзья. Некоторые из людей Нсамы видели меня у него, и теперь все столпились поглядеть на меня вблизи. Все стали вести себя дружелюбно. Убили слона, и мы остановились на два дня закупить провизию. Оттуда двинулись между двух гряд гор на восточной стороне озера Мверу по дороге, которой мы воспользовались в первое наше посещение владений Касембе.

20 и 21 октября. С Луао отправился в деревню вождя Муабо просить его показать мне пещеры, расположенные в его владениях. Он отклонил мою просьбу, говоря, что я пришел, уже побывав у очень многих людей, и теперь должен отправиться в Кабвабвату и там ждать; тем временем он обдумает, что делать – отказать ли мне или пригласить прийти. Он явно не желает, чтобы я видел его крепости. Весь его народ может разместиться в этих пещерах, хотя численность его больше десяти тысяч; пещеры обильно снабжаются водой и служат зернохранилищами.

22 октября. Пришли в Кабвабвату; надеюсь, мне удастся найти дорогу к другим подземным жилищам. Вряд ли они сделаны руками предков нынешних жителей, так как сами жители неизменно приписывают создание пещер божеству – Мулунгу, или Реза; если бы их соорудили предки нынешних обитателей, то существовало бы на этот счет какое-нибудь предание.

23 октября. Из деревни вождя Мпвето прибыл Сеид бин Хабиб. Он сообщил, что Луалаба и Луфира впадают в озеро во владениях Кинкозы. Имя верховного вождя страны Руа – Лунгабале.

Рога *мпарахалы* оказались длиной в три фута и диаметром у основания в три дюйма; это животное – желтая *куалата* страны макололо, помесь антилопы, которую голландцы называют *гемзбок*.

27, 29 и 30 октября. Салем бин Хабиб убит жителями страны Руа. Он расставил палатку, и они напали на нее ночью и закололи его копьями сквозь полотнища. Сеид бин Хабиб объявил войну всей Руа в отмщение за убийство брата. Возможно, что к этому убийству народ побудил набег Сефа.

29 октября. Двигаясь на север в сентябре и октябре – последних месяцах сухого периода, я переходил через много речек, текущих совсем как наши английские ручьи после сильных дождей, но здесь вода чистая и берега совсем не размыты. Некоторые речки имели беловатый оттенок, какой бывает от полевого шпата из разрушающегося гранита. Некоторые почти застойные воды казались состоящими из смеси молока с водой, в некоторых речушках была видна красная окись железа.

Там, где есть пиявки, их не приходится уговаривать присосаться: они налетают на белую кожу, как фурии, и ни за что не отстают. Онемевшими пальцами, хотя температура воды всего лишь 60 ˚F (16 ˚C), накручиваешь пиявку на палец и тянешь, но она выскальзывает. Я видел, что африканцы отделяют их от тела, делая резкий удар ладонью; этот метод оказался вполне эффективным.

Стрижи, сенегальские ласточки и обыкновенные ласточки с темным брюшком появились в Кизинге в начале октября; другие птицы, например сорокопут Дронго, птица с красноватым клювом, но в остальном похожая на серую коноплянку, продолжают держаться стаями. (5 декабря.) Сейчас они спариваются. Коршуны прилетели раньше ласточек. Первого коршуна видел на Бангвеоло 20 июля 1868 г.

1 ноября 1868 г. Кабвабвата. Ждем, пока подойдет Сеид, чтобы помочь ему. У него огромное количество бивней и слитков меди; по-видимому, чтобы переправить все это, его людям придется пройти туда и обратно три раза. На озере у него большие каноэ, и он поможет нам на обратном пути.

2 ноября. Вчера пришло известие из деревни Мпвето, что от Сеида бин Хабиба убежал двадцать один раб; это все были люди из Руа, незакованные, так как считалось, что по сю сторону Луалабы они уже никуда не денутся; но при первой возможности они показали свою любовь к свободе. Подозревают, что Мпвето приютил их или помог им переправиться через реку. Вероятно, это приведет к тому, что Сеид нападет на Мпвето, как он много раз нападал на других вождей Руа. Мпвето в этом случае не может рассчитывать на чье-либо сочувствие: слишком он редко проявляет дружественное отношение к другим вождям.

Пейзаж в Конго. *Гравюра XIX в.*

3 ноября. Послали людей поторопить Сеида. Мы выступаем через два-три дня.

Самая древняя из известных нам карт, карта эфиопских золотых рудников, относится к временам Сети I, отца Рамзеса II; она составлена задолго до бронзовой пластинки Аристагора, на которой был нанесен весь земной круг, со всеми морями и реками. (*Тайлор,* стр. 90, цитирую по «Археологии» Берга, т. XXXIV, стр. 382.) Сесострис был первым распространителем своих карт.

8 ноября. Говорят, что Сеид бин Хабиб собрал 150 фрасила слоновой кости, т. е. 5250 фунтов (2380 кг), и 300 фрасила меди, т. е. 10 500 фунтов (4760 кг). При ста носильщиках ему нужно делать четыре оборота, т. е. на каждом переходе повторять путь четыре раза. Двадцать один раб убежал сразу в одну ночь, и только четверых поймали. Не все рабы им куплены, медь и слоновая кость тоже добыты нечестным путем: убийство брата было для него удобным оправданием для грабежа, убийств и захвата пленных. Так как Мпвето живет на берегу Луалабы, то его

подозревают в том, что он приютил беглых: они не смогли бы переправиться через реку без помощи его людей и без его каноэ. Мпвето заявил: «Отойдите от меня и посмотрим, пойдут ли убежавшие в эту сторону». Он не хочет выдавать беглецов. Сеид послал за *эльмасом*, единственным лицом здесь из духовных, т. е. из мулл, – вероятно, затем, чтобы спросить, дает ли ему, Сеиду, Коран право напасть на Мпвето. Мулла наверняка ответит: «Да, конечно. Если Мпвето не вернет тебе рабов, возьми, что сможешь, силой». Сеид пролил уже много крови и начинает опасаться за свою жизнь.

Два дня болел лихорадкой. Слава Богу, сейчас легче.

Ожидая выхода на Уджиджи, Ливингстон усиленно занимался проблемой истоков Нила. Под 8 ноября он записал следующие строки.

Открытие истоков Нила по важности не уступает отысканию Северо-западного прохода, которое привлекло к себе, хотя и в меньшей степени, энергию, настойчивость и смелость англичан. В отыскании истоков Нила, кроме того, есть элемент особого интереса. Великие люди древности оставили записи о своем горячем желании выяснить источники реки, которую Гомер назвал «сошедшим с небес родником Египта». Сесострис, первый, кто изготовил карты, которые раздал не только египтянам, но и скифам, естественно, желал знать истоки реки, на берегах которой, как говорил Евстафий, процветал фараон. Александр Великий, основавший в устье реки прославленный город, смотрел вверх по ее течению с тем же желанием, того же хотели и цезари. У Лукана великий Юлий Цезарь говорит, что он откажется от ведения гражданской войны, если только сможет увидеть истоки этой всемирно известной реки. Император Нерон послал двух центурионов исследовать «Caput Nili». Они сообщили, что видели, как река со страшной силой прорывается между двух скал, а далее теряется в огромных болотах. Вероятно, это были местные сведения о Нильских катарактах и обширных пространствах за ними. Другие развили это сообщение и превратили его в рассказ о двух горах с острыми коническими вершинами – Крофи и Мофи – посередине, между которыми находятся источники Нила; их глубину невозможно измерить. Эти источники отдают половину своей воды на юг, Эфиопии, а другую половину – на север, Египту. То, что посланные Нерона не смогли найти, и то, что многие великие умы древности стремились узнать, в наш век стало известным благодаря терпеливой деятельности и настойчивому трудолюбию англичан.

Принося к ногам соотечественников свой вклад в эти открытия, автор хочет воздать заслуженную честь своим

предшественникам. Работа Спика и Гранта заслуживает высшей похвалы: они открыли огромные территории, ранее неисследованные, в твердом убеждении, что открывают истоки Нила. Никто не может оценить трудности совершенного ими, если сам не углубится в неизведанную страну. Вместе с капитаном Бертоном Спик подошел гораздо ближе к «прячущимся источникам», чем когда он был на озере Виктория, но он и все исследователи повернулись к источникам спиной. М-р Бэйкер проявил храбрость и настойчивость, достойную англичанина, следуя указаниям, данным в работе Спика и Гранта. Но никто в моем представлении не стоит так высоко, как голландская леди мисс Тинне, которая после тяжелых семейных горестей с благородной настойчивостью продолжала бороться со всевозможными трудностями и отказалась от достижения цели своей экспедиции только после уверений Спика и Гранта, что источники, которые она ищет, уже открыты ими: это озеро Виктория. Мисс Тинне, очевидно, обладает в какой-то мере неукротимой отвагой ван Тромпа, могилу которого должен посетить каждый приезжающий в Голландию англичанин. Ее доктор получил титул барона. Не будь она уже голландской леди, ее следовало бы сделать герцогиней.[32]

Для сопоставления с тем, что мне придется опубликовать, если я выживу, хочу изложить наиболее интересные представления об этой всемирно известной реке. Птолемей, географ (не из египетских царей), живший во II веке, на своих древнейших картах показывает, что Нил берет начало в «Montes Lunae» (Лунные горы) между 10 и 12° ю. ш. в виде шести отдельных рек, которые текут на север в два озера, расположенные одно на востоке, другое на западе. Эти реки текут западнее реки, называемой Птолемеем Рапта, или Раптус, – вероятно, это наша Рувуму, или Лоума. Точка зрения Птолемея очень близка к истине, однако его Лунные горы нельзя отождествить с горами Локинга или Биса, в которых действительно берут начало многие из источников, питающих Нил.

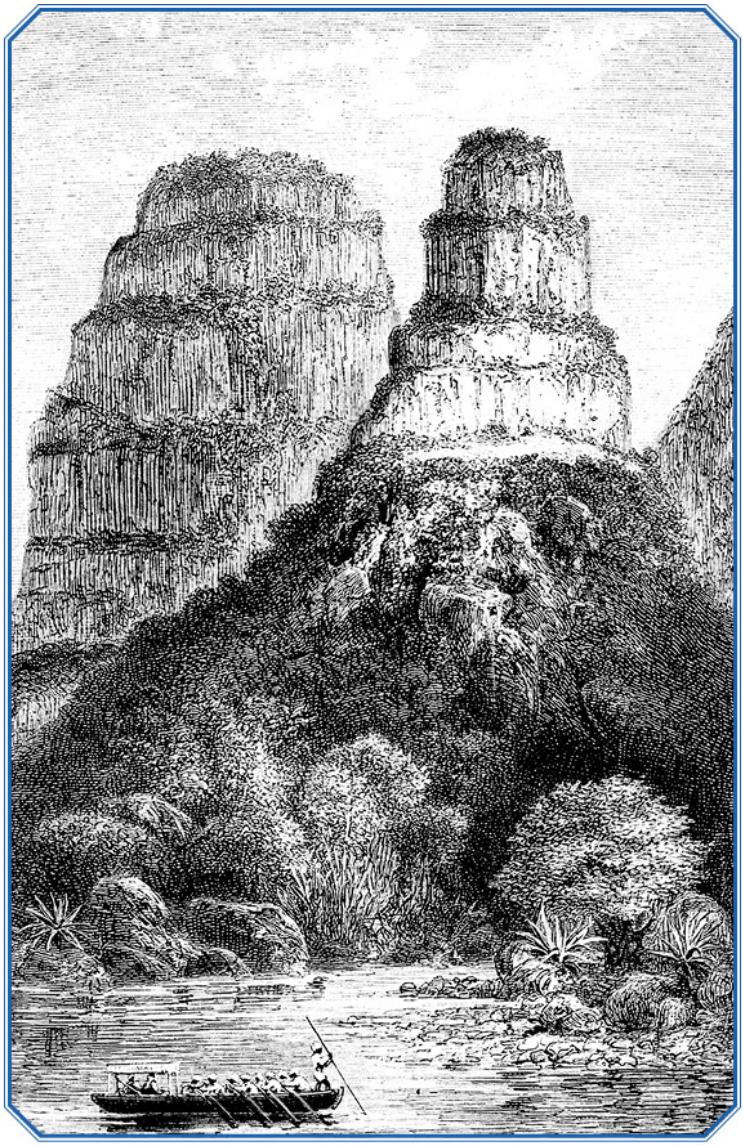
Некоторые из древних писателей полагали, что источник вод Нила – океан. Так же думали и африканцы с берегов Лиамбаи, т. е. верхнего течения Замбези, когда мы спрашивали об истоках реки: «Она берет начало в Леоатле, море белого человека, или в Метсехула». Второе название означает «пасущаяся вода» и вызвано представлением, будто прилив набегает на берег, чтобы пастись. Почему вода в Лиамбаи пресная, они объяснить не могли.

Некоторые считали, что Нил берет начало в Западной

Африке, течет на восток через континент, затем поворачивает на север к Египту. Другие думали, что он берет начало… в Индии! На основании неясных сведений, полученных от рабов, некоторые считали, что Нил и несколько других рек вытекают из большого внутреннего моря. Имя этого большого озера было будто бы Ахелунда, что на языке негров Анголы значит «море». Но скорее всего, это значит просто «из Лунды», «принадлежавший Лунде», ибо Лунда – страна. Под словом «Ахелунда» могли подразумевать, конечно, и море, и что угодно. Ньяси, или «море», – еще одно название, и тоже ошибочное. Ньяси значит «высокая трава» и больше ничего. Нианза, произносимое коротко как «Ньяса», означает «озеро», «болото», «любой водоем» и даже «высохшее дно озера». «Н» и «и» произносят слитно как «нь».

Из всех теоретиков – открывателей истоков тот, который договорился до существования озера в двести миль и поместил его на высоте в 4000 футов на северо-западном конце озера Ньяса, заслуживает первого места. Д-р Бик своей догадкой подошел к истине ближе большинства исследователей, но все же и он в конце концов указал место, где истоков нельзя было найти. Старик Нил сыграл славную шутку с теоретиками: его истоки оказались на пятьсот миль южнее, чем все они предполагали. Я называю свои результаты вкладом в открытие истоков Нила; ведь ровно сто лет назад (в 1769 г.) Брюс, более замечательный путешественник, чем мы все, побывал в Абиссинии и, открыв истоки Голубого Нила, тоже думал, что решил древнюю проблему. Может быть, мой вклад будет отвергнут, если кто-нибудь откроет южные источники великой реки Египта, о которых я сейчас не имею представления.

Давид Ливингстон»



Горы у берегов Танганьики.
Иллюстрация из книги Г. М. Стенли «Как я отыскал Ливингстона»

Мы знаем, что Эционгебер со своими портовыми сооружениями стоял на берегу моря. Сейчас он находится далеко от берега, в глубине залива, в выжженной пустыне. Когда португалец Балтазар посетил Аден около трехсот лет назад, это был цветущий сад. Сейчас это огромное скопление черных скал, изверженных пород с ничтожной растительностью. Многочисленные гигантские бассейны и развалины акведуков

стоят как обломки прошлого в местах, где дождь не выпадает по три года подряд и даже больше. Все они высохли вследствие изменения климата.

В связи с системой озер в центре Африки может прийти в голову мысль, что озеро Ньяса часть своих вод отдает в Нил, но это значило бы, что из озера выходят реки с обоих концов; кроме того, страна на северо-северо-западе и северо-востоке возвышается на 4000–6000 футов над уровнем моря и нет ни малейших признаков того, что Ньяса и Танганьика когда-либо соединялись между собой.

Кроме того, Льемба находится на высоте в 3000 футов над уровнем моря. Высота озера Ньяса значительно меньшая. Следовательно, если бы между озерами существовало сообщение, хотя бы подземное, то озеро Танганьика изливалось бы в Ньясу и дальше через Шире и Замбези в море.

От большого озера, существующего, как говорят, на северо-западе от Тананьики, мог бы отходить рукав к Нилу; однако к востоку с этого озера поднимается высокая гряда.

Достойно внимания, что у суахили, побывавших в Карагве, создалось впечатление, будто Китангуле (Китангари) течет из Танганьики в озеро Укереве. Один из людей Саида бин Омара на днях заставил меня задуматься над этим, сказав: «Китангуле – рукав Танганьики». Он не прослеживал течения. Но то, что Дагара, отец Руманьики, серьезно собирался в свое время углубить верхнее течение реки, чтобы каноэ могли проходить из его владений в Уджиджи, – веское доказательство в пользу того, что река вблизи Танганьики должна быть большой. Мы знаем, что вблизи Укереве река имеет значительные размеры и для переправы через нее требуется каноэ. Бертон пришел к очень нелепому заключению, будто негры, говоря, что река течет в одну сторону, хотят сказать, что она течет в противоположном направлении. Во времена Руманьики Уджиджи было единственным рынком для товаров всей страны. Сейчас основная доля торговли и наибольшее влияние находятся в руках Гараганзы (14 сентября 1868 г.).

Но жители восточного берега озера Виктория называют его Окара. Ответвление озера – Кавирондо – имеет ширину около сорока миль. Озеро Баринго – отдельное водное пространство, шириной около пятидесяти миль, от него отходит река Нгардабаш, текущая на восток, в Сомали. Озеро Наиваша, восточнее Кавирондо, тоже имеет ширину около пятидесяти миль. Из него вытекает река Кидете, которая, как предполагают, течет в Луфу. Наиваша лежит к юго-востоку от Кавирондо, и с его берегов видна гора Килиманджаро. Спик, по-видимому, принял

юго-восточные озера Окара, Наиваша и Баринго за одно. На юге озера Окара много больших островов, между которыми мало воды, да и та, что есть, покрыта водной растительностью *тикатики*, по которой, как на маленьком озере Гумадона, может ходить человек. На севере Окара очень широкое. Страна бурукинегге образует пограничную область между народом Кавиронго и племенами галла, владеющими верблюдами и лошадьми.

9 ноября. Переписал несколько заметок, сделанных в Кизинге и других местах. В Кабвабвате возобновляю ведение дневника. Несколько небольших дождей немного охладили воздух. Сейчас самое жаркое время года.

10 ноября. Сегодня утром прошел более сильный дождь, он окажет такое же действие.

11 ноября. Муабо посетил нашу деревню, но отказался показать подземные жилища.

13 ноября. Я собрался уже совсем выступить без Мохамада Богариба, но он просил меня не уходить, пока не уладит какое-то важное дело относительно жены, которую должен получить в Уджиджи от Мпамари. Для счастливого выхода в поход нам нужно дождаться новолуния, которое будет через три дня. Сеида бин Хабиба мы оставим в деревне вождя Чисаби.

Убежали две женщины-рабыни; а из двадцати одного беглеца Сеид вернул только пять. Мулла в своих решениях проявил мягкость; он вернулся сюда и сообщил мне, что от Сеида убежало много рабов – около сорока. Многие, кому бежать не удается, умирают, очевидно, от тоски. Это все пленные, а не люди, проданные в рабство за какую-нибудь провинность. Этим объясняется большая смертность среди людей, которых ведут на морской берег, чтобы, как они думают, там откормить и съесть. Несчастные! Да поможет им Бог.

Уджиджи – так звучит название города в произношении ваньямвези. Местных жителей они называют вахехе, совершенно так, как эти люди именовали себя на реке Зуга, близ Нгами.

Все беглецы из моих людей вернулись, и я взял их обратно.

15 ноября. У арабов существует предание, согласно которому эмир Муса ходил на юг и дошел до страны джагла. Рассказывают, что он жил к северо-востоку от Сунны, нынешней Мтезы. Но предание это так перемешано с легендами и сказками о джиннах, что его нельзя отнести к Моисею, о пребывании которого в Мероэ и женитьбе на дочери царя Эфиопии существует также смутное предание в более северных местах. Единственное, что меня в этих рассказах интересует, – этого род Мероэ, ныне утерянный; если он был построен древними египтянами, его, может быть, еще

найдут.

Чтобы подозвать кого-нибудь, африканцы делают рукой жест, не похожий на европейский. Руку при этом они держат ладонью вниз, тогда как мы держим ее ладонью кверху. Они как бы мысленно налагают руку на нужного им человека и притягивают его к себе. Если тот, кого подзывают, находится недалеко, скажем, ярдах в сорока, то зовущий поднимает правую руку на уровень груди и делает движение, как будто хватает его, сжимая пальцы, и притягивает к себе. Если же тот, кого зовут, находится далеко, то жест усиливают, поднимая правую руку как можно выше и опуская ее с размаху вниз, к земле, по-прежнему ладонью вниз. В знак согласия они кивают головой, но в отличие от нас поднимают подбородок кверху, а не опускают вниз, как мы. К этому скоро привыкаешь, и поднимание подбородка кажется естественным.

16 ноября. Я устал от ожидания и завтра отправляюсь на север. Симон убил зебру, уже после того как я принял решение о выступлении. Добытое мясо делает отсрочку терпимой, ибо кроме того, что у меня теперь появилась мясная пища, которой раньше не было, мы можем купить всякое зерно и бобовые на ближайшие несколько дней. Ведь женщины соседних деревень, как только прослышат, что охотники убили животное, сбегаются сюда и продают за мясо всевозможные продукты со своих участков.

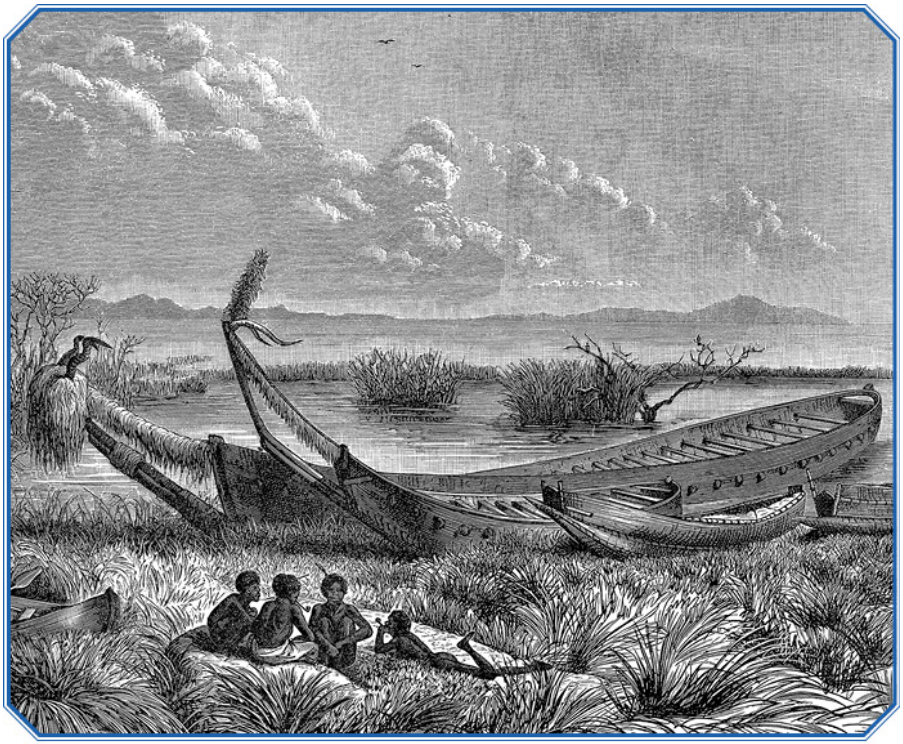
17 ноября. Рассказывают, что по дороге к Большому Соленому озеру в Америке повсюду встречаются кости и черепа животных, и, несмотря на это, путешественники часто испытывают сильный недостаток в топливе. Странно слышать такое об американцах, столь умелых в использовании решительно всего. Когда мы в первый раз шли на пароходе вверх по реке Шире, топливо кончилось у нас как раз на слоновьем болоте, где нет деревьев, и добраться до них невозможно, иначе как пройдя много миль по тянущемуся на обоих берегах почти непроходимому болоту, покрытому тростником и пересекаемому повсюду глубокими рукавами реки. Доведя судно до места, где когда-то был убит слон, я немедленно погрузил на пароход его кости; они вместе с костями еще одного слона дали нам возможность на парах быстро дойти до такого места, где было много дров. Скифы, по словам Геродота, пользовались костями принесенного в жертву животного, чтобы сварить его мясо; то же делают гаучосы в Южной Америке, когда у них нет топлива; бык, таким образом, сам себя варит.

18 ноября. Хорошенькая маленькая женщина сбежала от своего мужа и пришла к Мпамари. Муж ее принес три мотыги, отрез клетчатой ткани и две нитки крупных бус, чтобы откупить

ее обратно. Но старик хочет взять ее себе, и, по местным законам, он имеет право оставить ее как жену-рабыню. Рабовладельцы – плохие соседи, так как рабы постоянно от них убегают, а хозяева считают, что вожди обязаны вернуть им беглеца за кусочек ткани. Старая женщина бегала от Мпамари три раза; вчера ее поймали и привязали к столбу, чтобы молодые рабы издевались над ней. Ее дочь, увидев, что мать привязывают, разрыдалась; тогда Мпамари приказал привязать ее к спине матери. Я заступился за дочь, и ее отпустили. Мпамари сказал: «Тебе все равно, пусть Сеид Маджид потеряет свои деньги». Я ответил: «Отпусти совсем старуху; ведь она завтра опять убежит». Но для них невыносимо дать рабу свободу.

19 ноября. Собирался выступить сегодня, но Мохамад Богариб попросил меня не уходить еще три дня, а затем он-де пойдет со мной; он был очень добр ко мне, готовил для меня ежедневно еду с самого дня моего прибытия к Касембе, с 6 мая, и до дня нашего прихода сюда, 22 октября. Пища была довольно грубая, но все же это была пища, и мне не хотелось отклонять его искреннее гостеприимство. Мпамари тоже уговаривал меня. На его уговоры я бы не обратил внимания, но у него есть связи с лодочниками на Танганьике.

20 ноября. Мохамад Богариб намеревался напасть на две ближние деревни, предполагая, что их жители прячут его беглых рабов. Думаю, что, оставшись здесь, я разрушил этот план, так как ему не хочется грабить, пока я с ним. Мпамари тоже настроился снова на мир, хотя устроил смотр всем своим бродягам и гарцевал перед ними, как старая загнанная лошадь. Один из его людей пришел в такое возбуждение от крика, что другим пришлось его обезоружить; тут он упал, как в припадке. Ему вылили воды на голову, и он успокоился. Выступаем 22-го.



Лодки традиционной конструкции на озере Виктория.
Изображение из этнографического издания XIX в.

22 ноября. Сегодня вечером имбожва, или бабемба, пришли в сумерки и убили женщину ваньямвези на одном конце деревни и женщину с ребенком на другом. Оказывается, один из людей Мохамада Богариба, по имени Бин Джума, ходил в деревню к северу от нашей и там захватил двух женщин и двух девочек взамен четырех сбежавших рабов. Вождь, возмущенный этим, выстрелил из лука в одного из людей отряда Бин Джумы, а Бин Джума застрелил из ружья женщину.

Как оказалось, это вызвало возмущение во всей стране, и на следующее утро на нас с трех сторон напала толпа имбожва. У нас не было ограждения, но наши люди стали строить его со всей возможной в виду неприятеля скоростью; они рубили деревья и переносили их на линию обороны, в то время как другие сдерживали нападающих, угрожая ружьями. Не будь с нами группы ваньямвези, которые усиленно стреляли из луков и время от времени отгоняли имбожва, нас бы разгромили. Я не приближался к месту сражения и оставался дома, чтобы в случае необходимости защищать свой багаж. Женщины ходили взад-вперед по деревне с лукошками, как будто веяли зерно, распевали

песни и кричали, подбадривая сражающихся мужей и друзей; у каждой в руке была ветка *Ficus indica*, которой она размахивала, как я думаю, в виде талисмана.

По слухам, убито человек десять имбожва, но их соотечественники тотчас же уносили убитых и раненых. Они продолжали нападать на нас с рассвета до часу дня и выказывали большую храбрость, но ранили своими стрелами только двоих. Проявленная имбожва забота о спасении своих раненых изумительна: двое или трое сейчас же подхватывали упавшего и убегали с ним, хотя их преследовала большая толпа ваньямвези с копьями, а суахили стреляли из ружей. Поистине многие из имбожва были настоящими кавалерами креста Виктории!

Те имбожва, у которых вокруг пояса висели связки хвостов животных с амулетами, подбирались бочком, легкой походкой, к недостроенной ограде и стреляли, целясь высоко вверх, чтобы стрелы упали среди ваньямвези; затем собирали валявшиеся на земле стрелы, отбегали назад и снова возвращались. Они думали, что легкая походка позволяет им избегать пуль; когда пули свистели, пролетая, они нагибали голову, как бы давая пулям пройти над собой; они никогда раньше не видели ружей. В тот момент мы не знали, что нападающие – это вожди Муабо, Фута, Нгуруэ, Сандаруко и Чапи; мы выяснили это позже по тем потерям, которые понес каждый из этих пяти вождей.

Для меня совершенно ясно, что арабы-суахили были поражены поведением африканцев. Суахили думали, что африканцы побегут, как только услышат ружейные выстрелы, но вместо этого нас едва не истребили; так бы, наверно, и случилось, если бы не наши союзники ваньямвези. Хорошо, что имбожва не удалось привлечь Мпвето и Карембве к участию в нападении, не то положение было бы еще серьезнее.

24 ноября. Имбожва, или, скорее, бабемба, пришли сегодня рано утром и стали вызывать Мохамада на бой, если он человек, способный сражаться; но ограда готова, и никто, видимо, не пожелал отозваться на этот вызов. Мне нет дела до всего этого, но слава Богу, что я задержался и не попал со своими немногими спутниками в руки справедливо разгневанных бабемба. Сегодня они возобновили атаку, некоторые выходили к ним сражаться, и бой продолжался до полудня. Если убитых нападающих свои не успевали уносить, то ваньямвези отрубали ему голову и сажали ее на кол в ограде. Так водрузили шесть голов. Ваньямвези захватили в плен красивого молодого человека; один из ваньямвези ударил его ножом в спину, другой рассек ему лоб топором. Я кричал им, чтобы они не убивали его, но тщетно. Наиболее здраво рассуждающие соглашались, что убивать

пленных не следует, но большинство ваньямвези пребывают в исступлении против бабемба из-за женщин, убитых 22-го.

25 ноября. На третий день бабемба держались поодаль; арабы думают, что будет хорошо, если нам удастся выбраться отсюда невредимыми. В ночь на 23-е послали к Сеиду бин Хабибу людей за порохом и подмогой. Мохамад Богариб не желает брать на себя ответственность за войну: он винит в происшедшем Мпамари, а Мпамари – его. Я сказал Мохамаду, что война, несомненно, дело его рук, поскольку Бин Джума его человек, а он, Мохамад, одобрил захват женщин.

Ему это не нравится, но это правда. Ведь он не напал бы на деревню Касембе, или Моамбы, или Чикумби, как он напал на эту деревню вождя Чапи. Просто здешний народ оказался из другого теста, чем он думал, и безумие вступления в войну, в которой его рабы, если им удастся, ускользнут из его рук, теперь очевидно для всех, даже для него самого. Сеид прислал четыре бочки пороха и десять человек; они прибыли вчера ночью.

27 ноября. От Муабо пришли два человека для переговоров. Один из них сказал, что был на южном конце деревни в самом начале этой истории и слышал, как один человек сказал другому: «Мо пиге» («застрели его»). Мпамари произнес длинную оправдательную речь, но все это было повторением той же вечной истории о беглых рабах. Работорговцы не могут помешать рабам убегать и нахально убеждены, что местные жители должны их ловить и быть, таким образом, их покорными слугами и преследовать своих соотечественников. Если рабовладельцы не могут сохранить своих рабов, зачем покупать их, зачем класть свои деньги в дырявый мешок?

Я предложил Мохамаду Богарибу отослать назад женщин, захваченных Бин Джумой, чтобы показать бабемба, что он не одобряет этого поступка и готов мириться, но ему это показалось слишком унизительным; я добавил, что эти рабы обошлись в четыре бочки пороха, т. е. в сто шестьдесят долларов, тогда как при законной покупке рабы стоили бы ему по восемь или десять ярдов коленкора каждый. По окончании речи Мпамари людям Муабо показали четыре бочки пороха и Коран, чтобы внушить мысль о великой мощи арабов.

28–29 ноября. Предполагается двинуться на север и пробиться, если удастся, силой, но все понимают, что это создало бы отличную возможность для рабов убежать, а они, конечно, не замедлят воспользоваться ею. Вопрос, таким образом, становится серьезным, и арабы ищут на него ответа в Коране.

30 ноября. Послали к Муабо людей просить о праве прохода или, говоря проще, об охране с его стороны. Мпамари заявляет,

что он ко всему этому делу совершенно непричастен.

1 декабря 1868 г. Опять приходили люди от Муабо. Он был бы рад помочь помириться с Чапи!

2 декабря. Задержка меня очень беспокоит. Муабо прислал в знак предложения мира трех рабов – штраф, наложенный на себя добровольно; но Муабо находится к югу от нас, а мы хотим идти на север.

3 декабря. Сегодня отправился отряд очистить путь на север, однако бабемба горячо встретили его… стрелами. Отряд вернулся с одной захваченной женщиной; люди говорят, что убили одного мужчину. Один из них ранен, многие были в опасном положении. Другой отряд ходил на восток, в них тоже стреляли, есть раненые.

4 декабря. На восток отправился отряд и рад был спастись от бабемба бегством. То же произошло и на западе, а сегодня (5-го) созвали всех людей усиливать укрепления из опасения, что враг неожиданно может войти в деревню.

Рабы, несомненно, разбежались бы, и винить их за это нелепо. Мпамари предложил выступить на север ночью, но его люди возражали, так как даже детский плач мог бы разбудить бабемба и они обнаружили бы пытающихся от них удрать. Поэтому в конце концов Мпамари послал к Сеиду спросить его, что делать – отступать днем или ночью. Вероятно, он также упрашивал Сеида прийти и защитить его.

В этих местах в каждой деревне можно найти деревянного идола; черты лица, татуировка и прическа воспроизводят внешность жителей; для некоторых идолов строят маленькие хижины, другие стоят в обычных жилищах. Бабемба называют их *нкиси* (арабы произносят это *санкан*); народ Руа одного идола называет *калуби*, во множественном числе – *талуби*. Идолам подносят помбе, муку, *бханг* (индийскую коноплю), табак и разводят для них костер, чтобы они могли курить у огня. Идолы эти изображают умерших отца или мать, и предполагается, что родители довольны подношениями этим изображениям, но все жители отрицают, что молятся идолам. У Касембе много этих нкиси.

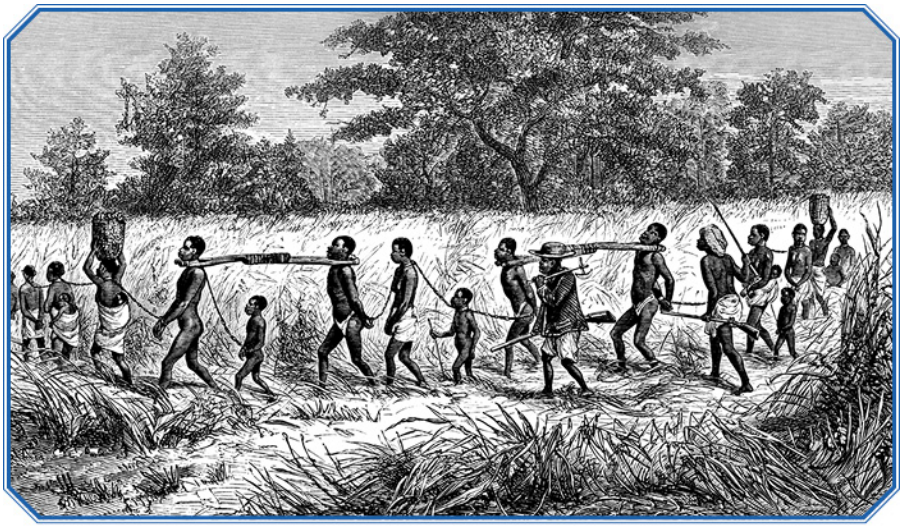
Когда Касембе выступает в поход, одного из них, длинноволосого, по имени Мотамбо, несут впереди. Иногда идолы носят имена умерших вождей. Я не встретил никого, кто смог бы мне объяснить, молятся ли когда-нибудь этим идолам. Арабы, знающие языки африканцев, говорят, что у них нет молитв и они думают, что со смертью наступает полный конец человека; впрочем, некоторые факты заставляют меня думать, что мнение арабов ошибочно. Рабы, подражая своим господам, насмехаются над соотечественниками и не высказывают настоящих мыслей.

Один раб сказал мне, что они веруют в два верховных существа – Реза вверху, убивающего людей, и Реза внизу, уносящего их после смерти.

6 декабря. От Сеида бин Хабиба пришли десять человек и принесли письмо, содержание которого ни Мпамари, ни Мохамад не хотят сообщать. Некоторые думают (и это весьма вероятно), что он спрашивает: «Зачем вы начали войну, если собирались так скоро уходить? Разве вы не знали, что население страны воспользуется тем, что вы в походе будете обременены женщинами и рабами?»

Мохамад Богариб пригласил меня, чтобы спросить, какой совет я могу ему подать, так как его собственные соображения и уловки оказались бесполезными, и он теперь не знает, что делать. Ваньямвези угрожают уйти ночью, покинув его, так как они в ярости против бабемба и обижены тем, что арабы не помогают отомстить им.

Я избегал давать какие-либо советы, но все же сказал, что, будь я на его месте, я бы уже давно отослал пленниц Бин Джумы, чтобы показать, что не одобряю его поступка, с которого началась война, и готов помириться с Чапи. Он ответил, что не знал о намерении Бин Джумы захватить этих людей. Бин Джума будто бы встретил африканцев с рыбой и отобрал силой десять рыб. Африканцы в отместку захватили трех рабов ваньямвези, и Бин Джума уплатил за рыб штраф, дав одного раба. Но Мохамад будто бы и об этом деле ничего не знал. Я, однако, держусь того мнения, что Мохамад отлично знал об обоих делах, и гарцевание Мпамари перед строем показывает, что он тоже все знал, хотя теперь и отрицает это.



Караван захваченных работорговцами африканцев по дороге в Тете. *Иллюстрация из английского издания книги Д. Ливингстона «Путешествия и исследования миссионера в Южной Африке»*

Бин Джума – длинный, худой, нескладный суахили ростом в шесть футов два дюйма, толстогубый, нос крючком. Я сказал Мохамаду, что если Бин Джума пойдет с нами в страну маньюэма, то всему нашему отряду отрежут отступление. Этот Бин Джума явился сюда, купил себе в слуги раба, и тот убежал. Тогда Бин Джума стал угрожать жителю деревни Чапи из-за беглеца (сам он говорит, что угрожал троим), а затем захватил десять человек взамен этого беглого; Мохамад вернул из них шестерых. Вот что послужило началом войны.

Теперь, когда война разгорелась, я вынужден поступать так, как Мохамад, и отступать вместе с ним днем или ночью. Нет смысла сейчас спрашивать у меня совета, но ясно, что они своим поведением, не имеющим никакого оправдания, поставили меня в ложное положение. Они теперь боятся, что султан Сеид Маджид будет винить их в этом; пока что Сеид бин Хабиб прислал мне личное сообщение, приглашая прийти с его посланными к нему и оставить эту партию.

Я вижу, что теперь план заключается в попытке очистить дорогу от Чапи, а затем идти дальше, но мне так отвратительна эта война из-за рабов, что я собираюсь пойти на риск нападения со стороны населения страны и отправиться завтра без Мохамада Богариба, хотя он мне нравится гораздо больше, чем Мпамари или Сеид бин Хабиб. Какое вопиющее лицемерие обращаться к

Корану за наставлением, в то время как похищенные женщины, девушки и рыба находятся в руках Бин Джумы.

8 и 9 декабря. Мне пришлось ждать, пока ваньямвези приготовят пищу. Мохамад не распоряжается ими, да и никем вообще. Пришли двое бабемба и сказали, что они отказываются от борьбы, но просят вернуть им жен, захваченных людьми Сеида, когда они шли сюда. Эту разумную просьбу сначала отклонили, но благоразумие победило, и арабы согласились сделать хоть что-нибудь, чтобы смягчить гнев врага; отослали шесть пленных, в том числе двух женщин, за которых просили бабемба.

11 декабря. Шли шесть часов, африканцы нас не трогали. Построили ограду, наутро перешли через реку Локинда и ее приток Мукоси. Здешнее население подвластно Чисаби, который не присоединился к другим вождям бабемба. Идем между двумя грядами поросших лесом гор, составляющих продолжение тех, что тянутся по обеим сторонам озера Мверу.

12 декабря. Надоевшая история с бегством рабов повторилась вчера, когда скрылись два раба Мпамари, несмотря на то что у них на шее ярмо и оба они у него с юных лет. Из недавно приобретенных рабынь Мохамада Богариба не осталось ни одной, имеющей привлекательную внешность; все хорошенькие рабыни ловко добиваются благосклонности, просят снять с них ярмо, а затем сбегают. После четырехчасового перехода пришли в деревню Чисаби и в лагерь Сеида бин Хабиба; лил непрерывный дождь, который испортил торжественную встречу Сеида с его родственником Мпамари. Однако женщины стойко провели встречу, хотя и промокли насквозь, – они танцевали и пели приветствия с усердием, достойным лучшего применения, как выражаются репортеры.

По обычаю, торговец, принимающий гостей, режет коз и кормит прибывших не менее двух дней; Сеид соблюдает это правило гостеприимства, хотя продолжается непрерывный дождь.

14 декабря. Пушица и папоротники, растущие по всей стране, подтверждают большую влажность Марунгу. Дождь идет ежедневно, но это не тот сильный дождь, какой выпадает, когда солнце проходит над нашими головами обратно на юг.

15 декабря. Двухчасовой переход до хребта Тамба. Африканец убил для еды красивую светло-серую маленькую сову *нквекве*. Черное кольцо вокруг передней части головы и черные уши придают ей сильное сходство с кошкой, привычкам которой сова следует.

16–18 декабря. Вчера вечером умер брат Сеид бин Хабиба. Я решил совсем оставить партию, но Сеид сказал, что Чисаби нельзя доверять; кроме того, поскольку умер брат Сеида, было бы

непочтительно с моей стороны оставить его одного хоронить покойника. Этой ночью бежали шесть рабов Сеида – один из них сторожил остальных. Говорят, что одному мобемба, ходившему с Сеидом два раза на берег моря, приглянулась женщина, связанная в цепь с пятью другими рабами. Он отпустил этих пятерых и взял с собой женщину. Остальные пять немедленно исчезли; сейчас, когда трава уже высокая и зеленая, никто не может по следам найти, куда они ушли.

Сеид сказал мне, что не стал бы задерживаться из-за рабов, но остается ввиду смерти брата. Мы похоронили юношу, проболевшего три месяца. Мпамари и еще четверо спустились в могилу. Над ними горизонтально растянули широкое полотно и заставили его слегка колебаться, как будто обмахивали тех, которые укладывали тело в выемке, выкопанной сбоку у дна. Кончив укладывать тело, они стали подгребать к себе землю, а все остальные подталкивали ее к ним, пока не заровняли могилу. Затем подошел мулла, вылил немного воды на могилу и пробормотал несколько молитв. При этом Мпамари громко сказал мне: «Мулла молится так, что его не слышно», а мулла улыбнулся мне, как бы говоря: «За то немногое, что я получу, и это достаточно громко». Во время совершения обряда женщины громко причитали. Мы отправились на обычное место собраний, и все пожимали руку Сеида, как бы снова принимая его в общество живых.

Перед этим Сеид говорил мне, что он сражался с народом, убившим его старшего брата Салема бин Хабиба, и будет продолжать воевать с ними, пока вся страна не будет разорена и опустошена: мусульмане не прощают пролития крови. Сеид убил много людей и захватил множество рабов и большое количество слоновой кости и меди; у него более двухсот бивней, из них многие большого размера.

19–20 декабря. Пришли в укрепленную деревню вождя Чисаби на левом берегу реки Лофунсо, текущей по заболоченной долине, шириной в три мили. Ночью сбежали восемь рабов Мохамада Богариба, один с ружьем и со своей женой. На поиски ходила большая партия, но никого не нашли.

Сегодня арабы убили слона. Послали забрать мясо, но Чисаби приказал людям не трогать принадлежащее ему мясо. Опыт Кабвабваты говорил нам – «держитесь мягко»; поэтому чтобы задобрить вождя, ему послали шесть ярдов коленкора и две мотыги; тогда Чисаби потребовал половину мяса и один бивень; мясо отдали, но выдать бивень вежливо отказались, сказав, что вождь – юноша, а это требование подсказано его советниками. В ответ было сказано еще, что Касембе, Чикумби, Нсама и Мерере

вообще ничего не требовали. Вероятно, его советники слыхали об установленном португальцами законе и хотят ввести его здесь. Все же оба бивня остались у арабов.

22 декабря. Переправились через реку Лофунсо, пройдя вброд через три рукава, первый из них шириной в сорок семь ярдов, затем через саму реку, в пятьдесят ярдов и глубиной по горло. Двоих снесло, и они утонули, еще двоих спасли прыгнувшие в воду люди; одним из спасавших был мой слуга Суси. Одного человека сильно укусил крокодил, но зверя отогнали. Ночью сбежали два раба: женщина отвязала ярмо мужа от дерева и убежала с ним.

24 декабря. Сегодня нас задерживают больные, их пятеро. Некоторые не могут идти от слабости и поноса, вызванного тем, что они спали на сырой земле неодетыми.

Сеид бин Хабиб рассказывает, что в Руа водится особая порода коз с удивительно короткими ногами, настолько короткими, что они не могут далеко ходить; козы эти дают много молока и хорошо жиреют, но мясо у них неважное.

Золото в Катанге встречается только в озере, внизу у водопада. Вероятно, оно содержится в породе выше по течению. Рассказ Сеида о Лофу, или, как он ее называет, Западной Луалабе, совпадает с рассказом его двоюродного брата, Сеида бин Омара. Она течет на север и впадает к западу от Луфиры в озеро Кинконза, называемого так по имени вождя. Восточная Луалаба становится дальше очень широкой, часто достигает в ширину шесть или восемь миль; на ней много населенных островов, жители которых не боятся вторжения; их вожди Моэнге и Ньямакунда – люди необузданные. Принадлежащий Сеиду охотник Кабвебве сообщил ряд сведений, полученных им во время охотничьих странствований. Например, он говорит, что у Луфиры девять значительных притоков; у одного из них, Лекульве, тоже девять притоков; другой приток, Кисунгу, покрыт тикатикой, по которой люди переходят с берега на берег, хотя тикатика и прогибается под их тяжестью. Он приписывает происхождение Луфиры и Западной Луалабы, т. е. Лофу, вместе с Лиамбаи источникам, вытекающим из большого земляного холма, который называет *сегуло*, что значит «муравейник».

25 декабря. Рождество. Не можем купить ничего, кроме самой грубой пищи. Ни козы, ни курицы. Сеид, у которого много меди, может получить все самое изысканное. Прошли мимо горы Катанга, которая осталась по левую руку от нас, и вышли к реке Капета. Зарезали любимицу-козочку, чтобы приготовить рождественский обед. Из Уджиджи пришла партия торговцев. Они говорят, что отсюда до Танганьики десять переходов. Передали

ошибочные сведения, будто на озере Човамбе есть пароход с баржей на буксире – английский вдобавок – с массой тканей и бус на борту. Эти новости сообщены в письме Абдуллы бин Салема, мусульманского миссионера, живущего в деревне Мтезы; письмо пришло в Уджиджи три месяца назад.

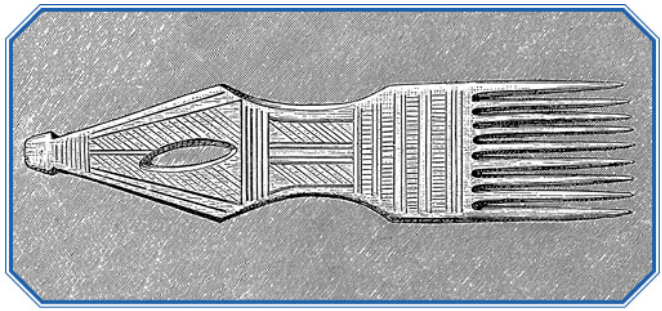
26 декабря. После подъема в течение двух с половиной часов вышли на верхушку одной из горных гряд, протянувшейся, как обычно, с юга на север. Три часа ходьбы по плоскому верху гребня привели нас к бурной речке Кибаве. На гребне, через который мы шли, нет населения, хотя местность очень красивая – веселая, с разными оттенками зелени. Мы шли через места, поросшие папоротником высотой в пять футов и цветущим имбирем, и весь день нас окутывало сырое облако. Время от времени в этих местах моросит дождь, но от него все кругом только отсыревает, а в дождемере ничего не остается. Не видно ни солнца, ни звезд.

27–28 декабря. Оставались здесь на воскресенье; потом, вновь отправившись в путь, перешли пять речек, шириной в четыре ярда и глубиной по колено, впадающих в Лофунсо. Трава уже начинает покрывать тропинки, делая их невидимыми, растет она очень быстро. Весь день на листьях лежат крупные капли воды, они падают, когда мы проходим, и от этого ноги у нас все время мокрые.

29 декабря. Шли по плоской гряде между двумя черными хребтами, затем спустились вниз, вошли в полусгоревшую укрепленную деревню и здесь остановились. Костры торговцев из Уджиджи вызвали пожар после ухода партии. Мы находимся сейчас в области Итанде на реке Нсвиба.

30 декабря. Направились прямо на восток. Значительно уклонились к востоку, еще начиная от горы Катанга, на Лофунсо. Перешли через реку Локиву, шириной в двенадцать ярдов, очень глубокую; кругом везде деревни. Все время, идя на восток, поднимаемся в гору. На северо-западе видны очень высокие горы. Леса темно-зеленые, с большими пятнами более светлого оттенка.

31 декабря. Вчера в проливной дождь достигли Лофуко. Не зная, что близко лагерь с хижинами, я сделал остановку и надел бурнус, но промок; сухой одежды не было. Сегодня остаемся здесь, чтобы закупить пищу. Все небо покрыли облака, пришедшие с северо-запада. Ширина реки тридцать ярдов; она течет на восток, в Танганьику. Пейзаж очарователен.



Гребень ваньямвези.
Изображение из этнографического издания XIX в.

notes

Примечания

1

Насик – город и область в штате Бомбей. Там была устроена англичанами школа, где обучались африканцы. (*Прим. переводчика*)

2

Джоханна – княжество на Коморских островах, в Мозамбикском проливе. (*Прим. переводчика*)

3

Баньяны – индийская каста торговцев. (*Прим. переводчика*)

4

Те, кто читал отчеты африканских путешественников, знают, что укусы двух-трех маленьких мух цеце обычно служат причиной болезни, от которой быки, лошади и собаки погибают через несколько недель. (*Прим. ред. англ. издания*)

5

Д-р Ливингстон хотел испытать в областях, где водится цеце, верблюдов и индийских буйволов, чтобы посмотреть, как на них подействуют укусы этой мухи. (*Прим. ред. англ. издания*)

6

Речь идет о нападении на «Пионер» по время исследования р. Рувумы в 1861 г. (*Прим. ред. англ. издания*)

7

Муави аналогично «Божьему суду» европейских народов – испытание огнем или водой. (*Прим. переводчика*)

Далее эта гора называется Нконья. (*Прим. ред. англ. издания*)

9

Как известно, этот немецкий путешественник был убит около озера Ньяса. Негритянские вожди выдали убийц, которых отправили в Занзибар, где их казнили. (*Прим. ред. англ. издания*)

10

Очевидно, Ливингстон взял с собой из Англии небольшой личный архив. (*Прим. ред. англ. издания*)

11

Эти убийства преследуют и другую цель. Ужас, внушаемый ими оставшимся в живых, подстегивает их, заставляет выдерживать тяготы перехода. Португальцы – погонщики рабов отлично понимают эффективность этого стимула. (*Прим. ред. англ. издания*)

12

У племен различные обычаи в отношении животной пищи: одно племя ест слонов, другое считает мясо слона нечистым и т. д. Другие племена манганджа охотно едят гиен и леопардов. (*Прим. ред. англ. издания*)

13

Имеется в виду английский центнер, равный 100 фунтам.

14

Ливингстон знал, что на западном берегу озера находится арабский поселок, и надеялся добиться от Джумбе, чтобы тот помог ему переехать на другой берег озера. (*Прим. ред. англ. издания*)

15

Там, в Шупанге, похоронена жена Ливингстона. (*Прим. переводчика*)

16

Отрез небеленого коленкора в два ярда.

17

Слуга Ливингстона Чу́ма запомнил часть песни, три строки; он не мог сам перевести ее, так как она на чистом языке манганджа, но последние две представляют собой в разной форме повторение фразы: «Сегодня обязательно будет дождь». (*Прим. ред. англ. издания*)

18

Так же ведут себя листья тамаринда в жаркое время дня.

19

Речь идет не о великом вожде, владения которого находятся близ озера Мверу, а о его тезке.

20

Хотелось бы заметить, что Ливингстон умел засыпать, когда захочет, почти моментально. В любое время он мог освежить себя сном: для этого ему было достаточно тенистого дерева, под которым он мог бы расстелить циновку. (*Прим. ред. англ. издания)*

21

Вершина горы (по барометру) 6638 футов.

22

Последствия этого события сказывались на состоянии д-ра Ливингстона в течение последующих месяцев. Можно не сомневаться, что тяжелая форма, в которой протекали впоследствие его болезни, была прямым следствием этого происшествия: вряд ли можно сомневаться, что именно с этого момента его здоровье стал подтачивать яд лихорадки, бороться с которой он не мог из-за отсутствия хинина. *(Прим. ред. англ. издания)*

23

Все письма пришли в Англию.

24

Впоследствии оказалось, что это южная оконечность великого озера.

25

У манганджа – *чефу*. Название всех сильных животных оканчивается на «фу» или «ву»: *нджобву* – слон, *м'ву* – бегемот. (*Прим. ред. англ. издания*)

26

Негры легко замечают особенности человека и дают ему соответствующее прозвище. Победители стараются предупредить их и сами выбирают себе прозвище. Суси (слуга Ливингстона) рассказывает, что когда Типо-Типо стоял над трофеями, взятыми у Нсамы, он сгреб их к себе и сказал: «Теперь я типо-типо», что значит «собиратель сокровищ». Кумба-кумба (Комбокомбо), о котором часто будет идти речь дальше, получил свое прозвище от большого числа пленных, включенных им в свою свиту в подобных же обстоятельствах. Это прозвище можно перевести как «собиратель людей». (*Прим. ред. англ. издания*)

27

Между страницами, где одна из записей датирована 15 декабря, был вложен этот доклад д-ра Ливингстона лорду Кларендону. К нему сделано примечание, что он не был ни переписан, ни отослан из-за отсутствия бумаги. Доклад содержит краткое описание последних путешествий Ливингстона и его пребывания во владениях Касембе и помещается ниже вместо многочисленных заметок, писанных изо дня в день и только повторяющих те же события и наблюдения, но в менее пригодной для чтения форме. Этот доклад особенно ценен тем, что в нем дается география в целом области между озерами Ньяса и Мверу, изложенная с такой широтой, какая невозможна в кратких набросках, вносимых в дневник. (*Прим. ред. англ. издания)*

28

Здесь доклад Ливингстона обрывается. Со временем мы увидим, каким пророческим было его мрачное убеждение, что он должен бояться болот Бангвеоло. (*Прим. ред. англ. издания)*

29

Мунго Парк (1771–1806) – шотландский путешественник по Африке, исследовал реку Нигер. (*Прим. переводчика*)

30

В определенное время высокая трава, покрывающая страну, начинает выгорать от пожаров. В течение целых трех месяцев воздух наполнен дымом. (*Прим. ред. англ. издания)*

31

По-английски это похоже на «дыру для затычки». (*Прим. переводчика*)

32

Непереводимая игра слов: «Dutch lady» и «duchess». (*Прим. переводчика*)